

ТЕПРИ

ПРАТУЧЕТТ

Милана МММ



К ОРУЖИЮ!
К ОРУЖИЮ!

ММММ

Annotation

Слушайте, новобранцы, вам выпала великая честь — вы, всякие этнические меньшинства типа гномов, троллей и женщин, вступаете в Ночную Стражу! А это — ваша дубинка! Вы будете ее есть, ею спать, а когда вам скажут прыгать, вы должны ответить: «Какого цвета?» И еще, в кармане каждого солдата лежат фельдмаршальские пуговицы! А теперь — десять кругов вокруг Анк-Морпорка!

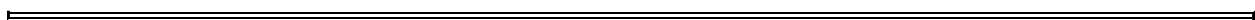
- [Терри Пратчетт](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)



Терри Пратчетт

К оружию! К оружию!

Капрал Моркоу из Городской Стражи Анк-Морпорка (Ночная Смена) сел в ночной рубашке за стол, взял карандаш, посплюнул грифель и начал писать:

«Дорогие мам и пап!

Пишу вам, патаму што случилось Событие, удостоенное Внимания — меня произвели в Капралы!!! Это значит Пять Долларов + к жалованию, а кроме того, мне выдали кожаный колет с целыми двумя нашивками. И новый значок! Это Агромная ответственность!!! А все патаму, што у нас новые рекруты, патаму што патриций, который, как я уже ранее отписывался, является правителем города, недавно сказал, што Городская Стража должна отражать нашу Этнику, нечево накладывать грим на язвы...»

Моркоу задумался на минуту, наблюдая сквозь пыльное окошко спальни за лучами закатного солнца, что неторопливо скользили по речной глади. После чего снова склонился над листом бумаги.

«...Я не совсем До Конца его понимаю, но думаю, это как-то завязано с Косметической Фабрикой Башнеломы Громодава, да и язв у нас нет, мы все чистые. А еще капитан Ваймс, о котором я вам часто отписывался, уходит из Стражи, чтоб жениться и Стать Изысканным Господином, и мы желаем ему только хорошего, он научил меня Всему, Што Я Знаю, не считая того, чему я научился сам. Мы сбросились в складчину, чтобы устроить ему Подарок-Сюрприз, и, верно, купим ему адни из этих новых, недемонических часов, а еще сделаем на крышке надпись: „Часы От Старых Друзей На Часах“ — это завется каламбур или Игра в Слова. Не знаю, кто станет новым капитаном, сержант Колон обещал подать в отставку, если назначат его, што же касается капрала Шноббса...»

Моркоу снова уставился в окно и честно попытался припомнить хоть что-нибудь положительное о капрале Шноббсе.

«...То он, как говорится, на своем Месте, а я в Городской Страже всего ничего. Астается только ждать...»

Как это часто бывает, все началось со смерти. И с похорон, состоявшихся ранним весенним утром, когда туман над землей был настолько густым, что водопадом сливался в могилу, поэтому гроб опускали в плотное, клубящееся облако.

Удобно устроившись на земляном холмике неподалеку, за происходящим безучастно наблюдала маленькая, пыльного цвета дворняга, воплощение всех известных и неизвестных собачьих болезней.

Многочисленные родственницы плакали. Лишь Эдуард, дон Муэрто, не плакал, и на то были три причины. Во-первых, он был старшим сыном — тридцать седьмым доном Муэрто, а благородным донам Муэрто не подобает лить слезы. Кроме того, в его кармане лежал новенький, еще пахнувший краской диплом, свидетельствующий о том, что Эдуард является наемным убийцей, а наемные убийцы не плачут при виде смерти. И в-третьих... Эдуард пребывал не в лучшем расположении духа. На самом деле он был в ярости.

В ярости от того, что вынужден был влезть в долги, чтобы устроить эти более чем скромные похороны. В ярости на погоду, на это кладбище, где обычно хоронили простолюдинов, на то, что слышный здесь городской шум ничуть не изменился, люди продолжали жить как жили. В ярости на историю. Так не должно было случиться.

Это несправедливо...

Он кинул взгляд в сторону нависшей над рекой громады дворца, и гнев его сфокусировался, превратившись в линзу.

Эдуарда послали в школу наемных убийц — единственная возможная карьера для людей, чье социальное положение много выше их умственного развития. Вот если бы его обучили на шута, он придумал бы сатиру и стал распространять о патриции опасные шутки. А если бы его обучили на вора^[1], он бы пробрался во дворец и украл у патриция что-нибудь очень ценное.

Тем не менее... его послали в школу наемных убийц.

В тот день он распродал все, что осталось от наследства донов Муэрто, и вернулся в Гильдию Убийц.

На курсы усовершенствования.

По их окончании Эдуард получил отличные оценки, что случилось впервые за всю историю Гильдии. Даже коллеги старались обходить

Эдуарда стороной, а его наставники поговаривали, мол, за этим парнем нужен глаз да глаз — в смысле, что одним глазом не обойдешься, его легко можно лишиться...

На кладбище одинокий могильщик тихо-мирно засыпал яму, которая стала последним пристанищем старшего дона Муэрто, как вдруг почувствовал некое подобие мыслей в своей голове.

И вот какими они были:

«Гм, как насчет косточки? Ой, о чем это я, в таком-то месте... В общем, забудь. Но у тебя ведь есть бутерброды с говядиной в этой, как ее, коробке для завтраков? Почему бы не поделиться бутербродиком с такой славной собачкой, а?»

Могильщик оперся на лопату и оглянулся.

Пыльного цвета дворняга не сводила с него глаз.

— Гав? — осведомилась она.

Эдуарду потребовались пять месяцев на поиски того, что он искал. Поиски эти изрядно осложнялись тем, что он сам не знал, что именно ищет, и мог узнать это, только когда найдет. Эдуард истово верил в Судьбу — обычная история с такими типами, как он.

Библиотека Гильдии была одной из самых больших в городе. А в определенных областях знаний она была *самой* большой. Области эти в основном касались недолговечности человеческой жизни и способов, эту самую недолговечность обеспечивающих.

Эдуард проводил здесь уйму времени, сидя на верхней ступеньке стремянки и окутанный клубами библиотечной пыли.

Он изучил все известные труды по оружию. Он не знал, что именно ищет, и нашел искомое на полях в остальном очень скучного и не отличающегося точностью трактата, описывающего баллистические свойства арбалетов. Пометки он аккуратно переписал.

Не меньше времени Эдуард посвятил изучению книг по истории. Гильдия Наемных Убийц объединяла людей точных, а такие люди всегда относятся к историческим трудам как к своего рода журналам учета. Книг в библиотеке Гильдии было очень много, была тут и портретная галерея королей и королев^[2], аристократические лица которых Эдуард изучил лучше, чем свое собственное. Он даже обедал в библиотеке.

Потом люди скажут, дескать, Эдуард попал под дурное влияние. Но тайна истории Эдуарда, дона Муэрто, заключалась в том, что никто на него не влиял — если не считать портретов давно почивших правителей Анк-

Морпорка. Он просто попал под влияние самого себя.

Тут требуется некоторое объяснение. Все дело в том, что отдельно взятый индивид по природе своей не является полноценным членом человеческой расы, разве что в сугубо биологическом смысле. Людям необходимо броуновское движение общества — оно кидает нас из стороны в сторону и тем самым постоянно напоминает нам, что мы... э-э... по-прежнему человеки. Тогда как Эдуард устремился по спирали вглубь себя.

И не то чтобы он сам хотел этого. Эдуард всего-навсего отступал на более защищенные рубежи обороны, то есть в свое прошлое, а потом... Потом случилось нечто, перевернувшее все существование Эдуарда. Так меняется мировоззрение какого-нибудь студента, изучающего древних рептилий, когда в собственном аквариуме с золотыми рыбками он вдруг находит самого настоящего плезиозавра.

Однажды после очередных суток, проведенных в обществе героев давно минувших дней, Эдуард вышел на солнечный свет, прищурился с непривычки — и увидел проходящее мимо прошлое. Прошлое вертело головой по сторонам и приветливо кивало людям.

— Эй! Т-ты кто такой? — не сдержавшись, заорал он.

— Капрал Моркоу, сэр, — ответило прошлое. — Ночная Стража. Господин Муэрто, если не ошибаюсь? Чем могу помочь?

— Что? Нет! Нет. Иди, куда шел!

Прошлое кивнуло, улыбнулось и зашагало дальше, в будущее.

Моркоу оторвал взгляд от стены.

«Я потратил три доллара на иконограф. Это такая штука с маленьким демоном внутри, который рисует картинки. Последний Вопль Моды. Засылаю вам картинки моей комнаты и друзей по Страже. Шнобби — этот тот, у которого одна рука забавно согнута в локте, он может показаться Неотесанным Мужланом, но в самом деле сердце у него Златое».

Он снова прервался. Моркоу писал домой не реже раза в неделю — так заведено среди гномов. Моркоу был под два метра ростом, но сначала его растили как гнома и только потом как человека. Литературное творчество давалось новоиспеченному капралу с большим трудом, однако он не отступал.

«Пагода, — выводил он медленно и старательно, — прадалжает быть Очень Горячей...»

Эдуард не поверил собственным глазам. Он пролистал все свои

записи. Потом пролистал их еще раз. Он задавал вопросы и получал ответы — потому что вопросы были достаточно безобидными. И наконец, он провел отпуск в Овцепикских горах. Осторожные расспросы привели его к рудникам гномов, что у Медной горы, а оттуда — к ничем не примечательной поляне в буковом лесу, на которой после нескольких минут раскопок он обнаружил древесный уголь.

Эдуард провел на поляне весь день. А когда на закате он закончил, тщательно прикрыв следы своих раскопок перегнутом, от его сомнений не осталось и следа.

Анк-Морпорк снова обрел короля.

И это было *правильно*. И судьбе было угодно, чтобы Эдуард понял это как раз *тогда*, когда у него появился План. И это было *правильно*, что судьбе было так угодно — город будет *спасен* от своего постыдного настоящего своим же *славным* прошлым. У Эдуарда были *средства* и была *цель*. И так далее... Эдуарда частенько посещали подобные мысли.

Он умел думать курсивом. За такими типами действительно нужен глаз да глаз.

А то и глаз, да глаз, да глаз.

«Меня очень Заинтересовало ваше письмо о том, что какие-то люди прихადили и спрашивали обо мне. Просто Пааразительно. Я в Анк-Морпорке чуть ли не Пять Минут и уже Аславлен.

С радостью узнал о аткрытии Шахты номер 7. Не могу Не Сказать о том, што тоскую по Добрым Старым Временам, хотя и вполне щаслив здесь, на своем нынешнем месте. Иногда, по Выходным, я спускаюсь в подвал и что было сил бью себя по голове топорием, хотя это конечно Не Адно И То Же.

Надеюсь, мое заслание застанет вас в Добром Здравии. С совершенейшим пачтением,

ваш любящий (приемный) сын

Моркоу».

Капрал аккуратно свернул письмо, вложил в него иконографии, капнул воска, запечатал большим пальцем и убрал в карман. Гномья почта славилась своей надежностью. Все больше и больше гномов из Овцепикских гор приезжали работать в город, и многие из них, будучи по-гномьи бережливыми, посылали часть своих заработков домой. О да, на гномью почту можно было положиться, поскольку она надежно охранялась. Гномы весьма неохотно расстаются с золотом, так что любому разбойнику, который посмеет выставить гному требование «Кошелек или жизнь!»,

следует захватить с собой складной стульчик, обед и книгу для чтения, чтобы скоротать время до окончания споров.

Потом Моркоу умылся, облачился в кожаную рубаху, штаны и кольчугу, застегнул нагрудник, сунул под мышку шлем и бодро вышел навстречу тому, что уготовило ему будущее.

Другая комната, совсем в другом месте.

Убогая, с осыпающимися стенами и потолком, провисшим, как кровать толстяка.

Мебель, заполняющая комнатку, была добротной, старинной, но тут она казалась какой-то чужеродной. Такая мебель чаще встречается в гулких залах с высокими потолками, а здесь ей было тесно. Дубовые стулья с высокими спинками. Длинные буфеты. Несколько комплектов рыцарских доспехов. Полудюжине людей, сидевших за огромным столом, явно не хватало места. Собственно, места не хватало даже самому столу.

Где-то в темноте тикали часы.

Тяжелые бархатные шторы были плотно задернуты, хотя солнечный свет еще не покинул небо Плоского мира. От жара уходящего дня и копоти свечей, горящих в «волшебном фонаре», воздух был сперт.

В таинственном полумраке ярко светился огромный экран, демонстрирующий правильный профиль капрала Моркоу Железобетонссона.

Немногочисленные, но весьма избранные зрители смотрели на экран с несколько озадаченным выражением на лицах — как будто вас пригласили в гости, все сначала было так мило, а потом вы вдруг обнаружили, что колода хозяина явно крапленая, но и уходить слишком рано вроде бы неприлично, поскольку вас угостили вкусным обедом...

— Ну и что? — удивился один из зрителей. — Кажется, я встречал его в городе. Эдуард, он всего-навсего стражник.

— Конечно, и это самое главное. Скромное положение в обществе. Полное соответствие классической м-модели. — Эдуард Муэрто подал знак. Новая стеклянная пластина со щелчком сменила предыдущее изображение. — Тогда как вот этот портрет писали уже не с натуры. Король П-па-рагор. Скопирован с одной старинной картины. А это — *щелк!* — король Велтрик III. Тоже копия с картины. А вот королева Альгвинна IV... обратите внимание на линию подбородка. Далее — *щелк!* — семипенсовая монета времен царствования Веблторпа Бессознательного, снова обращаю ваше внимание на детали подбородка и общее строение костей черепа, так, а тут у нас — *щелк!* — ...перевернутое изображение вазы с цветами. Если

не ошибаюсь, это дельфинки. Откуда здесь дельфинки?

— Э-э, прошу прощения, господин Эдуард, у меня оставалась парадная пластинка, а демоны еще не устали, вот я и...

— Дальше, пожалуйста. Потом можешь идти.

— Слушаюсь, господин Эдуард.

— К дежурному палачу.

— Слушаюсь, господин Эдуард.

Щелк!

— А это достаточно неплохое — молодец, Бленкин — изображение бюста королевы Коанны.

— Спасибо, господин Эдуард.

— Однако, как мне кажется, ее *лицо* больше похоже на лицо капрала. Что ж, доказательств достаточно. Бленкин, ты нам больше не нужен, иди.

— Слушаюсь, господин Эдуард.

— П-полагаю, придется расстаться с частью уха.

— Слушаюсь, господин Эдуард.

Слуга почтительно закрыл за собой дверь и, печально качая головой, спустился в кухню. Вот уже многие годы доны Муэрто не могли позволить себе содержать семейного палача. Однако молодой дон отдал приказ, стало быть, ничего не остается, кроме как прибегнуть к обычному кухонному ножу.

Гости ждали, что хозяин заговорит первым, но он, казалось, погрузился в собственные мысли. Впрочем, причина его молчания могла быть совершенно иной — в возбужденном состоянии Эдуард страдал не столько от дефектов речи, сколько от неуместных пауз, словно бы мозг временно выключал рот.

— Ну, — не выдержал наконец один из зрителей, — и к чему все это?

— Вы заметили сходство? Разве оно не очевидно?

— Э-э...

Эдуард Муэрто придвинул к себе кожаную сумку и начал развязывать ремни.

— М-мальчик был усыновлен гномами. Младенцем они нашли его в лесу, в Овцепикских горах. Среди горящих повозок, трупов и всего прочего. Очевидно, на путников напали разбойники. В обломках одной телеги гномы откопали меч. Сейчас он у него. Очень *старый* меч. И крайне острый.

— Ну и что? В мире полным-полно старых мечей. И точильных камней.

— Этот был надежно спрятан — в одной из повозок, но она разбилась

о дерево. Странно, не правда ли? Умнее было бы держать меч под рукой, готовым к применению. Ведь люди ехали п-по лесам, славящимся своими разбойниками. Как бы то ни было, п-потом мальчик вырос, и... судьба распорядилась так, что он с мечом оказался в Анк-Морпорке, где и служит сейчас в Ночной Страже. Я и с-сам с-сначала не п-поверил!

— Но еще это не значит, что...

Эдуард резко вскинул руку, после чего достал из сумки сверток.

— В-видите ли, я осторожно навел справки, и мне удалось отыскать место нападения. Тщательно исследовав землю, я нашел там старые г-гвозди, несколько медных монет, угли... и в-вот это.

Все дружно склонились над столом.

— Похоже на перстень.

— Да, поверхность немного п-потускнела, в противном случае его бы обязательно кто-нибудь з-заметил. Наверное, он тоже был спрятан где-то в повозке. Я отчистил ч-часть перстня. Надпись можно прочитать. Вот иллюстрированная опись королевских ювелирных украшений за 907 год, который приходится на период царствования короля Тиррила. П-позволю себе обратить ваше внимание на обручальное кольцо в нижнем левом углу страницы. Как видите, художник, к счастью для нас, изобразил надпись...

Несколько минут все рассматривали картинку. Собравшиеся здесь отличались врожденной подозрительностью. Они были потомками людей, которые выжили именно благодаря абсолютной подозрительности и полной паранойе.

Потому что они были аристократами. Каждый из них знал, как звали его или ее пра-пра-прадедушку и от какой именно болезни он умер.

Только что они съели не слишком вкусное угощение, которое, правда, включало в себя старинные, заслуживающие самого пристального внимания вина, но пришли они сюда только потому, что хорошо знали отца Эдуарда; кроме того, Муэрто были старинным родом, пусть и оказавшимся в стесненных обстоятельствах.

— Итак, — гордо объявил Эдуард, — доказательства неоспоримы. Теперь у нас есть король!

Зрители упорно избегали смотреть друг другу в глаза.

— Я полагал, — продолжил Эдуард, — вы будете д-довольны.

В итоге общее мнение высказал лорд Ржав. Во взгляде его аристократически-голубых глаз не было и намек на жалость, поскольку она не являлась важнейшей для выживания чертой характера. Впрочем, иногда можно позволить себе немножечко доброты...

— Эдуард, — успокаивающе промолвил он, — последний король Анк-

Морпорка умер много веков назад.

— Был к-казнен изменниками!

— И пусть даже вдруг объявится его потомок... Ты не боишься, что по прошествии стольких лет королевская кровь окажется, э-э, несколько жидковатой?

— Королевская к-кровь не может быть *жидковатой*!

«Ага... — подумал лорд Ржав. — Значит, вот мы какие. Похоже, молодой Эдуард искренне полагает, что прикосновение королевского перста способно исцелить от золотухи, словно бы королевская кровь является неким эквивалентом серной мази. И, даже встав перед перспективой утопить Анк-Морпорк в море крови, Эдуард переплывет это море, лишь бы усадить на трон законного короля, ибо нет поступка слишком подлого, когда речь идет о защите короны. О да, истинный романтик...»

А вот лорд Ржав романтиком не был. Ржавы неплохо приспособились к жизни в постмонархическом Анк-Морпорке, покупая и продавая, сдавая в аренду и налаживая связи, — в общем, занимаясь тем, чем обычно занимаются все аристократы, то есть держат нос по ветру и выживают.

— Возможно, — произнес он ласковым голосом, которым обычно уговаривают человека отойти от края пропасти, — но мы должны задать себе резонный вопрос: а нужен ли Анк-Морпорку король? Сейчас, в наши дни?

Эдуард воззрился на него как на сумасшедшего.

— Нужен ли?! — завопил он. — *Нужен ли?!* Наш славный город чахнет под пятой тирана, а вы...

— О, ты имеешь в виду Витинари?

— Неужели вы не видите, что он сделал с городом?!

— Весьма неприятный, зазнавшийся выскочка, — подтвердила леди Силация, — но не могу сказать, что он действительно угнетает и *терроризирует* население. Гм, да, не сказала бы.

— Наоборот, — вмешался виконт Скаток, — надо отдать ему должное, он заставил город работать. Более или менее. Простолюдины и прочий сброд хоть что-то делают.

— На улицах стало куда безопаснее, чем при лорде Капкансе Психопатическом, — напомнила леди Силация.

— Без-зопасней? Витинари учредил Гильдию Воров! — закричал Эдуард.

— Да, и это достойно порицания, несомненно. Но, с другой стороны, скромный годовой взнос, и по улицам можно ходить спокойно, не опасаясь,

что тебя...

— Как он всегда повторяет, — встрял лорд Ржав, — и в этом есть здравый смысл: если преступность неизбежна, то пусть она хотя бы будет организованной.

— По-моему, — опять вмешался виконт Скаток, — Гильдии терпят его только потому, что любой другой правитель может оказаться куда хуже. У нас уже были, э-э, неприятные правители. Помните лорда Ветруна Маниакального?

— А лорда Гармони Ненормального? — добавил лорд Монплезир.

— А лорда Шпателя Смеющегося? — спросила леди Силация. — Последний просто обожал *острые* шуточки.

— Впрочем, нельзя не признать, — начал было лорд Ржав, — в Витинари действительно есть что-то не совсем...

— Да, да, абсолютно с тобой согласен, — перебил его виконт Скаток. — Мне это тоже не нравится. Отвратительная черта. Ты и подумать еще не успел, а он уже знает, о чем ты думаешь.

— Всем известно, что за голову патриция наемные убийцы потребовали плату в миллион долларов, — сказала леди Силация. — Его убийство обойдется крайне дорого.

— Почему-то мне кажется, — пожал плечами лорд Ржав, — гораздо больше денег уйдет на то, чтобы он так и остался мертвым.

— О боги! А как же гордость? Как же честь?!

Все заметно вздрогнули, когда последний дон Муэрто неожиданно вскочил со своего стула.

— Да вы сами послушайте, что несете! И посмотрите на себя со стороны! Найдется ли среди вас хоть один, чья семья сохранила бы прежнее величие? Неужели вы не помните, кем были ваши предки?

Он быстро обежал стол, и все как по команде повернули головы, не спуская с него глаз.

— Вот ты, лорд Ржав! — Эдуард сердито ткнул пальцем. — Твоему предку присвоили т-титул барона за то, что он в одиночку уложил тридцать семь клатчцев, вооруженный лишь б-булавкой!

— Да, но...

— А ты, лорд Монплезир! Ваш первый герцог, возглавив армию из шестисот солдат, потерпел славное, эп-пическое поражение в Щеботанской битве! Неужели это ничего для тебя не значит? А ты, лорд Вентурия, и ты, сэр Джордж... вы сидите в своих старых домах на своих старых деньгах, в то время как Гильдии... *Гильдии!* Подонки, выходцы из торгашей и купцов! О да, эти Гильдии обладают правом голоса в управлении городом!

Двумя прыжками он подлетел к книжному шкафу и швырнул толстый том в кожаном переплете на стол, опрокинув при этом бокал лорда Ржав.

— Узнаете? Да, это «Книга Пэров Твурпа»! — закричал он. — И в ней каждому из нас посвящена страница! Мы ей владеем! А этот человек, он как будто зачаровал вас! Уверяю, он обычный смертный, из плоти и крови! А вы все равно боитесь, дрожите за собственные шкуры — а вдруг все станет еще хуже?! О боги!

Лица гостей мрачно вытянулись. Конечно, все сказанное было чистой правдой... да, ситуацию можно было преподнести и таким образом. Но выслушать нечто подобное от какого-то напыщенного молодчика с безумным взором — это тем более обидно.

— О да, старые добрые времена. Высокие шпили, боевые знамена, рыцарство и так далее, — кивнул виконт Скаток. — Дамы в остроконечных шляпах. Парни в доспехах, рубящие друг друга в капусту, и все прочее. Но, понимаешь ли, мы должны двигаться в ногу со временем и...

— Это был золотой век, — перебил Эдуард.

«О боги, — подумал лорд Ржав. — Он действительно в это верит».

— Видишь ли, мой милый мальчик, — покачала головой леди Силация, — случайное сходство и ювелирное украшение — это еще не все. Нужно еще кое-что...

— А моя нянюшка рассказывала, — встрял виконт Скаток, — что раньше из камней торчали мечи, так вот, только истинный король мог вытащить их... Мечи в смысле...

— Ха! И одно королевское прикосновение навсегда избавляло вас от перхоти, — подхватил лорд Ржав. — Это всего лишь легенда. Вымысел. Да и сказать по чести, эта история всегда меня несколько озадачивала. Что такого сложного в том, чтобы вытащить из камня какой-то там меч? Ведь самая трудная работа уже проделана. По-моему, стоило бы поискать человека, который этот меч туда засунул.

Все облегченно рассмеялись. Этот смех особенно врезался в память Эдуарда. Смеялись не над ним, но Эдуард был из тех людей, кто всегда принимает смех на свой счет.

Спустя десять минут Эдуард Муэрто остался в полном одиночестве.

Отговорки, жалкие отговорки. Двигаться в ногу со временем! Он ожидал от них большего. Гораздо большего. Даже смел надеяться, что его пример воодушевит всех. Он уже видел себя во главе армии...

Почтительно шаркая, вошел Бленкин.

— Я всех проводил, господин Эдуард.

— Спасибо, Бленкин. Можешь убрать со стола.

- Слушаюсь, господин Эдуард.
- Бленкин, а как же честь? Куда она девалась?
- Не знаю, господин, я не брал.
- Они даже не стали меня слушать...
- Да, господин.
- Не стали с-слушать...

Эдуард сел возле угасающего огня и в который раз открыл зачитанный до корки экземпляр Бедрогрызских «Престолонаследий Анк-Морпорка». Мертвые короли и королевы взирали на него с укоризной.

И на этом все могло бы закончиться. На самом деле в миллионах вселенных так оно и произошло. Эдуард Муэрто постарел, его одержимость превратилось в своего рода книжное безумие, предполагающее ношение перчаток с отрезанными пальцами и шлепанцев, — он стал настоящим экспертом по вопросам королевской власти, но никто об этом даже не догадывался, потому что Эдуард редко покидал свои комнаты. Капрал Моркоу стал сержантом Моркоу и в возрасте семидесяти лет, когда пробил его час, погиб на посту в результате абсолютно нелепого несчастного случая, в котором был замешан муравьед.

В миллионах вселенных младшие констебли Дуббинс и Детрит не провалились в яму. В миллионах вселенных Ваймс так и не нашел комплект загадочных трубочек. (В одной крайне извращенной, но теоретически возможной вселенной штаб-квартира Ночной Стражи была перекрашена в пастельные тона съехавшим с катушек смерчем, который также отремонтировал дверную защелку и выполнил в помещении несколько других, не менее странных работ.) В миллионах вселенных стражники потерпели неудачу.

В миллионах вселенных данное повествование очень быстро подошло к концу.

Эдуард задремал с книгой на коленях, и ему приснился сон. Ему приснилась славная борьба. Прилагательное «славный» было еще одним важным словом в его личном словаре помимо «чести».

Если изменники и бесчестные люди не желают видеть истину, тогда он, Эдуард Муэрто, станет указующим перстом Судьбы.

Однако основная проблема заключалась в том, что Судьба зачастую не смотрит, куда сует свой перст.

Капитан Сэм Ваймс из Городской Стражи Анк-Морпорка (Ночная Смена), облаченный в свой лучший плащ, в начищенном до блеска нагруднике, положив шлем на колени, сидел в продуваемой всеми

сквозняками приемной и ждал аудиенции патриция.

Он тупо смотрел на стену.

«Ты должен чувствовать себя счастливым», — говорил он себе. И чувствовал себя таковым. В некотором роде. Определенно. Счастливым как никогда.

Через несколько дней он женится.

Перестанет быть стражником.

Будет вести жизнь праздного господина.

Капитан Ваймс снял свой значок и рассеянно потер его об полу плаща. Потом поднял так, чтобы свет отразился от покрытой благородной патиной поверхности. «ГСМ № 177». Интересно, иногда думал он, сколько стражников носили этот значок до него?

Вскоре значку предстояло в очередной раз сменить хозяина.

Это — Анк-Морпорк, «Горад Тысячи Сюрпризов» (как он называется в периодическом рекламном буклете-путеводителе, выпускаемом Гильдией Купцов и Торговцев). Что еще тут добавить? Разве что следующее: это, кроме всего прочего, беспорядочно растущий метрополис, приютивший миллион людей, крупнейший на всем Плоском мире, раскинувшийся вдоль обоих берегов Анка, реки настолько грязной, что иногда создается впечатление, будто она течет вверх дном.

«Но как он существует? — может изумиться приезжий. — Что его поддерживает? Откуда поступает питьевая вода, если воду из реки, прежде чем проглотить, нужно хорошенько прожевать? Что является основой городской экономики? И как так случилось, что этот город, вопреки всему, *работает?*»

Хотя на самом деле приезжие редко интересуются подобными мелочами. Обычно они задают несколько иные вопросы, типа: «Э-э, не подскажете, как пройти к, ну, знаете... к молоденьким дамочкам?»

Однако если бы гости города хоть иногда думали головой, а не кое-чем другим, то все вышеприведенные вопросы наверняка заинтерговали бы их.

Патриций Анк-Морпорка откинулся на спинку самого обычного стула, и на лице его заиграла бодрая улыбка крайне занятого человека, который на исходе полного событий дня вдруг увидел в своем графике напоминание: «19.00–19.05. Быть веселым и раскованным, улыбаться людям».

— Разумеется, я крайне опечалился, получив твое письмо, капитан...

— Так точно, сэр, — откликнулся Ваймс, лицо которого было сейчас более деревянным, чем целый мебельный склад.

— Прошу, капитан, присаживайся.

— Так точно, сэр. — Ваймс остался стоять. Из гордости.

— Но я тебя прекрасно понимаю. Насколько мне известно, земельные владения Овнецов довольно обширны. Уверен, госпожа Овнец высоко оценит твою сильную правую руку.

— Сэр? — В присутствии правителя города капитан Ваймс всегда концентрировал свой взгляд на точке футом выше и шестью дюймами левее его головы.

— И ты станешь весьма состоятельным человеком, капитан.

— Так точно, сэр.

— Надеюсь, ты все обдумал? У тебя ведь появятся новые обязанности.

— Так точно, сэр.

До патриция наконец дошло, что, по сути дела, в разговоре участвует он один. Лорд Витинари раздраженно передвинул на столе несколько бумажек.

— Кроме того, придется назначить нового старшего офицера Ночной Стражи, — продолжил он. — Есть какие-нибудь предложения, капитан?

Ваймс разом спустился с облаков, в которых только что витал. Вопрос касался *работы*.

— Только не Фреда Колона... Он — прирожденный сержант.

Сержант Колон из Городской Стражи Анк-Морпорка (Ночная Смена) обвел взглядом жизнерадостные лица новобранцев.

Он вздохнул. И вспомнил свой первый день. Старого сержанта Вымблера. Вот дикий был человек! Язык как кнут! Если бы старик дожил до нынешних дней...

Как же это называется? Ах да. Конструктивный подход к процедуре набора новобранцев — или нечто вроде. Комиссия по Правам Троллей нажала на патриция, и вот...

— Так, еще одна попытка, младший констебль Детрит, — сказал он. — Фокус в том, чтобы остановить руку чуть выше уха. Вставай с пола и попытайся отдать честь еще раз. Гм, да... Младший констебль Дуббинс?

— Здесь!

— Где?

— Прямо перед тобой, сержант.

Колон опустил взгляд и отступил на шаг. Из-под его более чем полного живота появилось задрванное вверх лицо — с выражением крайней услужливости и одним стеклянным глазом. Лицо принадлежало младшему констеблю Дуббинсу.

— Надо же...

— На самом деле я выше, чем кажусь.

«О боги! — устало подумал сержант Колон. — Если их сложить и разделить пополам, получится два нормальных человека, правда нормальные люди в Стражу не записываются. Тролль и гном. И это еще не самое плохое...»

Ваймс забарабанил пальцами по столу.

— Только не Колон, — повторил он. — Он уже не молод. Большую часть времени проводит в штаб-квартире, занимается всякой бумажной работой. Кроме того, у него и так полон рот...

— Должен заметить, — перебив его, хмыкнул патриций, — судя по фигуре сержанта, рот у него всегда полон.

— Я хотел сказать, у него полон рот хлопот. Новобранцы, — многозначительно пояснил Ваймс. — Помните, сэр?

«Тех, что ты мне навязал, — добавил он про себя. — В Дневную Стражу их никогда не взяли бы. И эти сволочи из Дворцовой Стражи мигом погнали бы их вшаей. О нет. Припишите новичков к ночным стражникам, над которыми и так весь город смеется, кроме того ночью „новобранцев“ никто не увидит. По крайней мере, никто из так называемых отцов города».

Ваймс согласился принять новобранцев только потому, что знал: скоро эта проблема ляжет на другие плечи.

Не то чтобы он был видистом, то есть видоненавистником, просто считал, что Стража — это работа для настоящих людей.

— А как насчет капрала Шноббса? — спросил патриций.

— Шнобби?

Оба мысленно представили капрала Шноббса.

— Нет.

— Нет.

— Есть еще капрал Моркоу. — Патриций улыбнулся. — Прекрасный молодой человек. Уже заслужил доброе имя, насколько мне известно.

— Это... да, — неуверенно произнес Ваймс.

— Может, стоит продвинуть его по службе? Что посоветуешь?

В голове Ваймса возник образ капрала Моркоу...

— Это, — сказал капрал Моркоу, — Пупсторонние ворота. Ворота ко всему городу. К городу, который мы охраняем.

— От кого? — тут же спросила младший констебль Ангва, последняя из новобранцев.

— Ну, понимаешь... От варварских орд, воинственных племен, армий захватчиков... От всего такого.

— Что?! Мы одни?

— Одни? О нет! — Моркоу рассмеялся. — Это было бы глупо! Нет, конечно нет, но если заметишь каких-нибудь подозрительных варваров, принимайся звонить в колокольчик и как можно громче.

— И что тогда?

— Сержант Колон, Шнобби и все остальные примчатся на помощь со всех ног.

Младший констебль Ангва осмотрела туманный горизонт.

И улыбнулась.

Моркоу покраснел.

Основные ритуалы, исполняемые Ночной Стражей, младший констебль Ангва освоила с первой же попытки. Правда, обмундирование ей еще не выдали — и не выдадут, пока кто-нибудь не отнесет, э-э, давайте называть вещи своими именами, *нагрудник* к оружейнику Ремитту и не попросит его сделать большие выпуклости *вот тут* и *тут*. Кроме того, ни один шлем в мире не смог бы полностью скрыть эту копну пепельного цвета волос. Впрочем, как считал капрал Моркоу, обмундирование Ангве и не понадобится — люди и так будут выстраиваться в очередь и умолять, чтобы она их арестовала.

— Ну, куда теперь? — спросила она.

— Пора следовать в штаб-квартиру, — пожал плечами Моркоу. — Сержант Колон должен зачитать вечернюю сводку.

Мастерством следовать куда-либо констебль Ангва овладела очень быстро. Все без исключения патрульные офицеры во всей множественной вселенной ходят исключительно этой походкой, не иначе — небольшой подъем ступни, размеренное движение ноги, и так час за часом, улица за улицей. Младшему констеблю Детриту еще только предстояло освоить эту науку — но сначала он должен был научиться не сбивать себя с ног, отдавая честь.

— Сержант Колон — это такой толстый, да? — уточнила Ангва.

— Именно так.

— А где он взял ту ручную обезьяну?

— Ты, наверное, имеешь в виду капрала Шноббса? — осторожно осведомился Моркоу.

— Так он — человек? А что у него с лицом? Он выглядит так, словно кто-то долго играл на нем в «крестики-нолики».

— Э-э, его вечная проблема, прыщи. Бедняга, и что только он с ними

не делал. Когда Шнобби смотрится в зеркало, к нему лучше не подходить.

Людей на улицах почти не было. Жара стояла жуткая — даже по меркам анк-морпоркского лета. Буквально все вокруг полыхало жаром. Река сонно ворочалась на дне русла, как студент в одиннадцать часов утра. Люди, у которых срочных дел не было, прятались в подвалах и наружу появлялись только по ночам.

Моркоу, покрытый легким слоем честного трудового пота, с видом собственника шествовал по жарившимся на солнце улицам, обмениваясь приветствиями с редкими прохожими. Моркоу знали буквально все — его трудно было с кем-либо спутать. Копна огненно-рыжих волос и два метра росту несколько выделяют тебя из толпы. Кроме того, Моркоу шагал так, словно весь город принадлежал ему одному.

— А что это был за тип с каменным лицом, ну там, в штаб-квартире? — продолжила свои расспросы Ангва, пока они следовали по Брод-авеню.

— Троль Детрит, — откликнулся Моркоу. — Раньше он был, э-э, немного преступником, но потом влюбился в Рубину, а она настояла на том, чтобы...

— Да нет, другой, — перебила его Ангва, поняв, что Моркоу испытывает определенные трудности с метафорами. — Который выглядел так... словно его пыльным мешком стукнули, — использовала она сравнение попроще.

— А, капитан Ваймс. Просто жарко, пыль повсюду, а так он обычно следит за собой. Ха, хотел бы я посмотреть на того, кто осмелится стукнуть мешком, тем более пыльным, нашего капитана! А вообще, в конце недели он уходит в отставку и женится.

— Что-то я не заметила, чтобы он особо этому радовался, — хмыкнула Ангва.

— Ничего не могу сказать.

— Мне показалось, от новых стражников он тоже не в восторге.

Еще одной чертой характера капрала Моркоу была полная неспособность врать.

— Видишь ли, ему не сильно нравятся тролли. Мы целый день слова не могли из него вытянуть, когда он узнал, что мы берем на службу тролля. А потом нам еще пришлось взять гнома — чтобы не начались беспорядки. Я сам гном, правда местные гномы считают иначе.

— А по тебе не скажешь, — Ангва смерила его критическим взглядом.

— Я был усыновлен.

— Но я-то не троль и не гном, — мягко заметила Ангва.

— Да, но ты — же...

Ангва резко остановилась.

— Так вот в чем дело?! О боги! На дворе век Летучей мыши! Неужели он...

— Капитан немного старомоден.

— Закошенный тип!

— Патриций сказал, что в Страже должны быть представлены все видовые меньшинства, — попытался объяснить Моркоу.

— Меньшинства?!

— Прости. Да и все равно — несколько дней, а потом капитан уйдет и...

С противоположной стороны улицы донесся шум. Они повернулись и успели заметить некую серую фигуру, выскочившую из таверны и помчавшуюся вверх по улице; следом за человечком, отставая всего на несколько шагов, мчался толстяк в переднике.

— Стой! Стой! Ограбление! Нелицензированное ограбление!

— А, — вздохнул Моркоу.

Он направился через улицу, Ангва последовала за ним. Толстяк, очевидно устав, перешел на шаг вразвалку.

— Доброе утро, господин Фланнель, — поздоровался Моркоу. — Неприятности?

— Он забрал целых семь долларов, а когда я попросил его предъявить воровскую лицензию, негодяй взял и сбежал! — завопил Фланнель. — Сделайте же что-нибудь! Я исправно плачу налоги!

— Буквально через мгновение мы бросимся в погоню, — успокоил его Моркоу, доставая блокнот. — Значит, семь долларов, я правильно понял?

— Вообще-то, все четырнадцать.

Господин Фланнель оглядел Ангву с головы до ног. Мужчины редко упускали такую возможность.

— А почему на ней шлем? — удивился он.

— Это один из наших новобранцев, господин Фланнель, — пояснил Моркоу.

Ангва улыбнулась, а господин Фланнель невольно отступил на шаг.

— Но она ведь...

— Мы должны двигаться в ногу со временем, господин Фланнель, — сказал Моркоу, убирая блокнот.

Господин Фланнель вспомнил о наболевшем.

— Я лишился целых восемнадцати долларов и вряд ли когда-нибудь их увижу! — рявкнул он.

— О, господин Фланнель, право, отчаиваться не стоит, — попытался подбодрить его Моркоу. — Констебль Ангва, за мной. Следуем согласно новому плану.

Он проследовал прочь. Фланнель проводил их безумным взглядом и широко открытым ртом.

— Не забудьте о моих двадцати пяти долларах! — проорал он им в спины.

— Тот парень, он же убегает! Мы будем за ним гнаться или нет? — поинтересовалась Ангва, переходя на бег, чтобы не отстать от широко шагающего капрала.

— Зачем? — пожал плечами Моркоу, сворачивая в переулок такой узкий, что человек неопытный принял бы его за обычную щель между домами.

Они принялись протискиваться между двумя влажными, поросшими мхом стенами, никогда не видевшими солнечного света.

— Что интересно, — продолжил Моркоу. — Готов поспорить, немногие знают, что с Брод-авеню можно попасть на Зефирную улицу. Спроси кого угодно, и тебе скажут, что Рубашечный переулок — это тупик. Но пройти все-таки можно — нужно свернуть на Мормскую улицу, протиснуться между этими решетками в Урчащую аллею — хорошие решетки, из очень хорошего железа, — и вот мы уже в Некогда-переулке...

Он дошагал до конца переулочка, остановился и прислушался.

— Чего мы ждем? — удивилась Ангва.

Послышались чьи-то торопливые шаги. Моркоу прислонился к стене и высунул руку на Зефирную улицу. Раздался мягкий удар. Рука Моркоу даже не шелохнулась. Человек словно наткнулся на балку.

Стражники опустили глаза на бесчувственную фигуру. Серебряные доллары раскатились по булыжной мостовой.

— Вот те на, вот те на... — пробормотал Моркоу. — Все тот же бедолага Здесь-И-Сейчас. Он же *обещал* завязать. О боги...

Он схватил тело за ногу.

— Пересчитай монеты, — попросил он.

— Да тут всего доллара три, — удивилась Ангва.

— Молодец. Все точно.

— Но таверщик сказал, что...

— Пошли. Возвращаемся в штаб. И ты пошли, Здесь-И-Сейчас, сегодня тебе крупно повезло.

— Почему? — не поняла Ангва. — Его же *поймали*!

— Да. Но поймали его мы, а не Гильдия Воров. Они в отличие от нас

не столь милосердны.

Голова Здесь-И-Сейчас запрыгала по булыжникам.

— Стащил три доллара и сразу же помчался домой, — со вздохом произнес Моркоу. — В этом весь Здесь. Самый неудачливый воришка на всем Плоском мире.

— Но ты же говорил, что Гильдия Воров...

— Ничего, ничего, со временем ты сама разберешься, что тут к чему, — успокоил ее Моркоу. Голова Здесь-И-Сейчас ударилась о поребрик. — Непонятно как, но все работает. Просто поразительно! Работает. Хотя не должно.

* * *

Пока, следуя в тюремную камеру, Здесь-И-Сейчас получал легкое сотрясение мозга, клоуна убивали.

Тот брел по переулку с уверенностью человека, исправно платящего налоги в Гильдию Воров, когда на пути его вдруг объявилась фигура в плаще и с накинутым на голову капюшоном.

— Бино?

— О, привет... Эдуард, ты?

Фигура замерла.

— А я как раз возвращался в Гильдию, — продолжил Бино.

Фигура в плаще кивнула.

— С тобой все в порядке? — участливо осведомился Бино.

— Мне очень ж-жаль, — запинаясь, произнесла фигура. — Но это во благо города. Н-ничего личного.

Он шагнул клоуну за спину. Бино почувствовал, как что-то хрустнуло, и его внутренняя вселенная вдруг выключилась.

Потом он сел.

— Ой, — сказал Бино. — Больно же...

Хотя больно уже не было.

Эдуард Муэрто смотрел на него с выражением ужаса на лице.

— О... Извини, я правда не хотел! Это нужно было, мне пришлось, ведь ты стоял на дороге к светлому будущему...

— А что, попросить отойти в сторонку нельзя? Обязательно сразу бить по башке?

Затем Бино внезапно осознал, что Эдуард смотрит совсем не на него и разговаривает вовсе не с ним.

Он опустил взгляд, и тут его охватило странное чувство, посещающее, как правило, всех недавно усопших, — сначала он испытал ужас при виде себя, лежащего на земле, после чего у него возник мучительный вопрос: если он лежит на земле, то кто тогда стоит над ним, лежащим на земле?

— ТУК-ТУК.

Он поднял взгляд.

— Кто там?

— СМЕРТЬ.

— Какой-такой Смерть?

В воздухе чувствовалась прохлада. Бино ждал. Эдуард в отчаянии бил его по щекам, вернее по тому, что совсем недавно было его щеками.

— ХМ, ЗАБАВНО... МОЖЕТ, НАЧНЕМ РАЗГОВОР ЗАНОВО? Я КАК-ТО НЕ УЛОВИЛ СМЫСЛА.

— Что-что? — не понял Бино.

— Прости м-меня! — простонал Эдуард. — Я не хотел!

На глазах у Бино убийца куда-то потащил его... прежнее тело.

— Ничего личного... — пробормотал Бино. — Хотя за это спасибо. Честно говоря, я бы не пережил, если бы меня убили по каким-то там *личным* мотивам.

— ПОНИМАЕШЬ ЛИ, МНЕ ПОСОВЕТОВАЛИ ПРОЯВЛЯТЬ ИНОГДА ЧУТЬ БОЛЬШЕ *ЧЕЛОВЕЧНОСТИ*.

— Но почему? Я-то думал, мы чудесно ладим. Знаешь, человеку моей профессии так трудно найти друзей. Твоей, наверное, тоже.

— НЕ СВАЛИВАТЬСЯ КЛИЕНТАМ НА ГОЛОВУ, А ДОНОСИТЬ ИМ ВЕСТЬ ПО ВОЗМОЖНОСТИ МЯГКО.

— Идешь себе спокойненько по переулку, и вдруг — бац! Ты мертв. Почему? Как?

— СЧИТАЙ, ТЫ ПРОСТО ПЕРЕШЕЛ В ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

Тень клоуна Бино повернулась к Смерти.

— Что ты там несешь?

— ТЫ УМЕР.

— Да знаю я, знаю.

Бино постепенно успокоился. Мир стремительно терял к нему всякое отношение, поэтому и Бино перестал волноваться насчет событий, которые происходили уже не с ним. Типичная реакция: сначала — некоторое замешательство, после чего — абсолютное спокойствие. В конце концов, худшее уже случилось. Ну а дальше... как повезет.

— НЕ СОБЛАГОВОЛИШЬ ЛИ ПОСЛЕДОВАТЬ ЗА МНОЙ?

— А там тоже будут всякие торты с заварным кремом? Красные носы?

Жонглирование? Должен тебе признаться, ненавижу широкие штаны...

— НИЧЕГО ПОДОБНОГО ТАМ НЕТ.

Большую часть своей короткой жизни Бино был клоуном. По его заgrimированному лицу расплзлась мрачная улыбка.

— И это здорово.

Встреча Ваймса с патрицием закончилась так, как заканчиваются все подобные встречи: гость уходит, преследуемый смутным, но мучительным подозрением, что совсем недавно он едва-едва не расстался с жизнью.

Ваймс устало потащился к своей невесте. Найти которую было несложно.

Вывеска над огромными двухстворчатыми воротами на Морфической улице гласила: «Здесь Водятся Драконы».

А на бронзовой табличке рядом с воротами было выбито: «Санаторий Госпожи Овнец Для Тяжело Больных Драконов».

Рядом стоял очень маленький и трогательный дракончик из папье-маше, прикованный к стене толстой цепью и сжимающий в лапках коробку для пожертвований с крайне трогательной надписью: «Не Дай Моему Пламени Пагаснуть».

Именно здесь госпожа Сибилла Овнец проводила почти все свое время.

Насколько Ваймсу было известно, она являлась самой богатой женщиной Анк-Морпорка. На самом деле она была богаче всех прочих женщин Анк-Морпорка вместе взятых.

«Странный будет брак», — поговаривали в народе. К людям, занимавшим высшее положение в обществе, Ваймс всегда относился с едва скрываемой неприязнью — от женщин у него болела голова, а при виде мужчин чесались кулаки. Сибилла Овнец была последней представительницей древнейшего рода Анка. Она и капитан оказались вместе, как веточки в водовороте, и подчинились стихии...

Ваймс, когда был совсем маленьким мальчиком, думал, что богачи едят с золотых тарелок и живут в мраморных дворцах.

Но потом он узнал много нового, а именно: очень, *очень* богатые люди могут позволить себе быть бедными. Сибилла Овнец вела крайне скромный образ жизни, доступный лишь *невероятно* богатым людям. Это был своего рода подход к бедности с другой стороны. Обычные хорошо обеспеченные дамы копили деньги, на которые потом покупали платья, отороченные кружевами и украшенные жемчугом, в то время как госпожа Овнец была настолько богата, что могла позволить себе топтать по дворцу в резиновых

сапогах и твидовой юбке, доставшейся ей в наследство от матери. Она была настолько богата, что могла питаться пресными крекерами и бутербродами с сыром. И была настолько богата, что занимала в своем особняке всего три комнаты; прочие же комнаты (в количестве тридцати одной) оккупировала очень дорогая и очень *старая* мебель, закрытая чехлами от пыли.

Знакомство с Сибиллой заставило Ваймса взглянуть на богатых людей с другой стороны: они были так богаты именно потому, что свели свои траты к минимуму.

Взять, к примеру, башмаки. Он получал тридцать восемь долларов в месяц плюс довольствие. Пара действительно хороших башмаков стоила пятьдесят долларов. А пара *доступных по средствам* башмаков, которых хватало на сезон или два, пока не изнашивался подметочный картон, после чего они начинали течь как сито, стоила десять долларов. Именно такие башмаки Ваймс покупал и носил до тех пор, пока их подошвы не становились настолько тонкими, что даже в самую туманную ночь он легко мог определить, на какой улице Анк-Морпорка находится, лишь по ощущению булыжников под ногами.

Хорошие башмаки служат долгие годы — вот в чем дело. У человека, который может позволить себе выложить за пару башмаков целых пятьдесят долларов, ноги остаются сухими и через десять лет, тогда как бедняк, у которого просто нет денег и который покупает самую дешевую обувь, за тот же период времени тратит на башмаки сотню долларов — *и все равно ходит с мокрыми ногами*.

В этом и заключалась «Башмачная» теория социально-экономической несправедливости, разработанная капитаном Сэмюелем Ваймсом.

Сибилле Овнец ничего не нужно было покупать. Особняк, в котором она жила, был по самую крышу набит прочной, качественной мебелью, приобретенной еще ее предками. Такая мебель способна простоять целую вечность. Шкафчики госпожи Овнец буквально ломились от всяческих драгоценностей — такое впечатление, будто Овнецы веками коллекционировали дорогие безделушки. А в винном погребе мог исчезнуть без следа целый полк спелеологов.

В общем, госпожа Сибилла Овнец как сыр в масле каталась — и в то же время тратила она вдвое меньше Ваймса. Правда, очень много средств уходило на драконов — что есть, то есть.

У «Санатория Для Тяжело Больных Драконов» были очень, очень толстые стены и очень, очень легкая крыша. Этот особый архитектурный стиль можно встретить только на фабриках по производству фейерверков.

А объяснялось все очень просто: естественное состояние обычного болотного дракона — это хроническая болезнь, а естественное состояние нездорового дракона — это пребывание онго в виде тонкой пленки на стенах, потолке и полу того помещения, в котором нездоровому дракончику довелось оказаться. Дракон болотный представляет собой нестабильную химическую фабрику, которую отделяет от гибели всего один шаг. Очень короткий шаг.

В ученых кругах бытует мнение, что привычка болотного дракона взрываться, когда он сердится, перевозбуждается, пугается чего-либо или же просто пребывает в тоске, является своеобразным методом борьбы за выживание^[3], необходимым для отпугивания хищников. Съешьте дракона — и вам обеспечено такое расстройство желудка, что вокруг вас впору очерчивать зону поражения.

Поэтому Ваймс, открывая дверь, соблюдал крайнюю осторожность. Его сразу же окутал запах драконов. Этот запах был необычным даже по анк-морпоркским стандартам — он вызывал в сознании Ваймса картину пруда, в который долгие годы сбрасывали алхимические отходы и который потом осушили.

В клетках, расставленных по обе стороны от прохода, свистели и вопили болотные дракончики. Несколько случайных языков пламени опалили Ваймсу брови.

Сибиллу Овнец он нашел в обществе молодых женщин в бриджах, помогавших ей управлять санаторием. Обычно помощниц звали Сарами или Эммами, и выглядели они совершенно одинаково. Сейчас госпожа Овнец и ее помощницы боролись с чем-то крайне похожим на разгневанный мешок. Услышав шаги, Сибилла подняла взгляд.

— А вот и Сэм, — объявила она. — Будь лапочкой, поддержи, а?

Мешок мигом оказался у него в руках. В тот же самый момент сквозь днище продрался коготь и со скрежетом впился в форменный нагрудник, намереваясь проверить состояние капитанских кишок. С другой стороны высунулась голова с шипастыми ушами. Два ярко горящих красных глаза воззрились на Ваймса, а из усеянной зубами пасти вырвалось зловонное облако дыма.

Госпожа Овнец с торжествующим видом схватила дракончика за нижнюю челюсть, а другую руку засунула по локоть ему в горло.

— Попался! — Она повернулась к Ваймсу, который так и не успел оправиться от шока. — Этот дьяволенок не хочет принимать известняковые таблетки. Глотай. *Глотай, говорю!* Вот хороший мальчик. Можешь отпустить.

Мешок выскользнул из рук Ваймса.

— Тяжелый случай беспламенных колик, — пояснила госпожа Овнец. — Надеюсь, мы успели вовремя...

Дракон выбрался из мешка и заозирался по сторонам, явно собираясь что-нибудь или кого-нибудь испепелить. Все, включая госпожу Овнец, сделали осторожный шаг назад.

Потом глаза дракончика сошлись к переносице, и он икнул.

Известняковая таблетка отскочила от противоположной стены.

— Ложись!

Они бросились к ближайшему укрытию, которым оказались поилка и небольшая кучка кирпичей.

Дракон опять икнул, и на морде у него проступило озадаченное выражение.

А потом он взорвался.

Вскоре дым рассеялся. От дракончика осталась лишь маленькая и очень трогательная воронка.

Госпожа Овнец достала из кармана кожаного комбинезона носовой платок и громко высморкалась.

— Бедняжка, — сказала она. — Да, кстати, Сэм. Как дела? Ты с Хэвлоком встречался?

Ваймс рассеянно кивнул. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что у патриция есть имя и есть люди, достаточно хорошо знающие правителя Анк-Морпорка, чтобы называть его по имени.

— Завтрашний ужин, я тут подумал... — начал было он с отчаянием в голосе. — Знаешь, мне кажется, я не смогу...

— Не глупи, — перебила его госпожа Овнец. — Тебе понравится. Давно пора встретиться с Нужными Людьми. И ты сам это знаешь.

Ваймс печально кивнул.

— Значит так, собираемся дома в восемь, — удовлетворенно констатировала она. — И не строй такую мрачную рожу. Ты даже не представляешь, как пригодятся тебе эти знакомства. Ты слишком хороший человек, чтобы шататься ночами по темным мокрым улицам. Пора брать от жизни лучшее.

Ваймс хотел было возразить, сказать, что ему *нравится* шататься по темным мокрым улицам, но потом передумал. На самом деле не больно-то это ему нравилось. Просто ничем другим Ваймс не пробовал заниматься. А о своем значке он думал, как, допустим, о собственном носе. Без особой любви, но и без особой ненависти. Есть и есть...

— Ну, беги. Завтра отлично повеселимся. Нет, стой. Где у тебя носовой

платок?

Ваймс запаниковал.

— Ч-что? — запинаясь, переспросил он.

— Дай-ка сюда. — Она поднесла платок к его губам. — Плюй.

Он послушно плюнул, и она заботливо стерла с его щеки грязь. Одна из Взаимозаменяемых Эмм едва слышно хихикнула. Госпожа Овнец этот смешок полностью проигнорировала.

— Ну вот, — кивнула она. — Так гораздо лучше. А теперь ступай, охраняй покой нашего родного города. А если вдруг решишь сделать что-нибудь действительно полезное, можешь разыскать Пухлика.

— Пухлика?

— Прошлой ночью он выбрался из клетки и сбежал.

— Что? Дракон?

Ваймс застонал и достал из кармана дешевую сигару. Болотные драконы частенько становились причиной всяческого рода городских беспорядков. Люди покупали их шестидюймовыми в качестве этих модных зажигалок, а потом, когда драконы начинали поджигать мебель и оставлять едкие дыры на коврах, в полах и потолках, просто выбрасывали их на улицу. Что очень злило госпожу Овнец.

— Мы спасли его из кузницы, что на Легкой улице, — пояснила она. — Кузнец, ненормальный, использовал его вместо горна. Бедняжка...

— Пухлик... — пробормотал Ваймс. — У тебя огоньку не найдется?

— У него синий ошейник, — добавила крайне важную деталь госпожа Овнец.

— Да, хорошо.

— Он пойдет за тобой, как ягненок. Главное показать, что у тебя есть угольное печенье.

— Хорошо. — Ваймс похлопал по карманам.

— В такую жару они немного возбуждены.

Ваймс сунул руку в клетку с только что вылупившимися дракончиками, выбрал того, что поменьше, и вытащил наружу. Дракончик возбужденно захлопал короткими крыльями, из пасти его вырвалась струя голубого пламени. Ваймс прикурил.

— Сэм, не делай так больше, пожалуйста.

— Извини.

— Может, ты попросишь молодого Моркоу и этого *милого* капрала Шноббса поискать Пух...

— Нет проблем.

По какой-то причине госпожа Сибилла, в других аспектах весьма

проницательная женщина, упорно продолжала считать капрала Шноббса милым, невинным плутишкой. Сэма Ваймса это всегда озадачивало. Возможно, все объяснялось притяжением противоположностей. Овнецы по происхождению своему были выше замка на горе, в то время как капрал Шноббс болтался где-то на уровне плинтуса.

Капитан Ваймс шел по городу, оставляя за собой едва заметную дорожку ржавчины, сыпавшейся с древней кольчуги. Неудобный шлем едва держался на голове, камни мостовой сообщали сквозь протертые подошвы, что он находится где-то в районе Акрского переулка, и никто из прохожих, попадавшихся капитану навстречу, даже не подозревал, что видит перед собой человека, который скоро женится на самой богатой женщине Анк-Морпорка.

Пухлик был крайне несчастен.

Он тосковал по кузнице, ему нравилась кузница. Там он мог есть угля до отвала, к тому же кузнец обращался с ним вполне терпимо. Пухлик не требовал от жизни многого, довольствуясь тем, что было.

А потом появилась эта здоровенная женщина, унесла Пухлика и посадила в клетку. А вокруг в клетках сидели другие драконы. Пухлику не слишком нравились другие драконы. К тому же кормили его незнакомым углем.

Поэтому дракончик даже обрадовался, когда кто-то посреди ночи вытащил его из клетки. Он решил, что сейчас его отнесут обратно в кузницу.

Однако постепенно до него дошло, что этого не случится. Он сидел в коробке, коробка тряслась, и Пухлик уже начинал злиться...

Сержант Колон обмахнулся, как веером, блокнотом и обвел сердитым взглядом собравшихся в комнате стражников.

После чего откашлялся и многозначительно произнес:

— Так, ребята, рассаживайтесь.

— Мы уже давно расселись, Фред, — заметил капрал Шноббс.

— Для тебя — сержант, Шнобби, — поправил Колон.

— А к чему мы вообще здесь собрались? Раньше ничего подобного не было. Сидим как дураки, пока ты тут...

— Мы все должны делать по уставу. Особенно сейчас, когда нас стало больше, — отрезал сержант Колон. — Так! Гм. Хорошо. Ладно. Сегодня мы приветствуем вступивших в Стражу младшего констебля Детрита — честь можно не отдавать! — и младшего констебля Дуббинса, а также младшего

констебля Ангву. И надеемся, что служба ваша будет долгой и... Младший констебль Дуббинс, это еще что такое?

— Что? — с невинным видом осведомился Дуббинс.

— Я вижу у тебя двуглавый метательный топор. Но я ведь зачитывал тебе правила Стражи, так что...

— А за этническое оружие он никак не сойдет, а, сержант? — с надеждой в голосе спросил Дуббинс.

— Оставишь топор в своем шкафчике. Согласно уставу, стражник имеет право носить один меч, короткого типа, и одну дубинку.

«Детрит — исключение», — добавил сержант про себя. Во-первых, даже самый длинный меч выглядел крохотной зубочисткой в огромной лапище новоиспеченного стражника, а во-вторых, сначала Детриту нужно было научиться отдавать честь, иначе скоро на улицах Анк-Морпорка появится стражник с пришпиленной к уху рукой. Нет, будет ходить с дубинкой, и довольно с него. Он и так забьет себя до смерти.

Тролли и гномы! Гномы и тролли! Бедный, бедный сержант Колон! За что ему такое? А ведь самое худшее еще впереди...

Сержант снова откашлялся. Когда он читал по бумажке, в голосе его неизменно проступали напевно-завывательные нотки.

— Итак, — еще раз попытался начать он. — Здесь говорится, что...

— Сержант?

— Ну что... А, это ты, капрал Моркоу. Слушаю?

— Сержант, ты случаем ничего не забыл? — спросил Моркоу.

— Не знаю, — ответил Колон осторожно. — А что?

— Это касается новобранцев, сержант. Что они должны принять? — подсказал Моркоу.

Сержант Колон задумчиво почесал нос. Гм... Согласно действующему приказу, каждый новобранец уже принял (и расписался в получении) одну рубаху, кольчужную, один шлем, медно-железный, один нагрудник, железный (за исключением младшего констебля Ангвы, которой требовался нагрудник специальной модели, и младшего констебля Детрита, которой расписался за на скорую руку подогнанные доспехи, некогда принадлежавшие боевому слону), одну дубинку дубовую, одну пикку или алебарду (на крайний случай), один арбалет, одни песочные часы, один меч, короткого типа (опять-таки за исключением младшего констебля Детрита), и один значок с эмблемой Ночной Стражи, медный.

— Думаю, с них достаточно, Моркоу, — сказал наконец Колон. — Все расписано и подписано. Даже за Детрита кто-то поставил крестик.

— Они должны принять присягу, сержант.

— О. Э... А точно должны?

— Да, сержант, таков закон.

Сержант Колон выглядел несколько смущенным. Возможно, закон именно таков и был, Моркоу виднее. Капрал знал все до единого законы и постановления Анк-Морпорка. Наизусть. Только он один их и знал. Лично сержант Колон при вступлении в Стражу никакой присяги не принимал; что же касается Шноббса, самыми близкими к присяге словами, когда-либо им произнесенными, были: «Ладно, поиграем как полные придурки в солдатиков...»

— Ну, хорошо, — нерешительно промолвил Колон. — Вы все... э... должны принять присягу. Э... капрал Моркоу продемонстрирует, как это делается. Кстати, Моркоу, а сам-то ты принимал присягу?

— Конечно, сержант. Правда, никто от меня этого не требовал, так что я принял ее про себя.

— Да? Тогда продолжай.

Моркоу встал и снял шлем. Пригладив взлохмаченные волосы, он поднял правую руку.

— Поднимите правые руки, — велел он. — Эта та, что ближе к младшему констеблю Ангве, младший констебль Детрит. И повторяйте за мной...

Он закрыл глаза и пошевелил губами, словно читал нечто написанное на внутренней поверхности черепа.

— Я, запятая, квадратная скобка, имя новобранца, квадратная скобка, запятая...

Он кивнул:

— Повторяйте.

Все хором повторили. Ангва изо всех сил пыталась не рассмеяться.

— ...Торжественно клянусь, квадратная скобка, имя божества, выбранного новобранцем, квадратная скобка...

Все-таки не выдержав, Ангва тихонько прыснула.

— ...Поддерживать Законы и Постановления города Анк-Морпорк, оправдывать доверие общества и защищать подданных его, косая черта, ее, скобка, зачеркните несоответствующее, скобка, величества, скобка, имя царствующего монарха, скобка...

Ангва упорно старалась смотреть в точку сразу за ухом Моркоу. Монотонный голос Детрита уже отставал от других на пару дюжин слов.

— ...Без страха, запятая, упрека или мыслей о собственной безопасности преследовать злодеев и защищать невиновных, запятая, не щадя своей жизни, скобка, при необходимости, скобка, для исполнения

вышеупомянутого долга, запятая, и да поможет мне, скобка, вышеуказанное божество, скобка, точка, боги, запятая, храните короля, косая черта, королеву, скобка, зачеркните несоответствующее, скобка, точка.

Ангва с благодарностью замолчала и наконец осмелилась взглянуть на Моркоу. По щекам капрала текли слезы.

— Э... так... значит, все, всем спасибо, — откашлявшись, произнес сержант Колон.

— ...*За-щи-щать не-ви-нов-ных, за-пя-та-я...*

— Закончишь в личное время, младший констебль Детрит.

Сержант снова заглянул в свой блокнот.

— Итак, Хапугу Хоскинса выпустили из тюрьмы, так что будьте начеку, сами знаете, каким он становится, отпраздновав свое освобождение; кроме того, этот чертов Каменноугл прошлой ночью опять избил четверых...

— ...*Для ис-пол-нен-ия выше-упомя-нутого дол-га, за-пя-тая...*

— А где капитан Ваймс? — поинтересовался Шнобби. — Это же его обязанности.

— Капитан Ваймс... разбирается с делами, — пояснил сержант Колон. — Гражданская жизнь — штука нелегкая. Так...

Он снова заглянул в папку, поднял глаза и оглядел стражников. Стражников... ха!

Шевеля губами, он пересчитал подчиненных. Между Шнобби и констеблем Дуббинсом приткнулся какой-то мелкий потрепанный мужичонка, волосы и борода которого настолько перепутались, что он был похож на выглядывающего из кустов хорька.

— ...*Мне, скоб-ка, вы-ше-ука-зан-ное бо-же-ство, скоб-ка, точ-ка.*

— О нет, — неверяще пробормотал он. — Здесь-И-Сейчас, ты что тут делаешь? Спасибо, Детрит, спасибо — *только не отдавай честь!* — можешь садиться.

— Меня задержал господин Моркоу, — откликнулся Здесь-И-Сейчас.

— Заключение в целях безопасности, сержант, — объяснил Моркоу.

— Опять? — Колон снял с гвоздя над столом связку ключей от камер и бросил ее воришке. — Хорошо. Третья камера. Ключи можешь взять с собой, мы крикнем, если они нам понадобятся.

— Премного благодарствую, господин Колон, — поклонился Здесь-И-Сейчас и тут же сбежал по ступенькам туда, где располагались камеры.

Колон покачал головой.

— Самый ужасный вор в мире.

— Он настолько хорош? — удивилась Ангва. — Что-то непохоже.

— В данном случае под «самым ужасным» подразумевается «совсем никудышный», — объяснил Колон.

— А помните, как-то раз он вознамерился пробраться в Дунманифестин и украсть у богов секрет огня? — ухмыльнулся Шноббс.

— Ну, а я ему и говорю: «Но мы его и так уже знаем, Здесь-И-Сейчас, причем многие тысячи лет», — откликнулся Моркоу. — А он: «Вот и здорово, значит, это антикварная редкость»^[4].

— Бедолага, — вздохнул сержант Колон. — Ладно. Что у нас еще?... Да, Моркоу?

— А теперь они должны получить Королевский Шиллинг, — сказал Моркоу.

— Правильно. Да. Конечно.

Сержант Колон порылся в кармане и достал три анк-морпоркских доллара размером с блеску для платья и с содержанием золота примерно как в морской воде. Он бросил монеты трем новобранцам по очереди.

— Это и называется Королевским Шиллингом. — Он искоса глянул на Моркоу. — Понятия не имею почему, но вы должны получать его, когда вступаете в Стражу. Таковы правила. Это означает, что вы действительно вступили в наши ряды. — На мгновение он смутился и даже закашлялся. — Так. Кстати, толпа камнежо... троллей, — быстро поправился он, — устроила на Короткой улице какое-то шествие. Младший констебль Детрит — *не позволяйте ему отдавать честь!* Хорошо. Ты можешь объяснить нам, что там происходит?

— Тролли празднуют Новый год, — отрапортовал Детрит.

— Правда? Полагаю, нам следует изучать такие вещи. Говорят еще, что эти мелкожо... гномы устроили нечто вроде митинга...

— Годовщина Кумской битвы, — быстро отозвался констебль Дуббинс. — Знаменитая победа над троллями. — В глубинах густой бороды он самодовольно улыбнулся.

— Ага, славная победа, — пробурчал Детрит, с ненавистью глядя на гнома. — Навалились из засады...

— Что? Да это тролли... — начал было Дуббинс.

— Заткнитесь, — перебил их сержант Колон. — Здесь говорится... где же тут говорится?... а, вот, здесь говорится, что они двигаются вверх по Короткой улице. — Сержант перевернул лист бумаги. — Это так?

— Стало быть, тролли и гномы идут друг другу навстречу? — осенило Моркоу.

— Сегодня нас ждет парад парадов, — хмыкнул Шноббс.

— А в чем дело? — не поняла Ангва.

Моркоу неопределенно помахал рукой.

— О боги, — выдавил он. — Там такое будет... Нужно срочно что-то предпринять.

— Гномы и тролли ладят между собой примерно с тем же успехом, как огонь и сухие доски, — откликнулся Шноббс. — Ты когда-нибудь бывала в горящем доме, госпожа? Вот тебе удобный случай.

Обычно ярко-красное лицо сержанта Колона стало вдруг бледно-розовым. Вскочив на ноги, Колон быстро опоясался ремнем с ножнами и взял в руку дубинку.

— И помните, осторожность превыше всего, — торопливо напутствовал он.

— Может, проявим осторожность и останемся здесь? — предложил Шноббс.

Чтобы понять, почему гномы и тролли так ненавидят друг друга, следует обратиться к далекому прошлому.

Они похожи друг на друга, как мел и сыр. Да, да, именно как мел и сыр. Одни — органические, другие — нет, но пахнут сыром. Гномы зарабатывают на жизнь, разбивая вдребезги камни, содержащие ценные минералы, а кремниевая форма жизни, больше известная как тролли, является, по сути дела, камнями, содержащими ценные минералы. В естественных условиях большую часть дневного времени тролли проводят в спячке, а это совсем не то состояние, в котором хотелось бы оказаться камню, содержащему ценные минералы, когда по округе шастают гномы. А гномы ненавидят троллей потому, что им не нравится, когда камень с жилой ценных минералов, который они с таким трудом отыскивали, вдруг встает и отрывает им руки только потому, что его, видите ли, ударили киркой по уху.

Таким образом, между гномами и троллями имела место постоянная межвидовая вендетта. Что же касается причин, их у нее, как и у всякой хорошей вендетты, просто не было. Достаточно того, что эта вендетта уходила корнями в начало времен^[5]. Гномы ненавидели троллей, потому что тролли ненавидели гномов, и наоборот.

Стража притаилась в Трехламповом переулке на полпути к Короткой улице. Откуда-то издалека доносились хлопки фейерверка. Гномы взрывали их, чтобы отогнать злых духов рудников. Тролли взрывали их потому, что фейерверк приятно рассыпается во рту.

— Не понимаю, — пожал плечами капрал Шноббс, — почему бы нам

не поступить как всегда? Пусть они поколотят друг друга, а кто проиграет, того мы и арестуем.

— Последнее время патриций крайне негативно относится к этническим беспорядкам, — уныло произнес сержант Колон. — Они его уязвляют, а он, в свою очередь, начинает уязвлять других.

Тут сержанта посетила блестящая мысль. Он даже немного приободрился.

— А что, Моркоу, нет ли у тебя какой идеи? — осведомился он, надеясь на то, что у капрала найдется какой-нибудь план.

И тут его посетила вторая мысль. В конце концов, Моркоу — простой деревенский парень...

— Капрал Моркоу?

— Сержант?

— Ну-ка, разберись с ситуацией.

Моркоу высунулся из-за угла и оглядел приближающиеся друг к другу праздничные шествия. Гномы и тролли уже увидели друг друга.

— Так точно, сержант, — бодро отрапортовал он. — Младшие констебли Дуббинс и Детрит — *честь не отдавать!* — пойдете со мной.

— Его нельзя туда пускать! — воскликнула Ангва. — Это же верная смерть!

— Паренек знает, что такое чувство долга, — заметил капрал Шноббс. Он достал из-за уха крошечный окурок дешевой сигары и чиркнул спичкой о подошву башмака.

— Не волнуйся, госпожа, — успокоил ее Колон. — Он...

— Младший констебль, — поправила его Ангва.

— Что?

— Младший констебль, — повторила она. — А никакая не госпожа. Моркоу говорит, что на службе нельзя демонстрировать свои первичные половые признаки.

— Я хотел сказать, — очень быстро произнес Колон под аккомпанемент отчаянного кашля капрала Шноббса, — что у молодого Моркоу есть такая штука. Хорькизма называется. Так вот, у него ее целая куча.

— Куча?

— Ага, куча хорькизмы.

Тряска прекратилась. К тому времени Пухлик был очень раздражен. Очень-очень раздражен.

Что-то зашелестело. Край мешковины отодвинулся, и на Пухлика

установился другой дракон.

Этот дракон также выглядел очень-очень раздраженным.

Пухлик отреагировал единственным известным ему способом.

Моркоу стоял на середине улицы, сложив на груди руки, а два новобранца за его спиной пытались следить за обеими приближающимися колоннами одновременно.

Колон считал Моркоу простоватым. Моркоу часто казался людям простоватым. Таким он и был.

Люди ошибаются лишь в одном: они считают, простоватый — это то же самое, что и глупый.

Глупым Моркоу не был. Он был прямым и честным, благожелательным и благородным во всех своих поступках. Но в Анк-Морпорке подобное поведение обычно считалось глупым, и коэффициент выживаемости у такого человека был бы не выше, чем у медузы в доменной печи, если бы не пара других факторов. Одним из них был хук правой, который научились уважать даже тролли. А вторым — неподдельная, почти сверхъестественная симпатичность Моркоу. Он прекрасно ладил даже с теми, кого арестовывал. И обладал исключительной памятью на имена.

Большую часть своей молодой жизни Моркоу провел в небольшой колонии гномов, где знать было особо некого. Потом он вдруг оказался в огромном городе — его талант словно бы ждал этого момента, чтобы расцвести. С тех пор он все расцветал и расцветал.

Капрал приветственно помахал рукой приближавшимся гномам.

— Доброе утро, господин Бедролом! Доброе утро, господин Рукисила!

После чего повернулся к старшему троллю. Глухо взорвалась очередная хлопушка.

— Доброе утро, господин Боксит!

Затем Моркоу приложил ладони к губам и закричал:

— Прошу всех остановиться и выслушать меня...

Задние ряды налетели на передние, создав небольшую неразбериху, но наконец, с трудом затормозив, колонны все же остановились. Впрочем, особого выбора не было — иначе пришлось бы шагать напрямик по Моркоу.

Если у капрала и были мелкие недостатки, то крайне немного. К примеру, Моркоу, сосредоточившись на чем-то одном, никогда не обращал внимания на прочие «несущественные» детали. Вот и сейчас разговор, ведшийся шепотом у него за спиной, ускользнул от слуха Моркоу.

— ...Ха! Вы устроили на нас засаду! Твоя мать была тогда еще рудой...

— Итак, господа, — произнес он спокойно и благожелательно. — Уверен, причин для воинственного поведения нет...

— ...А вы? Вы первые напали на нас из засады! Мой прапрадедушка был в долине Кум, он все мне рассказал!

— ...Тем более в такой прекрасный погожий денек. Поэтому я должен просить, чтобы вы, как законопослушные граждане Анк-Морпорка...

— ...Да неужели? А твоего отца я киркой, киркой...

— ...Отмечали свои этнические праздники тихо и мирно. Последуйте примеру моих коллег, они забыли древние разногласия...

— ...Я тебе башку разобью, зловредный гном!..

— ...Ради дальнейшего процветания...

— ...Только попробуй, я справлюсь с тобой одной левой...

— ...Нашего славного города, герб которого...

— ...А если я тебе и левую руку сломаю?...

— ...Они с гордостью и ответственностью носят на своем значке.

— А-а-а-аргх!

— О-о-о-ой!

До Моркоу наконец дошло, что его никто не слушает, и он, проследовав за взглядами толпы, обернулся.

Младший констебль Дуббинс висел в воздухе вверх ногами, потому что младший констебль Детрит пытался постучать им, вернее его головой в шлеме, о мостовую. Впрочем, младший констебль Дуббинс использовал это неудобное положение с максимальной для себя выгодой, поскольку, обхватив ногу младшего констебля Детрита, вознамерился вогнать зубы в лодыжку своего коллеги.

Обе враждующие колонны зачарованно наблюдали за схваткой.

— Нужно срочно что-то делать! — решительно сказала Ангва, в очередной раз высунув голову из переулка, где укрывались стражники.

— Мда-а-а, — протянул сержант Колон, — вот она, ваша этника. Все так запутано...

— Один неверный шаг, и тебе крышка, — подхватил Шнобби. — Эти этнические ребята такие обидчивые.

— Обидчивые? Они же пытаются убить друг друга!

— Тут все дело в культурном наследии, — печально промолвил сержант Колон. — У каждого оно свое, мы же не можем навязывать им нашу культуру. Отсюда и до видизма недалеко...

Лицо стоявшего посреди улицы капрала Моркоу стало ярко-багровым.

— Так, сейчас он кому-нибудь из них врежет на глазах у всей этой шоблы, — сказал Шнобби. — Требуется выработать план. Лично я предлагаю, как только Моркоу замахнется, брать ноги в руки и драпать отсюда к черт...

Огромные вены проступили на могучей шее капрала Моркоу, он положил руки на ремень и во всю мощь своих легких проорал:

— Младший констебль Детрит! Отдать честь!

Они потратили на обучение долгие часы. На то, чтобы команда укоренилась в мозгу Детрита, ушло немало времени, зато, укоренившись, она уже никуда не могла оттуда деться.

Троль отдал честь.

Рукой с гномом.

Он отдал честь, по-прежнему сжимая в своей огромной лапе младшего констебля Дуббинса, этакую маленькую рассерженную дубинку. Гном описал в воздухе большую дугу.

Звон, раздавшийся при ударе двух шлемов, эхом отразился от стен домов, и буквально через мгновение последовал глухой звук падения обоих тел на мостовую.

Моркоу потыкал бесчувственные тела носком сандалии.

Затем повернулся и, дрожа от ярости, зашагал в сторону гномов.

В переулке сержант Колон от страха принялся сосать край шлема.

— Оружие есть? Знаю, что есть! — рявкнул Моркоу на добрую сотню гномов. — Признавайтесь! Если гномы, у которых есть оружие, сию же минуту не бросят его на землю, весь ваш парад, я имею в виду действительно весь, окажется в камерах! И я не шучу.

Стоящие в первых рядах гномы невольно сделали шаг назад. На землю с беспорядочным звоном посыпались металлические предметы.

— Все оружие, — угрожающе произнес Моркоу. — И это касается тебя, ты, с черной бородой, тот, что прячется за спину господина Пращеврата! И тебя я тоже вижу, господин Рукисила.

— Он погибнет, да? — тихо прошептала Ангва.

— Самое смешное, — сказал Шнобби, — если бы нечто подобное попытались сотворить мы, от нас остался бы только фарш на мостовой. А у него, кажется, получается.

— Хорькизма... — покачал головой сержант Колон, которому пришлось прислониться к стене, так как ноги уже не держали.

— Ты хотел сказать «харизма»? — уточнила Ангва.

— Да. Она самая. Ага.

— Как это у него получается?

— Не знаю, — хмыкнул Шнобби. — Может, у него дар входить в доверие?

Моркоу повернулся к троллям, которые с широкими ухмылками наблюдали за тем замешательством, что воцарилось в гномьих рядах.

— Теперь, что касается вас... — сказал он. — Сегодня я буду патрулировать Каменоломный переулок, и, надеюсь, никакие беспорядки меня там не ждут. Я правильно надеюсь?

Послышались шарканье огромных ног и бормотание.

Моркоу приложил ладонь к уху.

— Не слышу!

Раздалось более громкое бормотание, своего рода токката для сотни недовольных голосов на тему «Да, капрал Моркоу».

— Вот и договорились. А теперь проваливайтесь. И больше никаких глупостей, ведите себя хорошо.

Моркоу стряхнул пыль с ладоней и широко улыбнулся. Тролли выглядели озадаченными. Теоретически Моркоу должен был превратиться в тонкую пленку жира, размазанную по мостовой. Но почему-то этого не случилось...

— Он только что велел доброй сотне троллей «вести себя хорошо», — пробормотала Ангва. — Некоторые из них совсем недавно спустились с гор. С некоторых даже лишайник не осыпался.

Стражники отбыли незадолго до того, как в Псевдополис-Ярд вернулся капитан Ваймс. Он тяжело поднялся по лестнице в свой кабинет, плюхнулся на липкий кожаный стул и тупо уставился в стену.

Он *хотел* уйти из Стражи. Ну конечно хотел.

Это нельзя было назвать образом жизни. *Такой* жизни не бывает.

Неудобные часы работы. Абсолютное непонимание того, что есть закон в этом прагматичном городе. О личной жизни и говорить не приходится. Питаешься чем попало и когда можешь. Он даже ел сосиски, которыми торговал Себя-Режу-Без-Ножа Достабль. А погода? Либо противный дождь, либо испепеляющая жара. И никаких тебе друзей — разве что напарники по Страже, единственные люди, живущие в *твоем* мире.

Осталось несколько дней. Всего несколько дней, и он, как выразился сержант Колон, будет кататься как сыр в масле. Целые дни ничегонеделания, только набиваешь брюхо и разъезжаешь на огромном коне, отдавая приказы слугам.

В такие моменты перед его внутренним взором неизменно возникал

образ старого сержанта Каппля. Сержант Каппль командовал Ночной Стражей, когда Ваймс только-только вступил в ее ряды. Совсем скоро сержант ушел в отставку. Все сбросились и купили ему дешевые часы, одни из тех, что исправно ходят несколько лет, пока не закончится срок служения демона.

«Чертовски глупая идея, — мрачно подумал Ваймс, глядя на стену. — Старик уходит с работы, сдает значок, песочные часы и колокольчик — и что мы ему дарим? Часы...»

На следующий день сержант Каппль пришел на работу со своими новыми часами. Чтобы, так сказать, ввести всех в курс дела, подбить кое-что — или кое-кого, ха-ха. Позаботиться о том, чтобы вы, сосунки, не попали в какую беду. Прошел месяц, а сержант по-прежнему являлся на Службу — таскал уголь, мыл полы, был на посылках и помогал всем писать отчеты. И через пять лет он все еще был в Страже. А через шесть лет один из стражников пришел как-то рано утром в штаб-квартиру и нашел его лежащим на полу...

Как оказалось, никто, совсем никто, не знал, где жил сержант и была ли вообще госпожа Каппль. На похороны сбросились стражники, они же и пришли проводить сержанта.

Если задуматься, когда какой-нибудь стражник умирает, на его похороны приходят только стражники.

Конечно, сейчас времена другие. Сержант Колон счастливо живет в браке вот уже много лет — возможно, именно благодаря тому, что они с женой, работая в разные смены, встречаются лишь изредка, да и то на пороге. Да, она оставляет ему в духовке теплый обед-завтрак, но этим их совместная жизнь не ограничивается: у них ведь есть внуки — значит, им не всегда удавалось избежать друг друга. Молодой Моркоу в упор женщин не видит. А капрал Шноббс... очевидно, он тоже как-то устроился. Говорят, у него есть какая-то двадцатипятилетняя особа, только непонятно, где он взял это тело и где его хранит.

Вот так вот. У всех кто-то есть — или что-то, как в случае со Шнобби.

Ну, капитан Ваймс, ты-то что сомневаешься? Ты питаешь к ней интерес или нет? О любви здесь даже речи не идет, крайне сомнительное понятие для тех, кому за сорок. А может, ты просто боишься состариться, двигаясь по привычной колее жизни, и умереть? Боишься быть похороненным толпой юношей, которые знали тебя как старого пердуна, вечно путавшегося под ногами, приносившего кофе и горячие фиггины, над которым все тайком посмеивались?

Ему не хотелось бы такой жизни. И вот Судьба соблаговолила

подарить ему сказку.

Конечно, он знал, что она богата. Но совсем не ожидал вызова в контору господина Моркомба.

Вот уже много лет господин Моркомб был поверенным Овнецов. Даже не лет, а веков. Потому что был вампиром.

Ваймс недолго любил вампиров. Гномы, конечно, те еще паскудники, но в трезвом состоянии более или менее блюдут закон; даже с троллями можно ладить, главное — не упускать их из виду. Но от всех этих умертвиев у капитана начинала чесаться шея. Живи и дай жить другим — совсем неплохой девиз, но в случае с вампирами его смысл несколько искажался...

Господин Моркомб был неторопливым, как черепаха, и очень бледным. До сути дела он добирался целую вечность, зато, когда добрался, эта самая суть пригвоздила Ваймса к стулу.

— Сколько?!

— Э, думаю, не ошибусь, если скажу, что вся собственность, включая фермы, районы городской застройки и небольшой участок невестственности рядом с Университетом, оценивается приблизительно в семь миллионов долларов дохода в год. Да, в семь миллионов. По текущим расценкам.

— И это все *мое*?!

— С момента заключения брака с госпожой Сибиллой. Хотя в своем письме она дала мне указание предоставить вам доступ ко всем ее счетам начиная с нынешнего момента.

Жемчужные мертвые глаза внимательно смотрели на капитана Ваймса.

— Госпожа Сибилла, — пояснил он, — является собственницей приблизительно одной десятой части Анка и обширных владений в Морпорке, не считая, конечно, значительных сельскохозяйственных угодий...

— Но... но... мы... это будет не только мое, а *наше*...

— По этому вопросу также имеются конкретные указания от госпожи Овнец. Она передает всю собственность вам как супругу. У нее несколько... старомодный подход.

Моркомб протянул Ваймсу сложенный лист бумаги. Капитан взял его, развернул и не поверил своим глазам.

— В том случае, если вы скончаетесь раньше своей половины, — бубнил господин Моркомб, — согласно общему праву супружества, собственность вернется к прежнему владельцу. Или, разумеется, к любому плоду данного союза.

Ваймс ничего не сказал на это. Большая часть извилин его мозга сплавились друг с другом, он просто сидел с отвисшей челюстью и слушал.

— Госпожа Сибилла, — слова адвоката доносились до него откуда-то издалека, — уже не молода, однако ее здоровье можно назвать отменным, поэтому я не вижу причин...

Оставшуюся часть встречи Ваймс провел в автоматическом режиме.

Даже сейчас он не мог думать о встрече с Моркомбом — его мысли сразу куда-то уносились. Когда мир оказывался слишком сложным для понимания, мысли капитана Ваймса машинально перескакивали на более безобидные темы.

Капитан выдвинул нижний ящик стола и уставился на блестящую бутылку «Древнего Отборного Виски Джимкина Пивомеса». Ваймс и сам не знал, как она здесь оказалась. Почему-то он ее не выбросил.

Ага, давай, возмись за старое, и отставки тебе не видать как своих ушей. Довольствуйся сигарами.

Ваймс задвинул ящик, откинулся на спинку стула и достал из кармана недокуренную сигару.

Да, Стража уже не та, что прежде. Политика. Ха! Старые стражники, такие как сержант Каппль, перевернулись бы в гробах, если б узнали, что в Ночную Стражу приняли...

И тут мир взорвался.

Оконное стекло разлетелось вдребезги, изрешетив стену за спиной Ваймса осколками и порезав капитану одно ухо.

Он упал на пол и закатился под стол.

Ну все, его терпение лопнуло! Алхимики взорвали свою Гильдию в последний раз, и уж он, капитан Ваймс, об этом позаботиться...

Осторожно высунувшись в окно, Ваймс увидел столб пыли. Вот только взорвались не алхимики, а Гильдия Наемных Убийц...

* * *

Ваймс как раз подходил к воротам Гильдии, когда по Филигранной улице трусцой примчались остальные стражники. Пара одетых в черное убийц преградила капитану путь — достаточно вежливо, но в тоже время ясно давая понять, что в качестве следующего шага последует невежливость. Из-за ворот доносился топот носящихся туда-сюда ног.

— Видите этот значок? — спросил Ваймс. — Видите?

— Тем не менее это территория Гильдии, — ответил один из убийц.

— Именем закона, я требую пропустить! — заорал Ваймс.

Убийца несколько встревожено улыбнулся, но все же возразил:

— Закон гласит, что в стенах Гильдии преимущественную силу имеет закон, принятый данной Гильдией.

Ваймс свирепо воззрился на убийцу, но сказать было нечего. Законы города, какими бы они ни были, у ворот Гильдий прекращали свое действие. Гильдии жили по собственным законам. Гильдии владели...

Он помотал головой.

За его спиной младший констебль Ангва наклонилась и подняла осколок стекла.

Поворошила ногой осколки камня.

А потом ее взгляд встретился со взглядом маленького дворового пса неопределенного вида. Пес внимательно разглядывал ее из-за повозки. На самом деле вид у дворняги был не такой уж неопределенный. Скорее, вполне определенный. Пес выглядел как дурной запах изо рта, только с мокрым носом.

— Гав, гав, — несколько неохотно сказала дворняга. — Гав, гав, гав, а еще р-р-р.

После чего пес засеменил к началу переулка. Ангва огляделась и последовала за ним. Все остальные стражники столпились вокруг Ваймса, который несколько снизил свой тон.

— Позовите сюда старшего наставника, — велел он. — Немедленно.

Молодой убийца попытался насмешливо улыбнуться.

— Ха! Тебя, стражник, я не боюсь.

Ваймс опустил взгляд на свой помятый нагрудник и ржавую кольчугу.

— Ты прав, — кивнул он. — Я выгляжу не слишком устрашающе. Извини. Капрал Моркоу и младший констебль Детрит, шаг вперед!

Небо над убийцей вдруг что-то заслонило.

— Согласись, эти стражники, — голос Ваймса исходил с той, другой стороны затмения, — несколько пострашнее меня.

Убийца медленно кивнул. Такого поворота событий он не ожидал. Обычно стражники и близко не подходят к Гильдии. Меряться силами с убийцей, в чем изысканном черном костюме обычно спрятаны по меньшей мере восемнадцать разных приспособлений, предназначенных для убийства людей? Какой смысл? Но данный убийца вдруг осознал, что два таких приспособления находятся на концах рук младшего констебля Детрита. Совсем под рукой, если можно так выразиться.

— Я... э... пожалуй, я все-таки позову старшего наставника, — неуверенно произнес убийца.

Моркоу чуть склонился над ним.

— Мы благодарны вам за сотрудничество, — мрачно сообщил он.

Ангва смотрела на пса, пес смотрел на нее.

Наконец она присела. Пес принялся яростно чесать за ухом задней лапой.

Внимательно оглядевшись и еще раз убедившись в том, что их никто не видит, Ангва пролаяла вопрос.

— Можешь не утруждаться, — ответил пес.

— Ты умеешь *говорить*?

— Ха! Для этого большого ума не требуется, — пожала плечами дворняга. — Как и на то, чтобы понять, кто ты такая.

Ангва запаниковала.

— Как ты догадался?

— По запаху, *девушка*. Ты так ничему и не научилась? Учуйл тебя за милю. И подумал: «Ого, а что одна из *них* делает в Ночной Страже?»

Ангва сердито погрозила ему пальцем.

— Если кому-нибудь скажешь...

Пес приобрел более обиженный, чем обычно, вид.

— Да меня никто и слушать не станет, — сказал он.

— Почему?

— Потому что все знают, что разговаривать собаки не умеют. Конечно, люди меня *слышат*, нет проблем, но обычно предпочитают считать, что это они сами пробормотали что-то себе под нос. Разумеется, когда дело приобретет совсем крутой оборот, ко мне прислушаются, но не раньше. — Дворняга печально вздохнула. — Поверь, я знаю, о чем говорю. Я читал книги, по крайней мере жевал их.

Пес снова почесался за ухом.

— Кажется, — сказал он потом, — мы можем помочь друг другу.

— Каким образом?

— Ну, ты можешь добыть мне фунт мяса. Фунт мяса творит с моей памятью настоящие чудеса. Только что помнил, а съел — все, ничегошеньки не помню.

Ангва нахмурилась.

— Знаешь, — поделилась она, — есть такое слово «шантаж». Люди его очень не любят.

— Люди много чего не любят, — тут же ответил пес. — Взять, к примеру, меня. Я страдаю хронической разумностью. Есть от нее хоть какая-нибудь польза собаке? Я об этом просил? О нет, только не я. Просто

занесло меня как-то к факультету высокоэнергетической магии этого вашего Незримого Университета, вижу, о, классное местечко для гнездовища, ну и поселился там, а никто ведь даже не предупредил, что эта проклятая магия сочится там из всех дыр, потом вдруг открываю глаза, голова шипит как доза слабительного, и тут я думаю: ого-го, опять началось, привет, абстрактный концептуализм, мы идем, интеллектуальное развитие... Какая мне от этого польза? Когда такое приключилось со мной в прошлый раз, я спас мир от этих ужасных, как их там, из Подземельных Измерений — и что? Кто-нибудь сказал мне спасибо? Какой хороший песик, дайте ему косточку? Ха-ха.

Он протянул изрядно потрепанную лапу.

— Меня зовут Гаспод. Вообще, я самый обычный пес, но по праздникам люблю спасать мир.

Ангва сдалась и пожала побитую молью лапу.

— Меня зовут Ангва, — сказала она. — Я... Вообще-то, ты и сам знаешь, кто я такая.

— Уже забыл, — ухмыльнулся Гаспод.

Капитан Ваймс внимательно оглядел разоренный двор Гильдии Убийц. В стене одного из помещений, что располагалось на первом этаже, зияла огромная дыра. Все окна рядом были разбиты, под ногами хрустело стекло. Зеркальное стекло. Наемные убийцы славились своей самовлюбленностью, но зеркалам место в комнатах...

Он заметил, что младший констебль Дуббинс поднял с земли пару блоков, привязанных к обгоревшей с одного конца веревке.

Потом увидел среди обломков камня какую-то квадратную карточку.

Волоски на руках капитана Ваймса встали дыбом.

Он почувствовал в воздухе запах злодейства.

Ваймс первым готов был признать, что стражник из него не ахти какой. Вот только его голос затерялся бы в гуле других голосов — очень многие с радостью признали бы сей факт. И виной тому была упрямая несговорчивость Ваймса, которая раздражала высокостоящих, важных особ, а любой человек, раздражающий важных особ, просто не может быть хорошим стражником. Но у капитана развились инстинкты. Нельзя провести всю жизнь на улицах и не выработать хоть какие-то инстинкты. Подобно тому как едва уловимо меняются джунгли, почувствовав приближение охотника, изменилось ощущение города.

Что-то происходило, что-то неправильное, а он никак не мог понять, что именно. Капитан Ваймс наклонился...

— Что все это значит?

Ваймс выпрямился, но оборачиваться не стал.

— Сержант Колон, возвращайтесь в штаб-квартиру вместе с Детритом и Шнобби, — приказал он. — Капрал Моркоу и младший констебль Дуббинс останутся со мной.

— Есть, сэр!

Сержант Колон топнул ногой и браво отдал честь, чтобы еще больше досадить наемным убийцам. Ваймс тоже отдал честь.

И только *потом* он повернулся.

— А, доктор Проблемс, — улыбнулся он.

Лицо старшего наставника, он же — главный убийца, было белым от ярости, что очень шло к черному цвету его одеяний.

— За вами никто не посылал! — воскликнул он. — По какому праву вы здесь находитесь, господа стражники? Бродите везде, словно это ваша собственность...

Ваймс молчал, но сердце его пело. Он наслаждался моментом. Ему хотелось сохранить его, вложить между страниц большой и толстой книги, чтобы в старости иногда доставать оттуда и наслаждаться.

Он сунул руку за нагрудник и вытащил письмо поверенного.

— Если хочешь узнать основную причину, — сказал он, — так уж случилось... Это действительно *моя* собственность.

Человека можно охарактеризовать по тому, что он ненавидит. Капитан Ваймс ненавидел очень многое. Наемные убийцы находились в самом верху этого списка, следуя сразу за королями и умертвиями.

Но надо отдать должное доктору, тот оправился очень быстро. Прочитав письмо, Проблемс не взорвался, не стал спорить или заявлять, что это подделка. Просто сложил документ и вернул капитану, после чего холодно произнес:

— Понятно. Недвижимость, значит...

— Именно так. А теперь мне хотелось бы узнать, что тут произошло.

Из дыры в стене вылезли еще несколько убийц рангом постарше. Разбредшись по двору, они принялись внимательно осматривать обломки.

Доктор Проблемс медлил с ответом лишь мгновение.

— Небольшая проблема с фейерверками, — сказал он.

— А случилось вот что, — сказал Гаспод. — Кто-то положил коробку с драконом во дворе около стены, спрятался за одной из статуй, потянул за веревочку и... ба-бах!

— Ба-бах?

— Именно. Потом наш приятель скользнул в дыру, через мгновение вылез, побегал по двору, а в следующую минуту во двор выбежали все убийцы, и он смешался с толпой. Какие проблемы? Еще один человек в черном. Никто ничего не заметил, понимаешь?

— Ты хочешь сказать, он все еще там?

— Откуда мне знать? Капюшоны, плащи, все в черном...

— И ты видел все это своими глазами?

— Я посещаю Гильдию Наемных Убийц каждую среду. Это день мясного ассорти, улавливаешь? — Увидев ее озадаченное выражение лица, Гаспод вздохнул. — По средам повар всегда готовит ассорти из жареного мяса. А кровяную колбасу почти никто не ест. Вот она и валяется на кухне, а я тут как тут, гав-гав, дай-дай, какая замечательная псина, слушай, так глядит, будто все понимает, а ну-ка, посмотрим, что у нас есть для славного песика...

На мгновение морда Гаспода обрела смущенное выражение.

— Гордость — это, конечно, здорово, — объяснил он, — но колбаса есть колбаса.

— С фейерверками? — переспросил Ваймс.

Доктор Проблемс явно хватался за соломинку, в то время как вокруг бушевало штормовое море.

— Ага. Фейерверки. Они самые. Были приготовлены ко Дню Основания. Но, к сожалению, кто-то бросил непотушенную спичку, которая и подожгла коробку. — Доктор Проблемс вдруг улыбнулся. — Мой дорогой капитан Ваймс, — сказал он, хлопнув в ладоши, — я весьма ценю твое беспокойство, и тем не менее...

— Они хранились в этой комнате? — перебил его Ваймс.

— Да, но какая разница...

Ваймс прошагал к дыре и заглянул внутрь. Пара убийц взглянули на доктора Проблемса и с нарочито равнодушным видом потянулись к различным частям своих костюмов. Доктор покачал головой. Возможно, его осторожность была вызвана тем, что Моркоу как бы невзначай положил руку на эфес своего меча, а возможно, причиной был определенный кодекс поведения, соблюдаемый наемными убийцами. Наемный убийца, совершивший убийство, которое ему никто не оплатил, покрывал себя несмываемым позором.

— Похоже на какой-то... музей, — хмыкнул Ваймс. — Памятные вещи Гильдии и все такое?

— Именно. Запасники. Разный хлам. Сам знаешь, годы идут, а он все

копится, копится...

— О. Что ж, кажется, тут все в порядке, — кивнул Ваймс. — Прошу прощения за беспокойство, доктор. Мне пора. Надеюсь, я не причинил никаких неудобств?

— Конечно нет! Очень рад, что смог развеять твои сомнения.

Их вежливо, но твердо начали оттеснять к воротам.

— На вашем месте, — заметил капитан Ваймс, бросив взгляд на разгромленный двор, — я бы поскорее убрал все эти стекла. Не дай боги, кто-нибудь поранится. Мне совсем не хотелось бы, чтобы кто-нибудь из твоих людей поранился.

— Мы займемся этим незамедлительно, капитан, — заверил его доктор Проблемс.

— Отлично. Большое спасибо. — Капитан Ваймс вдруг остановился у самых ворот и хлопнул себя [по лбу.]^[6] — Э-э, прошу меня извинить, в последнее время не голова, а решето какое-то, так что, говоришь, у вас украли?

Ни один мускул, ни одна жилка не дрогнули на лице доктора Проблемса.

— Ни о чем таком я не говорил, капитан Ваймс, — возразил он.

— Верно! Еще раз извини! Конечно, не говорил... Мои извинения... Работа совсем с ума сведет. Уже ухожу.

Дверь захлопнулась прямо перед его носом.

— М-да, — сказал Ваймс.

— Но, капитан, почему... — начал было Моркоу, однако Ваймс, вскинув руку, резко прервал его.

— Ну вот, как просто все оказалось, — сказал он несколько громче, чем нужно. — Мы во всем разобрались, и больше волноваться не о чем. Возвращаемся в Ярд. А где младший констебль... как там ее?

— Здесь, капитан, — отозвалась Ангва, выходя из переулка.

— Ты там что, засаду устраивала? А это *что такое*?

— Гав, гав, визг, визг.

— Обычная дворняжка, капитан.

— О боги...

По Гильдии Наемных Убийц разнесся громкий бой огромного ржавого Погребального колокола. Фигуры в черном сбежались со всех сторон, толкаясь и отпихивая друг друга, спеша поскорее оказаться во дворе.

Совет Гильдии в полном составе собрался у дверей кабинета доктора Проблемса. Его заместитель господин Низз нерешительно постучал в

дверь.

— Входите.

Совет вошел.

Кабинет Проблемса был самым большим в здании. Посетителям всегда казалось немного неуместным то, что Гильдия Наемных Убийц занимает такие светлые, просторные, хорошо обставленные помещения, которые больше смахивают на клуб для великосветских господ, чем на место, где доминирующая тема всех обсуждений — это убийство.

На стенах висели красочные картины, изображавшие сцены охоты, правда дичью, если присмотреться, были не олени и не лисы. Также имелись несколько гравюр и новомодных иконографий членов Гильдии — ряды улыбающихся лиц и облаченных в черное тел: старшие преподаватели гордо высятся на заднем плане, а выпускники сидят по-турецки впереди, один из них корчит рожу^[7].

Часть комнаты занимал огромный стол красного дерева, за которым еженедельно собирались старейшины Гильдии. Другая часть отводилась под личную библиотеку доктора Проблемса и небольшой рабочий верстак. Над верстаком висел аптечный шкаф, состоящий из сотен маленьких ящичков. Названия на ящичках были написаны особым шифром, используемым наемными убийцами; правда эта предосторожность была излишней — посетители Гильдии обычно воздерживались от предлагаемых тут напитков.

Четыре колонны из черного гранита поддерживали потолок. На них были высечены имена самых знаменитых наемных убийц.

Письменный стол доктора стоял ровно посередине квадрата из колонн. Сам Проблемс стоял за столом, и выражение его лица было почти таким же деревянным.

— Нужно провести перекличку, — сказал он. — Кто-нибудь покидал Гильдию?

— Нет, господин доктор.

— Откуда такая уверенность?

— Охранники, дежурящие на крышах домов по Филигранной улице, сообщили, что никто не входил и не выходил, господин доктор.

— А кто следит за охранниками?

— Они следят друг за другом, господин доктор.

— Очень хорошо. Итак, слушайте внимательно. Я хочу, чтобы весь этот бардак был убран как можно быстрее. Если кто-нибудь вознамерится покинуть здание, не спускать с него глаз. Во всех помещениях Гильдии от подвала и до крыши будет произведен тщательнейший обыск.

— И что мы будем искать? — деловито осведомился младший профессор ядов и прочих отравляющих веществ.

— Все... что спрятано. Если найдете что-нибудь и не будете знать, что именно вы нашли, немедленно посылайте за членом совета. Никакой личной инициативы.

— Но, господин доктор, здесь может быть спрятано все, что угодно...

— Это будет не все, что угодно. Понятно?

— Нет, господин доктор.

— Вот и здорово. Да, еще одно. Стражу сюда не пускать, чтоб духу их здесь не было. Эй, ты... Принеси мою шляпу. — Доктор Проблемс вздохнул. — Нужно доложить обо всем патрицию.

— Боги в помощь, господин доктор... Э-э, в смысле, удачи.

Капитан не произносил ни слова, пока стражники не оказались на Бронзовом мосту.

— Итак, капрал Моркоу, — наконец промолвил Ваймс, — помнишь, я неустанно повторял тебе, что наблюдательность в нашей работе очень и очень важна?

— Так точно, сэр. Я помню все ваши замечания по этому вопросу.

— Ну и что же ты наблюдал?

— Кто-то разбил зеркало. Всем известно, что наемные убийцы буквально без ума от зеркал. Но если это был музей... И зачем было вытаскивать зеркало во двор?

— Прошу прощения, сэр!

— Это кто?

— Я здесь, внизу, сэр. Младший констебль Дуббинс.

— Ах да. Слушаю.

— Я немного разбираюсь в фейерверках, сэр. После них остается характерный запах, которого я не почувствовал. Там совсем по-другому пахло, сэр.

— Хорошо... учуяно, Дуббинс.

— А еще там валялись куски обгоревшей веревки и блоки.

— Дело пахнет драконом, — сообщил Ваймс.

— Уверены, капитан?

— О да.

Ваймс поморщился. После некоторого времени, проведенного в обществе госпожи Овнец, запах дракона не перепутаешь ни с каким другим. Когда вдруг во время обеда что-то кладет голову тебе на колени, ты ничего не говоришь, просто даешь ему кусочки со стола и молишься, чтобы

оно не икнуло.

— В комнате стоял стеклянный стеллаж, — сказал он. — Кто-то разбил его. Ха! Оттуда явно что-то украли. На земле валялась какая-то карточка, но ее успели подобрать, пока я разговаривал с Проблемсом. Я бы сотню долларов отдал за то, чтобы узнать, что на ней было написано.

— Почему, капитан?

— Потому что эта убойная сволочь Проблемс не хотел, чтобы мне это стало известно.

— А я знаю, что могло пробить в стене такую дыру, — вдруг объявила Ангва.

— Что?

— Взорвавшийся дракон.

Стражники двинулись дальше, ошеломленно переваривая услышанное.

— Это возможно, сэр, — после некоторых раздумий произнес Моркоу. — Эти дьяволы взрываются, даже если уронить рядом с ними шлем.

— Дракон... — пробормотал Ваймс. — И почему ты решила, что это был дракон, младший констебль Ангва?

Ангва замаялась, понимая, что ответ «это мне одна дворняга сказала» не самым благоприятным образом отразится на служебной карьере.

— Женская интуиция? — высказала догадку она.

— Может быть, — скептически предположил Ваймс, — женская интуиция попытается угадать, что именно было украдено?

Ангва пожала плечами. Моркоу про себя отметил, как занимательно задвигалась ее грудь.

— Ну, это было нечто такое, что наемные убийцы хотели хранить у себя, дабы иметь возможность любоваться этим? — нерешительно высказалась она.

— О да, — покачал головой Ваймс. — А сейчас ты заявишь, что все это рассказала тебе эта вот псина...

— Гав?

Эдуард Муэрто задернул шторы, запер дверь и прислонился к ней спиной. Все получилось так легко!

Сделав пару шагов, он положил на стол тонкий сверток длиной около четырех футов.

Осторожно развернул ткань и... вот оно...

«Оно» было очень похоже на тот чертеж. О, как это типично для

человека — целая страница подробных чертежей арбалетов, а *это — это* находится на полях, как ничего не значащая заметка.

Как же все просто! Зачем нужно было прятать такое? Вероятно потому, что люди боялись. Люди всегда боятся силы. Она их тревожит, беспокоит.

Эдуард поднял его на уровень глаз и вдруг понял, что предмет словно сам прижался к его плечу, он так удобно лег в руку...

— Ты мое.

Это и стало концом Эдуарда, дона Муэрто. Конечно, еще какое-то время что-то существовало, но то, что это было и как оно думало, не имело к человеку ни малейшего отношения.

Время близилось к полудню. Сержант Колон вывел новобранцев на стрельбища, которые обычно происходили на Лучном вале.

Ваймс вместе с Моркоу отправились патрулировать город.

Капитан чувствовал, как внутри его что-то пузырится. Что-то щекотало концы его изношенных, но все еще активных инстинктов, старалось привлечь к себе внимание. Сидеть на месте было нельзя. Моркоу едва поспевал за капитаном Ночной Стражи.

Стажеры-убийцы все еще убирали двор Гильдии.

— Наемные убийцы при дневном свете, — буркнул Ваймс. — Удивительно, как они в пыль не превратились.

— Это вампиры превращаются в пыль, сэр, — поправил его Моркоу.

— Ха! Ты прав. Наемные убийцы, лицензированные воры и эти проклятые вампиры! А знаешь, парень, когда-то этот старый город был великим.

Они следовали нога в ногу.

— Это когда у нас были короли, сэр?

— Короли? Что? Разумеется, нет!

Двое наемных убийц удивленно оглянулись.

— Я что хочу сказать, — продолжил Ваймс. — Монарх — это абсолютный правитель, верно? Главный поц...

— Если он, конечно, не королева, — вставил Моркоу.

Ваймс сердито посмотрел на него и кивнул.

— Ладно, ладно. Или главная поцка.

— Нет, сэр, это скорее применимо к простолюдинке. Королев надо называть иначе. Поцесса... Гм, тоже нет, слишком молодо. Да, наверное, поцарина.

Ваймс помолчал. Что-то витало в воздухе над городом. Если бы Создатель сказал свое фирменное «Да будет свет!» в Анк-Морпорке, никуда

дальше он бы не продвинулся, потому что местные жители не отпустили бы его, пока не узнали, какой именно это будет свет, насколько он будет ярким и какого оттенка.

— В общем, верховный правитель или правительница, — сказал он и зашагал дальше.

— Так точно, сэр.

— Но это же несправедливо, понимаешь? Какой-то человечиска распоряжается твоей жизнью и смертью. Кто дал ему такое право?

— Ну, если он хороший человек... — начал было Моркоу.

— Что? *Что?* Ладно. Ладно. Представим, что он хороший. А его заместитель? Он тоже будет хорошим? Можно только надеяться. Потому что *он* тоже верховный правитель, поскольку действует от имени короля. И все придворные... все они должны быть хорошими людьми. Потому что, если хоть один из них окажется плохим, мы тут же по уши погрязнем в воровстве и взяточничестве.

— Патриций — верховный правитель, — заметил Моркоу и кивнул проходившему мимо троллю. — Добрый день, господин Карбункул.

— Но он не носит корону, не сидит на троне и не кричит на каждом углу, что занимает это место по *праву*, — возразил Ваймс. — Терпеть не могу этого подлеца, но он хоть честен. Прямой как палка для битья.

— Пусть так, но хороший человек в качестве короля...

— Да? А что потом? Мой мальчик, королевская власть способна развратить всякого. Честные люди начинают кланяться и приседать только потому, что чей-то дедушка был более кровожадным гаденышем, нежели их предок. Слушай, наверное, у нас были хорошие короли. Когда-то. Но короли производят на свет других королей! Кровь берет свое, и в итоге мы получаем толпу надменных кровожадных гадов! Отрубавших головы королевам и каждые пять минут травивших своих кузенов! И так мы жили веками! А потом настал день, и один человек сказал: «Все, хватит с нас королей!», и мы восстали, и стали сражаться с поганой знатью, и согнали короля с трона, и приволокли его на Саторскую площадь, и отрубили его поганую голову! Вот так-то!

— Ого, — восхищенно сказал Моркоу. — И кто же это был?

— Ты о ком?

— О человеке, который сказал: «Все, хватит с нас королей!»?

На них смотрели люди. Лицо Ваймса из красного от ярости превратилось в багровое от смущения.

— Э... он был командиром Городской Стражи, — пробормотал он. — Его звали Старина Камнелиц.

— Никогда о нем не слышал.

— Он, э-э, не часто упоминается в книгах по истории, — ответил Ваймс. — Понимаешь ли, иногда должна начаться гражданская война, а иногда лучше сделать вид, будто и не было ничего. Иногда люди делают свое дело, а затем их забывают — потому что так нужно. Видишь ли, это ведь в его руках был топор. Больше никто не осмелился. В конце концов, ведь на плахе лежала королевская голова. Короли, — он буквально выплюнул это слово, — особые люди. Даже после того, как все увидели его... личные покои и очистили их от... В общем, те еще покои были. Даже после этого. Мир ведь никто не очистил. А он взял топор, послал всех подальше и сделал свое дело.

— А какой король это был? — спросил Моркоу.

— Лоренцо Добрый, — сухо ответил Ваймс.

— Я видел его портрет в дворцовом музее, — кивнул Моркоу. — Такой толстый старичок в окружении детей.

— О да, — заметил Ваймс сдержанно. — Детей он любил.

Моркоу помахал паре гномов.

— Надо же, а я ничего такого и не знал, — сказал он. — Думал, это был какой-то подлый мятеж или вроде того.

Ваймс пожал плечами.

— Все это занесено в летописи. Надо только знать, где смотреть.

— Это и был конец королевской линии Анк-Морпорка?

— Кажется, в живых остался его сын. И парочка безумных родственников. Они были изгнаны. Считается, что для членов королевской семьи это чуть ли не самая ужасная кара. Только не понимаю почему.

— Ну, наверное, я это чуть-чуть понимаю. А вы, сэр, очень любите этот город...

— Да. Но если бы у меня был выбор между изгнанием и отсечением головы, я бы очень быстро собрал чемоданы. О да, от королей мы избавились. Но... город тогда работал.

— И до сих пор работает.

Они миновали Гильдию Наемных Убийц и поравнялись с высокими, неприступными стенами Гильдии Шутовских Дел и Баламутства, занимавшей другой угол квартала.

— Нет, просто движется по инерции. Посмотри-ка вверх.

Моркоу послушно поднял взгляд.

Он увидел знакомый дом на пересечении Брод-авеню и улицы Алхимиков. Фасад был нарядным, но очень грязным. Его колонизировали горгульи.

Надпись на поржавевшем гербе гласила: «НИ ДОЩЬ, НИ СНЕК, НИ МРАК НИБЕСНЫЙ НЕ УДЕРЖАТ ВЕСНИКОВ СИХ АТ ИСПАЛНЕНИЯ ДОЛГА». Возможно, в пору расцвета так оно и было, но потом кто-то посчитал необходимым приколотить ниже разъяснение, гласившее:

«В СПИСАК НЕ ВХОДЯТ:

камни,

троли с дубинами,

драконы всех сартов,

г-жа Торт,

агромныи зилые существа с зубами,

любово вида черные сабаки с аранжывыми бравями.

Туман.

Гаспажа Торт».

— О, — узнал он. — Королевская почта.

— Почтамт, — поправил его Ваймс. — Мой дед рассказывал, что когда-то отсюда можно было отправить письмо, и его доставляли в течение месяца. Точно по назначению. И не надо было отдавать его проходящему мимо гному и надеяться, что этот мелкий пакостник не съест его, прежде чем оно...

Он вдруг умолк.

— Э... Извини. Не хотел тебя обидеть.

— А я и не обиделся, — с готовностью уверил Моркоу.

— Дело не в том, будто бы я что-то имею против гномов. Лично я всегда считал, что нужно еще поискать таких искусных, законопослушных, работающих...

— ...Мелких пакостников?

— Да. Нет!

Они проследовали дальше.

— Эта госпожа Торт, — сказал Моркоу, — видимо, очень решительная женщина.

— Тут ты прав.

Что-то хрустнуло под огромной сандалией Моркоу.

— Стекло, — заметил он. — Далеко разлетелось.

— Взрывающиеся драконы! Ну и фантазия у этой девушки!

— Гав, гав, — раздался чей-то голос позади.

— Эта проклятая псина увязалась за нами, — выругался Ваймс.

— Он что-то увидел на стене и лает, — пояснил Моркоу.

Гаспод смерил двух стражников холодным взглядом.

— Гав, гав, черт побери, визг, визг, — сказал он. — Вы что, совсем ослепли?

Тут надо напомнить, нормальные люди не слышат речи Гаспода, а все потому, что собаки разговаривать не умеют. Это хорошо известный факт. На органическом уровне он хорошо известен — как и масса других фактов, которые берут верх над результатами наблюдений органов чувств. Это вызвано тем, что, если бы люди замечали все то, что рядом с ними происходит, — кто бы тогда делал всю работу?^[8] Кроме того, собаки действительно не умеют говорить. А те, что умеют, являются исключением, которое лишь подтверждает правило.

Тем не менее в ходе некоторых экспериментов Гаспод выяснил, что на подсознательном уровне люди все-таки его слышат. К примеру, не далее чем прошлым вечером какой-то человек точным пинком сбросил его в канаву, но не успел сделать и нескольких шагов, как подумал: «Гм, да, ну я и сволочь...»

— Там что-то есть, — указал Моркоу. — Вон там... Что-то синее висит на той горгулье.

— Гав, гав, гав! А где спасибо?

Ваймс забрался Моркоу на плечи, приподнялся на цыпочки, но дотянуться до узкой синей ленточки так и не смог.

Горгулья покосилась на него каменным глазом.

— Э-э, ты не возражаешь? — спросил Ваймс. — Это висит на твоём ухе и...

Скрежетнув камнем, горгулья распрямила руку, поднесла ее к уху и сняла с себя прилипший лоскут.

— Спасибо.

— Е а то.

Ваймс спустился на землю.

— Вам нравятся горгульи, да, сэр? — спросил Моркоу, когда они зашагали дальше.

— Угу. Может, они и вправду дальние родственники троллей, зато держатся особняком и не лезут в чужие дела, редко спускаются ниже второго этажа и не совершают преступлений — во всяком случае таких, о которых позднее становится известно. В общем, мой тип.

Он развернул полоску.

Это был ошейник, вернее, то, что от него осталось. Оба конца обгорели, однако из-под сажи все еще виднелась надпись «Пухлик».

— Скоты! — воскликнул Ваймс. — Вот скоты! Они и в самом деле

взорвали дракона!

Настало время представить вам самого опасного человека на всем Плоском мире.

За всю свою жизнь он ни разу не причинил вреда ни одному живому существу. Правда, несколько существ он вскрыл, но только после их смерти^[9] — и восхитился, насколько все-таки умело они собраны, учитывая тот факт, что сделал их явно неквалифицированный специалист. Вот уже несколько лет он не покидал своей просторной комнаты, но это мало его тревожило, ведь большую часть времени он проводил внутри своей головы. Для некоторых людей тюрьма — это вовсе не наказание.

Тем не менее он сделал вывод, что ежедневные физические упражнения (продолжительностью где-то с час) необходимы для поддержания здорового аппетита и правильной работы кишечника, а потому в данный момент восседал на машине собственного изобретения.

Машина состояла из седла, закрепленного над парой педалей, которые при помощи цепи вращали большое деревянное колесо, поднятое над полом металлической подпоркой. Второе, свободно вращающееся, деревянное колесо было установлено перед седлом и поворачивалось при помощи рычажного механизма. Это дополнительное колесо и двусторонний рычаг он установил для того, чтобы после занятий машину можно было откатить к стенке, а кроме того, они придавали аппарату приятную глазу симметрию.

Он назвал изобретение «машина-с-колесом-педалями-еще-одним-колесом-и-двусторонним-рычагом».

Лорд Витинари тоже работал.

Обычно он занимался этим в Продолговатом кабинете или же сидя на обычном деревянном стуле у нижних ступеней лестницы, ведущей к изысканно украшенному и покрытому пылью трону. Это был престол Анк-Морпорка, и он действительно был сделан из золота. Лорд Витинари как-то и не думал даже, чтобы сесть на трон.

Но тот день выдался погожим, и патриций решил поработать в саду.

Сады и парки, разбитые рядом с дворцом, пользовались большой популярностью у приезжавших в Анк-Морпорк туристов. Самого патриция парки мало интересовали. Впрочем, некоторые его предшественники, судя по всему, были большими любителями такого рода садовых развлечений, а лорд Витинари ничего не менял и не разрушал, если, конечно, тому не было веской причины. Он содержал небольшой зоопарк и конюшню

скаковых лошадей; кроме того, он в открытую признавал огромную историческую ценность парков, потому что это соответствовало действительности.

Ведь их разбил сам Чертов Тупица Джонсон.

Многие великие ландшафтные садовники вошли в историю и сохранились в памяти людской благодаря чудесным садам и паркам, спроектированным с почти богоподобной мощью и предусмотрительностью. Те садовники, не задумываясь, копали озера, двигали холмы и сажали леса, дабы будущие поколения могли в полной мере оценить красоту Дикой Природы, трансформированной Человеком. Такими мастерами были Одаренность Браун, Дальновидность Смит, Интуиция Де Вир Слейд-Гор...

В Анк-Морпорке таким мастером был Чертов Тупица Джонсон.

Чертов Тупица «Это-Выглядит-Немного-Помойно-Но-Посмотрите-Что-Будет-Лет-Через-Пятьсот» Джонсон. Чертов Тупица «Послушайте-На-Плане-Я-Все-Правильно-Нарисовал» Джонсон. Чертов Тупица Джонсон, который соорудил из двух тысяч тонн земли искусственный «холмик» перед Щеботанским замком только потому, что «я-лично-сойду-с-ума-если-целый-день-перед-глазами-будут-торчать-эти-деревья-и-горы-а-вы?»

Дворцовые парки Анк-Морпорка считались, так сказать, вершиной его карьеры. Например, вы могли полюбоваться тут на декоративное форелевое озеро длиной сто пятьдесят ярдов, но — из-за пустячной ошибки в размерах, что стало отличительной чертой всех проектов Тупицы Джонсона, — всего в один дюйм шириной. В этом озере могла разместиться ровно одна форель, и то при условии, что ей не приспичит когда-нибудь развернуться. Некогда здесь был и декоративный фонтан, который при первом включении зловеще стонал минут пять, а потом выстрелил маленьким каменным херувимчиком на тысячу футов вверх.

Было здесь и хохо — это то же самое, как хаха, только глубже. Во всей цивилизованной множественной вселенной хаха представляет собой хорошо замаскированную канаву с изгородью, позволяющую землевладельцам наслаждаться чудесным видом, не боясь, что скот или совершенно неуместные простолудины забредут на любимую лужайку. Непослушный карандаш Тупицы Джонсона сделал канаву-хаха глубиной пятьдесят футов, и она лишила жизни вот уже трех садовников.

Лабиринт в дворцовых парках был настолько маленьким, что можно было заблудиться, пытаясь отыскать его.

Патриций любил парки — только по-своему. У него была своя точка зрения на умственные способности человечества, и парки полностью

подтверждали его правоту.

На лужайке вокруг стула лежали пачки бумаг. Периодически писцы подносили новые документы и уносили старые. Причем это были разные писцы. Информация различных сортов и видов стекалась во дворец со всех сторон, но собиралась она в одном единственном месте — так паутинки сходятся в центре паутины.

Обычный правитель (не важно, хороший или плохой, чаще — просто мертвый) знает, что в его владениях *произошло*. Очень немногие правители, затратив массу усилий, знают, что в их владениях *происходит*. Лорд Витинари с презрением относился к обоим типам правителей, считая, что останавливаться на достигнутом нельзя.

— Да, доктор Проблемс? — спросил он, не поднимая головы.

«Как это у него получается? — изумленно подумал Проблемс. — Я точно знаю, что двигался совершенно бесшумно».

— Э-э... Хэвлок... — начал было он.

— Ты хочешь сообщить мне что-то?

— Оно... потерялось.

— Да. Но вы его ищите. Замечательно. Удачного дня.

Патриций так и не поднял голову. Он не удосужился даже поинтересоваться, о чем шла речь. «Он все знает, — подумал Проблемс. — А вообще, возможно ли сообщить ему то, чего он не знает?»

Лорд Витинари положил лист бумаги в пачку и взял следующий.

— Ты все еще здесь, доктор?

— Могу заверить, господин, что...

— Не сомневаюсь, что можешь. Не сомневаюсь ни секунды. Но больше меня интересует другой вопрос...

— Господин?

— Почему оно находилось в здании Гильдии, откуда и было украдено? Раньше я считал, что оно уничтожено. По-моему, я отдал четкий приказ.

Именно этого вопроса больше всего боялся наемный убийца. Патриций был мастером тонкой игры.

— Э... Мы, то есть мой предшественник, посчитали, что оно может и должно послужить предостережением и примером...

Подняв наконец голову, патриций широко улыбнулся.

— Грандиозно! — воскликнул он. — Я всегда свято верил в великую силу примера. Надеюсь, ты решишь эту проблему с минимумом неудобств для всех.

— Несомненно, господин, — хмуро ответил Проблемс. — Но...

Начинался полдень.

Полдень в Анк-Морпорке наступал не сразу, а в течение некоторого времени — наступление двенадцати часов должны были подтвердить все мало-мальски значимые организации города. Первыми обычно начинали бить часы Гильдии Учителей, откликаясь на общую молитву ее членов. Затем водяные часы Храма Мелких Богов включали огромный бронзовый гонг. Раздавался один удар черного колокола Храма Судьбы, но к тому времени уже всюду бренчал карильон с педальным приводом Гильдии Шутовских Дел и Баламутства, всюду звенели колокола и колокольчики всех гильдий и храмов, и невозможно было отличить их друг от друга, пока в дело не вступал безязыковый и волшебнo-октироновый колокол Старый Том, что висел на часовой башне Незримого Университета и двенадцать размеренных молчаний которого заглушали общий звон.

И уже в самом конце, отставая на несколько ударов от всех прочих часов, звенел колокол Гильдии Наемных Убийц, который всегда бил последним.

Стоявший рядом с патрицием солнечный циферблат дважды звякнул и опрокинулся.

— Ты что-то хотел сказать? — мягким тоном осведомился патриций.

— Капитан Ваймс... — пробормотал доктор Проблемс. — Он проявляет интерес.

— Неужели? Но это его работа.

— Однако я должен потребовать, чтобы он был отозван!

Слова эхом разнеслись по парку. Вспорхнули несколько голубей.

— Потребовать? — вежливо переспросил патриций.

— В конце концов, он обычная сошка, — отчаянно затараторил доктор Проблемс. — Не вижу причин, почему ему дозволяется совать нос в дела, абсолютно его не касающиеся.

— А мне кажется, он считает себя слугой закона, — заметил патриций.

— Занудный чинуша, наглый выскочка!

— Да? Знаешь, я не совсем одобряю твой порыв чувств, но если ты того требуешь, я заставлю его подчиниться. Незамедлительно.

— Благодарю, мой господин.

— Не стоит благодарности. Не смею боле тебя задерживать.

Доктор Проблемс побрел туда, куда указал ему небрежным взмахом руки патриций.

Лорд Витинари снова склонился над документами и даже не пошевелился, когда до него донесся приглушенный вопль. Он лишь протянул руку и позвонил в маленький серебряный колокольчик.

Слуга появился почти мгновенно.

— Сходи за лестницей, — велел патриций. — Кажется, доктор Проблемс свалился в хохо.

Задвижка отодвинулась, и задняя дверь, ведущая в мастерскую гнома Рьода Крюкомолота, со скрипом приоткрылась. Хозяин выглянул посмотреть, кто к нему пожаловал, и поежился от холода.

Потом закрыл дверь.

— Какой холодный ветер, — пожаловался он своему посетителю. — Но за работу, за работу!

Высота потолка в мастерской была всего пять футов, то есть более чем достаточно. Для гнома.

— ОЙ! — раздался голос, которого никто не услышал.

Крюкомолот еще раз оглядел зажатый в тисках предмет и взял отвертку.

— ОЙ!

— Поразительно, — сказал он. — Думаю, если дернуть эту трубку вниз по стволу, то вот эти шесть гнезд переместятся и подставят новое гнездо к... э-э... стреляльному отверстию. Это понятно. Спусковой механизм очень похож на огниво. Пружина... совсем проржавела, но я легко ее заменю. Знаешь, — промолвил он, поднимая голову, — очень интересный прибор. Учитывая химикаты в трубочках и все остальное. Такая *простая* идея. Это клоуны придумали? Своего рода автоматическая хлопушка?

Он покопался в банке с обрезками железа, нашел подходящий и взял напильник.

— Я сделаю с него несколько эскизов, ладно? — спросил он.

Примерно через тридцать секунд раздался хлопок, и в воздух взвилось облачко дыма. Рьод Крюкомолот встал с пола и потряс головой.

— Повезло! — воскликнул он. — А ведь чуть не покалечился.

Он попытался разогнать рукой дым, а потом снова потянулся за напильником. Пальцы нащупали пустоту.

— КХМ-КХМ.

Рьод предпринял еще одну попытку.

Напильник был бесплотным, как дым.

— Что такое?

— КХМ-КХМ.

Владелец странного прибора с ужасом таращился на что-то, валяющееся у его ног. Рьод посмотрел туда же.

— О, — сказал он.

Понимание того, что произошло, застывшее на грани сознания Рьода, наконец перешло эту грань. Со смертью всегда так. Если она (или, в случае Плоского мира, он) случается с тобой, ты узнаешь об этом одним из первых.

Посетитель схватил устройство с верстака и торопливо сунул в матерчатую котомку. Окинув мастерскую безумным взглядом, он подхватил тело господина Крюкомолота и потащил его через заднюю дверь к реке.

Раздался отдаленный всплеск — ну, или нечто похожее, поскольку добиться подобного звука от Анка крайне затруднительно.

— Вот те на, — покачал головой Рьод, — а я плавать не умею.

— ЭТО ВРЯД ЛИ СОСТАВИТ ПРОБЛЕМУ, — откликнулся Смерть.

Рьод посмотрел на него.

— А ты меньше ростом, чем я думал.

— ЭТО ПОТОМУ, ГОСПОДИН КРЮКОМОЛОТ, ЧТО Я СТОЮ НА КОЛЕНЯХ.

— Проклятая штукавина убила меня!

— ДА.

— Знаешь, со мной такое впервые...

— КАК И С МНОГИМИ ДРУГИМИ. НО ТЫ ПРИВЫКНЕШЬ.

Смерть встал. Хрустнули коленные суставы. Наконец-то он мог выпрямиться, потому что потолка уже не было. Помещение постепенно теряло очертания.

У гномов — свои боги. Нельзя сказать, что гномий народец отличается религиозностью, но они живут в мире, где в любую минуту может треснуть крепеж в шахте или взорваться рудничный газ, а потому боги для гномов — своего рода сверхъестественный эквивалент каски. Кроме того, приятно крикнуть что-нибудь богохульное, когда ты засадил себе по пальцу восьмифунтовым молотом. Только убежденные атеисты особого типа могут прыгать по мастерской, зажав руку под мышкой, и орать что-нибудь вроде: «О, случайная флуктуация пространственно-временного континуума!» или «Вот чертова примитивная и устаревшая концепция!»

Рьод не стал тратить время на расспросы. После того как умираешь, появляются иные неотложные дела.

— Я верю в перевоплощение, — заявил он.

— ЗНАЮ.

— И пытался жить праведно. Это зачтется?

— НЕ МНЕ РЕШАТЬ. — Смерть откашлялся. — ВПРОЧЕМ, РАЗ ТЫ ВЕРИШЬ В ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ... ЗНАЧИТ, РЬОДИШЬСЯ ЗАНОВО.

Он чуть подождал.

— Ага, понял, — наконец кивнул Рьод.

Гномы, можно сказать, знамениты своим чувством юмора. Указывая на них, люди, как правило, говорят: «У этих злобных дьяволят то еще чувство юмора».

— ГМ. КАЖЕТСЯ, В МОЕМ ПОСЛЕДНЕМ ЗАЯВЛЕНИИ ТЫ НЕ НАШЕЛ НИЧЕГО СМЕШНОГО?

— Э-э... Да нет вроде.

— ЭТО БЫЛ КАЛАМБУР, ИГРА СЛОВ. РЬОДИШЬСЯ ЗАНОВО.

— Правда?

— ТЫ НЕ ЗАМЕТИЛ?

— Нет.

— О.

— Извини.

— МНЕ ПОСОВЕТОВАЛИ ВЕСТИ СЕБЯ С КЛИЕНТАМИ БОЛЕЕ РАСКОВАННО.

— Как ты сказал? Я *рьожусь* заново?

— ДА.

— Я подумаю над этим.

— СПАСИБО.

* * *

— Значит, так, — начал свой очередной урок сержант Колон, — это ваша дубинка, в простонародье — патрицизатор или ночная палка. — На некоторое время он замолчал, вспоминая свои армейские деньки. Лицо его вдруг озарилось. — И вы будете заботиться о ней, понятно?! — заорал он. — Есть ею, спать с нею, вы...

— Прошу прощения.

— Кто это сказал?

— Я здесь, внизу. Младший констебль Дуббинс.

— Слушаю тебя, констебль?

— А как можно есть дубинкой, сержант?

Колон выпустил набранный в грудь воздух. Он с подозрением относился к младшему констеблю Дуббинсу, так как считал его скрытым смутьяном.

— Что-что?

— Мы должны пользоваться ей как ножом или как вилкой? Или нужно сломать ее пополам, чтобы получились палочки для еды?

— Что ты несешь?!

— Можно вопрос, сержант?

— В чем дело, младший констебль Ангва?

— А как именно надлежит с нею спать, сэр?

— Ну... я хотел сказать... *Капрал Шноббс, отставить хихикать!*

Колон поправил нагрудник и решил сменить тему лекции.

— А теперь перейдем к этой кукле-шмукле, она же статуя в лучах заката. — Колон подмигнул новобранцам и указал на отдаленно напоминающую человека фигуру из кожи, набитую соломой и водруженную на кол. — По прозвищу Артур, тренировки обращения с оружием для. Младший констебль Ангва, шаг вперед! Вот скажи-ка, младший констебль, ты могла бы убить человека?

— А сколько времени у меня есть?

В занятиях произошла небольшая заминка — на этот раз капрала Шноббса пришлось поднимать с земли и хлопать по спине, пока не прошла икота.

— Ладно, смотрите сюда, — наконец объявил сержант Колон, — вам следует вот что сделать. Берете дубинку вот так, по команде «раз» резко следуете к Артуру, а по команде «два» резко лупите его по башке. Раз... Два...

Дубинка отскочила от шлема Артура.

— Очень хорошо, но одно плохо. Кто-нибудь скажет что?

Все покачали головами.

— Сзади, — возвестил сержант Колон. — Бить нужно сзади. Чего ради рисковать, верно? Так, теперь ты попробуй, младший констебль Дуббинс.

— Но сержант...

— Выполнять!

На некоторое время воцарилась тишина.

— Может, принести ему стул? — предложила Ангва, после того как прошло пятнадцать мучительных секунд.

Детрит гнусно захихикал.

— Мал он еще, чтобы быть стражником, — сказал тролль.

Младший констебль Дуббинс перестал подпрыгивать.

— Прошу прощения, сержант, — пожал плечами он, — но гномы совсем не так поступают...

— А стражники поступают именно так, — парировал сержант Колон. — Хорошо, младший констебль Детрит — *честь не отдавать!* — попробуй ты.

Детрит зажал дубинку между тем, что формально можно было назвать

большим пальцем, и тем, что у людей заменяет палец указательный, и треснул Артура по шлему. И уставился на обломок дубинки. Потом Детрит сжал то, что за неимением лучшего определения можно назвать кулаком, и треснул Артура по тому, что совсем недавно напоминало голову, вогнав кол на три фута в землю.

— Вот теперь и гному сподрученько, — хмыкнул он.

Прошло еще пять мучительных секунд. Наконец сержант Колон откашлялся.

— Ну да, — кивнул он, — думаю, можно считать его целиком и полностью задержанным. Капрал Шноббс, запиши. Удержать с младшего констебля Детрита — *честь не отдавать!* — один доллар за порчу казенной дубинки. И вообще-то, после задержания задержанного, как правило, еще допрашивают.

Он оглядел останки Артура.

— По-моему, — задумчиво проговорил он, — наступило время продемонстрировать вам преимущества стрельбы из лука.

Госпожа Сибилла Овнец посмотрела на жалкую полоску кожи — вот и все, что осталось от Пухлика.

— Что же это за человек, который мог так гнусно поступить с бедным маленьким дракончиком?! — воскликнула она.

— Вот это мы и пытаемся определить, — сказал Ваймс. — Мы... мы думаем, его привязали к стене и взорвали.

Моркоу склонился над стенкой клетки.

— Цыпа-цыпа-цыпа...

Дружелюбное пламя опалило ему брови.

— Он был такой ручной, — продолжила госпожа Овнец. — И мухи за свою жизнь не обидел, бедняжка...

— А как заставить дракона взорваться? — поинтересовался Ваймс. — Можно это сделать, например, пинком?

— О да, конечно, — кивнула госпожа Овнец. — Если хочешь остаться без ноги.

— Значит, эти типы поступили по-другому. Ну а какой-нибудь другой способ есть? Чтобы самому не пострадать?

— Нет. Проще сделать так, чтобы он сам взорвался. Сэм, пойми, у меня нет ни малейшего желания разговаривать о...

— Я должен это выяснить.

— Ну... Хорошо. В это время года самцы обычно дерутся. Показывают друг другу, кто кого больше, раздуваются, пока не... Именно

поэтому я держу их сейчас в разных клетках.

Ваймс покачал головой:

— Никаких других драконов там не было.

За его спиной Моркоу наклонился над следующей клеткой. Похожий на грушу самец открыл один глаз и свирепо воззрился на стражника.

— Какой хорошенький мальчик, — засюсюкал Моркоу. — Кажется, у меня где-то был кусочек угля...

Дракон открыл второй глаз, мигнул, окончательно проснулся и пришел в бешенство. Уши его прижались к голове, ноздри затрепетали, крылья развернулись. Из живота донеслось бурление кислоты — это разом открылись все внутренние затворы и клапаны. Лапы дракончика оторвались от земли, грудь раздулась...

С разбега Ваймс врезался плечом в живот Моркоу, сбив капрала с ног.

Дракон в клетке удивленно заморгал. Враг таинственным образом исчез. Испугался!

Изрыгнув огромный язык пламени, дракончик успокоился и улегся обратно спать.

Ваймс убрал руки с головы и перекатился на живот.

— Капитан, что случилось? — изумленно спросил Моркоу. — Я же совсем не похож на...

— Он атаковал дракона! — воскликнул Ваймс. — Увидел врага и атаковал!

Поднявшись на колени, капитан постучал пальцем по нагруднику Моркоу.

— Ты слишком хорошо его начистил, — пояснил он. — В тебя можно смотреться как в зеркало.

— О да, разумеется, — согласилась госпожа Сибилла. — От драконов зеркала нужно держать подальше. Известный факт...

— Зеркала... — задумчиво промолвил Моркоу. — Там же повсюду валялись осколки зеркала.

— Вот именно. Он показал Пухлику зеркало, — подтвердил Ваймс.

— И бедолага попытался стать больше, чем был на самом деле, — подхватил Моркоу.

— Мы имеем дело, — констатировал Ваймс, — с крайне извращенным умом.

— О нет!

— Да.

— Но... но этого не может быть! Шнобби ведь все время был с нами!

— Я не о Шнобби, — раздраженно бросил Ваймс. — Если он и питает

интерес к драконам, то совсем иного рода. Но в мире, мальчик мой, есть люди куда более странные, чем капрал Шноббс.

Лицо Моркоу застыло от смертельного ужаса.

— Неужели? — неверяще прошептал он.

Сержант Колон осмотрел мишени, снял шлем и вытер со лба пот.

— Думаю, младшему констеблю Ангве следует воздержаться от стрельбы из большого лука, пока мы не придумаем, как сделать так, чтобы ее... чтобы ей ничего не мешало.

— Прошу прощения, сержант.

Они дружно повернулись к Детриту, который с тупым видом высился над грудой сломанных луков. С арбалетами у тролля тоже не складывалось. В его массивных лапах они выглядели заколкой для волос. Теоретически большой лук мог стать в руках тролля смертельным оружием — если бы Детрит научился вовремя отпускать тетиву.

Детрит пожал плечами.

— Прости, господин, — пробормотал он. — Луки — это не для троллей.

— Ха! — воскликнул Колон. — А что касается тебя, младший констебль Дуббинс...

— Просто никак не удастся толком прицелиться, сержант.

— Я полагал, гномы знамениты своим боевым мастерством!

— Да, но... только не таким.

— Засадами они знамениты, — пробормотал Детрит.

Но он был троллем, а поэтому его шепот эхом отразился от далеких домов. Борода Дуббинса встала дыбом.

— Ах ты, коварный тролль, да я...

— Ну что ж, — быстро произнес сержант Колон, — думаю, на этом этапе мы закончим ваше обучение. Придется вам научиться всему... в процессе службы — понятно?

Он вздохнул. Колон не был жестоким человеком, но всю жизнь он был либо солдатом, либо стражником, и потому чувствовал себя немного обиженным. В противном случае он не сказал бы то, что сказал в следующий момент:

— Не знаю, не знаю. Деретесь между собой, ломаете оружие... Кого мы пытаемся одурачить? Так, сейчас почти полдень, на несколько часов вы свободны, встретимся вечером. И кстати, подумайте хорошенько: может, приходить вообще не стоит?..

Что-то тренькнуло. Арбалет Дуббинса выстрелил, стрела просвистела

прямо над ухом капрала Шноббса, воткнулась в реку и осталась торчать.

— Э-э, я случайно... — начал было Дуббинс.

— Ц-ц-ц... — угрюмо покачал головой Колон.

Наступила тяжелая тишина. Для всех было бы лучше, если бы он как-нибудь обозвал гнома. Было бы лучше, если бы он дал понять, что Дуббинс заслуживает хотя бы *оскорбления*.

Сержант Колон повернулся и зашагал в сторону Псевдополис-Ярда.

До них донеслось его раздраженное бормотание.

— Что он сказал? — спросил Детрит.

— «Тоже мне, новобранцы и новобранки», — сказала Ангва и покраснела.

Дуббинс плюнул на землю — что не заняло много времени, благодаря ее близости. Потом сунул руку под плащ и достал, как фокусник достает кролика десятого размера из маленького цилиндра, свой двуглавый боевой топор. А потом он побежал.

Буквально через мгновение он превратился в размытое пятно, несущееся к девственно чистой, не тронутой стрелами мишени. Затем раздался громкий треск, и мишень взорвалась, выкинув в небо ядерный гриб из соломы.

Двое новобранцев подошли посмотреть. Пучки соломы, кружась, опускались на землю.

— Просто здорово, — восхитилась Ангва. — Только сержант говорил, что преступника нужно задержать так, чтобы иметь возможность задать ему потом кое-какие вопросы.

— Но он не говорил, что задержанный обязательно должен иметь возможность на них ответить, — мрачно возразил Дуббинс.

— С младшего констебля Дуббинса удерживается один доллар за мишень, — сказал Детрит, который уже задолжал городу одиннадцать долларов за порчу казенных луков.

— Может, приходить вообще не стоит! — повторил Дуббинс, спрятав куда-то в глубины одежды свой топор. — Видист проклятый!

— По-моему, он не совсем то имел в виду, — возразила Ангва.

— Ха, тебе легко говорить, — сказал Дуббинс.

— Почему это?

— Да потому, что ты *человек*, — ответил за гнома Детрит.

Ангва тщательно обдумала свой ответ.

— Я — женщина, — наконец сказала она.

— Это одно и то же.

— Это вы так думаете. Пошли, выпьем где-нибудь...

Недолговечное чувство «братства по несчастью» испарилось без следа.

— Пить с троллем?

— Пить с гномом?

— Ну хорошо, — устало сказала Ангва. — А что, если *ты* и *ты* пойдете и выпьете со *мною*?

Ангва сняла шлем и распустила волосы. У троллих волос вообще нет, хотя самым везучим из них иногда удается вырастить на голове лишайник, ну а женщины из гномьего рода скорее гордятся шелковистостью своих бород, нежели прической. Наверное, вид Ангвы заставил разгореться искру какого-то древнего космического мужского начала, свойственного всем видам без исключения.

— У меня не было времени хорошо изучить город, — продолжила она. — Но я заметила одно заведение на Тусклой улице...

Это означало, что им нужно было перейти на другой берег реки, причем по меньшей мере двое из них всем своим видом старались показать, что не имеют ничего общего по крайней мере с одним из двух других. А это, в свою очередь, означало, что они постоянно и отчаянно озирались по сторонам.

Дуббинс первым заметил гнома в воде.

Если это можно было назвать водой.

И если его еще можно было назвать гномом.

Новобранцы дружно уставились на Анк.

— Знаешь, — через некоторое время сказал Детрит, — он очень похож на того гнома, что делает оружие на Заиндевелой улице.

— На Рьода Крюкомолота? — уточнил Дуббинс.

— Ага.

— Немного похож, — холодно, нарочито равнодушно согласился Дуббинс, — но не совсем.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Ангва.

— У господина Крюкомолота, — пояснил Дуббинс, — не было такой огромной дыры в груди.

«Интересно, он когда-нибудь спит? — подумал Ваймс. — Этот дьявол хоть когда-нибудь опускает голову на подушку? Где-нибудь есть комната, в которой на крючке висит черный халат?»

Он постучал в дверь Продолговатого кабинета.

— А, капитан, — сказал патриций, оторвав взгляд от бумаг. — Твоя быстрота достойна восхищения.

— Сэр?

— Ты получил мое послание? — спросил лорд Витинари.

— Никак нет, сэр. Я был... занят.

— Несомненно. И чем же, если не секрет?

— Кто-то убил господина Крюкомолота, сэр. Это большой человек в общине гномов. Он был... застрелен из... скорее всего, из какого-то осадного орудия и сброшен в реку. Мы только что его выловили. Я как раз направлялся к его жене, чтобы сообщить ей об этом. Кажется, он живет на Паточной улице. А потом я подумал, что раз уж иду мимо...

— Очень неудачно все вышло.

— Для господина Крюкомолота — определенно.

Патриций откинулся на спинку стула и уставился на Ваймса.

— Так-так-так... — задумчиво промолвил он. — Как, говоришь, он был убит?

— Не знаю. Ничего подобного в жизни не видел... Просто в нем появилась огромная дыра. Но я обязательно выясню, как это произошло.

— Гм. Я еще не упоминал, что сегодня утром ко мне заглядывал доктор Проблемс?

— Никак нет, сэр.

— Он был очень... обеспокоен.

— Так точно, сэр.

— По-моему, ты его расстроил.

— Сэр?

Патриций, казалось, принимал некое решение. Его стул качнулся вперед.

— Капитан Ваймс...

— Сэр?

— Я знаю, послезавтра ты уходишь в отставку и потому немного... волнуешься. Но пока еще ты — командир Ночной Стражи, и я требую от тебя выполнения двух весьма специфических приказов...

— Сэр?

— Твое отделение прекратит расследование, связанное с кражей из Гильдии Наемных Убийц. Я ясно выразился? Это дело находится в компетенции Гильдии.

— Сэр. — Ваймс сделал каменное лицо.

— Я смею надеяться, что произнесенным словом в твоём ответе является «да», капитан.

— Сэр.

— И в этом ответе тоже. Что же касается несчастного господина Крюкомолота... Тело было найдено совсем недавно?

— Так точно, сэр.

— Стало быть, данное дело также вне вашей юрисдикции, капитан.

— Что? Сэр?

— Им займется Дневная Стража.

— Но это дневное-ночное деление... Ничего подобного никогда не было!

— Тем не менее в сложившихся обстоятельствах я дам указание капитану Квирку взять расследование на себя, если, конечно, в таковом возникнет необходимость.

«Если в таковом возникнет необходимость... Как будто подобная дырища в груди — обычное дело. Несчастный случай в результате прямого попадания метеорита», — подумал Ваймс.

Он сделал глубокий вдох и оперся руками на стол патриция.

— Майонез Квирк не способен отыскать без подробной карты собственную задницу! И понятия не имеет, как надо разговаривать с гномами! Он называет их камнесосами! Тело нашли мои люди! Это моя юрисдикция.

Патриций бросил взгляд на руки Ваймса. Ваймс быстро убрал их со стола, словно тот вдруг раскалился докрасна.

— Вы — Ночная Стража, капитан. Ваша власть распространяется только на темное время суток.

— Мы говорим о гномах! Малейшая ошибка, и они начнут вершить закон сами! А обычно это означает отрубание головы первому попавшемуся троллю! И вы хотите назначить на это дело Квирка?

— Я отдал приказ, капитан.

— Но...

— Можешь идти.

— Вы не...

— Я сказал, что вы можете идти, капитан Ваймс!

— Сэр!

Ваймс отдал честь. Потом сделал поворот кругом и строевым шагом вышел из кабинета. Он закрыл дверь так аккуратно, что она даже не скрипнула.

До патриция донесся глухой стук — это капитан со всех сил врезал кулаком по стене. Ваймс и не подозревал, что на стене рядом с Продолговатым кабинетом было много выбоин, глубина которых напрямую зависела от его эмоционального состояния в момент нанесения удара.

Судя по звуку, для ремонта этой выбоины потребуются услуги штукатура.

Лорд Витинари позволил себе улыбнуться, хотя веселья в его улыбке не было.

Город функционировал. Это была самоуправляющаяся корпорация гильдий, связанных неумолимыми законами взаимного своекорыстия, и она работала. В среднем. В целом. В основном. Нормально.

Не хватало только, чтобы какой-то стражник сунул нос не в свои дела и все испортил, как сорвавшаяся с цепи... сорвавшаяся с цепи... сорвавшаяся с цепи осадная катапульта.

Этого действительно не хватало.

Ваймс был приведен в нужное эмоциональное состояние. Если все сложится, приказы окажут нужное воздействие и...

Такой бар существует в каждом крупном городе. В нем пьют служители закона.

В свободное от службы время стражники старались не посещать наиболее популярные таверны Анк-Морпорка. Там легко можно оказаться снова на службе, увидев не то, что надо^[10]. Поэтому обычно они ходили таверну «Ведро», что на Тусклой улице.

Таверна была маленькой, с низкими потолками, а присутствие городских стражников действовало на любителей выпить несколько охлаждающе. Но владельца таверны господина Сыра это не слишком беспокоило. Никто не пьет так, как стражник, который видел слишком много, чтобы оставаться трезвым.

Моркоу отсчитал на стойку мелочь.

— Три пива, одно молоко, одну расплавленную серу с коксом и фосфорной кислотой...

— Зонттик не забудь, — добавил Детрит.

— ...И Тягучий Успокоительный Двойной Гаечный Ключ с лимонадом.

— И фруктовым салатом, — встрял Шнобби.

— Гав?

— И немного пива в миске, — сказала Ангва.

— Этот песик явно к тебе привязался, — заметил Моркоу.

— Ага, — согласилась Ангва. — Никак не пойму почему.

Напитки выставили перед ними на стойку. Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

Господин Сыр, который хорошо знал стражников, не говоря ни слова, тут же снова наполнил бокалы и изолированную кружку Детрита.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

— Знаете, отчего я больше всего бешусь? — спросил Колон немного погодя. — Оттого, что его просто бросили в воду. Даже груз к ногам не потрудились привязать. Просто бросили, и все. Будто их не волновало, найдут его, не найдут... Понимаете?

— А я больше бешусь из-за того, что он был гномом, — сказал Дуббинс.

— А я — из-за того, что его убили, — откликнулся Моркоу.

Господин Сыр снова прошелся вдоль стойки.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

Несмотря на все доказательства, свидетельствующие об обратном, убийства в Анк-Морпорке не были обычным явлением. Были (что соответствовало действительности) заказные убийства. Существовало множество способов (как уже говорилось выше) совершить непреднамеренное самоубийство. Иногда, по субботним вечерам особенно, случались семейные ссоры, во время которых люди находили более дешевый эквивалент развода. Все это было, но, по крайней мере, у всех этих событий была *причина*, пусть и необоснованная.

— Господин Крюкомолот был большим человеком среди гномов, — сказал Моркоу. — И хорошим гражданином. Никогда не подстрекал людей, вернее гномов, к беспорядкам. В отличие от господина Рукисилы.

— А еще он держит мастерскую на Паточной улице, — заметил Шнобби.

— Держал, — поправил его сержант Колон.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

— Интересно, — сказала Ангва, — кто проделал в нем такую дыру?

— Никогда ничего подобного не видел, — признался Колон.

— Может, кому-нибудь стоит пойти к госпоже Крюкомолот и все ей рассказать? — предложила Ангва.

— Капитан Ваймс этим занимается, — откликнулся Моркоу. — Сказал, что не может никого просить о таком и все сделает сам.

— Лучше уж он, чем я, — покачал головой Колон. — Ни за что бы не согласился. В гневе эти дьяволята просто ужасны.

Все мрачно кивнули, включая одного обычного дьяволенка и одного дьяволенка приемного.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

— Разве мы не должны сейчас выяснять, кто это сделал? — спросила Ангва.

— Зачем? — удивился Шнобби.

Она раз или два открыла рот, но потом все-таки нашла подходящий

ответ:

— А если случится еще что-нибудь похожее?

— Это ведь было не заказное убийство, верно? — уточнил Дуббинс.

— Нет, — ответил Моркоу. — По закону они обязаны оставлять записку.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

— Что за город... — пробормотала Ангва.

— Самое смешное, что все работает, — пожал плечами Моркоу. — Знаешь, я, когда только вступил в стражу, был настолько глуп, что арестовал главу Гильдии Воров. По обвинению в воровстве.

— А по-моему, неплохо, — похвалила Ангва.

— Из-за этого у меня были большие неприятности, — признался Моркоу.

— Понимаешь, — встрял Колон, — воры здесь организованы. Я имею в виду, действуют официально. Им разрешено воровство. Правда, сейчас они этим почти не занимаются. Если платить раз в год небольшой взнос, тебе выдается карточка и тебя оставляют в покое. Это экономит время и силы.

— И что, все воры являются членами Гильдии? — поинтересовалась Ангва.

— Да, конечно, — ответил Моркоу. — В Анк-Морпорке воровство без разрешения Гильдии запрещено. Если ты не обладаешь особым талантом, конечно.

— Что? Как это? Каким-таким талантом? — удивилась она.

— Талантом остаться в живых, когда тебя подвешат вниз головой на воротах, а уши прибьют к коленкам, — объяснил Моркоу.

— Ужас какой...

— Да, знаю. Но все дело в том, что это работает. Все система. Гильдии, организованная преступность и все остальное. Все работает.

— Но господину Крюкомолоту система не помогла, — заметил сержант Колон.

Они посмотрели на напитки. Очень медленно, подобно могучей секвойе, которая делает первый шаг на пути к возрождению в виде миллионов листовок «Спасите деревья», Детрит повалился назад. Но кружку из руки не выпустил. При смене положения на девяносто градусов тролль не задействовал ни единый мускул.

— Это все сера, — сказал Дуббинс, не оборачиваясь. — Бьет прямо в башку.

Моркоу стукнул кулаком по стойке.

— Нужно что-то делать!

— Можно стащить его башмаки, — с готовностью предложил Шнобби.

— Я имею в виду господина Крюкомолота.

— Ну да, разумеется, — фыркнул Шнобби. — Ты говоришь совсем как старикан Ваймс. Но если мы начнем волноваться о каждом трупе в этом городе...

— Неужели ты не понимаешь?! — рявкнул Моркоу. — Тут же все иначе! Как правило... как правило это просто самоубийство, вражда Гильдий, ну, или что-нибудь вроде. Но он был обычным гномом! Столпом общины! Целыми днями делал мечи, топоры, арбалеты, какие-нибудь пыточные приспособления! А потом оказался в реке с огромной дырой в груди! Кто разберется с этим, если не мы?

— Ты что-нибудь в молоко добавлял? — на всякий случай спросил Колон. — Слушай, не лезь, гномы сами разберутся. Это как в Каменоломном переулке. Не суй свой нос туда, где его могут оторвать и съесть.

— Но мы — *Городская Стража*, — возвестил Моркоу. — А не какие-нибудь обитатели города, которые стараются вписаться в систему!

— Это сделал явно не гном, — заявил Дуббинс, медленно раскачиваясь на стуле. — И не тролль. — Он попытался хлопнуть себя по носу и промахнулся. — Что не тролль — точно. Руки и ноги у него были целехоньки.

— Капитан Ваймс обязательно проведет расследование, — сказал Моркоу.

— Капитан Ваймс учится быть гражданским, — возразил Шнобби.

— Так, я не собираюсь... — начал было Колон и вскочил со стула.

Он подпрыгнул. Потом еще раз и еще, хватая широко открытым ртом воздух.

— Моя нога! — наконец еле-еле выдавил он.

— Что с твоей ногой?

— В нее что-то воткнулось!

Схватившись обеими руками за сандалию, он скакнул назад и повалился на Детрита.

— В этом городе в ногу может воткнуться все, что угодно, — покачал головой Моркоу.

— Что-то прилипло к подошве, — сказала Ангва. — Да перестань ты ногой махать.

Она вытащила свой кинжал.

— Похоже на кусок картона, — сообщила она. — С кнопкой. Где-то ты его подцепил. Наверное, весь день с ним проходил, пока кнопка не...

— Кусок картона? — переспросил Моркоу.

— На нем что-то написано...

Ангва стерла грязь.

РУЖИЕ

— Что это значит? — спросила она.

— Понятия не имею. Оружие какое-то. Или это визитная карточка какого-нибудь господина Ружия, кем бы он ни был, — ответил Шнобби. — Наплюйте, давайте-ка лучше закажем еще по...

Моркоу взял картонку и повертел ее в руках.

— Сохрани кнопку, — посоветовал Дуббинс. — Пять таких кнопок целый пенни стоят. Уж я-то знаю, мой кузен Гимик их делает.

— Это очень важно, — медленно произнес Моркоу. — Нужно сообщить капитану. Кажется, он искал именно это.

— Что в этой картонке такого важного? — удивился сержант Колон. — Если не считать, что моя нога болит как проклятая?

— Откуда мне знать? Капитан разберется, — ответил Моркоу.

— Вот ты ему все и доложишь, — буркнул Колон. — Он сейчас живет у ее светлости.

— Учится быть господином, — добавил Шнобби.

— Я ему сообщу, — сказал Моркоу.

Ангва посмотрела на грязное окно. Скоро взойдет луна. Вот они, эти города... А может, чертова луна уже вошла и прячется за какой-нибудь башней?

— Так, мне пора домой, — объявила она.

— Я провожу тебя, — быстро произнес Моркоу. — Все равно мне нужно разыскать капитана.

— Это совсем не по пути...

— Если честно, мне очень хочется проводить тебя.

Она посмотрела на его искреннее лицо.

— Но зачем?... Столько беспокойств...

— Все в порядке. Я люблю ходить. Это помогает думать.

Несмотря на свое отчаянное положение, Ангва улыбнулась.

Они вышли в мягкую вечернюю жару. Моркоу инстинктивно перешел на шаг стражника.

— Это очень старая улица, — сказал он. — Говорят, под ней течет подземная река. Я где-то читал об этом.

— Ты действительно так любишь ходить? — спросила Ангва, старясь

идти с ним в ногу.

— О да, здесь столько интересных улиц, исторических зданий. В выходные дни я частенько гуляю.

Она пытливо посмотрела на него. О боги!..

— А почему ты вступил в Стражу? — поинтересовалась она.

— Отец сказал, что она сделает из меня мужчину.

— Кажется, так и произошло.

— Да. Эта самая лучшая работа в мире.

— Правда?

— Конечно. Есть такое слово «полисмен», это древнее название стражников. И знаешь, что оно означает?

Ангва пожала плечами.

— Оно означает «человек полиса». Так в древности называли город.

— Да?

— Я где-то читал об этом.

Она снова бросила на него взгляд. Лицо Моркоу ярко освещал факел, горящий на углу улицы, но оно также светило своим светом, изнутри.

«Он гордится», — подумала она и вспомнила присягу.

«Гордится тем, что служит в этой проклятой Страже. Невероятно...»

— А ты... почему ты вступила в Стражу? — спросил он.

— Я? Мне просто нравится, когда каждый день есть еда и крыша над головой. Кроме того, особого выбора у меня не было. Либо сюда, либо становиться... как это называется?... Ну, туда идут все женщины, у которых нет работы. А, в белошвейки^[11].

— А тебе хотелось бы стать белошвейкой?

Ангва искоса посмотрела на него, но наткнулась на наивный, честный взгляд Моркоу.

— Вряд ли, — сказала она. — Я шить не умею. Кроме того, я увидела плакат: «Городской Страже Требуются Люди! Стань Мужчиной В Городской Страже!» Я подумала и решила попробовать. В конце концов, терять мне было нечего.

Она подождала, чтобы удостовериться, что он снова ничего не понял. Удостоверилась.

— Текст написал сержант Колон, — признался Моркоу. — Он всегда отличался некоторой прямоотой.

Вдруг он втянул носом воздух.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросил он. — Пахнет так... словно кто-то выбросил старый туалетный коврик.

— О, большое спасибо, — донесся откуда-то снизу из темноты

голос. — Да, конечно. Большое тебе, сердечное спасибо. Очень любезно. Старый туалетный коврик. А кто ж еще?

— Ничего не чувствую, — солгала Ангва.

— Врешь, — сказал голос.

— И не слышу.

Башмаки капитана Ваймса услужливо подсказали своему хозяину, что он находится на Лепешечной улице. Ноги передвигались самостоятельно, ум капитана был занят другим. На самом деле в данный момент большая часть его медленно растворялась в лучшем виски Джимкина Пивомеса.

Если б только они не были так подчеркнуто вежливы! В жизни капитана было несколько событий, которые он всегда пытался — но, к сожалению, безуспешно — забыть. До этого дня верхнюю строку списка занимал вид глотки гигантского дракона, который сделал вдох с явным намерением превратить его, капитана Ваймса, в маленькую кучку не совсем чистого угля. Ваймс частенько просыпался в холодном поту, снова и снова он видел зарождающееся пламя. Но теперь, похоже, этот сон заменят другие воспоминания. Воспоминания о тех безразличных лицах, с которыми гномы вежливо выслушали принесенную им весть, — и ощущение, как будто его слова падают в бездонную яму.

В конце концов, что еще он мог сказать? «Извините, он мертв, заявляю это официально»? «Дело расследуют наши худшие люди»?

Дом покойного Рьода Крюкомолота был битком забит гномами — молчаливыми, похожими на сов, *вежливыми* гномами. Новости разнеслись быстро. Он не сказал ничего такого, чего бы они уже не знали. Многие держали в руках оружие. Был среди них и господин Рукисила. Капитан Ваймс уже беседовал с ним на тему произнесенной им речи, призывающей раздробить троллей на мелкие части и вымостить ими улицы. Но даже этот гном молчал. Просто стоял с высокомерным видом. В доме царила атмосфера тихой, *вежливой* угрозы, они словно бы говорили: «Мы тебя выслушаем, но как нам поступить — решим сами».

Он так до конца и не понял, кто из них госпожа Крюкомолот. Все они казались ему на одно лицо. Когда ее представили — в шлеме и бородатую, — он получил от нее лишь вежливые, уклончивые ответы. Да, она закрыла мастерскую, но ключи куда-то задевались. Спасибо.

Со всей тонкостью, на которую только был способен, он попытался дать им понять, что Стража с неодобрением (которое, впрочем, будет изливаться с безопасного расстояния, дабы можно было вовремя унести ноги) отнесется к массовому маршу по Каменоломному переулку, но не

нашел в себе наглости выразить это словами. Он не мог сказать: «Не занимайтесь этим делом сами, потому что Стража уже идет по следу правонарушителя», — он ведь даже понятия не имел, с чего начать расследование. «У вашего мужа были враги? Да, в его груди проделали огромную дыру, но давайте на минутку забудем об этом — у вашего мужа были враги?»

В конце концов он удалился, стараясь сохранить остатки достоинства, хотя сохранять было уже нечего. А потом, после битвы с самим собой и полного поражения в ней, капитан Ваймс купил полбутылки «Старого Въедливого Виски Джимкина Пивомеса» и убрел в ночь.

Моркоу и Ангва дошли до конца Тусклой улицы.

— И где ты живешь? — поинтересовался Моркоу.

— Вон там. — Она показала рукой.

— На улице Вязов? Случайно не у *госпожи Торт*?

— У нее. А почему нет? Мне нужна была хорошая чистая комната по разумной цене. Что в этом плохого?

— Ну... э-э, то есть я ничего не имею против госпожи Торт, приятная женщина, одна из лучших... но... ты не могла не заметить...

— Заметить что?

— Ну... она не очень... понимаешь... *разборчива*.

— Прости, не понимаю.

— Ну, ты же наверняка видела некоторых из ее постояльцев. Редж Башмак по-прежнему снимает там комнату?

— А, — догадалась Ангва, — ты имеешь в виду зомби.

— А в подвале живет банши.

— Да, господин Иксолит.

— И была еще старая госпожа Друль.

— Упыриха. Ушла на пенсию. Устраивает сейчас детские праздники.

— И... И тебе не показалось это несколько странным?

— Зато плата разумная, а белье чистое.

— Вряд ли на нем кто-нибудь когда-нибудь спал...

— Видишь ли, я сняла ту комнату, на которую у меня хватило средств!

— Извини... Я знаю, как это бывает. Со мной случилось то же самое, когда я сюда приехал. Просто я советую тебе побыстрее переехать, ну, в какой-нибудь другой дом, более... подходящий для молодой дамы... Надеюсь, ты меня понимаешь...

— Не совсем. Господин Башмак был настолько любезен, что даже попытался помочь мне занести наверх мои вещи. Правда, потом уже я

помогала ему заносить наверх его руки. От бедняжки постоянно отваливаются куски тела.

— Но они... *люди* не совсем нашего круга, — упрямо продолжал Моркоу. — Я не в плохом смысле, пойми меня правильно. Взять, к примеру, гномов. Некоторые из них — мои лучшие друзья. Мои *родители* были гномами. Тролли? Никаких проблем с троллями. Соль земли. Я не преувеличиваю. Замечательные ребята, лишайник только сверху. Но... умертвия... честно говоря, я бы ничуть не возражал, если бы они вернулись туда, откуда пришли, вот и все.

— Многие из них пришли как раз отсюда.

— Они мне просто не нравятся. Извини.

— Мне пора, — холодно заметила Ангва. Она остановилась у темного входа в переулок.

— Хорошо, — кивнул Моркоу. — Когда мы снова увидимся?

— Завтра. Мы же работаем вместе.

— Может быть, когда у нас будет выходной, мы...

— Мне пора!

Ангва развернулась и побежала прочь. Ореол луны уже появился над крышами Незримого Университета.

— Ладно! Хорошо! Значит, до завтра! — крикнул Моркоу ей вслед.

* * *

Ангва, спотыкаясь, мчалась сквозь тени, а мир вокруг нее крутился и ходил ходуном. Не стоило так задерживаться!

Она вылетела на поперечную улицу, чуть не сбив с ног нескольких поздних прохожих, и добежала до переулка, уже срывая с себя одежду...

Тут-то ее и заметил Бундо Прунг, недавно исключенный из Гильдии Воров за излишний энтузиазм и поведение, недостойное настоящего грабителя. То есть абсолютный негодяй. Одинокая женщина в темном переулке показалась ему достойной добычей.

Он с опаской оглянулся по сторонам и последовал за ней.

Примерно пять секунд было тихо. Потом снова появился Бундо, двигавшийся теперь очень быстро. Он бежал со всех ног, пока не добрался до доков, где готовилось отойти с ночным приливом некое торговое судно. Трап уже убрали, однако он успел прыгнуть на корабль, на котором и стал потом матросом. Скончался Бундо три года спустя, когда в одной далекой стране ему на голову свалился броненосец. За все это время он ни словом

не обмолвился о том, что увидел в том переулке, лишь кричал страшным криком каждый раз, когда на встречу ему попадалась даже самая маленькая и невинная собачонка.

Ангва появилась из переулка спустя несколько секунд и куда-то быстро потрусила.

Госпожа Сибилла Овнец открыла дверь и втянула носом ночной воздух.

— Сэмюель Ваймс! Ты пьян!

— Пока нет! Но еще не все потеряно! — весело заявил Ваймс.

— И эта твоя кольчуга! Ты не переоделся!

Ваймс осмотрел себя.

— Ты права! — бодро согласился он.

— Гости приедут с минуты на минуту. Ступай в свою комнату. Вилликинс приготовил ванну и разложил для тебя одежду. Поторопись...

— Слушаюсь и повинуюсь!

Некоторое время Ваймс плескался в тепловатой воде и розовой алкогольной дымке. Потом он вытерся — насколько ему это удалось — и устался на одежду, разложенную по кровати.

Ее сшил лучший портной в городе. Сибилла Овнец была щедрой натурой. Готова была отдать все, что у нее есть.

Камзол был синих и темно-лиловых тонов, с кружевами на манжетах и воротнике. Последний писк моды, как пытались убедить Ваймса. Сибилла Овнец искренне хотела, чтобы капитан занял достойное место в этом мире. Она считала — правда, никогда об этом вслух не говорила, но Ваймс все равно это знал, — что он, Ваймс, слишком хороший человек, чтобы быть стражником.

Он оловелело таращился на камзол, и виски тут было совсем ни при чем (ну, вернее, только отчасти). Впервые в жизни ему предстояло надеть камзол. Ребенком он носил тряпки, обматывая ими конечности, ну а поступив в Стражу, перешел на кожаные бриджи до колен и кольчугу стражника, то есть удобную и практичную одежду.

К парадным одежаниям прилагалась шляпа, украшенная жемчугом.

Ваймсу еще не доводилось надевать головной убор, не выкованный из металла.

Туфли были длинными и остроносыми.

Летом он ходил в сандалиях, а зимой — в традиционных дешевых башмаках.

Капитан Ваймс с трудом справлялся с ролью офицера и понятия не

имел, как стать господином. Камзол, вероятно, был частью этой процедуры превращения...

Начинали съезжаться гости. До него доносился хруст гравия под колесами карет и шлепанье босых пяток рикш.

Он выглянул в окно. Лепешечная улица была самым высоким местом Морпорка, и отсюда открывался ни с чем не сравнимый вид, если, конечно, вам нравится проводить время за созерцанием ландшафтов. В сумерках дворец патриция казался еще более темным и мрачным, светилось лишь одно окно на верхнем этаже. Вообще, дворец был центром освещенной области, которая ближе к краям своим, то есть к районам, где считалось, что жечь свечи — это переводить хорошую еду, к краям своим область становилась все темнее. Каменоломный переулок был залит алым светом факелов. Понятно, у троллей Новый год. Тускло светило здание факультета высокоэнергетической магии Незримого Университета. Лично Ваймс считал, что всех волшебников следует арестовать — по подозрению в слишком большом уме. Ярче, чем обычно, были освещены Цепная и Чистоводная улицы, находившиеся в районе города, который люди, подобные капитану Квирку, называли «гномлагерем»...

— Сэмюель!

Ваймс поправил шейный платок. Вроде его так надевают...

Он встречался лицом к лицу с троллями, гномами и драконами, но сейчас ему предстояло познакомиться с совершенно новым, ранее неизвестным видом. С богачами.

Выйдя из «этого состояния» (так называла ее Превращение мама), Ангва почти не помнила, как выглядел мир.

Например, она *помнила*, что видела запахи. Реальные улицы и дома оставались на месте, но лишь в качестве унылого, одноцветного фона, на котором ярко выделялись звуки и запахи, подобные сверкающим линиям... разноцветного огня и клубам... скажем, разноцветного дыма.

Вся проблема заключалась именно в этом. Невозможно подобрать слова, чтобы описать то, что она видела и чуяла. Если бы вы вдруг увидели восьмой цвет, а потом попытались описать его семицветному миру, то получилось бы примерно следующее: «Э-э, ну это было... нечто вроде зеленовато-пурпурного». Мы так и не научились толком обмениваться полученным опытом.

Иногда (правда не слишком часто) Ангва считала, что ей крупно повезло — ведь она способна была видеть сразу два мира. В течение первых двадцати минут после Превращения все ее чувства были настолько

обострены, что мир, разложенный на сенсорные спектры, светился многоцветной радугой. Ради такого зрелища стоило чуточку помучиться.

Существует несколько разновидностей вервольфов. Некоторым достаточно бриться один раз в час и носить шляпу, прикрывающую уши. И они вполне могут сойти за почти нормальных людей.

Впрочем, она их легко отличала. Вервольф способен узнать подобного себе даже в огромной толпе. Прежде всего по глазам. Ну и, конечно, существует ряд других признаков. Вервольфы стараются жить обособленно и выбирают работу подальше от животных. Обильно поливают себя духами или лосьонами после бритья и весьма привередливы в еде. А еще они ведут дневники, в которых аккуратно красными чернилами отмечают фазы луны.

В сельской местности жизнь вервольфа затруднена до крайности. Как только пропадает какая-нибудь глупая курица, он сразу становится подозреваемым номер один. В общем, вервольфы стараются селиться в больших городах.

К тому же там намного интересней.

Ангва видела сразу несколько часов из жизни улицы Вязов. Страх грабителя выглядел тускнеющей оранжевой линией. След Моркоу представлял собой расплывающееся бледно-зеленое облако, края которого свидетельствовали о том, что капрал испытывал легкое беспокойство. К запаху примешивались полутона старой кожи и средства для чистки доспехов. Кроме того, улицу вдоль и поперек пересекали другие следы, некоторые — четкие, свежие, другие — совсем поблекшие.

И очень сильно пахло старым туалетным ковриком.

— Эй, девчоночка, — услышала она чей-то голос сзади.

Она обернулась. С собачьей точки зрения, Гаспод также не выглядел красавцем. Разве что запахов прибавилось.

— А, это ты.

— Именно, — кивнул Гаспод и принялся лихорадочно чесаться. После чего с затаенной надеждой поднял на нее глаза. — Спрашиваю только ради того, чтобы покончить с этим раз и навсегда. Для порядка, пойми меня правильно. Наверное, мне не светит понюхать тебя *там*...

— Не светит.

— Просто спросил. Без обид.

Ангва наморщила нос:

— Почему от тебя так гнусно воняет? То есть от тебя достаточно скверно воняло, когда я была человеком, но сейчас...

Гаспод принял гордый вид.

— Круто, да? Это дается нелегко. Пришлось потрудиться. Вот если бы

ты была настоящей собакой, то решила бы, что это обалденный лосьон после бритья. Кстати, госпожа, тебе стоит обзавестись ошейником, тогда никто не будет к тебе приставать.

— Спасибо за совет.

Гасподу, казалось, не давала покоя какая-то мысль.

— Э, слушай... а ты случаем не того, ну, вырыванием сердец не увлекаешься? — решил он наконец.

— Нет. Но если хочешь, могу устроить, — ответила Ангва.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — торопливо произнес Гаспод. — Ты куда направляешься?

Он неуклюже засеменил кривыми лапами, чтобы не отстать от нее.

— Хочу обнюхать мастерскую Крюкомолота. Тебя с собой не приглашаю.

— Все равно мне больше нечего делать. Отходы из «Реберного дома» выносят лишь к полуночи.

— У тебя что, нет дома? — спросила Ангва, ныряя под киоск, торгующий рыбой и чипсами.

— Дом? У меня? Дом? Ну да. Конечно есть. Никаких проблем. Смеющиеся дети, большая кухня, трехразовое питание, веселый соседский кот, за которым можно погоняться, собственная подстилка, место у камина, он старый дурак, но мы его любим, и все такое прочее. Но есть одна проблемка. Я люблю быть сам по себе, поэтому частенько гуляю по городу.

— Только, вижу, ошейника-то у тебя нет.

— Потерял.

— Правда?

— Да. Тяжеленный был. Чертовы анкские камни.

— Ага, я так и подумала.

— А вообще, у нас с хозяевами простые отношения. Они меня не трогают, я — их, — продолжал Гаспод.

— Понимаю.

— Иногда по нескольку дней кряду дома не появляюсь.

— Неужели?

— Даже неделями.

— Здорово.

— Но мне там всегда рады.

— Кажется, ты говорил, что ночевал в Университете, — припомнила Ангва, уворачиваясь от повозки, что неслась вверх по Заиндевелой улице.

На мгновение от Гаспода пахнуло неуверенностью, но он тут же взял себя в лапы.

— Ну да, говорил, — не стал возражать он. — Просто... Понимаешь, как это бывает в семье... Дети вечно таскают на руках, пичкают печеньем, каждый норовит погладить. Действует на нервы. Раздражает ужасно. Поэтому иногда я сплю на улице.

— Понятненько.

— Честно говоря, чаще, чем где-либо.

— В самом деле?

Некоторое время Гаспод трусил молча.

— А тебе стоит быть поосторожнее, — наконец сказал он. — В этом собачьем городе молодым сукам приходится несладко.

Они добежали до деревянного пирса, что располагался сразу за мастерской Крюкомолота.

— А как ты... — начала было Ангва и вдруг замолчала.

Запахи тут были самыми разными, но один, острый, как пила, перебивал все остальные.

— Это фейерверк так пахнет?

— И страх, — добавил Гаспод. — Очень много страха.

Он обнюхал доски.

— Страх человека, а вовсе не гнома. Гнома легко узнать. Это все из-за ихних любимых крыс, понимаешь? Ну и ну. Сильно испугался, судя по запаху.

— Я чувствую одного человека и одного гнома, — сказала Ангва.

— Да. Одного мертвого гнома.

Гаспод прижался потрепанным носом к щели в двери и с шумом втянул воздух.

— Есть еще что-то, но никак не пойму, что именно. Чертова река все перебивает. Масло, смазка и так далее... Эй, ты куда?

Гаспод помчался вслед за Ангвой, которая возвращалась к Заиндевелой улице, опустив нос к земле.

— Иду по следу.

— Зачем? Думаешь, он спасибо тебе скажет?

— Кто?

— Твой поклонник.

Ангва остановилась так резко, что Гаспод налетел на нее.

— Ты имеешь в виду капрала Моркоу? Он вовсе не мой поклонник!

— Да? А я совсем не собака. Нос не обманешь. Феромоны. Старая добрая сексуальная алхимия.

— Я знаю его всего две ночи.

— Ага!

— Что значит «ага»?

— Ничего, совсем ничего. Не вижу в этом ничего плохого...

— На какое-такое «это» ты намекаешь?!

— Ладно, ладно. Я понял, ничего не было, — сказал Гаспод и торопливо добавил: — Даже если бы и было. Капрал Моркоу — хороший человек.

— Это верно, — согласилась Ангва, и шерсть на ее загривке опустилась. — Он... вызывает симпатию.

— Даже сам Большой Фидо всего-навсего укусил его за руку, когда тот пытался его погладить.

— Кто такой Большой Фидо?

— Главный Пустобрех Собачей Гильдии.

— У собак есть своя Гильдия? У собак? Иди-ка дурачь кого-нибудь другого...

— Правду говорю. Право копать в помойках, солнечные места, обязанность лаять по ночам, право на размножение, расписание воя на луну... в общем, все тридцать три удовольствия.

— Собачья Гильдия... — язвительно прорычала Ангва. — Просто здорово.

— Значит, я вру? А ты попробуй погнаться за крысой там, где не положено, увидишь что будет. Тебе повезло, что я рядом, иначе ты бы давно попала в беду. Большие неприятности грозят собаке, которая не является членом Гильдии. Тебе повезло, — повторил Гаспод, — что встретила меня.

— Наверное, ты большой чело... пес в Гильдии.

— Я в ней даже не состою, — высокомерно заявил Гаспод.

— И как же ты выжил?

— Просто я умею за себя постоять. Как бы то ни было, Большой Фидо меня не беспокоит. У меня есть Сила.

— Сила? И какая же?

— Неважно. Главное, Большой Фидо — мой друг.

— Укусить человека только за то, что он захотел тебя погладить? Не слишком-то дружелюбное поведение.

— Ха! От последнего человека, который решил погладить Большого Фидо, осталась одна пряжка.

— Да?

— И то на дереве.

— Где это мы?

— А здесь даже деревьев нет... Что?

Гаспод принялся. Его нос умел читать город не хуже образованных подошв башмаков капитана Ваймса.

— Перекресток Лепешечной и Апустной, — ответил он.

Ангва некоторое время обнюхивала булыжники. Тот, за кем она шла, точно проходил здесь, но с тех пор его след затоптали. Резкий запах все еще присутствовал, но лишь в виде намека, теряющегося в безумном хаосе других запахов.

Внезапно она ощутила быстро приближающийся сильный аромат мыла. Что-то очень, очень знакомое, но тогда она была женщиной и ее обоняние не было столь чувствительным... А сейчас этот запах заполнил весь мир.

Капрал Моркоу с задумчивым видом шагал по улице. Он не смотрел куда идет, хотя в этом не было никакой необходимости. Прохожие старались уступать дорогу капралу Моркоу.

Он впервые увидела его *этими* глазами. О боги! Неужели люди ничего не замечают? Он шел по городу, как тигр по высокой траве или пупземельный медведь по снегу, все окружающее было частью его...

Гаспод бросил на нее взгляд исподтишка. Ангва таращилась на Моркоу во все глаза.

— У тебя язык торчит из пасти, — хмыкнул он.

— Что? Ну и что? Это естественно. Я запыхалась.

— Ха-ха.

Моркоу заметил их и остановился.

— А, знакомый песик, — улыбнулся он.

— Гав, гав, — сказал Гаспод, предательски виляя хвостом.

— О, у тебя появилась подружка, — одобительно промолвил Моркоу. Погладив Гаспода по голове, он инстинктивно вытер ладонь об рубаху. — Подумать только, какая великолепная сука, — продолжал он. — Насколько могу судить, овцепикский волкодав. — Он ласково погладил Ангву. — Ну ладно, мне пора, мою работу за меня никто не сделает, верно?

— Гав, гав, визг, визг, дай песику печенья, — попросил Гаспод.

Моркоу выпрямился и похлопал себя по карманам.

— Кажется, у меня где-то было печенье. Готов поклясться, ты понимаешь каждое мое слово.

Гаспод встал на задние лапы и без труда поймал печенье.

— Гав, гав, спасибо, — поблагодарил он.

Моркоу несколько озадаченно посмотрел на Гаспода, пытаясь сообразить, то ли пес гавкнул, то ли просто сказал «гав», кивнул Ангве и проследовал дальше к Лепешечной улице и дому госпожи Овнец.

— Очень милый парень, — сказал Гаспод, с хрустом разгрызая черствое печенье. — Простоватый, но милый.

— Да, — согласилась Ангва, — он простоват. Я сразу же это заметила. Он простой, а все остальное здесь такое сложное.

— С тобой он совсем теленком становится, — сообщил Гаспод. — Но я ничего не имею против телят. А телячьи сердца такие вкусные.

— Ты омерзителен.

— Да, но я, по крайней мере, — не хочу тебя обидеть — весь месяц остаюсь одинаковым.

— Ты напрашиваешься на укус.

— О да, — простонал Гаспод. — Да, ты меня укусишь. А-а-а, о-о-о. Как ты меня напугала. Сама подумай. У меня целая куча собачьих болезней, и жив я только потому, что они слишком заняты борьбой между собой. Я даже «лизучий конец» умудрился подцепить, которым болеют только беременные овцы. В общем, давай, кусай меня. Измени мою жизнь. На каждое полнолуние у меня будут вырастать зубы и шерсть, и я буду бегать на четвереньках. Очень большая разница по сравнению с моим нынешним состоянием. Надо признать, правда, что по части шерсти у меня есть проблемы, так что, может, сильно кусать не будешь, только прикусишь слегка...

— Заткнись, а? — беззлобно попросила Ангва.

«Он сказал: „О, у тебя появилась подружка“. И словно о чем-то задумался...»

— Может, хоть лизнешь по-быстрому?...

— Заткнись.

— В этих беспорядках виноват сам Витинари, — заявил герцог Эорльский. — У него просто нет стиля! Вот поэтому в нашем городе бакалейщики имеют такое же влияние, что и бароны. Он даже ассенизаторам разрешил создать собственную гильдию! А это противоестественно — по моему скромному мнению.

— Все было бы не так плохо, если бы он установил некий социальный стандарт, — согласилась леди Омниус.

— Или хотя бы стал править, — добавила леди Силачия. — А так людям все сходит с рук.

— Следует признать, — продолжил герцог Эорльский, — что прежние короли тоже, э-э, не входили в наш круг, а в конце и вовсе от нас отделились, но они, по крайней мере, хоть за что-то выступали — по моему скромному мнению. В те времена у нас был благопристойный город. Люди

проявляли почтительность и знали свое место. Днем, в положенное время, они работали, тогда как сейчас они вообще не работают — ни днем, ни ночью. И ворота мы держали на замке, чтобы всякий сброд не лез. И конечно, у нас был закон. Не правда ли, капитан?

Остекленевшими глазами капитан Сэмюэль Ваймс таращился на точку, расположенную чуть выше и левее лица говорившего.

Сигарный дым почти неподвижно висел в воздухе. Последние несколько часов Ваймс провел в компании людей, которые совершенно ему не нравились. К тому же он немного переел.

Сейчас он тосковал по запаху мокрых улиц и ощущению булыжников под картонными подошвами. Поднос с послеобеденными напитками кружил вокруг стола, но Ваймс к ним не притрагивался, потому что это расстроило бы Сибиллу. Хотя она очень старалась не показывать этого — чем, в свою очередь, расстраивала Ваймса.

Виски Пивомеса почти выветрилось. Ваймс ненавидел трезветь. В трезвом состоянии он начинал думать. Как раз сейчас в его голове упорно крутилась мысль, что словосочетание «скромное мнение» — это полная чушь.

У него не было опыта общения с сильными мира сего. Стражники, как правило, с такими не общаются. И дело вовсе не в том, что сильные мира сего менее склонны к преступлениям, чем нормальные люди. Просто совершенные ими преступления стоят настолько выше обычного уровня преступности, что находятся далеко за пределами досягаемости людей в дешевых башмаках и ржавых кольчугах. Владение сотней трущоб преступлением не является, тогда как жить в трущобах — это, считайте, преступление. Быть наемным убийцей — Гильдия, конечно, *не заявляла* об этом открыто, но принимали в нее только отпрысков знатных родов — преступлением не считалось. Если у вас достаточно денег, вы просто не можете совершить преступление. То, что вы творите, — всего-навсего маленькие невинные шалости.

— А сейчас, куда ни посмотришь, везде нахальные гномы, тролли и всякие грубияны-простолюдины, — сказала леди Силачия. — Сейчас в Анк-Морпорке больше гномов, чем в их собственных... как там называются эти их норы?...

— Ну а каково ваше мнение, капитан? — спросил герцог Эорльский.

— Гм-м? — Капитан Ваймс взял виноградину и принялся вертеть ее между пальцами.

— О насущной этнической проблеме?

— А она существует?

— Э-э, да... Возьмем, к примеру, Камнеломный переулок. Там же каждую ночь драки!

— И религия! Они даже не знают, кто настоящий бог, а кто — нет!

Ваймс внимательно рассматривал виноградину. Ему очень хотелось сказать: «Конечно, они дерутся. Они же тролли... Конечно, они бьют друг друга дубинами по голове — основу тролльского языка составляет жестикуляция, а покричать они любят. На самом деле неприятности доставляет только этот гад Хризопраз, и то только потому, что во всем копирует людей и быстро учится на собственных ошибках. Что же касается религии, тролли боги начали лупить друг друга дубинами по головам на десять тысяч лет раньше, чем мы научились не тянуть в рот первую попавшуюся гадость...»

Но воспоминание о мертвом гноме разбудило что-то порочное в его душе.

Капитан положил виноградину обратно на тарелку.

— Определенно, — сказал он. — Что касается меня, я бы собрал все это безбожное отребье и вывел из города, подталкивая в спину хорошей острой пикой.

Все на мгновение замолчали.

— Только этого они и заслуживают, — добавил Ваймс.

— Совершенно с вами согласна! Они не больше чем животные, — воскликнула леди Омниус.

Ваймсу почему-то показалось, что ее зовут Сарой.

— А вы обращали внимание, какие массивные у них головы? — спросил он. — А в них ведь только камень. Почти нет мозгов.

— Известный факт: чем меньше мозгов, тем меньше мораль, — важно кивнул лорд Эорльский.

Все что-то забормотали, явно соглашаясь, а Ваймс потянулся к бокалу.

— Вилликинс, по-моему, капитан Ваймс не хочет вина, — вступила в беседу госпожа Овнец.

— Ты не угадала! — весело возразил Ваймс. — Кстати, раз уж мы заговорили на эту тему, как насчет гномов?

— Не знаю, заметил ли кто-нибудь, но в городе стало гораздо меньше собак, — сказал герцог Эорльский.

Ваймс уставился на него. Это была чистая правда. В последнее время собаки на улицах встречались гораздо реже, чем раньше. Но он пару раз бывал с Моркоу в гномьих тавернах... Конечно, гномы едят собак — но только в том случае, если в округе нет ни одной крысы. Десять тысяч гномов, постоянно уплетающих крыс ножами, вилками и лопатами, вряд ли

могут нанести ощутимый ущерб крысиной популяции Анк-Морпорка. Основным лейтмотивом радостных писем, посылаемых домой гномами, была фраза: приезжайте все и захватите кетчуп.

— И еще, вы обратили внимание, какие маленькие у них головы, — продолжал Ваймс. — Очень ограниченный объем черепа. Подтвержденный тщательными измерениями факт.

— К тому же — где их женщины? Что-то они совсем не встречаются, — поддержала леди Сара Омниус. — И я нахожу это весьма... подозрительным. Знаете, что говорят о гномах? — добавила она загадочно.

Ваймс только вздохнул. Он-то знал, что их женщины постоянно на виду, только выглядят они так же, как мужчины. Это знал *каждый*, кто хоть что-то знал о гномах.

— А их коварство? — не успокаивалась леди Силачия. — Крайне изощренный, дьявольский ум.

— Но знаете, что меня беспокоит больше всего? Эти гномы, они абсолютно неспособны к рациональному мышлению — и в то же самое время такие изворотливые, хитрые. Как такое может быть? — искренне удивился Ваймс.

И заработал яростный взгляд госпожи Сибиллы. Герцог Эорльский погасил свою сигару.

— Они заполонили все вокруг. И трудятся как муравьи. Это неестественно.

Ваймс обдумал последнее замечание и сравнил его про себя с высказыванием, касающимся того, что в этом городе никто не работает.

— Ну, одному из них уже никогда не быть муравьем, — усмехнулась леди Омниус. — Моя служанка рассказывала, что сегодня утром из реки выловили какого-то гнома. Наверное, межплеменная война или еще что-нибудь подобное.

— Ха... какое-никакое, а начало, — хмыкнул герцог Эорльский. — Правда, разницу вряд ли кто заметил: одним больше, одним меньше.

Ваймс широко улыбнулся.

Неподалеку от него по-прежнему стояла бутылка вина — Вилликинс куда-то исчез, так и не успев убрать ее. Горлышко прямо-таки просилось в руку...

Он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и, в свою очередь, посмотрел через стол в глаза человеку, который наблюдал за ним. Этот гость практически не участвовал в разговоре, единственным его вкладом была фраза: «Капитан, будьте так любезны, передайте специи». В лице

гостя ничего примечательного не было — кроме взгляда, абсолютно спокойного. Лишь легкий интерес сквозил в глазах доктора Проблемса. У Ваймса сложилось отчетливое впечатление, что его мысли читают.

— Сэмюель!

Рука Ваймса затормозила ровно на полпути к бутылке. Рядом с ее светлостью стоял Вилликинс и смотрел на капитана.

— Тебя спрашивает один молодой человек, — сказала госпожа Овнец. — Капрал Моркоу.

— Боже, как интересно! — воскликнул герцог Эорльский. — Надеюсь, он не арестовывать нас пришел? Ха-ха-ха!

— Ха, — вяло поддержал Ваймс.

Герцог Эорльский толкнул локтем в бок своего соседа.

— Видимо, где-то поблизости обнаружились преступные замыслы, — высказал он догадку.

— Точно, — согласился Ваймс. — И ближе, чем вы думаете.

Вскоре перед гостями предстал Моркоу, державший в руке, под почтительным углом, свой шлем.

Он оглядел избранное общество, нервно облизнул губы и отдал честь. Все с интересом разглядывали капрала. Хотя в городе встречались и более крупные люди, очень сложно было не заметить Моркоу. Он не выглядел угрожающим, просто каким-то образом без видимых усилий искажал окружающее пространство. Все прочее становилось не более чем фоном к капралу Моркоу.

— Вольно, капрал, — приказал Ваймс. — Что стряслось? Я хотел сказать, — добавил он быстро, вспомнив о буквальном отношении Моркоу к красочному языку, — что привело тебя сюда в такое время?

— Мне нужно кое-что показать вам, сэр. Э-э... Сэр, по-моему, это из Гильдии Нае...

— Хорошо, выйдем отсюда и поговорим, — перебил его Ваймс.

Ни единый мускул не дрогнул на лице доктора Проблемса.

Герцог Эорльский откинулся в кресле.

— Я просто потрясен, — возвестил он. — Всегда считал стражников неумехами и бездельниками. А сейчас я вижу, что вы исполняете свой долг, невзирая на время. Всегда готовы дать достойный отпор преступному уму.

— О да, — подтвердил Ваймс. — Преступный ум. Очень точное выражение.

Прохладный воздух древнего коридора был божественно приятным. Он прислонился к стене и, сощурившись, посмотрел на картонку.

— «Ружие»?

— Вы тогда нам сказали, что видели что-то во дворе... — начал было Моркоу.

— Что такое «ружие»? Может, имелось в виду «оружие»?

— Наверное, писарь ошибся, — высказал предположение Моркоу. — В той комнатухе хранились всякие музейные редкости и, видимо, была полка с табличкой «Оружие». А он, гад, чернила решил сэкономить.

— Нет, вряд ли... А что ты вообще знаешь о музеях?

— Ну, сэр, — смутился Моркоу, — иногда я посещаю их. В выходные, разумеется. Был в Университетском музее, а потом лорд Витинари позволил мне осмотреть музей в старом дворце. Ну, всякие музеи Гильдий, обычно меня пускают туда, если я вежливо попрошу. Есть еще музей гномов, он на Заиндевелой улице...

— Правда? — Ваймс невольно заинтересовался. Он тысячу раз ходил по Заиндевелой улице, но...

— Да, сэр, рядом с Карусельным переулком.

— Поразительно. И что в нем выставляется?

— Много интересных образцов гномьего пирога, сэр.

Некоторое время Ваймс размышлял над сообщенной ему информацией.

— Ладно, сейчас это неважно, — наконец сказал он. — Кроме того, с чего писарю экономить чернила?

— Ну, по всяким причинам...

— Моркоу, это же Гильдия Наемных Убийц.

Он похлопал картонкой по ладони.

— Кстати, только идиот мог залезть в Гильдию Наемных Убийц, — добавил он.

— Да, сэр.

Злость начисто вытравила остатки алкогольных паров. Он снова почувствовал... нет, не волнение, правильнее было бы назвать это *ощущением*. Но ощущением чего? Этого он не знал, однако оно было, звало его...

— Сэмюель Ваймс, что здесь происходит?

Госпожа Овнец прикрыла за собой дверь в обеденную.

— Я наблюдала за тобой, Сэм, — сказала она. — Ты вел себя крайне невежливо.

— Я не нарочно.

— Герцог Эорльский — мой старый друг.

— Правда?

— Да. Во всяком случае, я знаю его с давних пор. Хотя, по правде

говоря, терпеть не могу. Но ты выставил его полным дураком.

— Он сам себя выставил полным дураком. Я лишь немного помог.

— Но ты же... Я не раз слышала, как ты отзываешься о гномах и троллях. И не самым лестным образом.

— Я — совсем другое дело. Я имею на это *право*. А этот идиот не узнал бы тролля, даже если бы тот прошелся по нему.

— О, если бы тролль прошелся по нему, он бы наверняка понял, кто это был, — тут же возразил Моркоу. — Ведь некоторые тролли весят более...

— А что такое важное произошло? — спросила госпожа Овнец.

— Мы разыскиваем того, кто убил... Пухлика, — нашелся капитан Ваймс.

Выражение лица госпожи Овнец мгновенно изменилось.

— Тогда другое дело, — одобрительно кивнула она. — Таких людей следует наказывать публичной поркой.

«Почему я так сказал? — подумал Ваймс. — Может быть, потому, что это правда? Таинственное „ружие“ испарилось, потом кто-то бросил в реку труп гнома со сквозняком там, где должна быть грудь. И гном этот раньше был связан с оружием. Все связано. Мне осталось лишь найти звенья этой цепи...»

— Моркоу, ты можешь вернуться со мной в мастерскую Крюкомолота?

— Да, капитан, но зачем?

— Я хочу осмотреть ее. И на этот раз со мной будет гном.

«Со мной будет больше чем гном, — добавил он про себя. — Со мной будет капрал Моркоу. А капрал Моркоу *нравится* всем».

Ваймс внимательно слушал монотонную речь гномов. Могло показаться, что Моркоу умоляет их, но это было не так. Клан соглашался не из благоразумия, не в качестве повиновения закону, а потому... потому, что об этом просил Моркоу.

Наконец капрал поднял голову. Он сидел на гномьем стуле, и его колени выглядели кривой рамкой для лица.

— Капитан, вы должны понять, что мастерская гнома — это не просто мастерская.

— Хорошо, — согласился Ваймс. — Я понимаю.

— Кроме того... вы очень большой.

— Извини?

— Вы больше гнома.

— А.

— Мастерская гнома — это... это как внутренняя часть его одежды, если вы понимаете, что я имею в виду. Они говорят, что если с вами буду я, то вы можете ее осмотреть. Но вы ничего не должны там трогать. Э-э... Они не очень довольны происходящим, капитан.

Гном, который, возможно, был госпожой Крюкомолот, протянул им связку ключей.

— Вообще-то, я всегда ладил с гномами, — пожал плечами Ваймс.

— Они недовольны, сэр. Гм. Они сомневаются в том, что мы на что-то способны.

— О, мы способны на многое!

— Гм. Наверное, я неточно перевел. Гм, как бы сказать... Они думают, что мы им ничем не поможем. Это не в обиду, сэр. Просто они считают, что нам ничего не дадут сделать.

— Ай!

— Прошу прощения, капитан, — сказал Моркоу, который сейчас больше походил на ходячую букву «Г». — После вас. Осторожней, берегите голову...

— Ай!

— Может, вам стоит сесть, а я пока тут все осмотрю?

Мастерская была длинной, с маленькой дверью в дальней стене. И, разумеется, очень низкие потолки. Под световым люком в крыше стоял большой верстак. У противоположной стены разместились горн и стеллаж для инструментов. И на той же стене обнаружилась странного вида дырка.

В нескольких футах от пола штукатурка была разбита и по кирпичам во все стороны расходилась сеточка трещин.

Ваймс сжал пальцами переносицу. Сегодня так и не получилось поспать. Это тоже представляло собой определенную проблему. Ему предстояло научиться спать, когда темно. Он даже не помнил, когда последний раз спал ночью.

Ваймс принялся.

— Пахнет фейерверком, — заметил он.

— Может, это из горна? — высказал предположение Моркоу. — Кроме того, тролли и гномы пускали сегодня фейерверки по всему городу.

Ваймс кивнул.

— Ладно, — сказал он. — И что же мы видим?

— Кто-то довольно сильно треснул по стене, — отозвался Моркоу.

— Это могло случиться когда угодно. Неделю назад, месяц... — возразил Ваймс.

— Никак нет, сэр, потому что на полу валяются куски штукатурки и вот, смотрите, каменная пыль, а гном всегда содержит свою мастерскую в чистоте и порядке.

— Правда?

На стеллаже рядом с верстаком лежало разное оружие, некоторое еще не законченное. Ваймс взял в руки почти-арбалет.

— Хороший был мастер, — покачал головой он. — Отлично разбирался в механизмах.

— Чем и был знаменит, — подтвердил Моркоу, бесцельно перебиравший инструменты на верстаке. — Руки у него были золотые. В качестве хобби делал музыкальные шкатулки. А до всякого рода механических загадок был сам не свой, дай только справиться с чем-нибудь позаковыристее. Э-э... А что на самом деле мы ищем, сэр?

— Сам не знаю. Вот хорошая работа...

Это был боевой топор, настолько тяжелый, что Ваймс с трудом удерживал его в руке. Лезвие было покрыто замысловатым узором. Чтобы выковать такой топор, нужно было потратить по крайней мере несколько недель. И еще узоры...

— Это тебе не хухры-мухры.

— Я никогда не видел хухров, но это точно не они, — согласился Моркоу. — Это настоящее погребальное оружие.

— Ни секунды не сомневаюсь.

— Я имею в виду, его сделали именно для того, чтобы похоронить вместе с гномом. В могилы гномов обязательно кладут оружие. Понимаете? Чтобы он взял его туда... куда потом попадет.

— Но это же тончайшая работа. И лезвие у него... Ай! — Ваймс сунул палец в рот. — Острое как бритва.

Моркоу выглядел слегка изумленным.

— Конечно острое. А какой смысл сражаться с ними *некачественным* оружием?

— С кем это с *ними*?

— Ну... со всеми теми, кого он может встретить на своем пути после смерти, — несколько нескладно ответил Моркоу.

— А. — Ваймс замялся. В этой области он чувствовал себя не слишком уютно.

— Древняя традиция, — пояснил Моркоу.

— Я думал, что гномы не верят в дьяволов, демонов и прочую нечисть, — удивился Ваймс.

— Это верно, только... мы не уверены, что нечисть об этом знает.

— О.

Ваймс положил топор на место и взял со стеллажа еще одно изделие. Это был рыцарь в доспехах около девяти дюймов высотой. Из спины рыцаря торчал ключ. Ваймс повернул его и чуть не выронил фигурку, когда ее ноги начали вдруг двигаться. Он поставил рыцаря на пол, и тот, размахивая мечом, зашагал вперед на негнущихся ногах.

— Ходит почти как Колон, а? — восхитился Ваймс. — Надо же, чудеса какие!

— Самошагающая игрушка, — сказал Моркоу. — Господин Крюкомолот был большим мастером.

Ваймс кивнул.

— Мы ищем то, чего здесь быть не должно. — Он огляделся по сторонам. — Или то, что должно быть, но его здесь нет. Чего-нибудь тут не хватает, не видишь?

— Трудно сказать, сэр. Этого же здесь нет.

— Чего?

— Того, чего не хватает, — со свойственной ему прямоотой ответил Моркоу.

— Я имею в виду, — терпеливо объяснил Ваймс, — то, чего здесь нет, но что бы ты ожидал найти.

— Ну, тут есть... все обычные инструменты, сэр. Очень хорошие, кстати. Очень жаль.

— Что жаль?

— Их же расплавят.

Ваймс уставился на аккуратные стеллажи с молотками и напильниками.

— Зачем? А нельзя отдать их какому-нибудь другому гному?

— Что? Отдать инструменты другому?! — Губы Моркоу скривились от отвращения, словно ему только что предложили надеть старые трусы капрала Шноббса. — О, нет, сэр... это... неправильно. Ну, то есть... они же были *частью* господина Крюкомолота. И... и если кто-нибудь другой будет пользоваться этими инструментами после того, как он проработал ими долгие годы... бр-р-р!

— Правда?

Заводной солдатик ушагал под верстак.

— Это будет очень неправильно, — закончил Моркоу. — Э... противно.

— О. — Ваймс поднялся.

— Капи...

— Ой!

— ...Осторожней, берегите голову. Извините.

Потирая затылок, Ваймс тщательно исследовал дыру в штукатурке.

— Там... что-то есть, — вдруг сказал он. — Дай-ка мне зубило.

Молчание.

— Я лишь прошу дать мне зубило. И если тебе от этого будет легче, я напомню: мы пытаемся найти того, кто убил господина Крюкомолота. Правильно?

Моркоу взял одно из зубил, но с явной неохотой.

— Это же зубило господина Крюкомолота, — промолвил он укоризненным тоном.

— Капрал Моркоу, ты можешь перестать быть гномом хоть на две секунды? Сейчас ты — стражник! И дай мне наконец это проклятое зубило! У меня и так выдался нелегкий денек! Спасибо!

Ваймс немного поковырял кирпичи, и ему в руку выпала неровная свинцовая лепешка.

— Праща? — удивился Моркоу.

— Тут слишком мало места, чтобы еще пращей размахивать, — возразил Ваймс. — Кроме того, пращей эту штуку так глубоко в стену не загонишь.

Он сунул лепешку в карман.

— Пожалуй, все, — сказал он и выпрямился. — Надо — ой! — достать этого солдатика. Оставим все как было.

Моркоу повозился в темноте под верстаком. Что-то зашуршало.

— Сэр, тут лежит какой-то лист бумаги.

Моркоу вылез из-под верстака и помахал пожелтевшей бумажкой. Ваймс, прищурившись, рассмотрел находку.

— По-моему, полная чепуха, — хмыкнул он. — Это писали не гномы. Точно знаю. Но эти символы... эти символы я где-то видел. Или что-то очень похожее. — Он вернул бумагу Моркоу. — Может, у тебя что получится?

Моркоу пожал плечами.

— Ну, вообще-то, что-нибудь да получится, — ответил он. — Я могу сделать из него, например, шляпу, бумажный цветок или...

— Я имею в виду символы. Вот эти символы на бумаге. Ты их где-нибудь встречал?

— Не знаю, капитан. Хотя выглядят они знакомо. Похоже... на письма алхимиков?

— О нет! — Ваймс закрыл глаза ладонями. — Проклятые алхимики!

Только не это! Толпа безумных продавцов фейерверков! Я могу вынести наемных убийц, но только не этих идиотов. Нет! Пожалуйста! Кстати, который сейчас час?

Моркоу приподнял висящие на ремне песочные часы.

— Около половины двенадцатого, капитан.

— Тогда я пошел спать. Эти клоуны могут подождать до завтра. Осчастливь меня на прощание. Это, наверное, какой-нибудь чертеж господина Крюкомолота?

— Сомневаюсь, сэр.

— Вот и я тоже. Пошли. Выйдем через заднюю дверь.

Моркоу с трудом протиснулся на улицу.

— Берегите голову, сэр.

Ваймс, почти опустившись на колени, вдруг замер и уставился на косяк.

— Итак, капрал, — сказал он наконец, — мы теперь точно знаем, что это сделал не тролль. По двум причинам. Во-первых, тролль не смог бы пройти через эту дверь. Она рассчитана на гнома.

— А во-вторых, сэр?

Ваймс аккуратно снял что-то со щепки, торчавшей из низкой притолоки.

— А во-вторых, Моркоу, у троллей нет волос.

Волосы, извлечённые из притолоки, были рыжими и длинными. Кто-то, видно, очень спешил убраться отсюда. Кто-то высокий. Уж всяко побольше ростом, чем гном.

Ваймс внимательно рассмотрел волосы. Они скорее походили на нити. Тонкие красные нити. Впрочем, улика есть улика.

Он аккуратно сложил их, завернул в лист бумаги, вырванный из блокнота Моркоу, и передал капралу.

— Смотри не потеряй.

На четвереньках они выбрались в ночь. Вдоль стены шла дощатая пешеходная дорожка, а дальше... дальше была река.

Ваймс осторожно выпрямился.

— Мне все это очень не нравится, Моркоу, — сказал он. — Тут точно зарыта собака.

Моркоу опустил глаза.

— Я имел в виду, происходят какие-то странные, таинственные события, — быстро поправился Ваймс.

— Да, сэр.

— Пора возвращаться в Ярд.

Перейдя на фирменный шаг стражников, они с частыми остановками проследовали к Бронзовому мосту — с остановками потому, что Моркоу вежливо приветствовал всех встречавшихся им прохожих. Отпетые головорезы, чей обычный ответ на замечание стражника можно передать лишь при помощи случайного набора символов, неловко улыбались и бормотали что-то безобидное в ответ на сердечное приветствие типа: «Добрый вечер, господин Костолом! Веди себя хорошо!».

Добравшись до середины моста, Ваймс остановился, чтобы прикурить сигару. Чиркнув спичкой о декоративного гиппопотама, он задумчиво посмотрел вниз, на мутные воды.

— Моркоу?

— Да, капитан?

— Как ты считаешь, преступный ум — такое вообще бывает?

Моркоу начал обдумывать этот вопрос вслух:

— Это... наверное, люди типа... Себя-Режу-Без-Ножа Достабля?

— Какой же он преступник?

— А вы пробовали его сосиски, сэр?

— Э-э... да... но... просто он, так сказать, географически дивергентен в финансовой области.

— Как-как, сэр?

— Это значит, что зачастую его точка зрения на положение вещей расходится с точкой зрения других людей. Возьмем, к примеру, деньги. Он искренне считает, что им самое место в его кармане, а не в твоём. То есть...

Ваймс закрыл глаза и подумал о сигарном дыме, о льющемся рекой вине и сдержанных, лаконичных речах. Есть люди, которые занимаются тем, что крадут деньги. Все понятно, это и называется воровством. Но есть и другие люди, которые одним небрежным словом способны украсть у людей человечность. Это уже нечто другое.

Он был не в восторге от гномов и троллей. Честно говоря, ему вообще мало кто нравился. Но он каждый день вращался в их обществе, а потому имел право на такое отношение. А когда всякие жирные идиоты начинают разглагольствовать на темы, как, мол, опустился Анк-Морпорк...

Ваймс посмотрел на воду. Одна свая находилась прямо под ним, река Анк пыталась kloкотать и булькать вокруг нее. Бревна, ветки и прочий хлам скопились у сваи, образовав плавучий помойный островок. На нем даже какие-то грибы успели вырасти.

Он не отказался бы сейчас от бутылочки хорошего пойла Джимкина Пивомеса. Когда смотришь на мир сквозь дно бутылки, внимание как-то лучше фокусируется.

Но тут его внимание сфокусировалось кое на чем на другом.

«Теория сходства и подобия, — думал Ваймс. — Кажется, так называют это травники». Если растение похоже на некую часть тела, стало быть, из него получится прекрасное лекарство для лечения именно этой части тела. Как будто добрые боги предусмотрительно развесили на растениях таблички «Прими меня». Зубоцвет — для зубов, костенец — для костей, очанка — для глаз, была даже некая поганка под названием «фаллус стоякус»; что ей следует лечить, Ваймс не знал, но Шнобби почему-то постоянно жрал омлеты с грибами. Так что либо этот гриб в реке предназначен для лечения рук, либо...

Ваймс вздохнул.

— Моркоу, принеси-ка багор.

Моркоу посмотрел туда же, куда смотрел капитан.

— Чуть левее бревна, Моркоу.

— О нет!

— Боюсь, что да. Вытащи его, узнай, кем он был, и напиши рапорт сержанту Колону.

Труп оказался клоуном. Когда Моркоу спустился на кучу мусора и откинул ветки, мертвец всплыл вверх лицом и улыбнулся грустной нарисованной улыбкой.

— Он мертв!

— Как будто эпидемия какая-то, правда?

Ваймс опять взглянул на улыбающийся труп. «Ничего не предпринимай. Держись подальше. Пусть этим занимаются наемные убийцы и тупица Квирк. Ты же получил приказ».

— Капрал Моркоу?

— Сэр?

«Ты же получил приказ...»

«Ну и черт с ним. Я что, заводной солдатик патриция?»

— Мы должны выяснить, что происходит.

— Так точно, сэр!

— Что бы ни случилось. Мы все выясним.

Река Анк, вероятно, была единственной рекой во всей множественной вселенной, на поверхности которой мелом можно обвести силуэт трупа.

«Дорогой сержант Колон!

Надеюсь, у тебя все хорошо. Погода Просто Чудесная. Это труп, который мы выловили из реки прошлой ночью, но мы не знаем, кто он,

знаим только, што его звали Бино и он стоял в Гильдии Шутовских Дел и Баламутства. Его сильно треснули по затылку, а потом он какое-то время правел под мостом, поэтому выглядит Не Очень Приятно. Капитан Ваймс приказал все выяснить. Он сказал, это завязано с Убийством господина Крюкомолота. И сказал поговорить с Шутами. Сказал, Это Нужно Для Дела, Сержант. Прилагаю так же Лист Бумаги. Капитан Ваймс велел показать его Алхимикам...»

Сержант Колон на секунду прервался, чтобы высказать вслух все, что он думает об алхимиках.

«...Потому што это Загадочная Улика. Надеюсь, письмо застанет тебя в Добром Здравии, с Совершеннейшим Почтением, Моркоу Железобетонссон (капрал)».

Сержант задумчиво почесал затылок. Черт возьми, что все это значит?

Сразу после завтрака пара старших шутов из Гильдии Шутовских Дел и Баламутства заявили, чтобы забрать труп. Труп в реке... ничего особенного. Но клоуны обычно так не умирают. Что у клоуна брать? И неужели для кого-то он может представлять опасность?

Что же касается алхимиков, он скорее лопнет, чем...

Хотя... чего переживать? У него же есть новобранцы! Пусть принесут хоть какую-то пользу.

— Дуббинс и Детрит — *честь не отдавать!* — у меня есть для вас одно задание. Отнесите вот этот листок в Гильдию Алхимиков и спросите у кого-нибудь из ихних психов, что там написано.

— А где находится Гильдия Алхимиков, сержант?

— На улице Алхимиков — где ж еще? — фыркнул Колон. — То есть пока что она там. Но на вашем месте я бы поспешил.

Гильдия Алхимиков находилась прямо напротив Гильдии Азартных Игроков. Обычно. А иногда она находилась над ней, под ней или вокруг нее в виде маленьких разрозненных фрагментов.

У азартных игроков часто спрашивают, почему они продолжают держать контору напротив Гильдии, которая почти каждый месяц умудряется взрывать свое здание, на что игроки обычно отвечают: «А вы внимательно прочли табличку на нашей двери?»

Троль и гном направлялись к Гильдии Алхимиков, периодически умышленно-случайно толкая друг друга.

— Если ты такой умный, почему он доверил бумагу мне?

— Ха! Может, ты прочтешь ее, а? Что, не можешь?

— Я сказал тебе прочитать ее. Это называется дилигрование.

— Ха! Просто ты читать не умеешь! И считать не умеешь! Тупой тролль!

— Не тупой.

— Ха! Правда? Все знают, что тролли даже до четырех считать не умеют!^[12]

— Пожиратель крыс!

— Сколько пальцев я показываю? А ну, скажи, господин Умная-Каменная-Башка?

— Много, — предположил Детрит.

— Ха-ха-ха, неправильно! Пять. В день зарплаты тебя ждут *большие* неприятности. «Тупой тролль, — скажет сержант Колон, — он и не поймет, сколько долларов я ему на самом деле дал!» Ха! Кстати, а как ты прочитал объявление о приеме в Стражу? Попросил кого-нибудь?

— А как ты его прочитал? Попросил кого-нибудь поднять тебя?

Они подошли к двери Гильдии Алхимиков.

— Я постучу. Это моя обязанность!

— Нет, моя!

Открыв дверь, секретарь Гильдии Алхимиков господин Слухомодус увидел повисшего на дверном молотке гнома. Гномом размахивал огромный тролль. На всякий случай Слухомодус поправил свой защитный шлем.

— Слушаю.

Дуббинс отпустил молоток.

Детрит нахмурил массивные брови.

— А ну-ка, болван психованный, что у тебя из этого получится?! — проорал он.

Слухомодус непонимающе смотрел то на Детрита, то на лист бумаги. Дуббинс отчаянно пытался обойти тролля, который загородил собой весь дверной проем.

— *Зачем ты его так назвал?*

— *Но сержант Колон сам сказал, что все алхимики...*

— Ну, может получится шляпа, — наконец предположил Слухомодус, — а если взять ножницы, то гирлянда...

— Э-э, мой коллега хотел сказать... не мог бы ты помочь нам в исследовании надписей на этом крайне подозрительном листе бумаги? — вмешался Дуббинс. — Ой, больно же!

Слухомодус опустил на него взгляд.

— Ты — стражник? — поинтересовался он.

— Младший констебль Дуббинс, а это, — Дуббинс ткнул пальцем вверх, — младший пытающийся-стать-констеблем Детрит — *не отдавай...* Ой...

Раздался глухой удар, и Детрит повалился набок.

— Он из подразделения самоубийц? — удивился Слухомодус.

— Придет в себя буквально через минуту, — заверил Дуббинс. — Никак не научиться правильно отдавать честь. Типичный тролль, сам понимаешь...

Слухомодус пожал плечами и принялся разглядывать лист бумаги.

— Выглядит... знакомо, — задумчиво промолвил он. — Где-то я такое уже видел. Послушай... ты же гном, да?

— Чертов нос, — буркнул Дуббинс. — Это он все время меня выдает...

— Что ж, мы всегда рады оказать помощь анк-морпоркскому обществу, — сказал Слухомодус. — Входите.

Пинками башмаков с коваными носами Дуббинс быстро привел в чувство Детрита, и тот побрел вслед за ними.

— А зачем тебе, э-э, защитный шлем, господин? — поинтересовался Дуббинс, пока они шли по коридору.

Отовсюду доносился стук молотков. Здание Гильдии, как обычно, ремонтировалось.

Слухомодус закатил глаза.

— Шары, — объяснил он. — А точнее, бильярдные шары.

— У меня есть один знакомый, он тоже так играет... — сочувственно покивал Дуббинс.

— Нет, господин Зильберкит — отличный игрок, именно поэтому мы взялись за эту проблему.

Дуббинс снова посмотрел на защитный шлем.

— Слоновая кость, понимаешь?

— А, — сказал Дуббинс, ровным счетом ничего не понимая. — Слоны?

— Слоновая кость без слонов. Созданная из ничего слоновая кость. Очень выгодное коммерческое предприятие.

— Я думал, вы тут работаете над золотом.

— О да, вы, люди, все знаете о золоте, — пробормотал Слухомодус.

— Разумеется, — ответил Дуббинс, раздумывая над характеристикой «вы, люди».

— Золото, — продолжал Слухомодус, — с ним все не так просто...
Очень серьезная проблема.

— Что, настолько серьезная?

— Трехсотлетняя.

— Ого.

— А над слоновой костью мы работаем всего неделю и уже добились значительных сдвигов! — быстро произнес алхимик. — Если не считать парочки побочных эффектов. Но в ближайшее время все будет решено!

Он распахнул дверь.

Помещение было огромным и битком набитым плохо вентилируемыми печами. Над рядами булькающих плавильных тиглей висело чучело аллигатора. В прозрачных банках что-то плавало, а в воздухе пахло сомнительными шансами на выживание.

Большая часть оборудования была сдвинута к одной из стен. Вокруг бильярдного стола, занимающего все свободное место, стояли с полдюжины алхимиков в напряженных позах, свидетельствующих о готовности драпать в любую секунду.

— Третье испытание за неделю, — мрачно произнес Слухомодус и кивнул фигуре с кием, нависшей над столом. — Э... господин Зильберкит... — начал было он.

— Тихо! Идет игра! — оборвал его главный алхимик и, прищурившись, посмотрел на белый шар.

Слухомодус бросил взгляд на табло.

— Двадцать одно очко, — удивился он. — Ну и ну. Быть может, нам все же удалось добавить в нитроцеллюлозу верное количество камфары...

Раздался щелчок, бильярдный шар покатился, отскочил от борта...

...И вдруг резко прибавил скорость. Когда он налетел на невинную кучку красных шаров, из него клубами валил белый дым.

Зильберкит покачал головой.

— Крайне нестабильное состояние, — сказал он. — Ложись!

Все находившиеся в комнате люди пригнулись, за исключением двух стражников, один из которых всегда пребывал в своего рода пригнувшемся состоянии, а второй на несколько минут отставал от событий.

Черный шар исторг столб пламени, взлетел в воздух, просвистел рядом с лицом Детрита, оставляя черный дымный след, и, разбив окно, умчался прочь. Зеленый шар оставался на месте, но бешено крутился. Остальные шары металась взад-вперед по комнате, периодически вспыхивая и отскакивая от стен.

Один из красных шаров попал Детриту между глаз, отлетел на стол,

залетел в среднюю лузу и взорвался.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь приступами кашля. Из маслянистого дыма появился Зильберкит и дымящимся концом кия перевел счет на табло. Руки у алхимика подрагивали.

— Один, — сказал он. — Ладно, вернемся к тиглям. Эй, кто-нибудь, закажите новый бильярдный стол...

— Прошу прощения! — Дуббинс ткнул его под коленку.

— Кто здесь?

— Эй! Я тут, внизу!

Зильберкит опустил глаза.

— Ты — гном?

Взгляд Дуббинса ничего не выражал.

— А ты — великан? — спросил он.

— Я? Конечно нет.

— Ага. Значит, я — гном. А это — тролль. — Он указал на Детрита, который попытался принять нечто напоминающее стойку «смирно».

— Мы пришли узнать, не могли бы вы помочь нам разобраться, что написано на этой бумаге, — продолжал Дуббинс.

— Гы! — выразился Детрит.

Зильберкит посмотрел на листок.

— О, да, разумеется, — сказал он. — Это записки старого Леонарда. И что дальше?

— Леонарда? — переспросил Дуббинс и сердито посмотрел на Детрита. — Запиши.

— Леонарда Щеботанского, — добавил алхимик.

Дуббинс по-прежнему ничего не понимал.

— Никогда о нем не слышали? — удивился Зильберкит.

— Можно сказать и так.

— Я-то думал, все знают Леонарда Щеботанского. Он был несколько не в своем уме. Но невероятно гениален.

— Он был алхимиком?

«Запиши, запиши...» Детрит отчаянно озирался в поисках какой-нибудь обгоревшей палки и подходящей стены.

— Леонард? О нет, он ни в какой Гильдии не состоял. Или же состоял во всех Гильдиях сразу. Это как посмотреть. Он многое успел. Он халтурил, если понимаешь, что я имею в виду.

— Не понимаю.

— Немного писал картины, возился с механизмами. Занимался всем подряд.

«Был бы у меня хотя б молоток с зубилом», — думал Детрит.

— А это, — махнул рукой Зильберкит, — формула... впрочем, тебе я могу сказать, она уже не является тайной... Это формула, как мы его называем, порошка № 1. Сера, селитра и уголь. Используется в фейерверках. Любой дурак может сделать. Правда, выглядит она как-то странно. Написана задом наперед.

— А вот это очень важно, — прошипел Дуббинс троллю.

— О нет, вспомнил, — тут же поправился Зильберкит. — Он же всегда так писал. Станный был человек, но очень, очень талантливый. Ты видел портрет Моны Ягг его кисти?

— По-моему, нет.

Зильберкит вернул листок Детриту, который с умным видом вперился в таинственные закорючки. «Может, тут записать?» — подумал он.

— Ее зубы буквально следуют за тобой по всему залу. Поразительно. На самом деле некоторые утверждают, будто бы эти зубы преследовали их до самого дома.

— Наверное, нам стоит обратиться к самому господину Щеботанскому, — предположил Дуббинс.

— О, несомненно, вы можете это сделать! — воскликнул Зильберкит. — Правда, сомневаюсь, что он вас услышит. Пару лет назад он исчез.

«...А когда я наконец найду, на чем все это записать, — думал Детрит, — останется только найти того, кто научит меня писать».

— Исчез? Как? — удивился Дуббинс.

— Мы полагаем, — Зильберкит наклонился к Дуббинсу, — что он открыл секрет невидимости.

— Правда?

— Потому что, — Зильберкит заговорщицки подмигнул, — *никто его больше не видел*.

— А, — сказал Дуббинс. — Э-э... Я, конечно, прошу прощения, это первая догадка, пришедшая на ум, но разве он не мог просто уехать куда-нибудь?

— О нет, старый Леонард не способен был на такое. Он не мог просто взять и куда-нибудь скрыться. Но мог *исчезнуть*.

— О.

— Он был слегка... чокнутым, понимаешь? Слишком много мозгов в голове. Ха! Помню, однажды ему в голову пришла мысль добывать молнии из лимонов! Эй, Слухомодус, помнишь Леонарда и его молниеносные лимоны?

Слухомодус покрутил пальцем у виска.

— Кто ж их не помнит?! Втыкаешь в лимон медный и цинковый стержни — бац! — и получаешь дрессированную молнию. Он был полным идиотом!

— Нет-нет, кем угодно, но не идиотом, — возразил Зильберкит, взяв в руку бильярдный шар, чудесным образом уцелевший после взрыва. — Видишь ли, ум его был настолько острым, что он сам постоянно резался о него, как говаривала моя бабушка. Молниеносные лимоны! Какой в них смысл? Такой же, как и в его машине «голос-с-небес». Я же говорил ему: «Леонард, зачем тогда волшебники, а? Есть же нормальная магия. Молниеносные лимоны! А потом ты изобретешь человека с крыльями!» И знаешь, что он мне ответил? Знаешь? Он спросил: «А как ты догадался?»... Бедолага.

Даже Дуббинс рассмеялся.

— А ты пробовал? — спросил он чуть погодя.

— Пробовал что? — не понял Зильберкит.

— Ха, ха, ха, — как всегда с задержкой засмеялся Детрит.

— Воткнуть металлические стержни в лимон?

— Не валяй дурака.

— А что значит эта буква? — осведомился Детрит, указав пальцем на лист бумаги.

Все опустили глаза.

— О, это совсем не буква, — поправил его Зильберкит. — У старика Леонарда была дурацкая привычка ставить на полях всякие бессмысленные закорючки. Закорючки, закорючки, закорючки... Я ему даже советовал сменить имя. Стал бы господином Закорючкой.

— А я думал, это какая-то алхимическая руна, — удивился Дуббинс. — Очень похоже на арбалет без лука. И это слово «еижур»... Что оно значит?

— Понятия не имею. Звучит как-то по-варварски. Что ж, офицер, если мы закончили с вопросами... нам еще предстоят серьезные исследования, — сказал Зильберкит, подбросив бильярдный шар из поддельной слоновой кости и ловко поймав его. — В отличие от бедняги Леонарда мы не фантазиями тут занимаемся.

— Иежур, — прочитал Дуббинс и перевернул лист. — Р-у-ж-и-е.

На этот раз Зильберкит не поймал шар. Дуббинс едва успел спрятаться за Детрита.

— Я уже бывал тут, — сообщил сержант Колон капралу Шнобби,

когда они подходили к Гильдии Шутовских Дел и Баламутства. — Когда постучу, прижмись к стене, понял?

Молоток был сделан в виде искусственной женской груди — такие молотки очень нравятся регбистам и другим людям, чье чувство юмора было удалено хирургическим путем. Колон пару раз стукнул и отскочил на безопасное расстояние.

Раздался чей-то радостный вопль, засвистела пищалка, потом послышалась мелодия, которая кому-то могла показаться очень веселой, открылась небольшая дверка над молотком, и на деревянной руке медленно выехал торт с заварным кремом. Рука выпрямилась, и торт расползся бесформенной массой у ног сержанта Колона.

— Не смешно, — покачал головой Шнобби. — Торт жалко.

Дверь как-то неуверенно приоткрылась, и они увидели маленького клоуна.

— Так-так-так, — сказал клоун. — Кто стучится в дверь моя?

— В мою, — машинально поправил Колон. — В мою дверь.

Они недоуменно уставились друг на друга. Шутка застряла на первой же фразе.

— Видишь, дома нет никто... — обиженно произнес клоун. Голос у него был унылый и безнадежный.

Сержант Колон поспешил вернуться в мир здравомыслия.

— Сержант Колон, Ночная Стража, — отрапортовал он. — А это — капрал Шноббс. Мы пришли поговорить о человеке, которого... выловили из реки.

— О. Да. Бедный Бино. Наверное, вам следует войти. — Маленький клоун отступил назад.

Шнобби уже собрался было распахнуть дверь, но сержант Колон остановил его и многозначительно указал вверх.

— По-моему, — сказал он, — там стоит ведро с побелкой.

— Правда? — удивился клоун.

Он был очень маленьким, в огромных башмаках, по которым словно бы проехала телега. Лицо клоуна покрывал толстый слой грима телесного цвета, на котором нарисовали другое лицо, очень хмурое. Выкрашенные в рыжий цвет волосы были сделаны из пары швабр. Особо полным клоун не был, но вставленный в штаны обруч, видимо, должен был придавать ему вид смешного толстяка. Резиновые подтяжки, заставляющие штаны опускаться и подниматься при ходьбе, служили последним штрихом, создающим образ полного и абсолютного идиота.

— Да, — кивнул Колон.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Прошу прощения, — извинился клоун. — Знаю, глупая шутка, но такова традиция. Подожди минутку.

Они услышали, как он подтащил к двери стремянку, потом что-то звякнуло и послышалась ругань.

— Все в порядке, входите.

Клоун провел их через сторожку. Тишину нарушало только шлепанье шутовских башмаков по булыжникам. Потом клоун словно что-то вспомнил.

— Знаю, шансов на успех мало, но, господа, никто из вас не желает понюхать мой цветок в петлице?

— Нет.

— Нет.

— Я так и думал. — Клоун вздохнул. — Знаете, это очень непросто. Ну, быть клоуном. Вот, прохожу испытательный срок, охраняя ворота.

— Почему?

— Постоянно забываю, следует снаружи плакать, а внутри смеяться или наоборот. Все время путаю.

— Этот Бино... — начал было Колон.

— Мы как раз проводим панихиду, — перебил его маленький клоун. — Поэтому у меня штаны приспущены.

Они снова вышли на солнечный свет.

Во внутреннем дворе стояли самые разнообразные клоуны и шуты. Бубенчики звенели на легком ветерке. Солнечный свет отражался от красных носов и переливался радугой в струйках воды, выпущенных из цветков в петлицах.

Клоун подвел стражников к шеренге шутов.

— Доктор Пьеро поговорит с вами сразу, как только закончится церемония, — сказал клоун. — Кстати, меня зовут Боффо. — Он с надеждой протянул руку.

— Не пожимай, — предупредил Колон Шноббса.

Боффо совсем упал духом.

Заиграл оркестр, из часовни показалась длинная процессия членов Гильдии. Впереди шел клоун с маленькой урной в руках.

— Очень трогательно, — произнес Боффо.

На помосте, возведенном на противоположной стороне квадратного двора, стоял толстый клоун в мешковатых штанах на огромных подтяжках и в цилиндре, огромный галстук-бабочка медленно вращался на ветру. В

руках толстяк держал пузырь на палке.

Возглавляющий процессию клоун подошел к помосту, поднялся по ступеням и замер, все так же сжимая урну.

Оркестр перестал играть.

Толстый клоун в цилиндре ударил урноносца по голове пузырем один раз, другой, третий...

Урноносец сделал шаг вперед, помахал париком, взял урну в одну руку, другой оттянул пояс штанов толстого клоуна и со всей серьезностью высыпал прах покойного брата Бино в штаны толстяка.

Зрители облегченно вздохнули. Оркестр заиграл «Марш идиотов», официальный гимн Гильдии, но тут же трубка одного из тромбонов вылетела и ударила по затылку стоявшего впереди клоуна. Тот развернулся и попытался треснуть тромбониста, который, однако, быстро пригнулся, в результате чего удар достался третьему клоуну, свалившемуся вверх тормашками в большой барабан.

Колон и Шнобби посмотрели друг на друга и покачали головами.

Боффо достал большой красно-бурый носовой платок и со смешным трубным звуком высморкался.

— Классика, — сказал он. — Ему бы понравилось.

— Вы хоть понимаете, что произошло? — поинтересовался Колон.

— Конечно. Брат Гринельди исполнил старый трюк — перекат с пятки на носок — и перевернул урну, а потом...

— Я имею в виду, как умер Бино?

— Гм. Мы считаем, это был несчастный случай, — пожал плечами Боффо.

— Несчастный случай... — хмуро повторил Колон.

— Да. Так думает доктор Пьеро.

Боффо посмотрел наверх. Они тоже. Здание Гильдии Наемных Убийц соединялось крышами со зданием Гильдии Шутовских Дел и Баламутства. Впрочем, наемных убийц такое соседство вряд ли могло тревожить, учитывая тот факт, что их соседи были вооружены лишь тортами с заварным кремом.

— Так думает господин Пьеро, — повторил Боффо, уставившись на свои огромные башмаки.

Сержант Колон предпочитал вести тихую жизнь. Одним клоуном меньше — город от этого только выиграет. Но все же... все же... если честно, он не понимал, что случилось со Стражей. И что они так суеются? Во всем виноват этот Моркоу. Даже старый Ваймс заразился.

— Может, он чистил дубинку, она случайно сорвалась и врезала ему

по голове? — предположил Шнобби. Он тоже уловил общее настроение.

— Кто мог желать смерти Бино? — едва слышно проговорил клоун. — Он был таким милым, таким молодым, у него повсюду были друзья.

— Повсюду, но не везде, — заметил Колон.

Похороны закончились. Шуты, паяцы и клоуны отправились заниматься своим обычным делом, по пути создав импровизированную «пробку» в воротах. Они толкались, пихались и падали на задницы. От такого зрелища даже самый счастливый человек на свете вскрыл бы себе вены.

— Знаю лишь одно, — продолжил Боффо очень-очень тихо, — вчера он выглядел как-то странно. Я окликнул его, когда он входил в ворота, но...

— Что значит «странно»? — спросил Колон. «Вот оно, настоящее последование, — подумал он с легким чувством гордости. — И люди мне в нем помогают».

— Не знаю. Странно. Не похоже на себя...

— Это было вчера?

— Ну да. Утром. Я запомнил потому, что сторожа у ворот сменяются...

— *Вчера* утром?

— Я так и сказал, господин. Хотя мы все немного нервничали после взрыва...

— Брат Боффо!

— О нет... — пробормотал клоун.

К ним шагала фигура. Ужасная фигура.

Ни один клоун смешно не выглядит. В этом весь смысл. Люди, увидев их, конечно, смеются, но только из чистой нервозности. Клоуны нужны исключительно для одной цели: после того как вы их увидели и что бы с вами потом ни случилось — хорошее ли, плохое, — вы будете радоваться этому, как младенец. Приятно осознавать, что на свете есть кто-то, кому сейчас куда хуже, чем вам. Кто-то должен исполнять роль всемирной задницы.

Но даже клоуны чего-то боятся, а именно — белого клоуна. Ему не страшны торты с заварным кремом. Он носит блестящие белые одежды, остроконечную шляпу и непроницаемый белый грим на лице. Тонкие губы, изящные черные брови...

Доктор Пьеро.

— Кто эти господа? — осведомился он.

— Э... — начал было Боффо.

— Ночная Стража, сэр. — Колон отдал честь.

— И что вы здесь делаете?

— Ведем следствие в связи с крайне фатальной смертью клоуна Бино, сэр, — отрапортовал Колон.

— Мне казалось, это относится к компетенции Гильдии, сержант. Гмм?

— Сэр, он был найден нами и...

— О, вряд ли по подобным пустякам стоит беспокоить Стражу, — махнул рукой доктор Пьеро.

Колон замялся. Он предпочел бы говорить сейчас с доктором Проблемсом, а не с этим привидением. По крайней мере, наемные убийцы и должны выглядеть *неприятно*. Хотя, если подумать, клоунов от мимов отделяет всего одна ступенька...

— Правильно, сэр, не стоит, — кивнул он. — Совершенно очевидно, это был несчастный случай.

— Именно так. Брат Боффо проводит вас, — сказал главный клоун и добавил: — А потом прибудет в мой кабинет. Надеюсь, он все понял?

— Да, доктор Пьеро, — пробормотал Боффо.

— Что он с тобой сделает? — спросил Колон, когда они направились к воротам.

— Скорее всего, наденет на голову ведро с побелкой, — ответил Боффо. — Ну, или в лучшем случае залепит тортом в морду.

Он открыл ворота.

— Многим из нас это совсем не нравится, — прошептал он. — Не понимаю, почему эти гады должны остаться безнаказанными. Нам самим следовало бы пойти к наемным убийцам и разобраться с ними.

— Но при чем здесь убийцы? — не понял Колон. — Им-то зачем убивать клоуна?

Лицо Боффо виновато вытянулось.

— Я ничего не говорил!

Колон сердито посмотрел на него.

— Тут определенно происходит нечто странное.

Боффо торопливо огляделся, словно в любой момент ожидал прилета карающего торта с заварным кремом.

— Найдите его нос, — прошипел он. — Главное, найдите его нос. О, его бедный нос!

Ворота захлопнулись.

Сержант Колон повернулся к Шнобби.

— Шнобби, у основного вещественного доказательства был нос?

— Да, Фред.

— Тогда о чем он говорил?

— Понятия не имею. — Шнобби почесал начинающий созревать прыщ. — Может, он имел в виду фальшивый нос? Знаешь, такой красный, на резинке? Который, — Шнобби поморщился, — они считают смешным. Такого носа у него не было.

Колон постучал в дверь и отошел в сторонку, чтобы не попасться в очередную веселую ловушку.

Открылась дверка.

— Да? — прошипел Боффо.

— Ты имел в виду его фальшивый нос? — спросил Колон.

— Настоящий! А теперь проваливайте!

Дверка захлопнулась.

— Псих, — твердо заявил Шнобби.

— У Бино был нос. Нормальный нос. А ты ничего необычного не заметил?

— Да нет, пара дырок, все как обычно.

— Я не особый знаток всякого рода носов, — пожал плечами Колон, — но либо брат Боффо сильно ошибается, либо происходит что-то подозрительное.

— Типа?

— Шнобби, тебя ведь можно назвать профессиональным солдатом?

— Можно, Фред.

— Сколько раз тебя понижали по службе, лишая всех привилегий и премий?

— Много, — гордо заявил Шнобби. — Но я всегда на них клал.

— Ты побывал на многих полях брани?

— О, их были тысячи.

Сержант Колон кивнул.

— И видел много трупов, пока заботился о павших...

Капрал Шноббс тоже кивнул. И тот и другой прекрасно знали, что забота эта заключалась большей частью в сборе ювелирных украшений и краже сапог. На многих полях брани в самых разных странах последнее, что видели умирающие от ран враги, — это приближающегося к ним капрала Шноббса с мешком, ножом и расчетливым выражением на лице.

— Жаль было оставлять хорошие вещи, — пояснил Шнобби.

— Значит, ты видел, как мертвые тела становятся... более мертвыми.

— Мертвее мертвых?

— Ну, понимаешь, более трупными, — растолковал известный судебно-медицинский эксперт сержант Колон.

— Такими окоченевшими и лиловыми?

— Именно.

— А потом рыхлыми и слякучими...

— Во-во...

— С таких легче всего снимать кольца, точно говорю...

— Я к чему веду, Шнобби. Из нас ты единственный можешь определить, сколько дней прошло со времени явления Смерти. Возьмем этого клоуна. Ты рассмотрел его так же хорошо, как и я. Что скажешь?

— Рост пять футов девять дюймов. Башмаки не моего размера. Слишком здоровенные.

— Сколько он уже был мертв?

— Пару дней. Это сразу видно, потому что...

— Но Боффо видел его вчера утром — интересно, как это он исхитрился?

Они последовали дальше.

— Сложный вопрос, — наконец сказал Шнобби.

— Ты прав. Думаю, капитана этот факт очень заинтересует.

— А может, он превратился в зомби?

— Вряд ли.

— Терпеть не могу зомби, — задумчиво произнес Шнобби.

— Правда?

— С них башмаки не больно-то сопнешь.

Колон кивнул проходившему мимо попрошайке.

— Ты по-прежнему занимаешься народными танцами в свободное от службы время? — спросил сержант Колон.

— Ага. Сейчас мы разучиваем «Уборку Душистой Сирени». Там такой сложный двойной перекрестный шаг...

— Ты определенно очень разносторонний человек, Шнобби.

— О да, Фред, я люблю и спереди, и сзади, и...

— Я хотел сказать, ты представляешь собой крайне занимательный случай дихотомии.

Шнобби дал пинка какому-то маленькому нечесаному псу.

— Что, Фред, снова начитался всяких книжек? Умные слова и так далее?

— Приходится совершенствовать свой ум, Шнобби. А все ведь из-за этих новобранцев. Моркоу вечно сидит, уткнувшись носом в книгу, Ангва знает всякие мудреные словечки, которые мне приходится искать по словарям. Даже этот коротышка умнее меня! Новички все соки из меня выпили. Я ощущаю себя каким-то недоразвитым.

— Ну, ты намного умнее Детрита, Фред, — попытался утешить своего приятеля Шнобби.

— Вот и я себя так же успокаиваю. Я говорю себе: «Фред, как бы там ни было, ты все равно умнее Детрита». А потом добавляю: «Ага, Фред, и *дрожжи* тоже».

Он отвернулся от окна.

Проклятая Стража!

Проклятый Ваймс! Вот уж поистине не тот человек и не на том месте. Ну почему люди не учатся у истории? Предательство должно быть у него в генах! Как может город функционировать исправно, когда такой человек *шарит* по всем углам? Стража не для того предназначена, стражники должны делать то, что им приказано, и следить за тем, чтобы другие люди поступали точно так же.

Человек, подобный Ваймсу, мог все испортить. Не потому, что он был особо умным. Умный стражник — это само себя отрицающее. Но абсолютная хаотичность действий тоже может причинить немало неприятностей.

Ружие лежало на столе.

Как же поступить с Ваймсом?

Убить его.

Ангва проснулась. Был уже почти полдень, она лежала в своей постели в доме у госпожи Торт, и кто-то стучал в дверь.

— Гм-м-м? — промычала она.

— Понятия не имею. Сказать, чтобы проваливал? — раздался голос где-то на уровне замочной скважины.

Ангва быстро попыталась сообразить, что происходит. Ее предупреждали об этом — другие постояльцы. Сейчас она терпеливо ждала, когда наступит время ее реплики.

— О, спасибо, милая. Опять я за свое, совсем забыла... — сказал голос.

С госпожой Торт спешить было нельзя. Достаточно сложно жить в доме, которым управляет женщина, чье сознание только номинально связано с настоящим. Госпожа Торт была медиумом.

— Ты снова включила свое предвидение, госпожа Торт, — улыбнулась Ангва, спуская ноги с кровати и быстро осматривая стопку одежды на стуле.

— На чем мы остановились? — по-прежнему из-за двери спросила

госпожа Торт.

— Ты только что сказала: «Понятия не имею. Сказать, чтобы проваливал?» — напомнила Ангва.

Одежда! Вечно из-за нее неприятности! Вервольфу мужского пола достаточно позаботиться только о трусах, а потом притвориться, будто бы он вышел пробежаться.

— Правильно, — госпожа Торт откашлялась. — Пришел молодой человек и спрашивает тебя.

— Кто он? — спросила Ангва.

Молчание.

— Да, вот теперь все нормально, — наконец откликнулась госпожа Торт. — Извини, дорогуша. Спасибо тебе. У меня голова начинает раскалываться на кусочки, когда люди не говорят то, что я предвидела. Ты в человеческом виде, дорогуша?^[13]

— Можешь войти, госпожа Торт.

Комната была небольшой. И в основном коричневой. Коричневый циновочный пол, коричневые стены, над коричневой кроватью — картина, на которой коричневого оленя на коричневом болоте атаковали коричневые собаки, и происходило все это на фоне неба, которое, вопреки всем метеорологическим изысканиям, тоже было коричневым. Даже платяной шкаф, и тот был коричневым. Возможно, если пробраться сквозь загадочные старые платья^[14], в нем висевшие, можно было оказаться в волшебной сказочной стране, где жили говорящие животные и гоблины, но, скорее всего, оно того не стоило.

Вошла госпожа Торт. Она была пухлой женщиной небольшого роста, недостаток которого она компенсировала при помощи огромной черной шляпы, не остроконечной, похожей на те, что носили ведьмы, но украшенной чучелами птиц, восковыми фруктами и прочими декоративными безделушками, выкрашенными в черный цвет. Ангве госпожа Торт нравилась. Комнаты были чистыми^[15], плата — невысокой, а кроме того, госпожа Торт с пониманием относилась к людям, образ жизни которых несколько отличался от обычного и которые, к примеру, испытывали отвращение к чесноку. Ее дочь тоже была вервольфом, поэтому госпожа Торт понимала нужду в низко расположенных окнах и дверях с длинными ручками, которые можно повернуть лапой.

— Он в кольчуге, — сказала госпожа Торт. В обеих руках она держала ведра с гравием. — А в ушах у него мыло.

— О. Все понятно.

— Если хочешь, могу сказать, чтобы он проваливал, — повторила свое предложение госпожа Торт. — Это несложно, мне часто приходилось выгонять отсюда всяких типов. А то еще с кольями припрутся. Чтобы в моем доме устраивали беспорядок, бродили по коридорам с факелами и прочей ерундой? Я такого не допущу!

— По-моему, я знаю, кто это, — успокоила ее Ангва. — Я сама все улажу.

Она заправила рубашку в бриджи.

— Когда будешь уходить, захлопни дверь, — крикнула госпожа Торт вслед Ангве. — А я пойду поменятью землю в гробу господина Подмигинса, боли в спине совсем измучили беднягу.

— Но, госпожа Торт, мне показалось, что у тебя в ведрах гравий...

— Ортопедия — великое дело, понимаешь?

Моркоу почтительно стоял у порога, зажав под мышкой шлем и с выражением полного смущения на лице.

— Ну? — почти приветливо осведомилась Ангва.

— Э... Доброе утро. Я подумал, видишь ли, ты же совсем не знаешь город. А я мог бы, если ты, конечно, хочешь и не возражаешь, кроме того, сегодня мне не надо на службу... показать тебе...

На мгновение Ангве померещилось, будто бы она заразилась от госпожи Торт даром предвидения. В ее воображении стали возникать картины возможного будущего.

— Я еще не завтракала, — сказала она.

— На Цепной улице в гномьей кулинарии «Буравчик» готовят отличный завтрак, и там еще такие фирменные пирожные, «буравчики» называются...

— Уже обедать пора.

— Для Ночной Стражи сейчас еще время завтрака.

— Я практически вегетарианка.

— Там подают соевую крысу.

Она наконец сдалась.

— Ну хорошо, хорошо, только возьму плащ.

— Ха, ха, — услышала она полный цинизма голос.

Она опустила взгляд. Гаспод сидел чуть позади Моркоу и пытался одновременно чесаться и смотреть сердито.

— Убирайся.

— Извини? — не понял Моркоу.

— Не ты, а этот пес.

Моркоу обернулся.

— Он? Он тебе надоедает? Он же такой славный!
— Гав, гав, печенье.
Моркоу машинально похлопал по карманам.
— Видишь? — ухмыльнулся Гаспод. — Юноша — сама простота, правда?
— А в гномью кулинарию собак пускают? — спросила Ангва.
— Нет, — ответил Моркоу.
— Только на крюке, — сказал Гаспод.
— Правда? Звучит неплохо, — кивнула Ангва. — Пошли.
— Вегетарианка, — пробормотал Гаспод, ковыляя следом. —
Подумать только!
— Заткнись!
— Извини? — нахмурился Моркоу.
— Просто думаю вслух.

* * *

Подушка была какой-то очень холодной и твердой. Ваймс осторожно ощупал ее. Подушка оказалось холодной и твердой потому, что была вовсе не подушкой, а столом. Щека приклеилась к столешнице. О том, что именно ее держит, он предпочел не думать.

Он даже доспехи не позаботился скинуть. Неудивительно, ведь сейчас он едва-едва сумел разлепить один глаз.

Он что-то писал в своем блокноте. Пытался во всем разобраться. А потом заснул.

Который сейчас час? Не время предаваться воспоминаниям.

Ваймс честно попытался разобраться в написанном:

*«Украдино из Гильдии Наемных Убийц: ружье —> Крюкомолот убит.
Запах феерверков. Кусок свинца. Алхимические символы. 2-е тело в
рике. Клоун. Где его красный нос? Ружье».*

Он долго смотрел на свои каракули.

«Я иду по следу, — подумал он. — И не обязательно знать, куда он ведет. Нужно просто идти. Преступление — его везде найдешь, надо только хорошенько поискать. Наемные убийцы как-то в этом замешаны.

Идти по любому следу. Проверять каждую деталь. Повсюду совать свой нос.

Как жрать-то охота...»

Он с трудом поднялся на ноги и рассмотрел себя в треснутом зеркале, висевшем над раковиной.

События предыдущего дня с трудом пробивались сквозь забитый фильтр памяти. Центральное место занимало лицо лорда Витинари. При одной мысли о патриции Ваймс разозлился. Этот тип велел ему забыть о краже, потому что...

Ваймс уставился на свое отражение...

...Что-то ужалило его в ухо и разбило зеркало.

Теперь Ваймс таращился на дыру в штукатурке, обрамленную остатками рамы. Осколки со звоном посыпались на пол.

Довольно долго Ваймс стоял неподвижно.

А потом ноги, очевидно сделав вывод, что курирующий их разум в данный момент отсутствует, бросили остальную часть капитанского тела на пол.

Что-то снова звякнуло, и стоявшая на столе бутылка виски Джимкина Пивомеса разлетелась вдребезги. Он что-то не помнил, как покупал ее...

Ваймс на четвереньках подкрался к окну и, прижавшись спиной к стене, осторожно выпрямился.

В голове с молниеносной быстротой замелькали изображения. Мертвый гном. Дырка в стене...

Мысль зародилась где-то в районе поясницы и постепенно добралась до головы. Стены, сделанные из покрытой штукатуркой дранки, были довольно старыми, их без труда можно проткнуть пальцем. Что же касается куска свинца...

Он рухнул на пол, и почти одновременно в стене рядом с окном появилась дырка. Взлетела в воздух пыль от штукатурки.

Его арбалет стоял у стены. Ваймс не любил арбалеты, никогда не умел из них стрелять — но у него был другой выход? Делов-то — целишься и нажимаешь на курок. Он подтянул к себе арбалет, перекатился на спину, уперся ступней в скобу и давил, пока тетива со щелчком не встала на место.

Затем он поднялся на одно колено и вложил в желоб стрелу.

Катапульта, не иначе. И размерами этак с тролля. Кто-то забрался на крышу оперного театра или еще куда повыше...

Нужно вызвать огонь на себя, на себя... Он взял свой шлем и надел его на стрелу. Теперь подобраться к окну и...

Подумав еще немного, он прополз в угол комнаты, где стояла длинная палка с крючком на конце. Когда-то, давным-давно, ею открывали верхние рамы окон, которые сейчас проще было выбить, чем открыть.

Он повесил шлем на конец палки, вжался спиной в угол и с трудом поднял палку так, чтобы край шлема показался над подоконником...

Чпок.

Во все стороны полетели щепки. Дыра появилась именно в том месте, где должен был лежать человек, поднимающий над подоконником шлем на короткой палке.

Ваймс улыбнулся. Кто-то пытался его убить, и сейчас он чувствовал себя более живым, чем в последние несколько дней.

Судя по последнему выстрелу, убийца менее сообразителен, чем он. Это единственный плюс, на который вы можете надеяться при встрече со своим предполагаемый убийцей. Впрочем, было еще кое-что, этому учили Ваймса в Страже, когда он туда только-только поступил, но на раздумья времени не было, надо было действовать...

Ваймс отбросил палку, схватил арбалет, пробежал мимо окна, выпустив стрелу — как будто она долетит! — в неясную фигуру, маячившую на крыше оперного театра, и рванул на себя дверь. Кубарем вылетая из комнаты, он услышал, как что-то с хрустом ударило в косяк.

А потом — вниз, по черной лестнице, на улицу, на крышу сортира, в Костяшечный переулок, вверх по черной лестнице Зорго-Ретрофренолога^[16], в операционную и к окну!

Зорго и его пациент с любопытством уставились на капитана Ночной Стражи.

На крыше оперы никого не было. Ваймс отошел от окна и обернулся. На него таращились две пары изумленных глаз.

— Доброе утро, капитан Ваймс, — поздоровался ретрофренолог, который так и застыл с поднятым молотком.

Ваймс слегка маниакально улыбнулся.

— Я просто подумал... — сказал он. — Увидел очень интересную редкую бабочку на крыше напротив...

Троль и пациент вежливо смотрели мимо него.

— А когда прибежал сюда, ее там уже не оказалось.

Он направился к двери.

— Простите за беспокойство, — извинился он и вышел.

Пациент Зорго проводил стражника заинтересованным взглядом.

— А разве у него не было с собой арбалета? — спросил он. — Довольно странно охотиться на интересных редких бабочек с арбалетом.

Зорго поправил наложенную на лысую голову пациента координатную сетку.

— Не знаю, — пожал плечами он. — Но я слышал, что в последних

ураганах виноваты именно бабочки. — Тролль снова поднял деревянный молоток. — Ну, чем займемся сегодня? Поработаем над решительностью?

— Да. Нет. Может быть.

— Хорошо. — Зорго прицелился. — Будет, — произнес он абсолютно искренним голосом, — совсем не больно.

Это была не совсем обычная закусовая. Скорее, это заведение было центром гномьей общины и местом встреч. Гомон голосов разом смолк, когда в закусовую, согнувшись в три погибели, пробралась Ангва, но возобновился с большей громкостью и меньшей долей смеха, когда следом вошел Моркоу. Капрал весело помахал другим посетителям.

Потом аккуратно отодвинул два стула. Сидеть, не упираясь головой в потолок, можно было только на полу.

— Очень милая забегаловка, — сказала Ангва. — Этническая.

— Я часто здесь бываю, — признался Моркоу. — Еда хорошая, кроме того, нужно, как говорится, держать ухо поближе к земле.

— Ну, тут это совсем не трудно, — рассмеялась Ангва.

— Извини?

— Я имею в виду, что земля здесь... совсем близко...

Она чувствовала, как с каждым словом пропасть становится все шире. Уровень шума в закусовой снова упал.

— Э-э... как бы тебе объяснить... — промолвил Моркоу, не сводя с нее глаз. — Здесь говорят на языке гномов, а слушают на языке людей.

— Прости.

Моркоу улыбнулся, потом кивнул повару за стойкой и громко откашлялся.

— Кажется, у меня где-то был леденец от кашля... — вспомнила Ангва.

— Я просто заказал завтрак, — пояснил Моркоу.

— Ты знаешь меню наизусть?

— Да. Но оно выбито вон там, на стене.

Ангва повернулась и посмотрела на то, что сначала показалось ей беспорядочными царапинами.

— Это на яггском, — пояснил Моркоу — Древнее поэтическое письмо, истоки которого теряются во мгле веков, но считается, что оно было придумано еще до появления богов.

— Ничего себе. И что там написано?

На сей раз Моркоу откашлялся, чтобы прочистить горло.

«Салат, яйцо, фасоль плюс крыса — 12 пенсов

Салат, крыса плюс жареный пирог — 10 пенсов

Крыса с плавленным сыром — 9 пенсов

Крыса плюс фасоль — 8 пенсов

Крыса плюс кетчуп — 7 пенсов

Крыса — 4 пенса».

— А почему кетчуп стоит почти столько же, сколько и крыса? — удивилась Ангва.

— А ты пробовала когда-нибудь крысу без кетчупа? — ответил вопросом на вопрос Моркоу. — Я заказал два гномьих пирога. Тебе приходилось пробовать гномий хлеб?

— Нет.

— Каждый должен это попробовать. Хотя бы один раз, — важно промолвил Моркоу. А потом подумал немного и добавил: — Обычно одного раза хватает^[17].

Ровно через три с половиной минуты после пробуждения капитан Сэмюель Ваймс, Ночная Стража, преодолел последние ступени лестницы, ведущие на крышу городского оперного театра, еле отдышался и блеванул в ритме «аллегро-но-сильно».

После чего прислонился к стене и поводит из стороны в сторону арбалетом.

На крыше никого не было. Только полосы настила, уходящего вдаль и жадно пьющего утренний солнечный свет. Было уже слишком жарко, чтобы двигаться.

Придя в себя, Ваймс немного побродил между печных труб. Он обнаружил дюжину способов спуститься с крыши и тысячу мест, где можно было бы спрятаться.

Его комната прекрасно просматривалась отсюда. Хотя, если подумать, отсюда просматривались почти все комнаты города.

Катапульта... Нет, вряд ли...

Так... По крайней мере, имеются свидетели происшедшего.

Он подошел к краю крыши и посмотрел вниз.

— Привет, — сказал он и прищурился.

Земля находилась шестью этажами ниже, и вид был не из приятных. Недавно опустошенный желудок опять запротестовал.

— Э-э... Не могла бы ты подняться сюда? — спросил он.

— Ечас ониусь.

Ваймс отошел от края. Заскрежетал камень, и горгулья с трудом перелезла через парапет, двигаясь рывками, как в низкобюджетном

мультфильме.

Ваймс мало знал о горгульях. Моркоу как-то сказал, что эта городская разновидность троллей установила абсолютно поразительные симбиотические отношения с водостоками — собирая воду ушами, горгульи выпускают ее, предварительно пропустив через мелкое сито во рту. Вероятно, это был самый странный вид на всем Плоском мире^[18]. Птицы никогда не гнездились на колонизированных горгульями зданиях, даже летучие мыши предпочитали облетать такие дома стороной.

— Как тебя зовут?

— Ариза-ад-род-авею.

Ваймс пошевелил губами, пытаясь вставить в слова звуки, не произносимые существом с постоянно открытым ртом. Карниза-Над-Брод-Авею. Имя горгульи было неразрывно связано с местом, ею занимаемым.

— Итак, Карниза, — продолжил он. — Тебе известно, кто я такой?

— Ет, — неохотно ответила горгулья.

Ваймс кивнул. Она сидела здесь в любую погоду, пропуская воду через уши. В записных книжках таких созданий немного имен. Даже прыщи чаще выходят в люди.

— Я — капитан Ваймс из Ночной Стражи.

Огромные уши горгульи встали торчком.

— Ы о оподиа Оркоу?

Ваймс расшифровал услышанное и заморгал глазами.

— Ты знаешь капрала Моркоу?

— О а! Се нают оркоу.

Ваймс хмыкнул. «Я здесь вырос, — подумал он. — Но люди, встречая меня на улице, все еще спрашивают друг у друга: „А это что за мрачный тип?“ Тогда как Моркоу появился в городе всего несколько месяцев назад, а его уже все знают. И он знает всех. И всем он нравится. Возможно, меня бы это даже раздражало — не будь он таким приятным человеком».

— Но ты же никуда отсюда не слазишь, — удивился капитан Ваймс, невольно заинтересовавшись, несмотря на более неотложные дела. — Как ты познакомилась с Орко... с Моркоу.

— О инода онается юа, обы огооить ами.

— О?

— А.

— А они... а кто-нибудь еще поднимался сюда? Совсем недавно?

— А.

— И ты видела, кто это был?

— Е. О оялся с руой тороы. И тал ускать ейеерки. А отом утился а

Ааотникоюу уиу.

«На Папоротниковую улицу, — перевел про себя Ваймс. — Кем бы он ни был, он уже далеко».

— У ео ыла алка, — сообщила Карниза. — Алка ейеерком.

— Что у него было?

— Ейеерк. Онял? Ам! Ух! Океты. Ам!

— А, фейерверк.

— А. Алка.

— Палка с фейерверком? Похожая на обычную палку, к которой привязывают ракеты?

— Е, ииот! Ы риeiaеешься, и алка еает АХ!

— Ты прицеливаешься, и палка делает БАХ?

— А.

Ваймс почесал затылок. Судя по описанию, похоже на посох волшебника. Который почему-то делает «бах».

— Ну, спасибо, — сказал он. — Ты мне... оень оогла.

Он направился к лестнице.

Кто-то пытался его убить.

А патриций предупредил, чтобы он не занимался расследованием кражи из Гильдии Наемных Убийц. Патриций совершенно точно упомянул кражу...

До настоящего момента Ваймс не был уверен, была ли это кража или нет.

Есть такая штука, как закон случайности. Он играет в работе стражника значительно бoльшую роль, нежели поступки, обусловленные причинно-следственной связью. На каждое убийство, раскрытое при помощи обнаруженного в результате кропотливых поисков следа ноги или окурка, приходятся сотни нераскрытых преступлений — либо ветер унес листья не в ту сторону, либо в ночь убийства не шел дождь, либо еще что не так пошло. Таким образом, многие преступления раскрываются исключительно благодаря счастливой случайности — случайно остановленной машине, случайно услышанному замечанию. Благодаря тому, что человек нужной национальности оказался в пределах пяти миль от места преступления и у него не было алиби...

Даже Ваймс знал о могучей силе случайности.

Под его башмаком звякнуло что-то металлическое.

— А сейчас мы подходим, — сказал Моркоу, — к знаменитой триумфальной арке, воздвигнутой в честь Битвы при Крамхорне. Кажется,

в той битве мы победили. На арке установлены статуи девяноста знаменитых воинов. Считается памятником архитектуры.

— Лучше бы поставили памятник бухгалтерам, — услышала Ангва за спиной собачий голос. — Это первая битва в истории вселенной, когда врага уговорили продать все свое оружие.

— Так где же арка? — спросила Ангва, по-прежнему игнорируя Гаспода.

— Ах да. Тут есть небольшая проблема, — Моркоу слегка засмутился. — Прошу прощения, господин Скуперд. Это — господин Скуперд, официальный хранитель памятников. В соответствии с древней традицией, его зарплата составляет один доллар в год и на каждый День Всех Пустых ему дарят новую жилетку.

На уличном перекрестке сидел какой-то старик в надвинутой на глаза шляпе. Услышав приближающиеся шаги, он слегка поднял шляпу.

— Добрый день, господин Моркоу. Пришли взглянуть на триумфальную арку?

— Да, мы были бы не против. — Моркоу повернулся к Ангве. — К сожалению, практическое воплощение проекта было поручено Тупице Джонсону.

Старик тем временем достал из кармана маленькую картонную коробочку и почтительно открыл ее.

— Я ничего не вижу, — заозиралась по сторонам Ангва.

— Арка вот здесь, — ткнул пальцем Моркоу. — За этим комочком ваты.

— О!

— К сожалению, точность не входила в число достоинств господина Джонсона.

Господин Скуперд закрыл коробочку.

— Он также построил Щеботанский мемориал, Висячие Сады Анка и Колосс Морпоркский, — сообщил Моркоу.

— Колосс Морпоркский? — переспросила Ангва.

Господин Скуперд поднял вверх костлявый палец.

— Не уходите. — Он похлопал себя по карманам. — Он у меня где-то здесь.

— Этот человек хоть что-нибудь полезное построил?

— Ну, он спроектировал декоративный судок для лорда Капканса Безумного, — пожал плечами Моркоу, когда они зашагали дальше.

— И у него получилось?

— Не совсем. Но вот интересный факт: четыре семьи живут в солонке,

а в перечнице мы храним зерно.

Ангва улыбнулась. Интересный факт... Моркоу был доверху набит всякими интересными фактами, касающимися Анк-Морпорка. Ангве уже казалось, что она вот-вот утонет в этом море интересных фактов. Прогуляться по улице с Моркоу все равно что поучаствовать в трех экскурсиях одновременно...

— А это, — продолжал Моркоу, — Гильдия Попрошаек. Самая старая из всех Гильдий. Не многие это знают.

— В самом деле?

— Люди полагают, что самой старой является Гильдия Шутовских Дел и Баламутства или Гильдия Наемных Убийц. Спроси любого горожанина и услышишь ответ: «Самая старая в Анк-Морпорке — это определенно Гильдия Шутовских Дел и Баламутства или Гильдия Наемных Убийц». Но все совсем не так. Они как раз возникли недавно, а Гильдия Попрошаек существует уже много веков.

— Правда? — произнесла Ангва слабым голосом.

За последний час она узнала об Анк-Морпорке больше, чем хотел бы узнать любой разумный человек. Она смутно подозревала, что Моркоу пытается за ней ухаживать. Но вместо обычных цветов или шоколадных конфет он решил подарить ей весь город.

И, вопреки всем инстинктам, она чувствовала ревность. К городу! «О боги, я знакома с этим парнем всего пару дней!..»

Дело было в его преданности городу. Он словно был готов в любой момент запеть песню с сомнительными рифмами и строками типа «о мой любимый город» или «я твой, я твой навек». Под такие песни люди пляшут на улицах, дарят певцу яблоки и дюжина низкопробных танцовщиц вдруг начинает демонстрировать поразительные способности к хореографии; в общем, все ведут себя как милые и веселые горожане, а не злобные эгоистичные личности, каковыми они на самом деле являются. Но главным было то, что, если бы Моркоу внезапно пустился в пляс или запел, к нему бы присоединились многие и многие. Моркоу расшевелил бы даже древний круг камней, заставив их танцевать румбу.

— Во внутреннем дворе Гильдии стоит очень интересная старинная скульптурная группа, — продолжал Моркоу. — На статую Джими, Бога Попрошаек, стоит взглянуть, на диво хорошо сохранилась. Я ее тебе покажу. Не волнуйся, нам будут только рады.

Он постучался в дверь.

— Это вовсе не обязательно... — запротестовала Ангва.

— Что ты, мне несложно...

Дверь открылась.

Ноздри Ангвы раздулись. Этот запах...

Попрошайка осмотрел Моркоу с головы до ног. Его челюсть отвисла.

— Хромоногий Майкл, если не ошибаюсь? — доброжелательно осведомился Моркоу.

Дверь захлопнулась.

— Не слишком радушный прием, — заметил Моркоу.

— Ну и воняет, правда? — раздался гнусный голос откуда-то сзади.

Она была не в том настроении, чтобы замечать присутствие Гаспода, но машинально кивнула. От попрошаек исходил целый коктейль различных запахов, но вторым по силе был запах страха, а первым — запах крови. От этого запаха ей хотелось кричать во все горло.

Послышались чьи-то голоса, и дверь опять распахнулась.

На сей раз перед ними предстала целая толпа попрошаек. И все они смотрели на Моркоу.

— Хорошо, ваша честь, — сказал тот, кого он назвал Хромоногим Майклом. — Мы сдаемся. Но как вы узнали?

— Как мы узнали что?... — начал было Моркоу, однако Ангва вовремя толкнула его локтем.

— Здесь кого-то убили, — сказала она.

— Кто это? — спросил Хромоногий Майкл.

— Младший констебль Ангва является стражником, — объяснил Моркоу.

— Хав, хав, — сказал Гаспод.

— Вы, стражники, похоже, начинаете лучше работать, — хмыкнул Хромоногий Майкл. — Мы нашли тело всего несколько минут назад.

Ангва почувствовала, что Моркоу уже собирается открыть рот, чтобы спросить: «Кто?», и снова толкнула его локтем.

— Тогда проводите нас к нему.

Он оказался...

...Во-первых, он оказался ею. В забитой лохмотьями комнате на верхнем этаже.

Ангва опустилась на колени рядом с телом. Причем это было действительно тело. Определенно не человек. У человека обычно бывает больше головы на плечах.

— Как?... — неверяще промолвила она. — Кто же на такое способен?

Моркоу повернулся к столпившимся у дверей попрошайкам.

— И кто эта девушка?

— Леттиция Ниббс, — тут же откликнулся Хромоногий Майкл. —

Камеристка Королевы Молли.

Ангва недоуменно посмотрела на Моркоу.

— Королевы?

— Главного попрошайку иногда называют королем или королевой, — ответил Моркоу. Он тяжело дышал.

Ангва укрыла тело камеристки бархатной мантией.

— Камеристка... — пробормотала она.

На полу лежало огромное, во весь человеческий рост, зеркало, вернее, рама от него. Осколки зеркала, как блески, усыпали весь пол.

Как и осколки оконного стекла.

Моркоу пошерудил их ногой и увидел в полу какое-то углубление, а в нем — что-то металлическое.

— Хромоногий Майкл, — произнес он очень медленно и отчетливо. — Мне нужен гвоздь и кусок веревки.

Он не сводил глаз с куска металла, словно боялся, что тот куда-то исчезнет.

— Э-э... — начал было попрошайка.

Моркоу, не глядя, протянул руку и без видимого усилия оторвал Майкла от земли, приподняв за грязный воротник.

— Кусок веревки, — повторил он, — и гвоздь.

— Да, капрал Моркоу.

— И пусть все остальные уйдут, — добавила Ангва.

Попрошайки посмотрели на нее вытаращенными глазами.

— Выполнять! — рявкнула она, сжав кулаки. — И хватить глазеть!

Попрошайки исчезли.

— Веревку принесут не скоро, — сказал Моркоу, осторожно раздвигая осколки. — Они ведь должны ее у кого-то выпросить, понимаешь?

Он достал нож и принялся ковырять им доску. Наконец Моркоу удалось достать кусочек свинца, немного расплюснутый от того, что ему пришлось пролететь сквозь окно, зеркало, доски пола и определенные части тела покойной Леттиции Ниббс.

Моркоу задумчиво покрутил свинцовую лепешку пальцами.

— Ангва?

— Да?

— А как ты догадалась, что в Гильдии покойник?

— Я... просто почувствовала.

Вернулись попрошайки, настолько перепуганные, что огрызок веревки несли аж вчетвером.

Моркоу вбил гвоздь в подоконник под разбитым стеклом и привязал к

нему один конец веревки, потом воткнул нож в пол, рядом с углублением и привязал к нему другой конец. Затем лег на пол и посмотрел вдоль натянутой веревки.

— О боги.

— В чем дело?

— Эта штука прилетела с крыши оперного театра.

— Да? Ну и что?

— До нее больше двухсот ярдов.

— Да?

— А потом она на целый дюйм ушла в дубовый пол.

— Ты знал эту девушку?... — спросила Ангва и сразу же почувствовала себя неловко.

— Гм-м, нет.

— Я думала, ты всех знаешь.

— Видел ее пару раз на улицах. Город большой, по улицам много людей ходит.

— Но зачем нищим слуги?

— Дорогуша, неужели ты думаешь, я сама себе укладываю волосы?

На пороге возникло привидение. Его лицо представляло собой сплошную язву. На нем были бородавки, на *которых* тоже были бородавки, из *которых* росли волосы. Возможно, привидение было женского пола, но из-за многослойных лохмотьев трудно было сказать наверняка. Над упомянутыми выше волосами, казалось, порботал ураган. Ураган, который перед тем унес с какой-то пасеки годовые запасы меда.

— О. Капрал Моркоу. Не знала, что это ты.

Голос тут же стал нормальным, ноющие и причитающие полутона бесследно испарились. Фигура повернулась и сильно треснула посохом кого-то в коридоре.

— Слюнявый Сидни, скверный мальчишка! Ты должен был сказать, что пришел капрал Моркоу!

— А-а-ргх!

Фигура быстро вошла в комнату.

— А что это с тобой за дамочка, господин Моркоу?

— Младший констебль Ангва. Ангва, позволь представить тебе Королеву Молли, правящую Гильдией Попрошаек.

Ангва впервые встретилась с человеком, который ничуть не удивился, увидев женщину в Страже. Королева Молли кивнула ей как одна честно трудящаяся женщина — другой. Гильдия Попрошаек — не работодатель, предоставляющий всем равные шансы.

— Добрый день. У тебя случайно не найдется лишних десяти тысяч долларов на маленький дворец?

— Нет.

— Просто спросила.

Молли тронула посохом накрытое мантией тело.

— Что это было, капрал?

— Думаю, новый вид оружия.

— Мы слышали, как разбилось стекло, а потом нашли ее, — сказала Молли. — Зачем кому-то понадобилось убивать ее?

Моркоу посмотрел на бархатную мантию.

— А чья это комната?

— Моя. Тут я переодеваюсь.

— Значит, убить хотели не ее, а тебя, Молли. «Кто в лохмотьях, кто-то в тряпье, и всего один — в парче...» Кажется, так записано в вашей Хартии? Официальный наряд короля — или в данном случае королевы — попрошаек. Тот наряд, та комната, но вот человек — не тот.

Молли прикрыла ладонью рот, рискуя заработать минимум дизентерию.

— Заказное убийство?

Моркоу покачал головой:

— Не похоже. Убийцы предпочитают работать на более близком расстоянии. Считается, что таким образом они проявляют заботу о жертве, — добавил он горько.

— Что же мне теперь делать?

— Для начала — похороните бедняжку.

Моркоу снова покрутил в пальцах свинцовую лепешку. Потом понюхал ее.

— Фейерверки... — задумчиво промолвил он.

— Они самые, — согласилась Ангва.

— А вы что собираетесь делать? — спросила Королева Молли. — Вы же стражники! Что происходит в этом городе? Вы обязаны что-то сделать!

Дуббинс и Детрит следовали по Федрской улице. На ней сосредоточились сыромятни, печи для обжига кирпича и дровяные склады, и место это считалось не слишком привлекательным — именно поэтому, как подозревал Дуббинс, им поручили патрулировать данную улицу, чтобы «лучше узнать город». Иначе говоря, чтобы усладить их с глаз долой. Сержант Колон считал, что они придают караульному помещению бардачный вид.

Тишину нарушали только звон гномьих кованых башмаков и стук костяшек Детритовых пальцев по мостовой.

Наконец Дуббинс не выдержал:

— Хочу, чтобы ты знал: мне совсем не хочется быть твоим напарником! Так же, как и тебе — моим!

— Правильно!

— Но что случилось, то случилось. И чтобы нам лучше ужиться, нужно кое-что изменить.

— Например?

— Например, ты не умеешь считать, это же просто смешно! Большинство троллей умеют считать. А тебя что, не научили?

— Я умею считать!

— Хорошо, сколько пальцев я сейчас показываю?

Детрит прищурился.

— Два?

— Ладно. А сейчас сколько?

— Два... и еще один...

— А два и еще один будет?...

Детрит запаниковал. В дело пошла высшая математика.

— Два и еще один будет три.

— Два и еще один будет три.

— А сейчас сколько?

— Два и два.

— Это *четыре*.

— Четыре-е.

— А *сейчас* сколько?

Дуббинс попробовал показать восемь пальцев.

— Два раза по четыре.

Дуббинс приятно удивился. Он ожидал услышать «много» или, возможно, «очень много».

— А сколько будет дважды четыре?

— Два и два и два и два.

Дуббинс наклонил голову набок.

— Гм, — сказал он. — Ладненько. Дважды четыре мы называем *восемь*.

— Восемь.

— Знаешь, — примирительно промолвил Дуббинс, смерив тролля критическим взглядом, — ты, может, и не такой тупой, каким кажешься. Это совсем не трудно. Давай-ка подумаем... Ну, то есть я подумаю, а ты

просто помолчи.

Ваймс захлопнул за собой дверь штаб-квартиры. Сержант Колон сидел за столом с довольным видом.

— Что случилось, Фред?

Колон сделал глубокий вдох.

— Интересное дело, капитан. Мы со Шнобби провели некоторое, э-э, обследование в Гильдии Шутовских Дел и Баламутства. Я записал все, что нам удалось выяснить. Все здесь. В самом настоящем рапорте.

— Чудесно.

— Все записано. Посмотри. Правильно. С пунктуацией и всем прочим.

— Молодец.

— С запятыми и всем прочим, посмотри.

— Не сомневаюсь, я получу настоящее удовольствие от твоего рапорта, Фред.

— И эти... Дуббинс и Детрит тоже кое-что выяснили. Дуббинс тоже написал рапорт. Но в нем меньше запятых, чем в моем.

— Сколько я спал?

— Шесть часов.

Ваймс попытался мысленно заполнить этот пробел, но потерпел неудачу.

— Нужно что-то проглотить, — сказал он. — Кофе или еще что-нибудь. И мир разом станет лучше. Хотя непонятно с чего.

Человек, оказавшийся в то время на Федрской улице, мог стать свидетелем престранного зрелища. Троль и гном возбужденно перекрикивали друг друга:

— Дважды тридцать два, восемь и еще один.

— Вот видишь? А сколько кирпичей в этой стопке?

Пауза.

— Шестнадцать, восемь, четыре, один.

— А за одним следует два!

Более длинная пауза.

— Двадцать девять...

— Правильно!

— Правильно!

— Ты можешь!

— Я могу!

— Ты просто создан считать до двух!

- Я просто создан считать до двух!
- Если умеешь считать до двух, значит, умеешь считать до сколько угодно!
- Если умею считать до двух, значит, умею считать до сколько угодно!
- И мир станет твоим моллюском!
- Моим моллюском! А что такое моллюск?

Ангва почти бежала, едва поспевая за Моркоу.

- А как же опера? Может, стоит ее осмотреть? — крикнула она.
- Потом. Все равно тот, кто там был, давно уже скрылся. Сначала нужно доложить обо всем капитану.
- Думаешь, ее убила та же штуковина, что и господина Крюкомолота?
- Да.

- Девять птиц.
- Правильно.
- Один мост.
- Верно.
- Четыре-на-дцать лодок.
- Замечательно.
- Одна тысяч. Три сот. Шесть десят. Четыре кирпича.
- Прекрасно.
- А вот...
- Я бы на твоём месте отдохнул. Не стоит растрачивать все силы.
- А вот... один бегущий человек.
- Где? Где?!

Кофе Шэма Харги по вкусу напоминал расплавленный свинец, но обладал одним преимуществом: вы испытывали ни с чем не сравнимое чувство облегчения, когда наконец выпивали чашку до дна.

- Шэм, — сказал Ваймс, — кофе просто отвратительный.
 - Верно, — согласился Харга.
 - За свою жизнь я выпил немало плохого кофе, но сейчас мне словно пилой провели по языку. Сколько ты его варил?
 - А какое сегодня число? — спросил Шэм, вытирая стакан.
- Он всегда вытирал стаканы. Правда, никто понять не мог, куда он девает чистые.

— Пятнадцатое августа.

— Какого года?

Шэм Харга улыбнулся или, по крайней мере, пошевелил мышцами вокруг рта. Шэм Харга успешно заведовал «Реберным домом» вот уже много лет. Он всегда улыбался, никогда не кормил в кредит и быстро понял, что большинство посетителей предпочитает, чтобы еда состояла из четырех пищевых групп: сахар, крахмал, жир и подгоревшие хрустящие кусочки.

— Дай мне пару яиц, — сказал Ваймс. — Но чтобы желток был твердым, а белок жидким, как патока. А еще я хочу бекона, твоего особого бекона, покрытого твердыми узелками, и чтоб на нем болтались кусочки жира. И ломоть жареного хлеба, от одного вида которого сводит желудок.

— Непростой заказ, — покачал головой Харга.

— Вчера тебе удалось его выполнить. И дай мне еще кофе. Черного, как полночь в безлунную ночь.

Харга удивленно посмотрел на капитана. Сегодня Ваймс вел себя как-то странно.

— Так тебе черный кофе или нет? — уточнил он.

— Очень черный.

— Но как это?

— Что как?

— В безлунную ночь на небе всегда много звезд. Их лучше видно. И горят они очень ярко. Безлунная ночь может быть достаточно светлой.

Ваймс вздохнул.

— Пусть это будет безлунная ночь, когда небо затянуто облаками, — сказал он.

Харга внимательно посмотрел на кофейник.

— Кучевыми или перисто-дождевыми?

— Извини? Что ты спросил?

— Кучевые облака располагаются низко, поэтому от них отражается свет города, понимаешь? Кроме того, свет может отражаться от кристалликов льда...

— Хорошо, хорошо, — сдался наконец Ваймс. — Я хотел сказать, что у безлунной ночи цвет в точности как у твоего кофе. Наливай.

— Слушаюсь, капитан!

— И пончик. — Ваймс схватил Харгу за замызганный передник и подтянул к себе так, что они оказались нос к носу. — Пончик такой пончиковый, как самый обычный пончик, сделанный из муки, воды, одного крупного яйца, сахара, щепотки дрожжей, корицы по вкусу и джема, желе или крысиной начинки в зависимости от национального или видового

предпочтения. Все понятно? А не такой пончиковый, как что-либо метафорическое. Просто пончик. Один пончик.

— Пончик.

— Да.

— Так бы и сказал.

Харга отряхнул передник, обиженно посмотрел на Ваймса и отправился на кухню.

— Стой! Именем закона!

— А как зовут закон?

— Откуда мне знать?!

— А почему мы его преследуем?

— Потому что он убегает.

Дуббинс был стражником всего несколько дней, но уже успел понять один важный и основополагающий факт: пройти по улице, не нарушив тот или иной закон, — невозможно. В распоряжение стражника, решившего провести с каким-нибудь гражданином увлекательную беседу, предоставлен целый мешок потенциальных обвинений, начиная с Непреднамеренного Околачивания Груш и заканчивая Неумышленным Оскорблением Чьей-Либо Извращенной Нравственности, Будучи Существом Не Того Цвета/Формы/Вида/Пола.

На мгновение ему в голову пришла мысль, что любого человека, не бросившегося наутек при виде мчащегося на него с огромной скоростью Детрита, можно обвинить в нарушении Акта О Смертельной Глупости от 1581 года. Но сейчас не было времени раздумывать над этим. Кто-то убегал, а они догоняли. Они догоняли, потому что он убегал, а он убегал, потому что они догоняли.

Ваймс расположился за столом с чашкой кофе в руке и принялся рассматривать предмет, найденный на крыше.

Он походил на укороченный вариант флейты Пана — при условии, что Пан был ограничен шестью нотами, причем одинаковыми. Трубочки были сделаны из стали и сварены вместе. По одной стороне шла зазубренная полоса металла, похожая на расплюснутую и вытянутую шестеренку, и от предмета сильно пахло фейерверками.

Он осторожно положил его рядом с тарелкой.

После чего изучил рапорт сержанта Колона. Фред Колон явно потратил на его составление кучу времени и, вероятно, пользовался словарем. Рапорт гласил:

«Рапорт сержанта Ф. Колона. Сегодня, 15 августа, прилизительна в 10 часов до полудня, я в сапроваждении капрала С.В.С.Дж. Шноббса праследовал в Гильдию Шуттавских Дел и Баламутства, что на улице Богов, после чего мы имели биседу с клоуном Боффо, каторый сказал, что пакойный клоун Бино был апределено замечен им, клоуном Боффо, когда тот, клоун Бино, выхадил ис Гильдии утром прошлого дня как раз после всрыва {Что есть, по моему мнению, тупиковый переулок, по причине таво что мертвец был мертвым поменьше мере два дня, с чем сагласился капрал С.В.С.Дж. Шноббс, так что кто-то тут заталкивает макароны в уши, не стоит верить человеку, каторый зарабатывает на жизнь, падая на задницу}. После чево мы встретились с доктором Пьеро, каторый придал нам ускорение из Гильдии. Нам кажется, а именно мне и капралу С.В.С.Дж. Шноббсу, што шуты считают, буттобы ва всем повины наемные убивцы, но мы не знаем, почему. Клоун Боффо также сказал нам поискать нос Бино, но нос, когда мы его видели, у него был, поэтому мы спросили у клоуна Боффо, не имеет ли он ввиду ево фальшивый нос, на што он атветил, что имеет настоящий, а теперь проваливайте. За сим мы и вернулись сюда».

Дело с носом выглядело настоящей головоломкой, скрытой в шараде, зашифрованной в загадке, — по крайней мере, в изложении сержанта Колона. Зачем просить отыскать нос, если тот никуда не терялся?

Ваймс взял в руки рапорт Дуббинса, написанный аккуратным почерком человека, более привычного к сложению рун. И саг.

«О Ваймс, капитан, пазволь же рассказ павести, што случилось со мной, младшим констебелем Дуббинсом. Ясным было утро и благародными были помыслы, когда мы праследовали в Алхимиков Гильдию, где событья случились так как я сейчас прапою. И касались они врзывающихся шаров. Што ж о запросе, с каторым мы посланы были, то нам саабищили, будто бумаги лист прилагаемый [приложение сматри] Леонард Щебатанский сам написал после исчезнув в абстательствах крайне тайных. На листе том аписано, как парашок сотворить парашком № Раз называемый, используемый при феерверков саздании. Главный алхимик же господин Зильберкит рек, мол каждый алхимик знает тот парашок. Чертеш Ружия на палях приведен. Мой кузен Башнелом, каторый краски Леонарду талкал, подтвердил, бутто бы это подчерк его и сказал, што Леонард всегда задом вперед писал, потому как был гениален. Я срисовал чертеш и

прилагаю его».

Ваймс положил бумаги на стол и прижал их найденным на крыше предметом.

Потом достал из кармана пару свинцовых лепешек.

По словам горгульи, у человека была какая-то странная палка...

Ваймс посмотрел на эскиз. Как заметил Дуббинс, палка была похожа на приклад арбалета с трубкой. Рядом были изображены некие странные механические устройства и пара предметов, состоящих из шести трубочек. Весь эскиз больше смахивал на каракули. Кто-то, возможно этот самый Леонард, читал книгу о фейерверках и машинально делал для себя пометки.

Фейерверки.

Итак... фейерверки? Но фейерверки — это никакое не оружие. Хлопушки делают только «бах». А ракеты хорошо летают, но попасть могут лишь в небо.

Крюкомолот славился своим мастерством в изготовлении всяческих механизмов. Что очень нехарактерно для гномов. Люди считают иначе, но это не соответствует действительности. Гномы умеют обрабатывать металл, это верно, делают хорошие мечи и ювелирные украшения, но не слишком искусны, когда дело касается шестеренок и пружин. Крюкомолот был исключением из правил.

Итак...

Предположим, существует некое оружие. Предположим, оно обладает ни с чем не сравнимыми, странными, ужасающими свойствами.

Нет, это невозможно. В противном случае оно было бы почти у всех — или было бы уничтожено. Оно не могло оказаться в музее-запаснике Гильдии Наемных Убийц. Что обычно выставляют в музеях? Вещи, которые крайне редки, которые не работают или заслуживают, чтобы о них помнили... А какой смысл выставлять *на показ* фейерверки?

На двери было много замков. Значит... этот запасник был не из тех, в которые пускают всех подряд. Наверное, сначала ты должен стать высокопоставленным наемным убийцей, а потом наступает день, когда главы Гильдии глубокой ночью ведут тебя куда-то и... скажем... скажем...

Непонятно почему, но в этот момент в воображении капитана Ваймса вдруг возникло лицо патриция.

И снова Ваймс ощутил, будто коснулся чего-то необычного, чего-то фундаментального и важного...

— Куда он делся? Куда он подевался?

Они забежали в лабиринт переулков. Дуббинс прислонился к стене, чтобы отдышаться.

— Сюда! — заорал Детрит. — Он побежал по Корсетному переулку! И дальше бросился в погоню.

* * *

Ваймс поставил на стол чашку.

В него стреляли с расстояния в несколько сотен ярдов — и чуть не попали. Кроме того, убийца успел выстрелить подряд шесть раз, а за это же самое время из арбалета можно выпустить только одну стрелу...

Ваймс снова взял в руки трубочки. Шесть маленьких трубочек — шесть выстрелов. И несколько таких комплектов трубочек можно таскать просто в карманах. И стрелять дальше, быстрее и точнее, чем из любого другого оружия...

Итак. Новый тип оружия. Гораздо более скорострельный, чем арбалет. Наемным убийцам это не понравится. Очень не понравится. Они и луки-то не любят. Предпочитают убивать с близкого расстояния.

Поэтому они решили хранить ружье под замком. Только боги знают, как оно у них оказалось. Это могли знать только старшие наемные убийцы, да и то немногие. Долгое время они передавали друг другу страшную тайну: «Остерегайтесь подобных предметов...»

— Сюда, сюда! Он ушел на Тискающую аллею!

— Стой! Сбавь ход!

— Почему?

— Это — тупик.

Стражники остановились.

Дуббинс знал, что сейчас мозг группы — он. Даже несмотря на то, что Детрит, сияя от гордости, теперь считал кирпичи во всех стенах подряд.

Почему они гнались за этим типом почти через весь город? Потому что он убегал. От стражников *нельзя* убегать. Воры показывают лицензии. Нелицензированные воры Стражи не больно-то боятся — весь их страх тратится на Гильдию Воров. Наемные убийцы всегда чтут букву закона. А честные люди не бегают от стражников^[19]. Если ты убегаешь от Стражи, значит, ты совершил что-то дурное.

Происхождение названия аллеи, к счастью, затерялось во мгле веков,

но со временем название это стало вполне соответствовать действительности. По мере того как надстраивались верхние этажи зданий, аллея превращалась в тоннель, и теперь над головой можно было разглядеть лишь клочок неба.

Дуббинс выглянул из-за угла и всмотрелся во мрак.

Щелк, щелк...

Странные звуки доносились из крошечной тьмы.

— Детрит?

— Да?

— У него было оружие?

— Только палка какая-то.

— Но я... я чувствую запах фейерверков.

Дуббинс очень осторожно убрал голову.

Фейерверками пахло в мастерской Крюкомолота. И господин Крюкомолот закончил жизнь с огромной дырой в груди. Чувство *выразимого* ужаса, ужаса, который намного более конкретен и ужасен, чем невыразимый, постепенно охватило Дуббинса. Это чувство было сродни тому, которое испытываешь, когда играешь по-крупному, а твой противник неожиданно улыбается, и ты вдруг понимаешь, что тебе очень-очень повезет, если ты сохранишь хотя бы рубашку.

С другой стороны... он мог представить себе лицо сержанта Колона. «Сержант, мы преследовали через весь город человека, загнали его в тупик, а потом развернулись и пошли себе своей дорогой...»

Он обнажил меч.

— Младший констебль Детрит?

— Да, младший констебль Дуббинс?

— За мной!

Почему? Ведь эта штукавина наверняка сделана из железа. Десять минут в тигле, и нет проблемы. Почему никто не избавился от подобной крайне опасной вещи? Почему ее сохранили?

Но такова природа человека. Некоторые вещи настолько пленяют нас, что мы не в силах их уничтожить.

Капитан Ваймс посмотрел на странные металлические трубочки. Шесть коротеньких круглых трубочек, наглухо закрытых с одного конца. В верхней части каждой трубочки было крохотное отверстие...

Ваймс медленно взял в руку одну из свинцовых лепешек...

Аллея была извилистой, но переулков от нее не отходило. И по обеим сторонам высились глухие стены. Лишь в самом конце аллеи была дверь, огромная дверь и, судя по виду, очень прочная.

— Где мы? — спросил Дуббинс.

— Не знаю, — ответил Детрит. — Где-то недалеко от доков.

Дуббинс приоткрыл дверь мечом.

— Дуббинс?

— Что?

— Мы прошли семьдесят девять шагов!

— Очень мило.

Из двери вырвался холодный воздух.

— Мясной склад, — прошептал Дуббинс. — Кто-то вскрыл замок отмычкой.

Он скользнул в полумрак и оказался в огромном мрачном помещении с высокими потолками, как в храме, который оно несколько напоминало. Тусклый свет сочился сквозь большие, покрытые льдом окна. С потолка гроздьями свисали туши, выглядящие какими-то странно полупрозрачными. Выдыхаемый Дуббинсом воздух мгновенно превращался в кристаллики льда.

— Ничего себе, — удивился Детрит. — Кажется, это склад фьючерсной свинины на Морпоркской улице.

— Что?

— Я работал здесь раньше, — пояснил тролль. — Почти везде работал. «Уходи, тупой тролль, ты слишком глупый», — мрачно добавил он.

— Отсюда есть выход?

— Главные ворота склада выходят на Морпоркскую улицу. Но здесь месяцами никого не бывает — пока не начинает существовать свинина^[20].

Дуббинс поежился.

— Эй ты, там! — закричал он. — Это Стража! Выходи немедленно.

Между двумя будущими свиными тушами возникла темная фигура.

— Что будем делать? — спросил Детрит.

Фигура подняла нечто похожее на палку, держа ее на манер арбалета.

И выстрелила. Что-то маленькое со звоном отскочило от шлема Дуббинса.

Огромная каменная лапа схватила гнома за голову, и Детрит спрятал

Дуббинса за своей широкой спиной, а фигура бросилась в сторону, стреляя на бегу.

Детрит заморгал.

Пять дыр рядом протянулись по его нагруднику.

А потом человек выскочил в дверь и захлопнул ее за собой.

— Капитан Ваймс?

Он поднял взгляд. Это были капитан Квирк из Дневной Стражи и парочка его людей.

— Да?

— Пойдешь с нами. И сдай меч.

— Что?

— Ты меня плохо расслышал, капитан?

— Эй, Квирк, это же я, Сэм Ваймс! Не будь дураком.

— Я не дурак, потому что захватил с собой людей с арбалетами. Подчеркиваю — людей. Это ты будешь дураком, если станешь сопротивляться аресту.

— О? Я, значит, под арестом?

— Только если не пойдешь с нами...

Патриций ждал его в Продолговатом кабинете, стоя у окна. Только что стихла многоколокольная какофония, отметившая пять часов дня.

Ваймс отдал честь. Со спины патриций походил на плотоядного фламинго.

— А, Ваймс, — сказал тот, не оборачиваясь, — подойди-ка сюда. Что ты видишь?

Ваймс ненавидел всякого рода «упражнения на догадливость», но вынужден был присоединиться к патрицию.

Из окна Продолговатого кабинета открывался вид на половину города, хотя большую часть этого вида составляли крыши и башни. Воображение Ваймса заполнило башни людьми с ружиями в руках. Патриций представлял собой легкую мишень.

— Ну, что ты видишь, капитан?

— Город Анк-Морпork, сэр, — стараясь сохранять беспристрастное выражение, откликнулся Ваймс.

— И на какие мысли он тебя наводит, капитан?

Ваймс почесал затылок. «Что ж, ты будешь играть в игры со мной, а я — с тобой...»

— Сэр, когда я был маленьким мальчиком, у нас была корова, и

однажды она заболела, а в мои обязанности входила чистка стойла, так вот...

— А мне он напоминает часовой механизм, — перебил его патриций. — Большие шестеренки, маленькие шестеренки. Все тикает. Маленькие шестеренки вращаются, большие шестеренки поворачиваются, заметь, с разными скоростями, но *машина* работает. А это самое главное. Машина продолжает работать. Потому что, если машина сломается...

Он резко повернулся, прошагал к столу своей обычной поступью хищника и сел.

— А иногда в шестеренки попадает маленькая песчинка и нарушает равновесие. Одна маленькая песчинка.

Витинари поднял голову и невесело улыбнулся Ваймсу.

— Я этого не потерплю.

Ваймс вперился в стену.

— Кажется, я приказывал тебе забыть некие недавние события?

— Сэр.

— Тем не менее Стража продолжает лезть в шестеренки.

— Сэр.

— И что прикажешь с вами делать?

— Не могу знать, сэр.

Ваймс внимательно рассматривал стену. Сейчас ему очень не хватало Моркоу. Парень был простоват, но поэтому иногда замечал то, что ускользало от внимания самых проницательных людей. И постоянно высказывал простые идеи, которые потом никак не выходили из вашей головы. Как-то, когда они следовали по улице Мелких Богов, Моркоу спросил у Ваймса: «Вы слышали такое древнее слово „полисмен“, сэр? Так раньше называли стражников...» Ваймс, конечно, его слышал, и Моркоу принялся объяснять дальше: «„Полисом“ раньше называли город, значит, „полисмен“ означает „человек города“. Немногие это знают. А слово „политес“, тоже древнее слово, на нынешнем языке „вежливость“, также произошло от слова „полис“. Оно означает правильное поведение человека, живущего в городе».

Человек города... Моркоу вечно придумывал всякие глупости. Например, нелестным прозвищем Стражи было «лежавые». Ваймс всю свою жизнь свято верил, что стражников называют так потому, что некоторые аморальные типы, такие как капрал Шноббс, частенько бьют заключенных ногами, но Моркоу объяснил, что нет, название пошло от древней, ныне вымершей породы охотничьих щекотанских собак, которые великолепно преследовали добычу.

Моркоу все свое свободное время посвящает чтению книг. Хотя читает неважно. У него возникли бы большие трудности, если бы ему отрубили указательный палец. Зато постоянно. А в выходные дни бродит по Анк-Морпорку...

— Капитан Ваймс?

Ваймс заморгал.

— Сэр?

— Ты даже понятия не имеешь, как трудно сохранить то хрупкое равновесие, в котором пребывает город. Повторюсь еще раз. Ты больше не должен лезть в дела, касающиеся наемных убийц, гнома и клоуна.

— Сэр.

— Тогда давай сюда свой значок.

Ваймс опустил взгляд на значок.

Он никогда не задумывался о нем. Значок был у него всегда. Не то чтобы эта безделушка имела такую уж важность... Просто значок у него был всегда.

— Мой значок, сэр?

— И свой меч.

Медленно, словно пальцы вдруг превратились в бананы, причем в бананы, не имеющие к нему никакого отношения, Ваймс расстегнул пояс с мечом.

— И значок.

— Гм. Только не значок, сэр.

— Почему?

— Гм. Потому что это мой значок.

— Но ты все равно уходишь в отставку. Сразу после свадьбы.

— Верно.

Их взгляды встретились.

Ваймс просто смотрел. Он не мог найти нужных слов. Как бы это объяснить? Он всегда был человеком со значком. Но останется ли он человеком, если значок у него отберут?

Наконец лорд Витинари сказал:

— Ну хорошо. Кажется, ты женишься завтра в полдень. — Тонкими длинными пальцами он взял со стола тисненное золотом приглашение. — Ладно. Можешь пока поносить значок. Ты уйдешь в отставку с почестями. Но меч остается у меня. И Дневная Стража будет послана в Ярд, чтобы разоружить твоих людей. Я расформировываю Ночную Стражу, капитан. В надлежащее время я назначу другого человека руководить Ночной Стражей — когда сочту это нужным. А до того момента ты и твои люди

отправляетесь в бессрочный отпуск.

— Дневная Стража? Толпа...

— Прошу прощения?

— Так точно, сэр. Все понял, сэр.

— И помни: одно нарушение, и значок — мой.

Дуббинс открыл глаза.

— Ты живой? — спросил Детрит.

Гном осторожно снял шлем. На самом краю шлема образовалась выбоина. Жутко трещала голова.

— Похоже на легкое повреждение кожного покрова, — сказал Детрит.

— На что? У-у-у-у. — Дуббинс сморщился. — Кстати, а ты-то как?

Что-то странное произошло с троллем. Дуббинс пока не понимал, что именно, но определенно в нем кроме дырок появилось еще что-то, что-то незнакомое.

— Полагаю, доспехи меня отчасти защитили, — сказал Детрит и снял лямки нагрудника. Пять свинцовых лепешек застряли на уровне пояса. — Если бы не нагрудник, я мог бы серьезно пострадать. Ведь даже легкая царапина ведет иногда к заражению крови.

— Что с тобой случилось? Ты как-то странно выражаешься.

— Как? Скажи на милость.

— Куда делся твой обычный базар «моя — большой глупый тролль». Ты никогда не изъяснялся так длинно.

— Не уверен, что понимаю тебя.

Дуббинс поежился и затопал ногами, чтобы согреться.

— Давай-ка выбираться отсюда.

Они подошли к двери. Она не открывалась.

— Можешь ее выбить?

— Нет. Здесь бы давно ничего не осталось, если бы дверь не была троллестойкой. Извини.

— Детрит?

— Да?

— С тобой все в порядке? Если не считать, что из твоей башки валит пар.

— Я чувствую себя немного...

Детрит заморгал. Зазвенели падающие с ресниц льдинки. Что-то необычное происходило в его черепе.

Мысли, которые раньше лениво бродили по его разуму, внезапно ожили, обрели энергию и блистательное остроумие. Кроме того, их

становилось все больше и больше.

— О боги, — пробормотал он, ни к кому особенно не обращаясь.

Это восклицание было столь нехарактерным для тролля, что Дуббинс, конечности которого уже начали неметь от холода, в изумлении уставился на своего напарника.

— Кажется, — сказал Детрит, — я действительно обрел способность мыслить. Как интересно!

— Что ты имеешь в виду?

Детрит почесал затылок, с троллей головы градом посыпался лед.

— Ну конечно! — воскликнул он, воздев гигантский палец. — Сверхпроводимость!

— Что?

— Понимаешь, кремний в мозгах, но нечистый. Проблема рассеивания тепла. Дневная температура слишком высокая, скорость обработки данных замедляется, если погода становится жарче, мозг совершенно прекращает работу, тролли превращаются в камень до наступления ночи, зато если становится холодней, температура падает, мозг начинает функционировать быстрее...

— А мне кажется, что я скоро замерзну и умру, — перебил его Дуббинс.

Детрит огляделся.

— Наверху я вижу маленькие застекленные отверстия, — сообщил он.

— Слишком в-выс-со-ко, даж-же ес-сли я вс-стану теб-бе на п-плеч-чи, — заикающимся голосом произнес Дуббинс, оседая на пол.

— Да, но мой план подразумевает выбрасывание из них чего-нибудь в целях привлечения внимания и, следовательно, помощи, — растолковал Детрит.

— Как-кой пл-лан?

— На самом деле я уже разработал двадцать три плана, но именно у этого шансы на успех равны девяносто семи процентам, — с довольным видом сообщил Детрит.

— Н-нам н-неч-чего б-бро-сить, — пробормотал Дуббинс.

— Есть, — сказал Детрит и схватил его за воротник. — Не волнуйся, я очень точно рассчитал траекторию твоего полета. А потом тебе останется только позвать на помощь капитана Ваймса, Моркоу или кого-нибудь еще.

Слабо протестующий Дуббинс описал дугу в морозном воздухе и вылетел на улицу вместе со стеклом.

Детрит опустил на пол. Жизнь так проста, когда начинаешь думать по-настоящему. А он сейчас думал по-настоящему.

Он был на семьдесят шесть процентов уверен, что температура его тела может упасть еще примерно на семь градусов. А потом...

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, оптово-розничный поставщик и всесторонний торговец, долго и мучительно размышлял о торговле этническими продуктами питания. Естественный шаг для развития дела. Торговля сосисками пришла в упадок, а кругом бродят гномы и тролли, карманы которых — или где там тролли хранят свои сбережения — битком набиты деньгами. Деньги в чужих карманах всегда казались Достаблю нарушением нормального порядка вещей.

Обслуживать гномов довольно легко. Крысу-на-палочке приготовить несложно, это довольно резкий скачок в сторону повышения уровня обслуживания, но справиться можно. С сосисками было куда проще.

С другой стороны, тролли, если докопаться до сути вопроса, никаких намеков... так вот, тролли — это всего лишь ходячие камни.

Достабль обратился за советом о тролльей пище к Хризопразу, который тоже был троллем, — правда, по нему теперь и не скажешь, ведь он так долго жил среди людей, что теперь носил костюм и научился, по его словам, всяким цивилизованным штучкам, типа вымогательства, ростовщичества под триста процентов в месяц и всему остальному. Хризопраз, может, и родился в какой-нибудь жалкой пещере на занесенной вечными снегами горе, но ему достаточно было провести в Анк-Морпорке всего пять минут, чтобы мигом ко всему приспособиться. Достабль считал Хризопраза своим другом — вряд ли кому-нибудь хотелось бы быть врагом Хризопраза.

В тот день Себя-Режу решил опробовать новый подход. Он ходил по улицам, широким и узким, со своей тележкой и орал:

— Сосиски! Горячие сосиски! В булочке. Пирожки с мясом! Хватайте, пока горячие!

Это было в некотором роде разминкой. Шансы на то, что какой-нибудь человек съест предлагаемое Достаблем блюдо — если только ему, запертому в доме и голодающему вот уже две недели, не подсунут сосиску под дверь, — в общем, шансы были весьма невелики. Наконец, Достабль воровато огляделся — в доках работало много троллей — и снял крышку с другого лотка.

Что же это такое? Ах да...

— Доломитовые конгломераты! Покупайте доломитовые конгломераты! Марганцевые гранулы! Хватайте, пока... э-э... грануловидные! — На мгновение он замолчал, а потом заорал снова: —

Пемза! Пемза! Туф за доллар! Жареный известняк!..

Несколько троллей приблизились и уставились на него.

— Вот ты, сэр, — сказал Достабль, широко улыбаясь самому маленькому троллю, — ты выглядишь... очень голодным. Почему бы тебе не попробовать наш замечательный сланец в булочке? М-м-м! Отведай эти аллювиальные осадки, пальчики оближешь!

У Себя-Режу-Без-Ножа Достабля было несколько скверных черт характера, но видизм в их число не входил. Он любил всех, у кого есть деньги, вне зависимости от цвета и формы руки, их протягивающей. Достабль был сторонником мира, в котором мыслящее существо может ходить гордо, дышать свободно и наслаждаться жизнью, свободой и счастьем, твердо шагая навстречу новой заре. И если на этом самом пути к заре удастся уговорить кого-нибудь из мыслящих существ купить продукт Достабля, так это только к лучшему.

Троль с подозрением осмотрел лоток и взял булочку.

— Б-р-р-р, какая гадость! — рявкнул он. — В ней аммонит. Гадость!

— Извини? — не понял Достабль.

— А этот сланец, — сказал троль, — черствый.

— Восхитительный и свежий! Как раз такой любила тесать твоя мамочка!

— Да, а этот чертов гранит весь пронизан кварцем, — добавил другой троль, склонившись над Достаблем. — Кварц засоряет артерии.

Он бросил камень на лоток. Тролли не торопясь побрели прочь, изредка оборачиваясь, чтобы смерить Достабля подозрительными взглядами.

— Черствый? Черствый?! Как он может быть черствым? Это же камень! — закричал Достабль им вслед.

Но потом пожал плечами. Ну и ладно. Настоящий бизнесмен должен с достоинством пережить первое поражение.

Он закрыл крышкой лоток с камнями и открыл другой.

— Пещерная пища! Пещерная пища! Крыса! Крыса! Крыса-на-палочке! Крыса-в-булочке! Хватай, пока мертвые! Отведайте!..

Где-то наверху зазвенело стекло, и в лоток воткнулся младший констебль Дуббинс.

— Не стоило так торопиться, — укоризненно сказал Достабль. — Всем хватит.

— Вытащи меня, — раздался приглушенный голос Дуббинса, торчащего вверх ногами. — Или дай кетчуп.

Достабль схватил гнома за обледеневшие башмаки.

— Только что с гор спустился, да?
— Где мне найти человека, который держит ключи от склада?
— Если тебе понравилась наша крыса, почему бы не попробовать...
В руке Дуббинса, словно по волшебству, возник топор.
— Отрублю ноги по колено.
— ТебенуженГерхардСтелькаизГильдииМясников.
— Хорошо.
— Атеперьпрошуопуститопор.
Дуббинс убежал, поскользываясь на булыжниках.
Достабль посмотрел на обломки тележки. Шевеля губами, подсчитал убытки.
— Эй! — закричал он вслед гному. — Ты должен мне за три крысы!

Лорд Витинари проводил взглядом капитана Ваймса, и ему стало немножко стыдно. Он не мог понять почему. Конечно, капитану пришлось несладко. Но другого выхода не было...

Патриций достал ключ из шкафчика, стоявшего рядом со столом, и подошел к стене. Его рука коснулась пятна на штукатурке, ничем не отличавшегося от других пятен, но от прикосновения именно к этому сработал потайной механизм и часть стены открылась. Хорошо смазанные петли даже не скрипнули.

Никто не знал всех проходов и тоннелей, спрятанных в стенах дворца; поговаривали, будто некоторые тоннели идут чуть ли не под всем городом. Отчасти в этом была правда: Анк-Морпорок славился своей разветвленной системой подвалов. Человек с киркой, хорошо ориентирующийся на местности, мог пройти куда угодно, нужно было только пробить старые, вздвигнутые давным-давно стены.

Лорд Витинари спустился по нескольким узким лестницам и прошел по коридору к двери, которую отпер ключом.

Помещение это нельзя было назвать темницей, оно было просторным, освещалось несколькими большими, но высоко расположенными окнами. В нем пахло деревянными опилками и клеем.

— Поберегись!

Патриций пригнулся.

Что-то похожее на летучую мышь с треском и жужжанием пролетело над его головой, беспорядочно покружилось в центре комнаты и развалилось на дюжину дергающихся кусков.

— Вот те на, — раздался мягкий голос. — Придется возвращаться к чертежной доске. Добрый день, ваша светлость.

— Добрый день, Леонард, — кивнул патриций. — Что это было?

— Я назвал это «машущим-крыльями-и-летающим-прибором», — ответил Леонард Щеботанский, спускаясь со своей стартовой стремянки. — Работает от скрученных вместе гуттаперчевых полос. Но, боюсь, над изобретением надо еще поработать.

Леонард Щеботанский был совсем не старым. Он относился к тем людям, которые начинают выглядеть почтенными в возрасте тридцати лет и, вероятно, точно так же будут выглядеть в девяносто. И лысым, если говорить честно, он не был. Просто его голова выросла из волос и возвышалась над ними, как величественный каменный купол над лесом.

Идеи порхают по вселенной туда-сюда. Главная их цель — если у идей, конечно, есть цель — это попасть в нужный ум в нужном месте в нужное время. Они задевают нужный нейрон, возникает цепная реакция, и через короткий промежуток времени кто-то уже щурится от света телевизионных софитов, сам недоумевая, и как это он додумался продавать хлеб в первозданном, донарезанном, виде.

Леонард Щеботанский знал о существовании вдохновляющих идей не понаслышке. Одним из его ранних изобретений стал заземленный ночной колпак, который он придумал в надежде на то, что эти треклятые идеи перестанут оставлять раскаленные добела следы в его измученном воображении. Однако колпак почти не помогал. Леонард из личного опыта знал, как стыдно просыпаться на простынях, испещренных эскизами неизвестных осадных машин и новейших устройств для чистки яблок.

Род Щеботанских был достаточно богат, и молодой Леонард учился во многих школах, откуда вынес огромный мешок разнообразных знаний, несмотря на привычку пялиться в окно и зарисовывать полет птиц. Леонард Щеботанский относился к категории тех несчастных людей, чья судьба — пребывать в неизбывном восхищении миром, его устройством, вкусом, формой и движением...

А лорд Витинари, в свою очередь, восхищался Леонардом, вот почему тот до сих пор был жив. Некоторые вещи настолько выбиваются из себе подобных, что становятся идеальными, и поэтому их не уничтожают, их бережно хранят.

Леонард Щеботанский был примерным заключенным. Чтобы он вел себя смирно, нужно было лишь снабдить его в достаточном количестве досками, проволокой и краской, а также бумагой и карандашами.

Патриций отодвинул стопку чертежей и сел.

— Очень интересно, — кивнул он. — Что это?

— Мне было интересно попробовать сделать серию рисунков, которые

бы рассказывали какую-нибудь историю.

— Забавно, — признал лорд Витинари. — Особенно мне нравится этот тип с крыльями, как у летучей мыши.

— Благодарю. Может, чашку чая? Я немного соскучился по общению, в последнее время почти не вижу людей, кроме того человека, который смазывает петли.

— Я пришел, чтобы...

Патриций замолчал и указал на один из рисунков.

— К нему прилипла какая-то желтая бумажка, — сказал он и попытался ее оторвать.

Она отлепилась с едва слышным сосущим звуком и тут же прилипла к его пальцам. На бумажке знакомым неровным подчерком Леонарда задом наперед было написано: «агамуБ ялд котемаз: ястежак, театобар».

— О, кстати, — сказал Леонард. — Замечательная штучка. Я назвал ее «удобная-бумажка-для-заметок-которая-легко-приклеивается-и-отклеивается».

Патриций немного поиграл с бумажкой.

— А из чего сделан клей?

— Из вареных слизней.

Патриций оторвал бумажку от одной руки, она мгновенно прилипла к другой.

— Вы пришли ко мне по этому поводу? — спросил Леонард.

— Нет, я пришел поговорить о ружии.

— Гм?

— Боюсь, оно исчезло.

— Вот те на. Вы же сказали, что разобрались с ним.

— Я поручил уничтожить его наемным убийцам. Видишь ли, они так кичатся артистичностью своей работы... Одна мысль о том, что кто-то может обладать подобной силой, должна была привести их в ужас. Но эти идиоты не уничтожили его. Решили припрятать. А теперь потеряли.

— Так они не уничтожили его?

— Очевидно нет.

— Но и вы тоже его не уничтожили... Интересно почему?

— Я... э-э, не знаю...

— Не надо было его создавать. А я ведь просто хотел проверить на практике кое-какие принципы — баллистики, простой аэродинамики, химической энергии. Понимаете? Некоторых неплохих сплавов, правда только я считаю их такими. А еще я очень горжусь придуманной мной системой нарезок. Знаете, специально для этого мне пришлось изобрести

достаточно сложный инструмент. Молока? Сахара?

— Нет, благодарю.

— Но ружье уже ищут?

— Наемные убийцы — да, ищут. Только не найдут. Они мыслят не так, как надо.

Патриций взял со стола пачку набросков, все они очень точно изображали человеческий скелет. Во всех подробностях.

— М-да...

— Поэтому я надеюсь только на Стражу.

— То есть на капитана Ваймса, о котором вы как-то упоминали?

Лорду Витинари нравились эти редкие разговоры с Леонардом. Ученый всегда говорил о городе как о другом мире.

— Да.

— И вы сделали все, чтобы он осознал важность задания?

— В некотором роде. Я категорически запретил ему искать ружье.

Дважды.

Леонард кивнул.

— А... Кажется... понимаю. Надеюсь, все получится.

Он вздохнул.

— Наверное, нужно было разобрать его, но оно было настолько... законченной вещью. Меня не оставляло странное чувство, будто бы я собираю нечто уже существующее. «Интересно, — думал я, — и как вообще мне в голову пришла подобная идея?» Мне казалось... кощунством, что ли, разбирать его. Это было бы все равно что разобрать человека. Печенья?

— Иногда и человека приходится разбирать, — заметил лорд Витинари.

— Это, конечно, ваша точка зрения, — вежливо сказал Леонард Щеботанский.

— Ты упомянул про кощунство, — промолвил лорд Витинари. — Обычно это понятие применимо к богам и их творениям...

— Я использовал это слово? Бог Ружия? Гм... Вряд ли такой существует.

— Согласен, вряд ли.

Патриций вдруг заерзал, опустил руку и извлек из-под себя какой-то предмет.

— Что это такое? — осведомился он.

— О, а я-то думал, куда он задевался?! — обрадовался Леонард. — Это модель моей вращающейся-и-поднимающейся-в-воздух-машины^[21].

Лорд Витинари крутанул маленький винт.

— И что, будет работать?

— Разумеется, — кивнул Леонард, но потом удрученно вздохнул: — Если найдется человек, обладающий силой десятерых и способный вращать ручку со скоростью около тысячи оборотов в минуту.

Патриций немного успокоился, но лишь с той целью, чтобы ярче выделить грядущий напряженный момент.

— Итак, — сказал он, — по городу бродит человек с ружием. Один раз он уже применил его — успешно. И почти успешно еще раз. Никто другой не мог изобрести такое же ружье?

— Нет, — ответил Леонард. — Я — гений.

В голосе его не было никакого хвастовства, никакой гордости, слова прозвучали как сухая констатация факта.

— Понятно. Но если ружье уже было изобретено, насколько гениальным нужно быть, чтобы создать по его образу второе такое ружье?

— Гм, нарезка ствола требует значительного мастерства, и механизм курка должен быть идеально сбалансирован... Кроме того, со стволом есть еще одна хитрость... — Леонард заметил выражение лица патриция и, прервав объяснения, пожал плечами. — Умный человек легко воссоздаст ружье.

— В городе полно умных людей, — заметил патриций. — И гномов. Умных людей и гномов, которые работают с механизмами.

— Мне очень жаль.

— Нет чтобы головой подумать!

— Абсолютно верно.

Лорд Витинари откинулся на спинку стула и воззрился на потолок.

— Представляешь, каким глупцом надо быть, чтобы открыть рыбный ресторан на месте старого храма на Дагонской улице в день зимнего солнцестояния, да к тому же в полнолуние?!

— Таковы люди...

— Я так и не смог выяснить, что же случилось с господином Хонгом.

— Бедняга.

— А еще эти волшебники... Полные болваны и халтурщики. Увидят торчащую из ткани реальности ниточку, и сразу давай за нее тянуть!

— Ужас.

— А алхимики? Они считают своим гражданским долгом смешивать разные вещества и смотреть что получится.

— Я даже здесь слышу взрывы.

— А потом еще появляется кто-нибудь вроде тебя...

— Мне правда очень жаль.

Лорд Витинари крутил в руках модель летательной машины.

— Ты мечтаешь о полете, — сказал он вдруг.

— О да. Тогда люди станут действительно свободными. В воздухе ведь нет границ. И войн больше не будет, потому что небо бесконечно. О, какое счастье мы обречем, научившись летать...

Витинари продолжал крутить в руках летательную машину.

— Да, — согласился он, — очень интересные возможности...

— Знаете, я попробовал использовать заводной механизм, и...

— Извини? Я о другом задумался.

— Заводной механизм, ну, для приведения в действие моей машины. И ничего не получилось.

— О.

— У пружины есть предел, как бы туго вы ее ни заводили.

— Разумеется. Да. А иногда приходится заводить пружину до упора, — кивнул Витинари. — И молиться, чтобы она не лопнула.

Выражение его лица вдруг изменилось.

— О боги... — прошептал он.

— Простите? — не понял Леонард.

— Его привычка. Он же не ударил по стене! Может, я зашел слишком далеко?...

Детрит сидел на полу, и от него валил пар. Он чувствовал голод, однако есть не хотелось, хотелось думать. По мере того как температура понижалась, повышалась эффективность работы его мозга. Ему необходимо было чем-то заняться.

Он подсчитал количество кирпичей в стене, сначала в двоичной системе, потом в десятичной и, наконец, в шестнадцатеричной. Числа возникали в мозге и проходили сквозь него с ужасающей послушностью. Он открыл для себя умножение и деление. Затем придумал алгебру — на пару минут это его заняло. А потом он почувствовал, как отступает туман чисел и являются далекие сверкающие вершины многосложных исчислений.

Тролли эволюционировали на возвышенностях, в горной местности, которая прежде всего была *холодной*. Их кремниевые мозги привыкли работать при низкой температуре. А тепло сырых низменностей замедляло скорость работы мозга и делало троллей бестолковыми. О, тролли, решившие переселиться в город, зачастую были весьма умны, но, оказавшись там, *становились* тупыми.

Детрита считали слабоумным даже по городским тролльным стандартам. Но это объяснялось лишь тем, что мозг его оптимально работал при температуре, которой не могла похвастать даже самая холодная анк-морпоркская зима.

Однако сейчас температура его мозга приближалась к идеальной. К сожалению, эта температура была лишь незначительно выше той, при которой тролля ждет верный Смерть.

Часть мозга задумалась над решением данной проблемы. Вероятность спасения существовала, причем шансы были достаточно велики. Но ему придется покинуть склад. А это означало, что он снова поглупеет, и это было так же точно, как $E = mc^2$.

Значит, стоит поторопиться.

Он вернулся в мир чисел, настолько сложных, что у них не было значения, только промежуточная точка зрения. И продолжал замерзать в ожидании Смерти.

Достабль добежал до Гильдии Мясников мгновением позже Дуббинса. Огромные красные двери были распахнуты — явно пинком, — сразу за ними сидел на земле маленький мясник и потирал нос.

— Куда он направился?

— Туда.

А в главном зале Гильдии метался кругами верховный мясник Герхард Стелька. Уцепившись за кожаный передник и упершись ногами в могучую грудь мясника, Дуббинс умудрялся размахивать перед лицом Герхарда хорошо наточенным топором.

— Повторяю, либо ты немедленно отдашь мне его, либо я скормлю тебе твой же нос!

Толпа мясников-практикантов старалась не вмешиваться.

— Но...

— Не спорь со мной! Я — офицер Стражи.

— Но ты...

— Так, господин, последний шанс. Давай его сюда!

Стелька мученически прикрыл глаза.

— Но что тебе нужно-то?!

Толпа выжидающе затаила дыхание.

— А, — Дуббинс несколько пришел в себя. — Э-э... А я что, не сказал?

— Нет!

— Знаешь, я был твердо уверен, что сказал.

— Ты ничего мне не сказал!

— О. В общем, мне нужен ключ от склада фьючерсной свинины.

Дуббинс прыгнул на пол.

— Но зачем?

Перед его носом снова замелькал топор.

— Я же просто спросил, — полным отчаяния голосом попытался оправдаться Стелька.

— Там замерзает до смерти мой товарищ по Страже, — сообщил Дуббинс.

Когда главные ворота наконец открыли, вокруг уже собралась целая толпа зевак. По камням мостовой со звоном запрыгали льдинки, и на улицу вырвался сверххолодный воздух.

Иней покрывал пол и ряды туш, следующих из настоящего в будущее. Тем же инеем была покрыта огромная, вмерзшая в пол глыба, очертаниями напоминающая Детрита.

Совместными усилиями глыбу вытащили на солнечный свет.

— А его глаза так и должны то зажигаться, то гаснуть? — осведомился Достабль.

— Детрит! — закричал Дуббинс. — Ты меня слышишь?

Детрит заморгал. По мостовой запрыгали льдинки.

Он чувствовал, как рассыпается в его сознании чудесная вселенная чисел. Температура, повышаясь, сжирала его мысли, как пламя огнемета — сугроб.

— Скажи же что-нибудь! — закричал Дуббинс.

Башни интеллекта, высящиеся в мозгу Детрита, горели и рушились.

— Эй, посмотрите-ка сюда! — воскликнул один из мясников-практикантов.

Внутренние стены склада были исписаны числами. По оледеневшим камням змеились уравнения, сложные, как нервная система. В какой-то момент математик перешел с чисел на символы, но вскоре и этого оказалось недостаточно. Скобки, словно клетки, заключали гигантские формулы, но сравнивать их с обычными математическими формулами было бы все равно что сравнивать город с картой.

По мере приближения к цели они становились все проще, однако за этой простотой скрывалась невероятная, поистине спартанская сложность.

Дуббинс, не отрываясь, смотрел на ряды чисел и непонятных знаков. Он знал, что не сможет разобраться в них и за сотню лет.

Иней таял на теплом воздухе.

Когда стены закончились, уравнения переместились на пол. Змеящаяся дорожка шла к тому месту, где обнаружили тролля. Здесь все вычисления свелись к нескольким формулам, которые, казалось, двигались, сверкали и жили собственной жизнью. Это была математика без чисел, незамутненная, чистая, как молния.

В конце дорожки уравнений стоял очень простой знак: « = ».

— Равняется чему? — в пространство спросил Дуббинс. — Чему?

Иней окончательно растаял.

Дуббинс вышел на улицу. Окруженный зеваками Детрит сидел в луже воды.

— Накройте же его чем-нибудь! — попросил Дуббинс. — Кто-нибудь, принесите одеяло!

— Ха! — хмыкнул какой-то толстяк. — Ищи дурака, а потом этим же одеялом нам накрываться? Это после тролля?!

— Хм, я тебя понимаю... — кивнул Дуббинс. Он бросил взгляд на нагрудник Детрита. Пять отверстий шли как раз на уровне головы гнома. — Э-э, слушай, могу я тебя попросить? Подойди-ка сюда, а? — окликнул он толстяка.

Тот подмигнул своим друзьям и неторопливо приблизился.

— Пожалуйста, обрати внимание на эти дырки в доспехах, — ткнул пальцем Дуббинс.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль отличался невероятными способностями к выживанию. Он предчувствовал неприятности, подобно тому как грызуны и насекомые чувствуют близящееся землетрясение. Дуббинс вел себя слишком уж вежливо. А если гном ведет себя вежливо, значит, он копит силы, чтобы потом вести себя очень скверно.

— Я... э... пожалуй, пойду, займусь своими делами... — пробормотал он и попятился.

— Лично я ничего не имею против гномов, — заявил толстяк. — Ну, то есть гномы, они ж почти люди. Только росточком не вышли. Но тролли — не-е-е-т... Они на нас совсем не похожи, верно?

— Простите, простите, дорогу, посторонитесь... — бормотал Достабль, перед тачкой которого люди расступались примерно с той же быстротой, как перед телегой-катафалком.

— Хорошая у тебя кофта, — заметил Дуббинс.

Тачка Достабля, накренившись, завернула за угол. Последние несколько ярдов она преодолела на одном колесе.

— Красивая кофта, — продолжал Дуббинс. — И знаешь, как с ней следует поступить?

Толстяк нахмурился.

— Снять немедленно и отдать троллю, — сказал Дуббинс.

— Ах ты, мелкий...

Толстяк схватил Дуббинса за кольчугу и дернул вверх.

Рука гнома мелькнула как молния.

Несколько секунд мужчина и гном представляли собой интересную и абсолютно неподвижную картинку.

Дуббинс был поднят почти до уровня лица толстяка и теперь с интересом наблюдал, как наполняются слезами его глаза.

— Опусти меня, — велел гном. — Медленно и ласково. Если я испугаюсь, то могу непроизвольно дернуть рукой.

Толстяк послушался.

— А теперь сними кофту... Хорошо... Передай... Спасибо.

— Топор... — просипел толстяк.

— Топор? Какой топор? А, мой топор? — Дуббинс опустил взгляд. — Ну и ну. Даже не заметил, как достал его. Мой топор... Так вот в чем дело.

Толстяк пытался стоять на цыпочках. Из глаз его градом катились слезы.

— Этот топор, — продолжил Дуббинс, — что интересно, можно метать. Я три года подряд был чемпионом Медной горы. За одну секунду могу достать его и расщепить ветку в тридцати ярдах. Причем за своей спиной.

Он сделал шаг назад. Толстяк с облегченным вздохом опустился на каблуки.

Дуббинс поправил кофту на плечах тролля.

— Давай, — сказал он, — поднимайся. Домой пора.

Троль с трудом поднялся.

— Сколько пальцев я показываю? — спросил Дуббинс.

Детрит прищурился.

— Два и один? — произнес он неуверенно.

— Сойдет, — кивнул Дуббинс. — Для начала.

* * *

Опершись на барную стойку, господин Сыр смотрел на капитана Ваймса, который вот уже целый час сидел неподвижно. В «Ведре» привыкли к серьезным любителям залить за воротник, которые пьют без удовольствия, но с твердой решимостью никогда больше не трезветь.

Однако это было что-то новенькое. Таверщик уже начал слегка беспокоиться. Только покойника ему не хватало.

В таверне больше никого не было. Он повесил передник на гвоздь и поспешил в штаб-квартиру Ночной Стражи, но в дверях столкнулся с Моркоу и Ангвой.

— Очень рад вас видеть, капрал Моркоу, — обрадовался он. — Поторопитесь, там капитан Ваймс...

— Что с ним такое?

— Не знаю. Но выпил он безумно много.

— Я думал, он бросил!

— Полагаю, — осторожно сказал господин Сыр, — это несколько не соответствует действительности.

Сцена где-то неподалеку от Каменоломного переулка.

— А куда мы идем?

— К кому-нибудь, кто может тебя осмотреть.

— Только не к гномьему лекарю.

— Должен же быть кто-то, кто знает, как накладывать на раны быстросхватывающийся цемент — или что еще вы там с собой делаете? Ты и должен так сочиться?

— Не знаю. Прежде никогда не сочился. Где мы?

— Не знаю. Прежде никогда здесь не бывал.

Прямо рядом с этим кварталом сосредоточился район скотных дворов и скотобоен. Это подразумевало, что тут не могли жить никакие другие живые существа, кроме троллей, для которых запахи органических веществ столь же ощутимы, как, скажем, запах гранита для людей. Есть даже такая старая шутка: тролли живут рядом со скотным двором? А как же запах? О, скот не возражает...

Глупая шутка. Тролли не пахнут, вернее, пахнут, но учуять их могут только другие тролли.

Здания здесь выглядели, э-э, несколько тяжеловесно. Они были построены для людей, но потом перестроены для троллей, а это означает расширение дверей и заколачивание окон. Вечер еще не наступил. Троллей нигде не было видно.

— Гм, — сказал Детрит.

— Пошли, верзила, — велел Дуббинс, таща за собой Детрита, как буксир — танкер.

— Младший констебль Дуббинс?

— Да?

— Ты — гном. А это — Каменоломный переулок. Попадешь в большую беду, если тебя здесь увидят.

— Мы — городские стражники.

— Для Хризопраза это полный копролит.

Дуббинс огляделся.

— Кстати, а кто у вас тут выступает в роли врачей?

В дверном проеме возникла морда тролля. Потом появилась еще одна, и еще, и еще...

То, что Дуббинс принял за кучу мусора, на поверку оказалось троллем.

Вдруг выяснилось, что их со всех сторон окружают тролли.

«Я — стражник, — подумал Дуббинс. — Так всегда говорил сержант Колон. Перестань быть гномом и будь стражником. Вот кто я такой. Не гном. Стражник. Мне выдали значок в виде щита. Я — Городская Стража. У меня есть значок.

И очень не помешало бы, если б он был побольше».

Ваймс тихо сидел за столом в углу «Ведро». Перед ним лежали несколько листов бумаги и какие-то металлические предметы, но смотрел он неотрывно на свой кулак. Кулак был сжат так сильно, что костяшки аж побелели.

— Капитан Ваймс? — окликнул Моркоу и помахал рукой перед его глазами.

Никакой реакции.

— Сколько он выпил?

— Пару рюмок виски, больше ничего.

— Всего? — удивился Моркоу. — И чтобы так подействовало? Разве что на пустой желудок, но...

Ангва указала на горлышко бутылки, торчащее из кармана Ваймса.

— Сомневаюсь, что он пил на пустой желудок, — сказала она. — Думаю, сначала он доверху заполнил его алкоголем.

— Капитан Ваймс? — снова позвал Моркоу.

— Что он держит в руке? — спросила Ангва.

— Не знаю. Плохо. Таким я его еще не видел. Пошли. Собери бумаги и все прочее, а я возьму капитана.

— Он не расплатился за выпивку, — встрял господин Сыр.

Ангва и Моркоу разом обернулись к тавернщику.

— Может, за счет заведения? — радушно предложил господин Сыр.

Дуббинса окружала стена троллей. Лучшего описания не найти. Но

сейчас в окаменелых позах троллей чувствовалось скорее удивление, чем угроза, — наверное, примерно такое же чувство должны испытать собаки, обнаружив вдруг неспешно прогуливающуюся по псарне кошку. Однако, когда они в конце концов осознают, что перед их глазами — гном (или в другой ситуации — кошка), ситуация изменится за считанные секунды.

— Это что такое? — наконец отреагировал один из троллей.

— Он — стражник. Так же, как и я, — ответил Детрит.

— Он — гном.

— Он — стражник.

— То, что он наглец, это точно, — сказал приземистый тролль и ткнул Дуббинса в спину пальцем.

Остальные тролли подошли поближе.

— Считаю до десяти, — предупредил Детрит. — И если к тому времени какой-нибудь тролль не займется своим тролльим делом, он станет очень огорченным троллем.

— Ты — Детрит, — встрял один особенно широкий тролль. — Все знают, что ты — тупой тролль. Ты записался в Стражу, потому что тупой и не умеешь считать до...

Бам.

— Один, — сказал Детрит. — Два... Три. Четыре... Пять. Шесть...

Поверженный тролль таращился на него с удивлением.

— Это Детрит, и он *считает*.

Что-то вдруг просвистело, и от стены рядом с головой Детрита отскочил топор.

По улице наступали гномы. Вид у них был грозный и решительный. Тролли разбежались.

Дуббинс кинулся навстречу гномам.

— Вы что задумали? — закричал он. — Совсем рехнулись?

Один из шедших впереди гномов указал дрожащим пальцем на Детрита.

— Это что такое?

— Он — стражник.

— А мне кажется, тролль. Взять его!

Дуббинс сделал шаг назад и достал топор.

— Я знаю тебя, Рукисила. Что ты задумал?

— Тебя долго не было, стражник, — ответил Рукисила. — Стража говорит, что Рьода Крюкомолота убил тролль. И они задержали этого тролля!

— Нет, все совсем не так...

За спиной Дуббинса раздался какой-то шум. Вооружившись для битвы с гномами, тролли вернулись. Детрит выступил им навстречу.

— Если какой-нибудь тролль сделает хоть шаг, — предупредил он, — я начну считать.

— Крюкомолот был убит человеком, — сказал Дуббинс. — Капитан Ваймс...

— Стража задержала тролля! — стоял на своем гном. — Ходячие истуканы!

— Камнесосы!

— Монолиты!

— Пожиратели крыс!

— Ха! — воскликнул Детрит. — Я совсем недолго пробыл как человек, а вы мне уже совсем надоели, тупые тролли. Что, по-вашему, говорят о вас люди, а? Эти дикари совсем не умеют вести себя в большом городе, бродят повсюду с дубинами, начинают молотить всех подряд, только им что-то взбредет в ту штуку, которая у них на плечах.

— Мы — стражники, — сказал Дуббинс. — Наша обязанность — охранять мир.

— Вот иди и охраняй его где-нибудь в другом месте, пока он нам не понадобится! — рявкнул Рукисила.

— Это не долина Кум, — продолжал Детрит.

— Вот это точно! — заорал какой-то гном из толпы. — Сейчас мы вас видим!

Гномы и тролли продолжали подходить с обоих концов улицы.

— А как бы поступил в такой ситуации капрал Моркоу? — шепотом спросил Дуббинс.

— Он сказал бы: «Вы плохие и рассердили меня, прекратите, будьте умницами».

— И все мгновенно разошлись бы?

— Да.

— А что случится, если мы так скажем?

— Будем искать наши головы в канаве.

— Думаю, ты прав.

— Видишь тот переулок? Очень хороший переулок. Он говорит нам: «Привет, вы уступаете по численности... 256 плюс 64 плюс 8 плюс 2 плюс 1 к одному. Ныряйте в меня, и побыстрее».

Чья-то дубина отскочила от шлема Детрита.

— Побежали!

Стражники бросились в переулок. Противоборствующие армии

проводили их взглядами и, моментально позабыв о разногласиях, бросились в погоню за беглецами.

— Куда он ведет?

— Не знаю. Но, наверное, подальше от тех, кто за нами гонится.

— Мне нравится этот переулок.

Тем временем их преследователи, попытавшись одновременно вбежать в узкий проход между стенами, куда с трудом мог протиснуться один тролль, вдруг поняли, что толкаются со своими смертельными врагами, и начали колотить друг друга, развязав самую быструю, самую ожесточенную и, кроме того, самую узкую битву в истории города.

Взмахом руки Дуббинс остановил Детрита и осторожно выглянул из-за угла.

— Кажется, мы в безопасности, — подвел итог он. — Осталось только выйти с другой стороны и вернуться в штаб-квартиру.

Он повернулся, но поздно. Он не видел, как тролль, сделав шаг вперед, временно исчез из мира людей.

* * *

— О нет, — простонал сержант Колон. — Он же обещал, что больше не притронется к выпивке! Смотрите, он высосал целую бутылку!

— Бутылку чего? Пойла Джимкина Пивомеса? — поинтересовался Шнобби.

— М-м, не думаю. Он все еще дышит. Помогите-ка перенести его.

Ночная Стража столпилась вокруг своего капитана. Моркоу поместил Ваймса на стул в центре комнаты.

Ангва вытащила из кармана Ваймса бутылку и посмотрела на этикетку.

— «Подлиная Настоячая Горная Роса Достабля», — прочитала она. — Он точно умрет! Здесь написано: «Крепость — сто пятьдесят градусов»!

— Обычный рекламный трюк Достабля, — махнул рукой Шнобби. — Брешет он все.

— Но куда девался его меч? — спросила Ангва.

Ваймс открыл глаза. Первым, что он увидел, было встревоженное лицо Шнобби.

— А-а-аргх! — сказал он. — Меч? Ну его! Пусть з'бирает! Ура!

— Что? — удивился Колон.

— Нет Стражи! Больше нету! Все идут...

— Кажется, он немного пьян, — сказал Моркоу.

— Пьян! С'всем не пьян! Как смешь ты звать меня п-пьяным, если я трезв как зеркало?

— Дайте ему кофе, — подсказала Ангва.

— Думаю, наш кофе ему не поможет, — покачал головой Колон. — Шнобби, слетай-ка в «Толстую Салли», в Брюходавном переулке, и принеси чашку их «специального клатчского». Только не в металлической кружке, запомни.

— Пр'валивайте все! — вдруг опомнился Ваймс. — Бах! Бах!

— Госпожа Сибилла очень разозлится, — покачал головой Шнобби. — Он ведь обещал завязать.

— Капитан Ваймс? — позвал Моркоу.

— Гм?

— Сколько пальцев я показываю?

— Гм?

— Тогда сколько рук?

— Четыре?

— Ну дает, я много лет его таким не видел, — удивился Колон. — Дайте-ка я попробую. *Капитан, хотите выпить?*

— Ему определенно не стоит больше...

— Заткнись, я знаю что делаю. Хотите выпить, капитан?

— Гм?

— Раньше он всегда отчетливо говорил «да»! — заявил Колон. — Думаю, будет лучше отнести капитана в его комнату.

— Я помогу, — сказал Моркоу.

Он легко поднял Ваймса и забросил на плечо.

— Неприятное зрелище, — нахмурилась Ангва, когда они прошли по коридору и стали подниматься по лестнице.

— Он пьет только тогда, когда чувствует себя подавленным, — возразил Моркоу.

— А почему он чувствует себя подавленным?

— Иногда потому, что не выпил.

Псевдополис-Ярд когда-то был резиденцией рода Овнецов. Сейчас второй этаж занимали ночные стражники. У Моркоу была здесь своя комната. Шнобби к этому времени сменил целых четыре комнаты, переезжая всякий раз, когда больше не мог отыскать пол. У капитана Ваймса тоже была своя комната.

Была — более или менее. Трудно сказать точно. Даже заключенный пытается тем или иным способом оставить в камере след своего

пребывания, но Ангва никогда еще не видела такой нежилой комнаты.

— Он здесь живет?! — изумилась она. — О боги.

— А ты что ожидала увидеть?

— Не знаю. Что угодно. Что-нибудь. Только не *ничего*.

В комнате стояла безрадостная железная койка. Пружины и матрац так провисли, что образовали своего рода форму, заставлявшую любого человека, который вознамерился прилечь на кровать, сразу принять положение для сна. Были еще раковина и разбитое зеркало над ней. На раковине лежала бритва, направленная острой стороной в сторону Пупа, — Ваймс, как и многие другие, верил, что таким образом она дольше останется острой. Был еще коричневый деревянный стул с рваным соломенным сиденьем. Небольшой сундучок стоял у ножки койки.

И все.

— Должен быть хотя бы половик, — пожала плечами Ангва. — Картина на стене. Хоть что-то.

Моркоу положил Ваймса на кровать, где тот сразу устроился в матрасной яме.

— А у тебя в комнате что-нибудь есть? — поинтересовалась Ангва.

— Да. У меня есть чертеж в разрезе шахты № 5. Очень интересный пласт. Я помогал его разрабатывать. Есть еще книги и всякие вещи. Но капитан никогда не был домоседом.

— Но здесь нет даже свечки.

— Он говорил, что добирается до койки по памяти.

— Ни украшений, ничего...

— Под кроватью лежит кусок картона, — сообщил Моркоу. — Мы с ним шли по Филигранной улице, когда он его нашел. Капитан еще сказал тогда: «Клянусь чем угодно, в этом куске месячный запас подметок». Он был очень доволен.

— Он что, даже не может позволить себе купить новые башмаки?

— М-м, сложный вопрос. Я знаю, что госпожа Сибилла как-то предложила купить ему столько новых башмаков, сколько он захочет, а он даже немного обиделся. Видимо, он хочет как можно дольше носить старые башмаки.

— Но ты же можешь купить башмаки, хотя получаешь меньше, чем он. А еще ты посылаешь деньги домой. Он, наверное, все свои деньги пропивает, идиот.

— Вряд ли. Насколько мне известно, он не прикасался к спиртному вот уже много месяцев. Госпожа Сибилла перевела его на сигары.

Ваймс громко захрапел.

— И как ты можешь им восхищаться?! — фыркнула Ангва.

— Он очень хороший человек.

Ангва откинула ногой крышку деревянного сундучка.

— Вообще-то, это немного неприлично, — попытался остановить ее Моркоу.

— Я просто посмотрю, — ответила Ангва. — Законом это не запрещается.

— На самом деле, в соответствии с актом о Частной Жизни от 1467 года...

— Здесь только старые башмаки и прочая ерунда. И какие-то бумаги...

Она наклонилась и достала из сундучка грубо сделанную записную книжку — вернее, это была пачка неровных клочков бумаги, вложенных между картонными обложками.

— Это же вещи капитана...

Ангва пролистала несколько страниц. И открыла рот от удивления.

— Ты только посмотри. Неудивительно, что у него вечно нет денег!

— Ты это о чем?

— Он тратит их на женщин! Никогда бы не подумала! Посмотри на эту запись. Четыре за одну неделю!

Моркоу заглянул через ее плечо. Ваймс чихнул.

На странице витиеватым подчерком Ваймса было написано:

«Гаспожа Гафкин, Котлетная улица: 5\$

Гаспожа Суматохинс, Паточная улица: 4\$

Гаспожа Бордо, переулок Висксона: 4\$

Аннабель Карри, Кассовая улица: 2\$».

— Эта Аннабель Карри, видимо, плохо старалась, — заметила Ангва, — раз получила всего два доллара.

Она почувствовала, как в комнате вдруг похолодало.

— Наверное, — очень медленно произнес Моркоу. — Особенно учитывая то, что ей всего девять лет.

Одной рукой он крепко сжал ее запястье, а другой попытался вырвать книжку.

— Эй, отпусти меня.

— Сержант! — крикнул Моркоу через плечо. — Не мог бы ты подняться сюда, буквально на минутку?

Ангва попыталась вырваться. Рука Моркоу оставалась неподвижной, как железная балка.

Заскрипела под весом Колона лестница, потом распахнулась дверь.

Сержант держал щипцами очень маленькую чашечку.

— Шнобби принес ко... — начал было он, но замолчал.

— Сержант, — сказал Моркоу, глядя Ангве в лицо, — младший констебль Ангва хотела бы узнать, кто такая госпожа Гафкин.

— Вдова Долговязого Гафкина? Она живет на Котлетной улице.

— А госпожа Суматохинс?

— С Паточной? Она берет белье в стирку. — Сержант Колон переводил взгляд с Моркоу на Ангву, тщетно пытаясь понять, что происходит.

— А госпожа Бордо?

— Это вдова сержанта Бордо, она продает уголь...

— А Аннабель Карри?

— Он все еще ходит в благотворительную школу для бедных, учрежденную, если не ошибаюсь, Язвительными Сестрами Семирукого Сека. — Колон нервно улыбнулся Ангве, по-прежнему ничего не понимая. — Она — дочь капрала Карри, он служил в Страже задолго до того, как...

Ангва посмотрела на лицо Моркоу. Оно было непроницаемым.

— Это все вдовы стражников? — спросила она.

Он кивнул.

— И одна сирота.

— Жизнь — суровая штука, — согласился Колон. — Пенсия вдовам не полагается, понимаешь?

Он переводил взгляд с Моркоу на Ангву.

— Что-нибудь не так?

Моркоу отпустил запястье Ангвы, повернулся, убрал книжку в сундучок и закрыл крышку.

— Все нормально, — сказал он.

— Э-э, я прошу прощения... — начала было Ангва, но Моркоу, казалось, не слышал ее.

Повернувшись к Колону, он кивнул:

— Дай ему кофе.

— Но... четырнадцать долларов... это же почти половина его жалования!

Моркоу взял вялую руку капитана и попытался разжать кулак, однако даже в бессознательном состоянии капитан слишком крепко сжимал пальцы.

— Вернее, это и есть половина его жалования!

— Интересно, что он в ней так сжимает? — спросил Моркоу, не обращая внимания на ее слова. — Может, какую улику?

Он взял чашку с кофе и приподнял Ваймса за воротник.

— Выпейте это, капитан, — сказал он, — и все станет намного... отчетливей.

Клатчский кофе обладает даже более сильным отрезвляющим действием, чем неожиданно полученный конверт от налогового инспектора. На самом деле истинные ценители кофе предусмотрительно напиваются, прежде чем прикоснуться к нему, потому что клатчский кофе мгновенно возвращает вас в трезвое состояние, а если вы чуть переборщите, переводит *на другую сторону*, туда, где сознанию человека находиться не следует. Стражники сошлись во мнении, что капитан Ваймс перебрал как минимум пару лишних рюмок, а значит, чтобы он протрезвел, следовало влить в него хорошую двойную порцию кофе.

— Осторожно... осторожно... — Моркоу позволил нескольким каплям кофе просочиться между губ капитана.

— Послушай, я... — снова начала Ангва.

— Забыли, — не оборачиваясь, бросил Моркоу.

— Я только...

— Я же сказал, забыли.

Ваймс открыл глаза, бросил взгляд на мир и закричал.

— Шнобби!

— Да, сержант.

— Ты что купил, «рыжий пустынный специальный» или «кудрявый горный простой»?

— Рыжий пустынный, сержант, потому что...

— Предупреждать надо. Лучше принеси... — он посмотрел на искаженное ужасом лицо Ваймса. — ...Полстакана виски Пивомеса. Мы послали его слишком далеко.

Стакан был принесен и влит. Постепенно Ваймс расслабился.

Его кулак разжался.

— О боги! — воскликнула Ангва. — У нас есть бинты?

Небо казалось маленьким белым кругом.

— Куда это мы попали, напарник? — спросил Дуббинс.

— В пещеру, напарник.

— Под Анк-Морпорком нет пещер, напарник. Он стоит на суглинках.

Дуббинс пролетел почти тридцать футов, но удар был смягчен тем, что он приземлился на голову Детрита. Троль сидел в окружении обломков

гнилых досок в... самой настоящей пещере. Вернее, как решил Дуббинс, когда его глаза немножко привыкли к темноте, в выложенном камнем тоннеле.

— Я ничего не сделал, — попытался оправдаться Детрит. — Просто стоял, а в следующее мгновение — хрусть, и все унеслось куда-то вверх.

Дуббинс наклонился и поднял обломок доски. Тот был очень толстым. И очень гнилым.

— Мы провалились куда-то сквозь что-то, — заявил он и провел ладонью по стене тоннеля. — *Хорошая кладка. Очень хорошая.*

— А как мы выберемся?

Путь наверх был закрыт. До потолка тоннеля не мог дотянуться даже Детрит.

— Я думаю, как-нибудь выйдем, — сказал Дуббинс.

Он понюхал воздух, который оказался промозглым. Гномы очень хорошо ориентируются под землей.

— Туда, — указал он и зашагал вперед.

— Дуббинс?

— Да?

— Никто мне не говорил, что под городом есть тоннели. Никто не знает о них.

— Ну и что?

— Выхода нет. Выход одновременно является входом, а если никто не знает об этих тоннелях, значит, входа нет. И выхода тоже.

— Но должны же они куда-то вести.

— Наверно.

Черный ил образовал некое подобие дорожки по дну тоннеля. Стены были покрыты слизью, это говорило о том, что в недавнем прошлом тоннель был заполнен водой. Кое-где со стен свисала гниющая плесень, тускло освещающая древнюю кладку^[22].

Настроение Дуббинса постепенно улучшалось. Под землей гномы всегда чувствуют себя лучше.

— Мы должны найти выход, — заявил он.

— Верно.

— Слушай... а почему ты записался в Стражу?

— Ха! Моя подруга Рубина сказала, что я должен найти настоящую работу, если хочу жениться. Сказала, что не желает выходить за тролля, которого все считают никчемным и тупым, как короткий обрубок деревяшки. — Голос Детрита эхом разносился в темноте. — А ты?

— Мне стало скучно. Я работал на своего шурина Занудингссона. У

него было свое, очень выгодное дело. Он поставлял в гномьи рестораны особое блюдо — жаренных крыс, внутри которых были разного рода предсказания. Но мне показалось, что не гномье это дело...

— А по-моему, непыльная работенка...

— Да, но многие клиенты были очень недовольны предсказаниями.

Дуббинс остановился. Изменение в потоке воздуха сообщило ему о том, что впереди находится другой, более широкий тоннель.

И действительно, тоннель вышел в другой, гораздо более широкий. На полу лежал толстый слой ила, по которому бежал тонкий ручеек. Дуббинсу показалось, что он услышал, как в темноте разбегаются крысы, — во всяком случае, он искренне надеялся, что это были крысы. Ему даже показалось, что он слышит шум города, едва различимый, перепутанный и приглушенный толщей земли.

— Похоже на храм какой-то, — сказал он, и его голос разнесся далеко по тоннелю.

— На стене что-то написано, — заметил Детрит.

Дуббинс разглядел глубоко вырубленные в камне буквы.

— ВИА КЛОАКА, — сказал он. — Гм-м. «Виа» — так в старину называли улицу или дорогу. «Клоака» означает...

Он всмотрелся в темноту.

— Это канализационная труба.

— А что такое канализационная труба?

— Ну, это то же самое... Куда тролли ходят избавляться от... э-э, всякого внутреннего мусора? — спросил он.

— На улицу, — ответил Детрит. — Так велит богиня Гиена-Ги.

— В общем, это... подземная улица для... всякого рода отходов, — пояснил Дуббинс. — Не подозревал, что в Анк-Морпорке есть канализация.

— Может, Анк-Морпорк тоже не знает, что в Анк-Морпорке она есть? — предположил Детрит.

— Верно. Ты прав. Это место очень древнее. Мы находимся в кишечнике земли.

— В Анк-Морпорке даже у дерьма есть своя улица! — восхитился Детрит. — Вот уж действительно, город неограниченных возможностей.

— Здесь тоже что-то написано. — Дуббинс счистил слизь. — «Цирон IV уделал меня», — прочел он вслух. — Цирон — это ведь один из древних королей, верно? Эй... а знаешь, что это значит?

— Это значит, что со вчерашнего дня здесь никого не было, — сказал Детрит.

— Нет! Этому месту... этому месту более двух тысяч лет. Возможно,

мы первые люди, оказавшиеся здесь с...

— Со вчерашнего дня, — закончил за него Детрит.

— Со вчерашнего дня? Да что ты заладил?! При чем здесь вчерашний день?

— Следы еще свежие, — сказал Детрит.

И ткнул пальцем вниз.

По грязи шли чьи-то следы.

— Ты уже сколько времени в Анк-Морпорке? — спросил Дуббинс, которому вдруг стало как-то очень неуютно в тоннеле.

— Девять лет. Это количество лет, которые я здесь прожил. Девять, — с гордостью повторил Детрит. — И это только одно из многих чисел, до которых я теперь могу досчитать.

— А ты когда-нибудь слышал о тоннелях под городом?

— Нет.

— Но кто-то о них все-таки знает.

— Да.

— Что будем делать?

Ответ был очевидным. Они последовали за таинственным человеком в склад фьючерсной свинины и едва не погибли. Потом оказались в эпицентре маленькой войны и едва не погибли. А теперь они находились в таинственном тоннеле, где обнаружили свежие следы. Если капрал Моркоу или сержант Колон спросят потом: «И что же вы сделали?» — что им ответить? «Мы повернулись и пошли своей дорогой?» Никогда!

— Следы ведут *туда*, — Дуббинс ткнул пальцем, — а потом возвращаются. Но обратный след не такой глубокий, как след, э-э, тудашний. И обратный след идет сверху. Значит, тот, кто оставил следы, был тяжелее, когда уходил, и легче, когда возвращался, так?

— Так, — согласился Детрит, наконец разобравшись в хитросплетениях логики.

— А это значит...

— Он похудел?

— Он что-то нес и оставил это что-то... где-то там.

Они всмотрелись в темноту.

— И мы сейчас пойдем и найдем это что-то? — спросил Детрит.

— Думаю, да. Ты как себя чувствуешь?

— Нормально.

Несмотря на то что они были представителями разных видов, в их воображении возникла одна и та же картина: вспышка и свинцовая пробка, свистящая сквозь подземную тьму.

— Он вернулся, — сказал Дуббинс.

— Да, — кивнул Детрит.

Они снова всмотрелись в темноту.

— Ну и денек выдался, — покачал головой Дуббинс.

— Верно.

— Слушай, мне все хотелось спросить... на случай... ну, вдруг мы... а я так и не узнаю... что там случилось, на складе свинины? Ты проделал такие сложные вычисления! Зачем?

— Я... не знаю. Просто... я вдруг взял и увидел.

— Увидел что?

— Все. Все до конца. Все числа в мире. И я мог их сосчитать.

— И чему они равнялись?

— Числа не могут равняться... Нам сержант объяснял. Равняются стражники, солдаты... Как числа могут равняться? Какой ты все-таки глупый гном!

Последнее замечание Дуббинс решил пропустить мимо ушей. Он махнул троллю рукой, и они двинулись по тоннелю вперед — навстречу неизведанному будущему.

Следы привели их к более узкому и низкому тоннелю, в котором тролль едва мог выпрямиться. Но вскоре они дошли до тупика. Упавший с потолка камень перегородил путь, у завала громоздились горы всевозможных отходов. Дальше идти было некуда, но это не имело значения, потому что они нашли то, что искали, хотя, если разобраться, именно *это* они совсем не искали.

— Вот те на, — буркнул Детрит.

— Определенно, — согласился Дуббинс и осмотрелся по сторонам. — Знаешь, — сказал он, — мне кажется, обычно эти тоннели заполнены водой.

Они находились значительно ниже уровня реки.

Потом он снова посмотрел на находку. Находка совсем не радовала.

— По-моему, нас ждут большие неприятности, — нахмурился он.

— Это его значок, — покачал головой Моркоу. — Ничего себе. Он так сжал кулак, что значок разрезал ему всю руку.

* * *

Официально Анк-Морпорк построен на суглинках, а на самом деле он

построен в основном на Анк-Морпорке. Его строили, сжигали, заливали водой и перестраивали столько раз, что фундаментами становились старые подвалы и засыпанные дороги — ископаемые кости и мусор предыдущих Анк-Морпорков.

А под всем этим в крошечной темноте сидели тролль и гном.

— Что теперь?

— Оставим его здесь и позовем капрала Моркоу. Он наверняка знает, что делать.

Детрит оглянулся на то, что лежало сзади.

— Не нравится мне это, — сказал он. — Неправильно оставлять его здесь.

— Верно. Ты прав. Но ты — тролль, а я — гном, по-твоему, что будет, если люди увидят, как мы тащим такое по улицам?

— Будет большая беда.

— Правильно. Пошли, посмотрим, куда ведут следы, уходящие отсюда.

— А что, если мы вернемся, а его уже не будет? — спросил Детрит, поднимаясь на ноги.

— С чего бы? Мы идем по следам, так что, если тот, кто его сюда положил, вернется... В общем, мы с ним никак не разминемся.

— Хорошо. Я рад, что ты это сказал.

Ваймс сидел на краю кровати, и Ангва перевязывала ему руку.

— Капитан Квирк? — спросил Моркоу. — Неудачный выбор.

— Майонез Квирк, — встрял Колон. — Полный идиот.

— Он что, толстый, жирный и масляный? — поинтересовалась Ангва.

— И от него пахнет яйцами, — кивнул Моркоу.

— Перья на шлеме, — сказал Колон, — и нагрудник, в который можно смотреться.

— Ну, у Моркоу такой же, — заметил Шнобби.

— Да, но разница в том, что Моркоу начищает свой нагрудник потому, что... ему нравятся красивые чистые доспехи, — объяснил Колон, защищая товарища. — А Квирк начищает свой потому, что полный идиот.

— Он закрыл дело, — сообщил Шнобби. — Я слышал об этом, когда ходил за кофе. Арестовал тролля Углеморда. Знаешь его, капитан? Чистильщик сортиров. Кто-то видел его рядом с Заиндевелой улицей незадолго до того, как убили гнома.

— Углеморд — здоровенный тролль, — возразил Моркоу. — Он ни за что бы не протиснулся в ту дверь.

— Но у него был мотив, — сказал Шнобби.
— Да?
— Да. Крюкомолот был гномом.
— Это не мотив.
— Для тролля — мотив. Как бы то ни было, если он не сделал *это*, вероятно, сделал *что-то другое*. Уж очень много улик против него.
— Каких улик? — спросила Ангва.
— Он — тролль.
— Это не улика.
— Для капитана Квирка — улика, — ухмыльнулся сержант.
— Он наверняка что-то да совершил, — повторил Шнобби.

Этими словами он только повторял точку зрения патриция на преступление и наказание. Если совершено преступление, должно последовать наказание. Если процесс наказания осуществляется именно над тем преступником, который и совершил данное преступление, это можно считать счастливой случайностью; если нет, сойдет любой преступник. Так как каждый человек обязательно в чем-нибудь да виноват, правосудие в итоге все равно торжествует.

— Этот Углеморд вообще-то гнусный тип, — признал Колон. — Правая рука Хризопраза.

— Да, но он не мог убить Рьода, — указал Моркоу. — И та нищенка — как она сюда вписывается?

Ваймс сидел и тупо таращился в пол.

— А *вы* что думаете, капитан? — спросил Моркоу.

Ваймс пожал плечами:

— Кого это волнует?

— Ну, вас, например. И вас всегда это волновало. Мы не можем позволить, чтобы какой-то там...

— Послушайте меня, — едва слышно произнес Ваймс. — Предположим, мы найдем того, кто убил гнома и клоуна. И девочку. Ничего ведь не изменится. Все насквозь прогнило.

— Что прогнило, капитан?

— Все. С таким же успехом можно пытаться вычерпать колодец решетом. Пускай убийцы разбираются. Или воры. А потом он поручит это дело, скажем, крысам. Почему нет? Мы ведь для этого не годимся. Мы должны просто бродить по городу, звонить в колокольчик и кричать: «Все спокойно!»

— Но ведь не все спокойно, капитан, — не сдавался Моркоу.

— Ну и что? Когда это имело значение?

— Ну и ну, — пробормотала Ангва. — Кажется, в него влили слишком много кофе...

— Завтра я ухожу в отставку, — сказал Ваймс. — Двадцать пять лет на улицах...

Шнобби попытался нервно рассмеяться, но передумал, когда сержант, не двигаясь с места, схватил его руку и мягко, но многозначительно заломил ее за спину.

— ...И какая от этого польза? Что хорошего я совершил? Стоптал кучу башмаков? В Анк-Морпорке нет места для стражника! Кого волнует, что хорошо, а что плохо? У нас есть наемные убийцы, воры, тролли и гномы. Не хватает только какого-нибудь короля — и все станет совсем замечательно!

Остальные члены Ночной Стражи в немом смущении рассматривали свою обувь. А потом Моркоу сказал:

— Говорят, лучше один раз зажечь свечу, чем вечно проклинать темноту, капитан.

— Что? — Ярость Ваймса была неожиданной, как раскат грома. — И кто же это говорит? Когда это было правдой? Никогда! Так говорят люди, не обладающие ни силой, ни властью изменить что-либо, это не более чем слова, а слова никогда ничего не меняют...

Кто-то постучал в дверь.

— Квирк явился, — сказал Ваймс. — Вы должны сдать оружие. Ночная Стража расформирована. Нам не нужны стражники, сующие нос во все дыры и нарушающие общественный порядок. Открой дверь, Моркоу.

— Но... — начал было Моркоу.

— Это приказ. Возможно, ни на что другое я не гожусь, но я еще могу приказать тебе открыть дверь, так что открывай!

Квирка сопровождали с полдюжины дневных стражников. С арбалетами. Поскольку дело было несколько щекотливым и касалось собратьев по оружию, стражники несколько опустили арбалеты. Но поскольку дневные стражники все же не были полными идиотами, арбалеты были сняты с предохранителей.

На самом деле Квирк не был скверным человеком. У него просто отсутствовало воображение. Всю свою жизнь он имел дело со всякого рода скользкими личностями, а человек слабый волей-неволей впитывает в себя грязь, которая его окружает. Многие занимаются работой, которая им либо не по силам, либо не по душе, но каждый реагирует по-своему. Некоторые становятся пугливыми, любезными личностями, другие превращаются в квирков. Сам Квирк действовал в соответствии с принципом: неважно,

прав ты или ошибаешься, главное — гнуть свою линию. Можно сказать, что в Анк-Морпорке нет расовых предрассудков. Когда вокруг тебя шатается столько гномов и троллей, на цвет кожи других людей внимания как-то не обращаешь. Но Квирк был из числа тех, кто считает естественным произносить слово «негр» с двумя «г» и через букву «и».

Шлем его украшал роскошный плюмаж.

— Входите, входите, — махнул рукой Ваймс. — Мы все равно ничего не делаем.

— Капитан Ваймс...

— Все в порядке. Я знаю. Ребята, сдайте ему оружие. Это приказ, Моркоу. Один казенный меч, одну пику или алебарду, одну дубинку, один арбалет. Сержант Колон, я ничего не забыл?

— Нет, сэр.

Моркоу замялся буквально на мгновение:

— Мой казенный меч лежит на стеллаже.

— А что у тебя на ремне? — осведомился Квирк.

Моркоу ничего не ответил. Лишь слегка изменил позу. Бицепсы натянули кожу его куртки.

— Да, казенный меч. Все правильно, — быстро произнес Квирк и отвернулся.

Он был одним из тех людей, кто предпочитает отступить перед сильным противником и беспощадно атаковать слабого.

— А где этот камнесос? — спросил он. — И голова-булыжник?

— А, — догадался Ваймс, — ты, наверное, имеешь в виду представителей дружественных нам мыслящих видов, которые предпочли связать свою судьбу с жителями города?

— Я имею в виду гнома и тролля! — рявкнул Квирк.

— Не имею ни малейшего понятия, — весело ответил Ваймс.

Ангве даже показалось, что капитан вдруг снова запьянел — если, конечно, возможно запьянеть от отчаяния.

— Не можем знать, сэр, — доложил сержант Колон. — Не видели их весь день.

— Должно быть, дерутся в Камнеломном переулке, как и все остальные, — сказал Квирк. — Таким типам доверять нельзя. Уж кому-кому, а вам бы следовало это знать.

«Прозвища вроде „камнесос“ и „голова-булыжник“ наверняка очень оскорбительны, — подумала Ангва, — но быть причисленным капитаном Квирком к „таким типам“... По сравнению с этим любые клички сойдут за выражение вселенского братства». К своему глубокому удивлению, она

вдруг поняла, что не может отвести взгляд от сонной артерии капитана Квирка.

— Дерутся? — удивился Моркоу. — Почему?

— А кто его знает.

— Дайте-ка подумать, — нахмурился Ваймс. — Может, это имеет отношение к некоему незаконному аресту? Может, это случилось потому, что некоторым наиболее неугомонным гномам нужен только повод, чтобы напасть на троллей? Как думаешь, Квирк?

— Очень в этом сомневаюсь, Ваймс.

— Молодец. Городу нужны такие люди.

Ваймс встал.

— Я ухожу, — объявил он. — Увидимся завтра. Если оно, конечно, наступит.

И вышел, громко хлопнув дверью.

Зал был огромным. Размерами он напоминал городскую площадь. Через каждые несколько ярдов стояла колонна, поддерживающая потолок. От зала во всех направлениях и на нескольких уровнях расходились тоннели. Из многих тоннелей текла, струилась или капала вода, собирающаяся сюда из бесчисленных подземных ручейков и ключей.

Это и было проблемой. Вода смыла все следы с каменного пола тоннеля.

Дуббинс огляделся. Судя по всему, самый широкий тоннель, тот, что почти наглухо забит мусором и илом, уходит в сторону устья...

Дуббинсу почти нравилось здесь. Запахи практически отсутствовали, если не считать влажной, *подкаменной* затхлости. Кроме того, здесь было прохладно.

— Я жывал в гномьих горах и повидал немало подземных залов, — сказал Дуббинс, — но, должен признаться, это нечто.

Его голос гулким эхом разнесся по огромному помещению.

— Правильно, — согласился Детрит. — Тут как все обстоит? Были бы мы в горах, это был бы гномий подземный зал, а так это действительно нечто.

— Ты что-нибудь видишь там, наверху?

— Нет.

— Мы могли пройти мимо выхода на поверхность и ничего не заметить.

— Да, — согласился тролль. — Запутанная проблема.

— Детрит?

— Да?

— Знаешь, а здесь внизу, на холоде, ты снова стал умнее.

— Правда?

— Может, воспользуешься моментом и придумаешь, как нам отсюда выбраться?

— Будем копать? — предложил тролль.

В тоннелях встречались выпавшая из стен каменная кладка. Но таких мест было немного — тоннели были построены качественно...

— У нас нет лопаты, — напомнил Дуббинс.

Детрит кивнул.

— Дай мне свой нагрудник.

Троль приложил его к стене и несколько раз ударил кулаком. Нагрудник приобрел форму лопаты.

— До поверхности далеко, — указал Дуббинс.

— Но мы знаем направление, — возразил Детрит. — Либо копать, либо сидеть здесь остаток жизни и жрать крыс.

Дуббинс замялся. Идея была не лишена привлекательности...

— Без кетчупа, — добавил Детрит.

— Кажется, всего в нескольких шагах отсюда я видел несколько выпавших камней, — торопливо сообщил гном.

Капитан Квирк оглядел штаб-квартиру с таким видом, будто сделал всей обстановке громадное одолжение, изволив осмотреть ее.

— Приятное местечко, — заметил он. — Думаю, мы сюда переедем. Это лучше, чем казармы рядом с дворцом.

— Но здесь квартируем *мы*! — воскликнул сержант Колон.

— Значит, придется потесниться, — ухмыльнулся капитан Квирк.

Он посмотрел на Ангву. Ее взгляд начинал действовать ему на нервы.

— Будут и другие перемены, — добавил он.

За его спиной со скрипом приоткрылась дверь, и в комнату проковыляла маленькая, но крайне вонючая дворняга.

— Но лорд Витинари еще не объявил, кто станет новым командиром Ночной Стражи, — сказал Моркоу.

— Правда? Мне почему-то кажется, это всяко будет не один из вас, — ответил Квирк. — И мне кажется, что Стражи объединят. А еще мне кажется, что здесь царит бардак. Многовато всякой шушеры стало в Страже...

Он снова кинул взгляд на Ангву. Его очень тревожило то, как она на него смотрела.

— И мне кажется... — хотел было продолжить Квирк, но тут заметил пса. — Вы только посмотрите! — заорал он. — Собаки в штаб-квартире Стражи!

Он сильно пнул Гаспода и ухмыльнулся, когда тот с визгом юркнул под стол.

— А как быть с нищенкой? С Леттицией Ниббс? — спросила Ангва. — Ее тролль не убивал. Так же как и клоуна.

— Нужно уметь видеть общую картину, — нравоучительно изрек Квирк.

— Господин капитан, — раздался из-под стола тихий голос, который слышала только Ангва, — у тебя чешется задница.

— Общую картину? — переспросил сержант Колон.

— И думать не о себе, а о городе, — сказал Квирк, переступив с ноги на ногу.

— *Сильно* чешется, — продолжал голос из-под стола.

Капитан поежился.

— Зудит, зудит, зудит, — не утихал голос.

— Я имею в виду, есть важные вещи, а есть, э-э, нет, — пробормотал Квирк. — Черт!

— Что-что?

— Ужасно свербит.

— В общем, я не собираюсь торчать здесь весь день, — торопливо проговорил Квирк. — Все. Вы. Прибудете. Ко мне. Завтра в полдень...

— Свербит, зудит, свербит...

— Кру-у-угом!

Дневная Стража выскочила из помещения, замыкал строй, подпрыгивая и поеживаясь, капитан Квирк.

— Ну и ну, что это с ним? Вылетел как ошпаренный, — удивился Моркоу.

— Понятия не имею, — честно промолвила Ангва.

Они посмотрели друг на друга.

— Значит, вот и все? — сказал Моркоу. — Нет больше Ночной Стражи?

Обычно в библиотеке Незримого Университета тихо. Шаркают ноги бродящих между стеллажами волшебников, иногда академическую тишину нарушает кашель, периодически — достаточно редко — раздается предсмертный крик неосмотрительного студента, который не отнесся к старинной магической книге с той осторожностью, которой она

заслуживала.

Рассмотрим же орангутанов.

Во всех мирах, удостоенных их присутствия, бытует мнение, что орангутаны умеют разговаривать, но предпочитают этого не делать, чтобы люди не заставили их работать (возможно, на телевидении). И все-таки они умеют разговаривать. Дело лишь в том, что они разговаривают на своем, орангутаньем, языке. А люди, как правило, слышат только себя.

Библиотекарь Незримого Университета решил в одностороннем порядке внести свой вклад в обеспечение взаимопонимания людей и орангутанов. И приступил к составлению орангутано-человеческого словаря. Он работал над ним уже три месяца.

Задача оказалось не из простых. Пока он дошел только до «У-ук»^[23].

Библиотекарь сидел в книгохранилище, где было чуть попрохладнее.

Как вдруг услышал чье-то пение.

Орангутан вынул ручку из пальцев ступни и прислушался.

Человек решил бы, что не верит своим ушам. Орангутаны более разумны. Если вы не верите собственным ушам, то чьим тогда ушам вы поверите?

Под землей кто-то пел. Вернее, пытался петь.

Хтонические голоса выводили нечто следующее:

— Отолоз, отолоз. Отолоз. Отолоз, отолоз...

— Послушай, ты... тролль! Эта самая простая песня в мире. А теперь вместе: «Золото, Золото, Золото, Золото».

— Золото, Золото, Золото, Золото...

— Да нет, это уже *второй* куплет!

Кроме того, слышались ритмичные звуки, будто кто-то копал землю и отбрасывал камни.

Библиотекарь немного поразмыслил над услышанным. Итак... гном и тролль. Он относился к обоим видам с куда большим уважением, чем к человеку. Во-первых, заядлыми читателями ни гномы, ни тролли не были. Библиотекарь с благосклонностью относился к чтению в целом, но читатели действовали ему на нервы. Было нечто кощунственное в том, как они брали книги с полок и изнашивали слова своим чтением. Ему нравились люди, которые любили и уважали книги, а самое лучшее проявление этих чувств, по мнению библиотекаря, — это оставить книги на полках, где им и предназначено находиться самой природой.

Приглушенные голоса звучали ближе.

— Золото, Золото, Золото...

— А теперь ты поешь припев!

С другой стороны, есть же и нормальный вход в библиотеку.

Он проковылял к стеллажам и снял с полки основополагающий труд Горботюльпа «Унищтожение Насекомых». Целых две тысячи страниц.

* * *

Ваймс шел по Лепешечной улице и чувствовал себя веселым и беспечным. Издалека до него доносились отчаянные вопли внутреннего Ваймса, но он предпочитал не обращать на них внимания.

Быть настоящим анк-морпоркским стражником и при этом оставаться в здравом уме — невозможно. Ты не мог оставаться безразличным к происходящему. А проявить в Анк-Морпорке хоть какую-нибудь заботу о ближнем — это примерно то же самое, что открыть банку с мясом посреди стаи пираний.

Каждый поступал по-своему. Колон просто старался не думать, Шнобби наплевал на все, новички еще слишком мало прослужили, поэтому пока ничего не поняли, а Моркоу... Моркоу был самым собой.

Каждый день в этом городе умирают сотни людей, чаще — в результате самоубийства. Так какая разница — несколькими больше, несколькими меньше?

Рядом с особняком госпожи Овнец стояли несколько карет, а сам дом, казалось, был оккупирован родственницами различных категорий и Взаимозаменяемыми Эммами, которые что-то пекли и что-то начищали. Ваймс проскользнул мимо них более или менее незамеченным.

Госпожу Овнец он нашел в драконьем сарае. Она была в своих обычных резиновых сапогах и противодраконьих доспехах. Сибилла убирала навоз и, вероятно, пребывала в счастливом неведении относительно царящей в особняке суматохи.

Услышав скрип двери, она подняла голову.

— А, это ты. Ты рано сегодня, — сказала госпожа Овнец. — Мне до чертиков надоела суета, и я решила спрятаться здесь. Но скоро придется вернуться, переодеться и...

Увидев его лицо, она резко прервалась.

— Что-нибудь случилось?

— Я пришел насовсем.

— Правда? На прошлой неделе ты сказал, что дослужишь до самого конца. Тебе это будет даже приятно.

«От старушки Сибиллы ничего не утаишь», — подумал Ваймс.

Она похлопала его по руке.

— Я рада, что все закончилось, — сказала она.

Капрал Шноббс ворвался в штаб-квартиру и захлопнул за собой дверь.

— Что? — спросил Моркоу.

— Все очень плохо, — сказал Шнобби. — Говорят, тролли планируют маршем пройти к дворцу и освободить Углеморда. По городу бродят толпы гномов и троллей, приключений ищут. И попрошайки. Леттиция пользовалась известностью. Кроме того, на улицах полно народа из других Гильдий. Город сейчас, — добавил он многозначительно, — очень похож на бочку с порошком № 1.

— Как вы относитесь к идее ночевки на открытой местности? — вдруг спросил Колон.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Если сегодня ночью кто-нибудь поднесет к чему-нибудь спичку, то прощай, Анк, — буркнул сержант. — В таких случаях обычно мы закрываем городские шлюзы. Но в реке сейчас всего несколько футов воды.

— Чтобы потушить пожары, вы затопляли город? — удивилась Ангва.

— Ага.

— Есть еще кое-что, — продолжил Шнобби. — Люди бросались в меня разной гадостью!

Моркоу наконец оторвался от разглядывания стены, достал из кармана потрепанную черную книжечку и принялся перелистывать страницы.

— Слушайте, — спросил он несколько отстраненным голосом, — а не было ли особо злостного нарушения закона и порядка?

— Было. И продолжается вот уже лет четыреста, — тут же ответил Колон. — Сам Анк-Морпорк — это особо злостное нарушение всех законов и порядков.

— Я имею в виду более злостного, чем обычно. Это очень важно. — Моркоу перевернул страницу и зашевелил губами.

— А бросаться всякими отбросами? По-моему, более злостно нарушить закон нельзя, — встрял Шнобби.

Моркоу оглядел задумчивые лица напарников.

— Вряд ли нам удастся прилепить сюда такой ярлык, — с сомнением промолвил Колон.

— Ко мне-то все прекрасненько прилипло, — возразил Шнобби. — И даже за воротник затекло.

— А почему они в тебя бросались? — спросила Ангва.

— Потому что я — стражник, — объяснил Шнобби. — Гномы

невзлюбили Стражу из-за убийства господина Крюкомолота, тролли ненавидят Стражу из-за ареста Углеморда, а обычные люди озлоблены на Стражу, потому что вокруг полно неуправляемых гномов и троллей.

Кто-то яростно замолотил в дверь.

— А вот и разъяренная толпа, — сказал Шнобби.

Моркоу открыл дверь.

— Это совсем не разъяренная толпа, — сообщил он.

— У-ук.

— Это орангутан и гном без сознания. А с ними — тролль. Кстати, орангутан очень сердит, если тебе, Шнобби, от этого легче.

Вилликинс, дворецкий госпожи Овнец, приготовил горячую ванну. Ха! Завтра он будет его, капитана Ваймса, дворецким, и эта ванна тоже будет его.

Ванна совсем не походила на те старые сидячие корыта, в которых плескаешься рядом с камином, чтобы вода не остыла. В особняке госпожи Овнец дождевая вода собиралась с крыши и, после того как из нее отфильтровывались голуби, направлялась к древнему гейзеру, заменяющему нагревательную систему. Потом по стучащим и стонущим свинцовым трубам она достигала пары могучих бронзовых кранов, из которых и выливалась в эмалированную ванну. На огромном пушистом полотенце были разложены здоровенные жесткие щетки, мыло трех сортов и губка.

Рядом с ванной терпеливо ждал Вилликинс, слегка напоминающий увешанный полотенцами «змеевик».

— Да? — осведомился Ваймс.

— Его светлость... то есть отец ее светлости... он любил, когда ему терли спинку, — объяснил Вилликинс.

— А ты пойдешь и поможешь старому гейзеру поддерживать температуру воды, — твердо сказал Ваймс.

Оставшись в одиночестве, он первым делом сорвал с себя нагрудник и зашвырнул далеко в угол. За ним последовала кольчуга, потом — шлем, кошелек и различные кожаные и матерчатые предметы, которые обычно отделяют стражника от окружающего мира.

После чего Сэмюель Ваймс с некоторой робостью погрузился в пену.

— Попробуйте мыло, мыло должно помочь, — посоветовал Детрит.

— Сиди смирно, понял? — сказал Моркоу.

— Вы же мне голову отвинчиваете!

— Намыльте ему голову.

— Намыль себе голову!

Наконец со странным звуком шлем был снят с головы Дуббинса.

Появилась голова, щурящаяся от яркого света. Потом глаза отыскивали библиотекаря, и Дуббинс зарычал.

— Он ударил меня по *башке!*

— У-ук.

— Он говорит, что ты так внезапно выскочил из-под пола... — перевел Моркоу.

— И это что, причина, чтобы бить меня по башке?

— У некоторых существ, которые вылезают из-под пола в Незримом Университете, совсем нет головы, — заметил Моркоу.

— У-ук!

— Или этих голов сотни. Куда вы там копали?

— Не куда. А откуда. Мы пытались *выкопаться*, и все потому, что...

Моркоу откинулся на спинку стула и стал внимательно слушать.

— Выстрелил в вас? — переспросил он.

— Причем пять раз, — с довольным видом подтвердил Детрит. — Я обязан доложить о порче казенного нагрудника. Задник остался цел и невредим, его защитило мое тело и тем самым сберегло ценное для города имущество стоимостью в три доллара.

Моркоу стал слушать дальше.

— Канализация? — задал он еще один вопрос.

— Это похоже на целый город, только подземный. Мы видели высеченные на стенах короны и прочие таинственные рисунки.

Глаза Моркоу загорелись.

— Это значит, что канализация восходит к временам, когда у нас были короли! А потом мы постоянно надстраивали и надстраивали город, совершенно забыв, что находится там, внизу...

— Гм. Внизу находится не только это, — перебил его Дуббинс. — Мы... нашли там кое-что еще.

— И что же?

— Лучше бы мы его не находили, — вставил гном.

— Вам это не понравится, — сказал Детрит. — Это очень плохо, совсем плохо, даже хуже, чем плохо.

— Мы решили не трогать его, оставить все как есть, — продолжил Дуббинс. — А вдруг это улика? Вы должны сами все осмотреть.

— Начнется ужасный переполох, — сообщил тролль.

— И что же такое вы там нашли?

— Если мы вам скажем, вы обзовете нас глупыми этническими шутниками, — ответил Детрит.

— Так что лучше сами посмотрите, — закончил Дуббинс.

Сержант Колон оглядел собравшихся стражников.

— Что, мы все должны идти? — несколько встревожено спросил он. — Э-э... А может, оставить здесь нескольких старших офицеров? Вдруг что непредвиденное случится?

— На тот случай, если что-нибудь случится *здесь*? — уточнила Ангва. — Или на тот случай, если что-нибудь случится *там*?

— Со мной пойдут младший констебль Дуббинс и младший констебль Детрит, — объявил Моркоу. — Думаю, другим стоит остаться в штаб-квартире.

— Но это может быть опасно! — воскликнула Ангва.

— Это и будет опасно, — кивнул Моркоу. — Если мы найдем того, кто стрелял в стражников.

Сэмюель Ваймс вытянул ногу и открыл большим пальцем кран горячей воды.

Раздался почтительный стук в дверь, и в ванную *прослужился* Вилликинс.

— Не желает ли господин еще чего-нибудь?

Ваймс задумался.

— Госпожа Овнец сказала, что выпить господин не пожелает, — добавил Вилликинс, словно читая его мысли.

— Правда?

— Абсолютная, господин. Однако у меня есть превосходная сигара.

Он поморщился, когда Ваймс откусил сигарный кончик и выплюнул его на пол, но услужливо поднес спичку.

— Спасибо, Вилликинс. Кстати, как тебя зовут?

— Как зовут, господин?

— Я имею в виду, как тебя называют люди, когда узнают поближе?

— Вилликинс, господин.

— О. Ну, хорошо. Можешь идти, Вилликинс.

— Слушаюсь, господин.

Ваймс лежал в теплой воде. Внутренний голос все не унимался, но Ваймс упорно не обращал на него внимания. «Как раз сейчас, — бормотал голос, — ты следовал бы по улице Мелких Богов, мимо той части старой городской стены, у которой можно остановиться и спокойно выкурить самокрутку, спрятавшись от ветра...»

Чтобы заглушить эти мысли, он принялся во весь голос петь.

Впервые за многие тысячелетия похожие на вытянутые пещеры канализационные тоннели под городом отзывались эхом на человеческие и почти человеческие голоса.

— Хай-хо...

— ...Хай-хо...

— У-ук, у-ук, у-ук...

— Дурость какая!

— Извини, не могу удержаться. А все потому, что я — почти гном. Мы любим петь под землей. Это у нас с рождения.

— Хорошо. А почему он поет? Он же примат.

— Он почти человеческая особь.

Они захватили с собой факелы. Тени прыгали по колоннам огромного зала и ныряли в многочисленные тоннели. Моркоу шел вперед бодрым, пружинящим шагом — несмотря на то что в темноте их могли поджидать страшные опасности.

— Поразительно! Виа Клоака упоминается в некоторых старых книгах, но все считали, что такой улицы не существует! Превосходное мастерство. Вам очень повезло, что уровень воды в реке упал так низко. Судя по виду, все тоннели обычно заполнены водой.

— Так я и говорил, — кивнул Дуббинс. — Заполнены водой.

Он настороженно взглянул на пляшущие тени, которые порождали на противоположной стене причудливых и кошмарных тварей — странных двуногих животных, сверхъестественных подземных существ...

Моркоу вздохнул.

— Детрит, убери руки от факела, — велел он.

— У-ук.

— Что он сказал?

— Он сказал: «Покажи мою самую любимую — уродского кролика», — перевел Моркоу.

Крысы шуршали в темноте. Дуббинс постоянно озирался. Ему все еще мерещились фигуры, наставляющие на него странного вида трубки...

Потом он пережил несколько тревожных моментов, когда потерял след на мокрых камнях, но вскоре нашел его у подернутой плесенью стены. А потом он увидел узкий тоннель и свою метку на камне.

— Уже близко, — сказал Дуббинс, передавая Моркоу факел.

Моркоу исчез.

Они слышали, как он шлепал по грязи, потом раздался удивленный

присвист, а потом воцарилась тишина.

Моркоу появился опять.

— Подумать только! — воскликнул он. — Вы знаете, кто это?

— Он похож на... — начал было Дуббинс.

— На большие неприятности, — закончил за него Моркоу.

— Теперь понимаешь, почему мы оставили его здесь? — спросил Дуббинс. — Тащить по улицам человеческий труп, особенно в такое время... И особенно этот труп.

— Я тоже так подумал, — вставил Детрит.

— Правильно, — похвалил Моркоу. — Молодцы. Наверное, пусть он полежит тут еще немножко, а мы сходим за мешком. И... никому ни слова.

— Кроме сержанта и всех остальных, — сказал Дуббинс.

— Нет... Даже им не стоит ничего говорить. Они... будут сильно нервничать.

— Как скажешь, капрал.

— Ребята, мы имеем дело с очень больным человеком.

Некий подземный свет озарил сознание Дуббинса.

— А, — догадался он. — Ты подозреваешь капрала Шноббса, капрал?

— Все гораздо хуже. Пошли, пора выбираться отсюда. — Моркоу бросил взгляд в сторону огромного зала с колоннами. — Дуббинс, есть соображения, где мы находимся?

— Очень похоже, что под дворцом.

— Я тоже так подумал. Конечно, тоннели расходятся во все стороны...

Взволнованные мысли Моркоу неслись во весь опор, пока не затерялись, свернув на какую-то проселочную дорогу.

Даже во время такой сильной засухи в тоннелях оставалась вода. Она попадала сюда из подземных ключей или просачивалась с поверхности. Отовсюду слышались всплески и шум капель. И холодный, промозглый воздух...

Впрочем, здесь было бы очень даже мило — если бы не присутствие печального скрюченного трупа, в котором весь мир признал бы клоуна Бино.

Ваймс вытерся. Вилликинс приготовил ему халат с кружевными манжетами. Ваймс надел его и прошел в гардеробную.

С этим он тоже встречался впервые. Подумать только, у богатых имеются специальные комнаты для одевания! И одежда, которую следует носить, когда ты направляешься в комнату для одевания, чтобы одеться...

Там его уже ждал новый камзол. На сей раз — очень щегольский,

красно-желтый...

...Примерно сейчас он патрулировал бы улицу Паточной Шахты...

...К камзолу прилагалась шляпа. С роскошным плюмажем.

Ваймс покорно облачился в камзол, даже шляпу надел. И движения его со стороны казались вполне уверенными — пока вы не понимали, что капитан всячески избегает встречаться глазами со своим отражением в зеркале.

Стражники по-прежнему сидели в штаб-квартире. Царило всеобщее уныние. Сейчас они были не на Службе. Такого никогда раньше не случилось — раньше они всегда были на Службе.

— Может, в картишки перекинемся? — весело спросил Шнобби и достал из потайных глубин вонючего мундира засаленную колоду.

— Ты еще вчера ободрал всех на месячное жалование, — ответил сержант Колон.

— Я даю вам шанс отыграться!

— Да, только у тебя на руках всегда пять королей, Шнобби.

Шнобби перетасовал карты.

— Забавно... — сказал он. — Короли... такое впечатление, они повсюду.

— А самое любимое их место — у тебя в рукаве.

— Да нет, я не о том. В Анке есть Королевский проезд, есть короли в картах, мы получаем Королевский Шиллинг, когда вступаем в Стражу. Кругом короли, кроме как на золотом троне во дворце. Я вот что хочу сказать... будь у нас король, такого бардака не приключилось бы.

Моркоу смотрел в потолок, сосредоточенно нахмутив брови. Детрит пересчитывал свои пальцы.

— О да! — хмыкнул сержант Колон. — И пиво стоило бы пенни за пинту, и деревья расцвели бы снова, а свиньи начали летать. Конечно. Стоит кому-нибудь в этом городе споткнуться, как все начинают твердить, что этого никогда не случилось бы, будь у нас король. Жаль, нет с нами капитана Ваймса, уж он бы тебя взгрел за подобные разговорчики.

— Люди слушались бы короля, — не унимался Шнобби.

— Ваймс сказал бы, что ни к чему хорошему это бы не привело, — продолжал Колон. — Он такого же мнения и о волшебстве. От подобных разговоров капитан просто бесится.

— А откуда вообще берутся короли? — вдруг спросил Детрит.

— По-моему, кто-то должен распилить какой-то камень, и тогда... — припомнил Колон.

— Ага! Опять антикремниенизм!

— Ты все перепутал, будущий король должен вытащить из камня меч, — сказал Шнобби.

— А как он узнает, есть в камне меч или нет? — недоверчиво спросил Колон.

— Ну, меч, он же... торчит из камня, верно?

— Значит, его может утащить первый встречный? В этом городе нельзя оставлять ценные вещи на виду у всех.

— Только законный король может вытащить меч из камня, понимаешь? — Шнобби постепенно начал раздражаться.

— Замечательно, — кивнул Колон. — Теперь я все *понимаю*. Конечно. Стало быть, законного короля определяют заранее, до того как тот вытащит меч? По-моему, слегка нечестная игра. Кто-то там подготавливает фальшивый полый булдыган, сажает туда гнома, который держит конец меча щипцами, пока не подойдет нужный парень...

Муха побилась в оконное стекло, полетала по комнате и села на балку, где и была разрублена пополам небрежно брошенным топором Дуббинса.

— У тебя нет души, Фред, — покачал головой Шнобби. — А лично я бы не возражал стать рыцарем в сверкающих доспехах. Так поступает король, если ты оказал ему важную услугу, — он производит тебя в рыцари.

— Ночной стражник в дрянных доспехах — вот предел твоего *амплюя*, — ввернул чужеземное словечко Колон и гордо огляделся. — Нет, чтобы я уважал какого-то типа только за то, что он вытащил из камня меч?! Да какой он король! А вот тот, кто сумел этот меч засунуть в камень, причем без подделки, по-настоящему засунуть, такой человек... он мог бы быть настоящим королем.

— Такой человек был бы уже тузом, — парировал Шнобби.

Ангва зевнула.

Динь-динь-дилинь...

— А это что такое? — удивился Колон.

Моркоу качнулся вперед вместе со стулом, порылся в кармане и достал бархатный мешочек, который перевернул над столом. Из мешочка выскользнул золотой диск примерно три дюйма в диаметре. Моркоу нажал кнопку сбоку, и диск, подобно ракушке, раскрылся.

Расформированная Стража дружно уставилась на диковинку.

— Это часы? — спросила Ангва.

— Карманные, — кивнул Моркоу.

— Большие...

— Это из-за часового механизма. Должно быть место для всяких колесиков. В маленьких часах сидят маленькие демоны, которые работают недолго и вечно то отстают, то спешат...

Динь-динь-дилинь-динь-динь-дилинь-динь-динь...

— Надо же, музыка! — воскликнула Ангва.

— Каждый час, — подтвердил Моркоу.

Динь. Динь. Динь.

— А после этого они отбивают часы, — сказал Моркоу.

— Мой кузен Йорген делает такие, — сообщил Дуббинс. — Они точнее показывают время, чем демоны, водяные часы или свечи. Или эти здоровые штуковины с маятниками...

— В них есть пружина и колесики, — сказал Моркоу.

— Самая важная часть тут, — продолжал Дуббинс, доставая откуда-то из бороды лупу и внимательно рассматривая часы, — это такая маленькая качающаяся штучка, которая не дает колесику вращаться слишком быстро.

— А как она узнает, что колесико вращается слишком быстро? — спросила Ангва.

— Ей так положено, — сказал Дуббинс. — Сам не до конца понимаю. А что это на них за надпись?...

— «Часы От Старых Друзей На Часах», — прочитал он вслух.

— Игра слов, — объяснил Моркоу.

Все смущенно замолчали.

— Гм. Я внес за новобранцев по несколько долларов. — Моркоу разом покраснел. — Я имею в виду... отдадите когда сможете. Если захотите. Ну, то есть... вы бы стали друзьями. Если бы узнали его получше.

Остальные члены Стражи переглянулись.

«Он мог бы вести за собой армии, — подумала Ангва. — Действительно мог бы. Некоторые люди шутя поднимали целые страны на подвиг. И это он тоже смог бы. Не потому, что мечтает о бесчисленных полчищах, о власти над миром или тысячелетней империи. Просто он верит, что каждый человек в душе порядочен и способен на благородные поступки, стоит ему только захотеть, и вера эта настолько сильна, что горит пламенем, рядом с которым даже сам Моркоу выглядит маленьким и незначительным. У него есть мечта, и все мы — часть этой мечты, она изменяет мир вокруг него. И что самое странное, все боятся разочаровать, подвести его, ведь это словно пнуть самого большого щенка во вселенной. Да, настоящее волшебство».

— Золото стирается, — покачал головой Дуббинс. — Но часы очень хорошие, — добавил он быстро.

— Я надеялся подарить их ему сегодня вечером, — сказал Моркоу. — А потом всем пойти... выпить.

— Не слишком удачная мысль, — откликнулась Ангва.

— Отложим до завтра, — посоветовал Колон. — Мы будем почетным караулом на свадьбе. Это традиция. Все поднимут мечи и будут держать их в виде арки.

— Правда, у нас на всех только один меч, — мрачно промолвил Моркоу.

Все уставились на пол.

— Это несправедливо, — наконец произнесла Ангва. — Мне наплевать, кто пробрался в Гильдию Наемных Убийц, что он там украл, но Ваймс пытался выяснить, кто убил господина Крюкомолота. А на Леттицию Ниббс всем просто наплевать.

— А я хотел бы найти того, кто стрелял в меня, — перебил ее Детрит.

— Никак не пойму... Нужно ведь совсем рехнуться, чтобы совершить кражу из Гильдии Наемных Убийц, — медленно промолвил Моркоу. — Капитан тоже так сказал. Он сказал, что только полный дурак мог полезть в эту Гильдию.

Все снова уставились в пол.

— Типа шута или клоуна? — вдруг спросил Детрит.

— Детрит, он не имел в виду человека, который ходит в колпаке с бубенчиками и корчит из себя дурака, — вежливо объяснил Моркоу. — Он подразумевал, что человек, решившийся на такое, должен быть абсолютным идио...

Он неожиданно замолчал и поднял глаза к потолку.

— Подумать только... Все так просто...

— Как просто? — спросила Ангва.

Кто-то постучал в дверь. Стук этот не был вежливым. Либо ты на такой стук открываешь, либо незваный гость вышибает твою дверь.

В комнату ввалился стражник. Он был без доспехов, с синяком под глазом, но в нем еще можно было узнать Скалли Малдуна из Дневной Стражи.

Колон помог ему подняться.

— Участвовал в какой-то битве, Скалли?

Скалли увидел Детрита и завизжал:

— Эти скоты напали на штаб-квартиру!

— Кто?

— Вон они!

Моркоу хлопнул его по плечу.

— Это сейчас не тролль, — сказал он, — а младший констебль Детрит — *честь не отдавать!* Что, тролли напали на вашу штаб-квартиру?

— Булдыганы неотесанные!

— Им нельзя доверять, — сказал Детрит.

— Кому? — не понял Скалли.

— Троллям. Скверные типы, — произнес Детрит со всей убедительностью тролля, носящего значок Городской Стражи. — За ними глаз да глаз нужен.

— А что с Квирком? — спросил Моркоу.

— Понятия не имею! Но вы должны *что-то* сделать!

— Мы расформированы, — пожал плечами Колон. — Официально.

— Это что, по-твоему, объяснение!

— Ага, — кивнул вдруг повеселевший Моркоу, достал из кармана огрызок карандаша и поставил птичку в своей черной книжечке. — Малдун, у тебя все еще есть тот маленький домик на Легкой улице?

— Что? Что? Да! А к чему ты это спрашиваешь?

— И доход с него вряд ли составляет больше фартинга в месяц?

Малдун уставился на него единственным функционирующим глазом:

— Ты дурак или как?

Моркоу широко улыбнулся:

— Все в порядке, сержант Малдун. Ну так что? Больше фартинга или нет?

— Кругом бегают гномы, у которых чешутся кулаки, а тебя интересуют цены на недвижимость?

— Фартинг или больше?

— Не будь идиотом! Он мне приносит не меньше пяти долларов в месяц!

— Ага. — Моркоу поставил еще одну галочку в книжке. — С учетом инфляции, конечно. Наверное, и хороший котел у тебя есть... И ты владеешь по крайней мере двумя и одной третью акра земли и больше чем половиной коровы?

— Хорошо, хорошо, — махнул рукой Малдун. — Это шутка такая, да?

— Что ж, требования к собственности с натяжкой, но проходят, — промолвил Моркоу. — Тут сказано, что для граждан, занимающих государственную должность, допускаются поблажки. И еще, как ты думаешь, за последнее время в городе было совершено какое-нибудь особо злостное нарушение закона и порядка?

— Они перевернули тележку Себя-Режу Достабля и заставили его съесть две сосиски!

— Ого! — воскликнул Колон.
— Без горчицы!
— Это вполне можно считать положительным ответом, — сказал Моркоу, сделал очередную пометку в книжке и громко захлопнул ее.
— Что ж, пора выступать, — возвестил он.
— Но нам сказали... — начал было Колон.
— В соответствии с «Законами и Постановлениями Городов Анка и Морпорка», — торжественно заявил Моркоу, — в случае выявления особо злостного нарушения закона и порядка жители Анк-Морпорка по первой просьбе городского служащего с хорошим социальным положением — дальше перечислена куча всего, касающегося имущества и прочего, — обязаны сформировать из себя отряд милиции для защиты города.
— И что это значит? — спросила Ангва.
— Милиция... — задумчиво пробормотал сержант Колон.
— погоди! — закричал Малдун. — Так нельзя! Это полная чепуха!
— Это закон. И никто его не отменял, — парировал Моркоу.
— У нас никогда не было милиции! Она нам была не нужна!
— До настоящего момента.
— Послушай, — взмолился Малдун, — пойдемте со мной во дворец. Вы же стражники...
— И несмотря ни на что, мы будем защищать наш город, — закончил Моркоу.

Мимо штаб-квартиры непрерывным потоком шли люди. Моркоу остановил пару горожан, просто выставив вперед руку.

— Господин Попли, если не ошибаюсь? — осведомился он. — Как идет бакалейная торговля? Добрый день, госпожа Попли.

— Вы что, ничего не слышали? — спросил взволнованный бакалейщик. — Тролли подожгли дворец!

Моркоу повернул голову и посмотрел вдоль Брод-авеню. На фоне вечернего неба мрачно темнела громада дворца, и никаких тебе языков необузданного пламени, вырывающегося из всех окон...

— Ничего себе, — удивился Моркоу.

— А гномы бьют стекла и все крушат! — не унимался бакалейщик. — Нам всем конец!

— Этим мелким пакостникам нельзя доверять, — встрял Дуббинс.

Бакалейщик с изумлением уставился на него.

— Ты — гном?

— Поразительно! И как люди об этом догадываются?

— Все, с меня хватит! Я не хочу, чтобы госпожу Попли изнасиловали эти дьяволята! Сами знаете, что люди говорят о гномах!

Бакалейная пара быстро затерялась в толпе.

— А я не знаю, — сказал Дуббинс, ни к кому особо не обращаясь. — И что люди говорят о гномах?

Моркоу остановил следующего горожанина — человека с тележкой.

— Не мог бы ты сказать, что происходит, господин?

— И не знаешь ли ты случаем, что люди говорят о гномах? — раздался голос из-за спины Моркоу.

— Это не господин, а Себя-Режу, — поправил Колон. — И вы только посмотрите, какого он цвета!

— По-моему, сегодня он слишком блистает. В смысле блестит, — заявил Детрит.

— Чудесно себя чувствую, просто чудесно! — закричал Достабль. — Никогда не думал, что столько людей недовольны качеством моих товаров!

— Что происходит, Себя-Режу? — перебил Колон.

— Они говорят... — начал было зеленый лицом Достабль.

— Кто говорит? — спросил Моркоу.

— Они, — пояснил Достабль. — Понимаете. Они. Все. Так вот, они говорят, что тролли убили кого-то в «Сестрах Долли», а гномы разнесли круглосуточную гончарную лавку тролля Мела, разрушили Бронзовый мост и...

Моркоу посмотрел вверх по улице.

— Ты же только что пересек Бронзовый мост, — заметил он.

— Ну... так ведь говорят, — объяснил Достабль.

— Понятно. — Моркоу выпрямился.

— А они, ну, те самые, не упоминали... хотя бы вскользь... что-нибудь этакое о гномах? — поинтересовался Дуббинс.

— Думаю, нам следует попытаться поговорить с Дневной Стражей по поводу ареста Углеморда, — подытожил Моркоу.

— У нас нет оружия, — напомнил Колон.

— Лично я абсолютно уверен, что к убийству Крюкомолота Углеморд не имеет никакого отношения, — заявил Моркоу. — Мы вооружены истиной. А значит, неуязвимы.

— Ты скажи это стреле, которая влетит в твой глаз и выйдет через затылок, — посоветовал сержант Колон.

— Хорошо, сержант, — согласился Моркоу, — тогда мы пойдем и вооружимся еще чем-нибудь.

Громада Арсенала зловеще возвышалась на фоне предзакатного неба.

Странно видеть арсенал в городе, который в качестве средства победы над врагами целиком полагается на обман, подкуп и ассимиляцию, но, как сказал однажды сержант Колон, после разоружения противника нужно же где-то хранить то, что у него отобрали.

Моркоу постучал в дверь. Через некоторое время слышались шаги и открылось маленькое окошко.

— Да? — произнес чей-то полный недоверия голос.

— Капрал Моркоу, городская милиция.

— Никогда не слышал о такой. Проваливай.

Окошко захлопнулось. Моркоу услышал, как захихикал Шнобби.

Он постучался снова.

— Да?

— Капрал Моркоу... — Окошко попыталось захлопнуться, но наткнулось на дубинку Моркоу, просунутую в отверстие. — ...Пришел взять оружие для своих людей.

— Да? А где документ?

— Что? Но я...

Дубинку выпихнули, и окошко с треском захлопнулось.

— Простите-ка, — сказал капрал Шноббс, отодвигая Моркоу в сторону. — Дай я попробую. Я ведь бывал здесь раньше — в некотором роде.

Бух.

— Я же сказал...

— Ревизоры, — ответил Шнобби.

Минутное молчание.

— Что?

— В целях инвентаризации.

— А где ваши доку...

— Что-что? Он спросил, где мои документы? — Взгляд Шноббса стал хитрым и злобным. — Наверное, ты собираешься держать меня здесь, пока твои дружки не слетают в ближайший ломбард и не вернут все то, что вы сдали туда под залог?

— Я нико...

— А потом провернешь старый трюк с тысячью мечей? Пятьдесят ящиков в штабеле, а в нижних сорока — камни?

— Я...

— Твое имя, господин?

— Я...

— А ну, открывай немедленно!

Окошко закрылось. Залязгали засовы, отодвигаемые человеком, который явно не был уверен в том, что поступает правильно, и потому собирался задать гостям несколько неприятных вопросов.

— Фред, у тебя есть какая-нибудь бумажка? Быстро!

— Да, но... — попытался возразить сержант Колон.

— Любая бумажка! Быстрей!

Колон порывлся в кармане и передал Шнобби счет на продукты буквально за мгновение до того, как открылась дверь. Шнобби с молниеносной быстротой замахал счетом, заставив человека в дверях попятиться.

— Не убегать! — рявкнул он. — Я пока ничего дурного не обнаружил, но...

— Я и не убе...

— ...Но это только *пока*!

Моркоу успел разглядеть похожее на пещеру помещение, по которому плясали замысловатые тени. Кроме человека, который был толще даже сержанта Колона, тут еще находилась пара троллей, сосредоточенно крутящих нечто похожее на точило. Очевидно, последние новости не успели проникнуть сквозь толстые стены.

— Так, никому не паниковать, просто прекратить работу. Прекратить работу, я сказал! Я — капрал Шноббс, Городская Анк-Морпоркская Артиллерийская... — Бумажка замелькала перед глазами интенданта с поразительной скоростью, а Шнобби стал немного запинаться, лихорадочно придумывая конец фразы. — Специальная... Ревизионная... Испекция... Бюро. Сколько людей тут работает?

— Я один.

Шнобби указал на троллей:

— А они?

Интендант сплюнул на пол:

— Я думал, ты о *людях* говоришь.

Моркоу машинально выставил руку, и она уперлась в нагрудник Детрита.

— Так, хорошо, — продолжал Шнобби. — Посмотрим, что у нас тут имеется... — Он быстро зашагал между стеллажами. Остальным пришлось перейти на бег, чтобы не отстать. — Это что такое?

— Э-э...

— Не знаешь, да?

— Конечно знаю, это... это...

— Двухсотфунтовый осадный арбалет, три тетивы, лафет с лебедкой двойного действия прилагается?

— Ага, он самый.

— О, а это клатчский усиленный арбалет со спусковым механизмом типа «козья нога» и подкрученным штыком?

— Э... да?

Шнобби осмотрел оружие и отбросил в сторону.

Остальные стражники смотрели на него в полном изумлении. Все они раньше считали, что Шнобби искусно управляется только с ножом.

— А у вас есть гершебский двенадцатизарядный арбалет с гравитационной подачей?

— Э-э? Все, что у нас есть, — все перед тобой, господин.

Шнобби взял со стеллажа один из охотничьих арбалетов. Его тощие руки загудели от напряжения, когда он натянул тетиву.

— А стрелы для этой штуки ты уже небось загнал?

— Что ты, господин, они здесь!

Шнобби взял одну стрелу с полки и вложил в паз. Потом приник к арбалету щекой и повернулся к интенданту:

— Такая инвентаризация мне *нравится*. Мы забираем все.

Интендант взглянул вдоль стрелы в глаз Шнобби, но, к величайшему восхищению Ангвы, самообладания не потерял.

— Этим маленьким арбалетом меня не напугаешь.

— Этот маленький арбалет тебя не пугает? — переспросил Шнобби. — Да? Что ж, это маленький арбалет. Столь маленький арбалет не может напугать такого мужчину, как ты, потому что он — маленький. Для того чтобы испугать такого мужчину, как ты, мне понадобится арбалет побольше.

Ангва отдала бы месячное жалованье, чтобы увидеть лицо интенданта. На ее глазах Детрит взял огромный осадный арбалет, одной рукой, едва слышно крикнув, взвел его и шагнул вперед. Она могла себе представить, как завращались глаза, когда интендант ощутил на своей толстой красной шее холодный металл наконечника.

— А вот тот, что сзади тебя, большой арбалет, — сказал Шнобби.

Шестифутовая железная стрела не могла похвастаться остротой. Она предназначалась не для хирургических операций, а для того, чтобы проламывать двери.

— Мне спускать курок? — проворчал Детрит прямо в ухо интенданту.

— Ты не посмеешь выстрелить из него здесь! Это же осадное оружие! Оно пробьет стену.

— Да, потом оно пробьет стену, — согласился Шнобби.

— А эта штучка для чего? — спросил Детрит.

— Послушайте...

— Надеюсь, ты хранил его должным образом, — сказал Шнобби. — Усталость металла — мерзкая штука. Спусковой механизм первым начинает барахлить.

— А что такое спусковой механизм? — спросил Детрит.

Все замолчали.

Первым отыскал свой голос Моркоу:

— Капрал Шноббс?

— Да, сэр?

— Я продолжу сам, если не возражаешь.

Он осторожно опустил осадный арбалет, но Детрит, которому очень не понравилось замечание интенданта о «людях», упрямо поднял его опять.

— Мне не нравится элемент принуждения, — сказал Моркоу. — Мы здесь не для того, чтобы запугивать этого беднягу. Он такой же городской служащий, как и мы. Ты поступил неправильно, заставив его испугаться. Неужели нельзя просто попросить?

— Прошу прощения, сэр, — откликнулся Шнобби.

Моркоу похлопал интенданта по плечу.

— Можно мы возьмем оружие?

— Что?

— Оружие. Для выполнения официального задания.

Этого интендант понять не смог.

— Ты хочешь сказать, у меня есть выбор?

— Конечно. Мы предпочитаем действовать по обоюдному согласию. Если ты не можешь разрешить нам это, просто скажи.

Наконечник с легким стуком опять вошел в контакт с черепом интенданта. Интендант тщетно пытался подыскать нужные слова, но в голову упрямо лезло только то, что вот-вот могла раздаться команда «Огонь!».

— Э, — наконец изрек он. — Э. Да. Конечно, берите что хотите.

— Чудесно, просто чудесно. Сержант Колон выпишет тебе расписку, где укажет, что ты отпустил нам оружие по собственной воле.

— По собственной воле?

— У тебя же был выбор.

Лицо интенданта исказилось от мучительного мыслительного процесса.

— Я полагаю...

— Да?

— Полагаю, что вы можете взять оружие. Забирайте и убирайтесь.

— Отлично. У тебя тележки не найдется?

— И кстати, ты случаем не знаешь, что люди говорят о гномах? — встрял Дуббинс.

Ангва еще раз убедилась, что понятие «ирония» Моркоу неизвестно. Когда он говорил, то отвечал за каждое сказанное слово. Если бы интендант настоял на своем, Моркоу, вероятно, не стал бы возражать. Хотя «вероятно» и «определенно» разделяет большая пропасть.

Шнобби почти добрался до конца ряда, периодически восхищенно вскрикивая при виде очередного боевого молота или палаша особо устрашающего вида. Будь его воля, он бы забрал отсюда все.

Вдруг Шнобби, увидев что-то, бросил кучу оружия на пол и устремился вперед.

— Ого! Клатчская пожарная машина! Вот это действительно мое *амплюя*!

Они услышали, как он возится в темноте. Потом Шнобби снова появился, толкая перед собой нечто похожее на мусорный бак, водруженный на маленькие скрипучие колесики. Машину усеивали какие-то рычаги, с ее боков свисали толстые кожистые мешки, а впереди торчал носик. В целом она смахивала на очень большой чайник.

— И кожа смазана!

— Что это? — спросил Моркоу.

— И масло в баке есть! — Шнобби начал энергично качать рукоять. — Насколько мне известно, эта штука запрещена в восьми странах, а три религиозных культа объявили, что отлучат от церкви любого солдата, ее применившего!^[24] Огоньку ни у кого не найдется?

— На, — протянул коробок Моркоу, — но что это...

— Смотрите!

Шнобби зажег спичку, приложил ее к трубке в передней части устройства и нажал на рычаг.

Наконец, всеобщими усилиями пламя погасили.

— Нужно лишь немножко поднастроить, — бодро заявил измазанный сажей Шнобби.

— Нет, — наотрез отказался Моркоу.

Всю оставшуюся жизнь он будет помнить струю пламени, опалившую его лицо по пути к противоположной стене.

— Но это...

— Нет. Слишком опасно.

— Она *предназначена*...

— Она предназначена причинять людям боль.

— А, — догадался Шнобби. — Понятно. Ты бы сразу предупредил, что мы пришли сюда за оружием, которое не причиняет боль людям.

— Капрал Шноббс! — рявкнул сержант Колон, который оказался ближе к струе пламени, чем Моркоу.

— Да, сержант?

— Ты слышал капрала Моркоу. Никакого языческого оружия. Кстати, откуда ты столько о нем знаешь?

— Военная служба.

— Правда? — удивился Моркоу.

— У меня была особая работа. Очень ответственная.

— Какая именно?

— Я был интендантом, сэр. — Шнобби лихо отдал честь.

— Ты был интендантом? — изумленно спросил Моркоу. — В чьей же армии?

— Герцога Псевдополиса, сэр.

— Но Псевдополис не выиграл ни одной войны!

— А... ну...

— Кому ты продавал оружие?

— Это злобная клевета! Это все солдаты! Они слишком много времени тратили на полировку и заточку!

— Шнобби, это Моркоу, с тобой говорит Моркоу, слышишь? И сколько же времени они тратили?

— Приблизительно? Около ста процентов, если мы говорим *приблизительно*, сэр.

— Шнобби?

— Сэр?

— Ты вовсе не обязан называть меня сэром.

— Слушаюсь, сэр.

В итоге Дуббинс сохранил верность своему топору, но, хорошенько подумав, прихватил еще пару топориков поменьше. Сержант Колон выбрал пику, поскольку ее отличительной особенностью было то, что все действие происходило на ее другом конце, то есть на определенном расстоянии. Младший констебль Ангва, не проявив особого энтузиазма, вооружилась коротким мечом, а капрал Шноббс...

...Капрал Шноббс превратился в механического дикобраза, ошестинившегося клинками, луками, наконечниками и шишковатыми шарами.

— Ты, случаем, не перебрал, а, Шнобби? — спросил Моркоу. — Ничего не хочешь оставить?

— Очень трудно выбрать, сэр.

Детрит наотрез отказался расставаться со своим огромным арбалетом.

— Уверен, что тебе больше ничего не нужно, Детрит?

— Так точно, сэр! Разве что Галенита и Морену, сэр.

Оба тролля, работавших в арсенале, построились за спиной Детрита.

— Привел их к присяге, сэр, — сообщил Детрит. — Использовал старую троллью клятву.

Галенит неловко отдал честь.

— Он сказал, что вобьет наши *гухулугские* головы в плечи, если мы не присоединимся к вам и не будем делать то, что прикажут, господин.

— Очень старая троллья клятва, — пояснил Детрит. — Очень знаменитая и традиционная.

— Один из них мог бы нести клатчскую пожарную машину, — с надеждой подал голос Шнобби.

— Шнобби, нет. Что ж... добро пожаловать в Стражу, ребята.

— Капрал Моркоу?

— Да, Дуббинс?

— Это нечестно. Они — тролли.

— У нас на счету сейчас каждый человек, Дуббинс. Или гном. Или тролль.

Моркоу сделал шаг назад.

— Не хотелось бы, чтобы народ решил, будто бы мы ищем неприятностей, — сказал он.

— О, наши поиски будут очень недолгими, — подавленно ответил сержант Колон.

— Вопрос, сэр? — вскинула руку Ангва.

— Да, младший констебль Ангва.

— А кто наш враг?

— В таком виде нам нетрудно будет его найти, — не успокаивался сержант Колон.

— Мы не ищем врага, мы ищем информацию, — возразил Моркоу. — Наиболее важным из всех доступных нам видов оружия является истина, и для начала мы отправимся в Гильдию Шутовских Дел и Баламутства, чтобы выяснить, зачем брат Бино украл ружье.

— А это он украл ружье?

— Мне кажется, это вполне возможно.

— Но он же умер до того, как ружье было украдено! — воскликнул

Колон.

— Да, — кивнул Моркоу. — И я это знаю.

— Такие вещи, — глубокомысленно изрек сержант Колон, — я называю *алиби*.

Отряд построился и после короткого обсуждения троллями, какая нога у них левая, а какая правая, зашагал прочь. Шнобби постоянно оглядывался и с тоской смотрел на пожарную машину.

Как говорят клатчцы, без огня да в полымя... Нелегко им придется.

* * *

Через десять минут стражникам наконец удалось пробиться сквозь толпу и подойти к зданиям Гильдий.

— Видите? — спросил Моркоу.

— Они примыкают друг к другу, — сказал Шнобби. — Ну и что? Между ними надежная стена.

— Не уверен, — покачал головой Моркоу. — Это нам и предстоит выяснить.

— А у нас есть время? — в ответ спросила Ангва. — Я думала, мы отправимся на выручку Дневной Страже.

— Сначала я хочу кое-что выяснить, — ответил Моркоу. — Эти шуты не сказали *всей* правды.

— погоди, погоди минуту, — перебил его сержант Колон. — Все зашло слишком далеко. Послушайте, я не хочу, чтобы мы кого-нибудь убили, понятно? Случилось так, что я здесь единственный сержант, если кого-нибудь из вас это волнует. Понятно, Моркоу? Шнобби? Никакой стрельбы, никакого фехтования на мечах. Уже то, что мы врываемся на территорию Гильдии, — одно это достаточно скверно, но если мы еще подстрелим кого-нибудь, нас ждут серьезные неприятности. Лорд Витинари не ограничится обычным сарказмом. Он может прибегнуть, — Колон судорожно сглотнул, — к *иронии*. Это приказ. Кстати, Моркоу, что ты замыслил?

— Просто хочу, чтобы эти люди кое-что мне рассказали, — пожал плечами Моркоу.

— Хорошо, но если они откажутся разговаривать с тобой, пожалуйста, не причиняй им вреда, — попросил Колон. — Ты можешь задать им вопросы, в этом ничего плохого я не вижу. Но если доктор Пьеро начнет упираться, мы просто уйдем, ладно? У меня от этих клоунов мурашки по

спине бегают. А он самый жуткий из них. Если он не станет отвечать, мы просто поднимаемся и мирно уходим. И... не знаю, придумываем что-нибудь еще. В общем, это приказ. Всем понятно? Это приказ.

— Если он не станет отвечать на наши вопросы, — повторил Моркоу, — мы поднимаемся и уходим. Все понятно.

— Ну, раз все понятно...

Моркоу постучал, вытянул руку, поймал торт с заварным кремом, когда тот вылетел из потайного окошечка, и с силой швырнул его обратно. Потом пнул дверь так сильно, что та на несколько дюймов ушла внутрь.

— Ой, — сказал кто-то за дверью.

Дверь приоткрылась, и в щели показался маленький клоун, с ног до головы заляпанный кремом и побелкой.

— Зачем так грубо-то? — обиженно поинтересовался он.

— Просто хотел настроиться на нужный лад, — откликнулся Моркоу. — Я — капрал Моркоу, а это — представители гражданской милиции, и все мы очень любим посмеяться.

— Прошу прощения...

— За исключением младшего констебля Дуббинса. А младший констебль Детрит тоже любит посмеяться — только через несколько минут после всех. Мы пришли поговорить с доктором Пьеро.

Волосы клоуна встали дыбом. Из цветка в петлице брызнула вода.

— А у вас есть... предварительная договоренность?

— Не знаю, — честно признался Моркоу. — У нас есть предварительная договоренность?

— У меня есть железный шар с шипами, — сообщил Шноббс.

— Это называется «моргенштерн», Шнобби.

— Да?

— Да, — сказал Моркоу. — Предварительная договоренность — это обязательство с кем-либо встретиться, а «моргенштерн» — это большой кусок металла, используемый для того, чтобы злонамеренно проламывать чьи-либо черепа. Тут очень важно не перепутать, не правда ли, господин?... — Он вопросительно поднял бровь.

— Боффо, но...

— Может, ты согласишься сообщить доктору Пьеро, что мы пришли с железным шаром с ши... Что я говорю? Без предварительной договоренности. Будь любезен. Спасибо.

Клоун умчался.

— Итак, — сказал Моркоу, — мы все правильно сделали, а, сержант?

— Возможно, патриций даже прибежит к *сатире*, — мрачно произнес

Колон.

Они стали ждать. Младший констебль Дуббинс достал из кармана отвертку и принялся изучать устройство тортометательной машины, установленной на двери. Остальные переминались с ноги на ногу — все, кроме капрала Шноббса, который постоянно ронял себе на ногу что-то железное.

Вскоре появился Боффо в сопровождении двух мускулистых шутов, у которых, судя по их виду, чувство юмора напрочь отсутствовало.

— Доктор Пьеро говорит, что гражданской милиции не существует, — сказал Боффо. — Но... Гм... Доктор Пьеро говорит, что может принять кого-нибудь из вас, если дело действительно важное. Только никаких троллей. И никаких гномов. Насколько мы слышали, как раз сейчас город терроризируют банды троллей и гномов...

— Слухи быстро распространяются, — кивнул Детрит.

— А ты, случайно, не знаешь, что говорят о... — начал было Дуббинс, но замолчал, когда Шноббси сильно ткнул его в бок.

— Мы с тобой, сержант, — сказал Моркоу. — Я и младший констебль Ангва.

Сержант Колон только вздохнул.

Они последовали вслед за Моркоу в унылое здание и прошли по мрачным коридорам в кабинет доктора Пьеро. Глава всех клоунов, дураков и шутов стоял в центре помещения, а какой-то паяц пытался пришить к его плащу дополнительные блески.

— Итак?

— Добрый вечер, доктор, — поздоровался Моркоу.

— Хочу, чтобы было понятно с самого начала. Лорд Витинари будет немедленно поставлен в известность, — предупредил доктор Пьеро.

— Да, конечно, я ему лично сообщу, — успокоил главного шута Моркоу.

— Не могу понять, почему вы решили побеспокоить меня, когда на улицах творятся такие бесчинства?

— Знаю, знаю... Но мы займемся ими позже. Капитан Ваймс всегда говорил мне, что существуют большие преступления и маленькие преступления. Иногда маленькие преступления выглядят большими, а большие преступления едва можно заметить. Самое главное — определить, что есть что.

Они внимательно смотрели друг на друга.

— Итак? — повторил главный шут.

— Мне очень хотелось бы услышать подробный рассказ о событиях,

произошедших в здании Гильдии позапрошлой ночью.

Доктор Пьеро не спускал с Моркоу глаз, долгое время не произносящий слова.

— А если я ничего не расскажу? — наконец спросил он.

— Тогда, — сказал Моркоу, — боюсь, мне придется — уверяю, я сам этого не хочу — выполнить приказ, который я получил, перед тем как прийти сюда.

Он перевел взгляд на сержанта.

— Все в порядке, сержант?

— Что? А? Да, конечно...

— Я бы предпочел этого не делать, но у меня нет выбора, — продолжил Моркоу.

Доктор Пьеро свирепо оглядел стражников.

— Вы находитесь на территории Гильдии и не имеете права...

— О, я всего лишь капрал и плохо разбираюсь в законах, — перебил Моркоу, — но еще не было случая, чтобы я не подчинился отданному мне приказу, поэтому должен с величайшим сожалением сообщить, что этот приказ я выполню в точности.

— Послушай...

Моркоу подошел чуть ближе.

— Вряд ли, конечно, это успокоит тебя, — тихо промолвил он, — но потом, наверное, мне будет стыдно. Очень стыдно.

Шут посмотрел в его честные глаза и увидел в них лишь то, что видели все другие, то есть чистую правду.

— Предупреждаю, — воскликнул доктор Пьеро, густо покраснев под гримом, — если я закричу, сюда сбегутся все мои люди!

— Что ж, — пожал плечами Моркоу, — тогда мне будет еще легче подчиниться приказу.

Доктор Пьеро всегда гордился своим умением разбираться в людях. На полном решимости лице Моркоу он не увидел ничего, кроме абсолютной честности. Он покрутил в руках гусиное перо и вдруг резким движением отбросил его.

— Будь все проклято! — закричал он. — Как вы узнали? Кто вам сказал?

— На этот вопрос я не могу ответить, — признался Моркоу. — Но если подумать... У обеих Гильдий только по одному входу, однако они граничат с друг другом и имеют общую стену. Нужно было только пробить ее...

— Уверяю, мы ничего об этом не знали, — сказал доктор Пьеро.

От восхищения сержант Колон потерял дар речи. Он видел, как люди блефовали с плохими картами на руках, но никогда не видел, чтобы человек блефовал совсем без карт.

— Мы посчитали это обычной проказой, — продолжал доктор Пьеро. — Подумали, что молодой Бино глупо пошутил, а потом его нашли мертвым, и мы не...

— Я бы предпочел осмотреть дыру, — перебил его Моркоу.

Другие стражники находились в различных вариациях стойки «вольно» во внутреннем дворе Гильдии.

— Капрал Шноббс?

— Да, младший констебль Дуббинс.

— А что такое говорят о гномах?

— Перестань, ты что, издеваешься? Это знает каждый, кто хоть что-то знает о гномах.

Дуббинс прокашлялся.

— А гномы — нет, — сказал он.

— Что значит, гномы — нет?

— Нам-то никто не говорит, что говорят о гномах.

— Ну... наверное, просто думают, что вы сами все знаете, — несколько сбивчиво ответил Шнобби.

— Только не я.

— Хорошо, хорошо, — согласился Шнобби.

Он бросил взгляд на троллей, потом наклонился и что-то прошептал Дуббинсу на ухо.

Дуббинс кивнул.

— И это все?

— Да. А... это правда?

— Что? Конечно. Для гномов это нормально. Не у всех, конечно, такое большое, как у других, но...

— Быть того не может, — недоверчиво сказал Шнобби.

— У меня хозяйство — несколько пещер, а вот у моего кузена...

— Да нет! Я не имел в виду не это хозяйство, а...

Шнобби снова что-то прошептал ему на ухо. Выражение лица Дуббинса не изменилось.

Шнобби задвигал бровями.

— Ну? Это правда?

— Откуда я знаю? О наследстве у нас не принято распространяться.

Шнобби наконец сдался.

— В одном люди не ошибаются, это точно, — сказал он. — Вы, гномы, действительно очень любите золото, верно?

— Конечно нет. Не говори ерунды.

— Но...

— Понимаешь, мы так говорим, чтобы заманить его к себе домой.

Это была типичная шутовская спальня. Моркоу не раз про себя гадал, а есть ли у шутов и клоунов личная жизнь? И если есть, то какая она? И вот она, вся перед ним: огромная колодка для башмаков, очень широкий гладильный пресс для штанов, зеркало с безумным количеством свечей вокруг, несколько тюбиков грима промышленного размера... и кровать, которая представляет собой не что иное, как обычное одеяло на полу. Среди клоунов и шутов праздный образ жизни не поощряется. Юмор — дело серьезное.

Кроме того, в стене зияла огромная дыра, в которую легко мог пролезть человек. Рядом валялись обломки кирпичей.

А с другой стороны была темнота.

С другой стороны стены люди за деньги убивали других людей.

Моркоу сунул голову и плечи в дыру, но Колон попытался оттащить его.

— погоди, парень, ты даже не знаешь, какие ужасы ждут тебя на той стороне...

— Я как раз хочу это выяснить.

— Там может быть камера пыток, темница или зияющая бездна — да что угодно!

— Это ученическая спальня, сержант.

— Вот видишь.

Моркоу скрылся в дыре. Они услышали, как он ходит где-то во мраке. То был мрак наемных убийц, в чем-то более насыщенный, а в чем-то менее мрачный, чем шутовской мрак.

Из дыры показалась голова капрала.

— Здесь давно никого не было, — сообщил он. — Пол засыпан пылью, но остались следы. А дверь заперта на замок и засов. Изнутри.

За головой последовало тело Моркоу.

— Я просто хочу убедиться в том, что понимаю все правильно, — сказал он доктору Пьеро. — Бино проделал дыру в Гильдию Наемных Убийц, после чего пошел и взорвал того дракона. И вернулся через эту дыру. Так как же его убили?

— Мы не сомневаемся, что он пал от рук наемных убийц, — ответил

доктор Пьеро. — Причем они были полностью в своем праве. Проникновение на территорию Гильдии является очень серьезным преступлением.

— А кто-нибудь видел Бино после взрыва? — спросил Моркоу.

— О да. Боффо дежурил у ворот и хорошо помнит, как тот выходил.

— Он уверен, что это был Бино?

Лицо доктора Пьеро ничего не выражало.

— Конечно.

— Почему?

— Почему? Он узнал его! Именно так обычно определяешь людей.

Смотришь на него и говоришь: ага, это он. Это называется о-по-зна-ва-нием, — нарочито медленно и отчетливо произнес шут. — Это был Бино. По словам Боффо, выглядел он крайне обеспокоенным.

— Замечательно. Мои вопросы практически исчерпаны, доктор. Но вот еще... У Бино были друзья среди наемных убийц?

— Ну... возможно, возможно. Мы не препятствуем нанесению визитов.

Моркоу внимательно всмотрелся в лицо доктора и вдруг улыбнулся.

— Конечно. Что ж, полагаю, наше расследование закончено.

— Если бы он занимался, ну, чем-то более *обычным*... — с горечью промолвил доктор Пьеро.

— Типа шуток с ведрами и тортами с заварным кремом? — уточнил сержант Колон.

— Именно!

— Итак, нам пора. Насколько я понял, Гильдия Шутовских Дел не намерена выдвигать обвинение против наемных убийц?

Доктор Пьеро попытался изобразить панику на своем лице, что было совсем не просто из-за нарисованной на нем широкой улыбки.

— Что? Нет, ни в коем случае! Вот если бы какой-нибудь убийца проник в нашу Гильдию — ну, то есть по личному делу — и что-нибудь украл, тогда мы определенно посчитали бы себя в праве, скажем...

— Налить ему за шиворот клея? — спросила Ангва.

— Треснуть по башке пузырем на палке? — спросил Колон.

— Наверное.

— Каждой Гильдии — свое, — подвел итог Моркоу. — Предлагаю удалиться, сержант. Нам здесь больше делать нечего. Прошу прощения за беспокойство, доктор Пьеро. Вижу, события последних дней действительно потрясли Гильдию.

Главный шут даже обмяк от облегчения.

— Не стоит благодарности, не стоит благодарности. Рад был помочь. Понимаю, вам нужно делать свою работу...

Он проводил их по лестнице во двор, ни на секунду не умолкая. Стражники, бряцая оружием, встали по стойке «смирно»...

— На самом деле... — сказал Моркоу, когда их уже выпроваживали за ворота. — Я хотел бы просить еще об одной маленькой услуге...

— Конечно, конечно.

— Знаю, просьба несколько нахальная, — продолжал Моркоу. — Но меня всегда интересовали обычаи разных Гильдий... Не мог бы кто-нибудь показать мне ваш музей?

— Что-что? Какой музей?

— Музей шутов.

— А, ты имеешь в виду Зал Ликов? Это не совсем музей, но, конечно... Тут нет никаких тайн. Боффо, запиши. Будем счастливы показать его в любое время, капрал.

— Большое спасибо, доктор Пьеро.

— Всегда рад помочь.

— У меня как раз заканчивается дежурство, — не унимался Моркоу. — Я бы предпочел осмотреть его сейчас, раз уж я здесь.

— Ты не можешь уходить с дежурства, когда... Ой! — Колон вдруг смолк.

— Что такое, сержант?

— Ты лягнул меня!

— Просто случайно наступил на вашу сандалию, сэр. Извините, сэр.

Колон попытался понять по лицу Моркоу, что тот пытается ему сказать. Он привык к простоватому Моркоу. Сложный Моркоу пугал его — так он испугался бы, если бы на него вдруг яростно напала, скажем, какая-нибудь утка.

— Ну, мы, пожалуй, пойдем, да? — промямлил он.

— Нет смысла оставаться здесь, *раз дело уже закрыто*, — промолвил Моркоу, неистово гримасничая. — Кстати, этой ночью можно и отдохнуть...

Он посмотрел на крыши домов.

— О, ну да, теперь, *раз дело закрыто*, можно и уходить, — наконец понял Колон. — Верно, Шнобби?

— Конечно, тогда мы пойдем, пожалуй, *раз дело закрыто*, — поддержал Шнобби. — Эй, Дуббинс, ты слышал?

— Слышал что? Что *дело закрыто*? — спросил Дуббинс. — Да. Пора отваливать. Правда, Детрит?

Детрит, упершись в землю костяшками, задумчиво смотрел в никуда. Это была нормальная поза для тролля, ожидающего прибытия очередной мысли.

Звуки собственного имени заставили пару нейронов двигаться быстрее.

— Что? — спросил он.

— *Дело закрыто.*

— Какое дело?

— Ну это, об убийстве господина Крюкомолота и всем прочем.

— Правда?

— Да!

— О.

Детрит обдумал услышанное, кивнул и снова вернулся в привычное для себя состояние ума.

Потом забеспокоилась другая пара нейронов.

— Это хорошо, — добавил Детрит.

Несколько секунд Дуббинс наблюдал за ним.

— Вот и все, — печально промолвил он. — Больше мы ничего не дождемся.

— Я скоро вернусь, — сказал Моркоу. — Ну что, э-э, Чарли, пойдем? Доктор Пьеро?

— Да, думаю, вреда никакого не будет, — согласился доктор Пьеро. — Замечательно. Боффо, покажи капралу Моркоу все, что он пожелает.

— Слушаюсь, сэр, — быстро ответил маленький клоун.

— Должно быть, очень весело быть клоуном, — предположил Моркоу.

— Правда?

— Ну, я имею в виду, все время шутки, розыгрыши...

Боффо как-то косо посмотрел на него.

— Ну... — произнес он неохотно. — Есть, конечно, и приятные моменты...

— Ни секунды в этом не сомневаюсь.

— Ты, наверное, частенько дежуришь у ворот, а, Боффо? — как бы между делом поинтересовался Моркоу, пока они шли по двору Гильдии.

— Ха! Почти все время, — ответил Боффо.

— И когда последний раз к Бино приходил этот друг, ну, ты знаешь, из убийц?

— Тебе и об этом известно... — протянул Боффо.

— О да, — сказал Моркоу.

— Примерно десять дней назад. Тут лучше обойти, зона действия торта...

— Он забыл, как зовут Бино, но знал, где находится его комната. Не помнил номер, однако прошел прямо в нее, — продолжил Моркоу.

— Все правильно, — сказал Боффо. — Это доктор Пьеро рассказал?

— Я разговаривал с доктором Пьеро, — подтвердил Моркоу.

Ангва, которая пошла в музей вместе с ними, постепенно начала понимать, как Моркоу задает вопросы. Он задавал их, не задавая. Просто говорил людям, что думает или о чем догадывается, а они, поддерживая разговор, сами сообщали все подробности. И он всегда, действительно всегда, говорил правду.

Боффо распахнул дверь и завозился, пытаясь зажечь свечу.

— Вот мы и пришли, — объявил он. — В промежутках между дежурствами у ворот я работаю здесь.

— О боги, — едва слышно вымолвила Ангва. — Это ужасно.

— Очень интересно, — сказал Моркоу.

— С точки зрения истории, — добавил Боффо.

— Все эти маленькие головы...

Они уходили в никуда, полка за полкой, уставленные маленькими клоунскими головками. Музей выглядел так, словно у племени охотников за головами вдруг развилось изощренное чувство юмора и они решили привнести в мир чуточку веселья.

— Яйца, — сказал Моркоу. — Обычные куриные яйца. Берешь яйцо, делаешь с обеих сторон отверстия и осторожно выдуваешь содержимое. А потом клоун рисует на яйце свою маску, она считается его официальным обликом, и никакой другой клоун не имеет права ее использовать. Это очень важно. Некоторые лица принадлежали нескольким поколениям одной семьи. Лицо клоуна — очень ценная вещь. Я прав, Боффо?

Клоун не сводил с него глаз.

— Откуда ты все это знаешь?

— Читал в книжках.

Ангва взяла древнее яйцо. К нему был прикреплен ярлык с дюжиной имен, причем все были зачеркнуты, кроме последнего. Чернила, которыми были написаны первые имена, выцвели и стали почти невидимыми. Она поставила клоунский лик обратно на полку и машинально вытерла руку о рубашку.

— А что будет, если клоун решит вдруг использовать лицо другого клоуна? — спросила она.

— О, все новые яйца мы сравниваем со стоящими на полках, — сказал

Боффо. — Это строжайше запрещено.

Они двинулись по проходу. Ангве вдруг показалось, что до ее ушей доносится чавканье заварного крема в миллионах штанов; от стен отражалось эхо миллионов хлюпающих носов; миллионы улыбок сияли на совсем не улыбчивых лицах. Наконец они подошли к нише, в которой стояли стол со стулом и висела полка со старыми бухгалтерскими книгами. Тут же помещался клоунский верстак, уставленный заляпанными краской банками, заваленный пучками крашенных конских волос и другими предметами, необходимыми для весьма специфического искусства росписи яиц. Моркоу взял прядь крашенных конских волос и с задумчивым видом покрутил ее в руках.

— А если предположить, — сказал он, — что клоун, я имею в виду, клоун с собственным лицом... использовал вдруг лицо другого клоуна?

— Что-что? — не понял Боффо.

— Можно ли одному клоуну пользоваться гримом другого клоуна? — попробовала объяснить Ангва.

— О, это происходит все время, — махнул рукой Боффо. — Мы постоянно одалживаем друг у друга плюхи.

— Плюхи? — переспросила Ангва.

— Грим, — перевел Моркоу. — Но, я думаю, младший констебль хотела спросить о том, может ли клоун загримироваться так, чтобы выглядеть другим клоуном.

Боффо наморщил лоб, словно пытался найти ответ на вопрос, ответа на который просто не существует.

— Что-что?

— Слушай, Боффо, тут есть яйцо Бино? Можно на него взглянуть?

— Оно где-то тут, на столе. Конечно, взгляните. Вот оно.

Боффо передал им яйцо. С красным носом-пуговкой и в рыжем парике. Моркоу поднес его к свету и достал из кармана пару каких-то рыжих нитей.

— Но, — Ангва предприняла еще одну попытку добиться от Боффо ответа, — ты можешь, скажем, проснуться утром и наложить грим так, чтобы выглядеть *другим* клоуном?

Он уставился на нее. Под перманентно унылой маской сложно было различить истинное выражение лица, но ей показалось, что с таким же успехом она могла предложить Боффо совершить специфический половой акт с маленьким цыпленком.

— Как я могу так поступить? — наконец отозвался он. — Тогда это буду уже не я.

— Но ведь кто-то другой так поступил.

Из цветка в петлице Боффо брызнула вода.

— Я не обязан выслушивать подобные непристойности, госпожа.

— Значит, ты говоришь, — вмешался Моркоу, — что ни один из клоунов никогда не стал бы раскрашивать свое лицо под другого клоуна?

— Опять вы за свое?!

— Да, но ведь, наверное, такое иногда — очень редко — случается... Что молодой клоун...

— Послушайте, мы приличные люди, понятно?

— Извини, — сказал Моркоу. — Я тебя отчасти понимаю. Итак... когда мы нашли несчастного господина Бино, на нем не было парика, но тот легко мог свалиться, когда Бино падал в реку. А вот что касается его носа... ты сказал сержанту Колону, что кто-то взял его нос. Его *настоящий* нос. Не мог бы ты, — добавил Моркоу таким тоном, словно разговаривал с полным идиотом, — показать нам *свой* настоящий нос, Боффо?

Боффо постучал пальцем по огромному красному носу.

— Но это... — начала было Ангва.

— ...*Твой настоящий* нос, — закончил Моркоу. — Спасибо.

Клоун немного успокоился.

— Думаю, мне лучше уйти, — сказал он. — Мне такие разговоры совсем не нравятся. Они меня расстраивают.

— Извини, — повторил Моркоу. — Просто... у меня появилась кое-какая мысль. Я уже думал над этим... но сейчас почти уверен. Кажется, я кое-что знаю о человеке, который это совершил. Однако мне нужно еще раз взглянуть на яйца.

— Ты хочешь сказать, его убил какой-то другой клоун? — угрожающим тоном спросил Боффо. — Потому что, если ты намекаешь именно на это, я немедленно иду прямо к...

— Не совсем так, — возразил Моркоу, — но я могу показать тебе лицо убийцы.

Он протянул руку и взял что-то со стола. Потом повернулся к Боффо и разжал кулак. Моркоу стоял к Ангве спиной, и она не видела, что он держит в руке.

— О! — Боффо испустил сдавленный крик и ринулся прочь по Залу Ликов, шлепая огромными башмаками по каменным плитам.

— Спасибо, — прокричал Моркоу ему вслед. — Ты очень нам помог!

Он снова сжал кулак — но неплотно, так чтобы не раздавить яйцо.

— Пошли, — сказал он. — Нам пора. Думаю, через пару-другую минут мы станем здесь не слишком популярными.

— Что ты ему показал? — спросила Ангва, когда они с достоинством,

но быстро, зашагали к воротам. — То, что и хотел тут найти? Значит, все эти разговоры о том, что ты хочешь осмотреть музей...

— Я действительно хотел его осмотреть. Хороший стражник не должен упускать возможности узнать что-то новое.

Они добрались до ворот. И ни один торт не был брошен в них из темноты мстительной рукой.

Ангва прислонилась к наружной стене. Воздух за стенами Гильдии пахнул куда приятнее — что было весьма необычным для воздуха Анк-Морпорка. По крайней мере, здесь люди могли смеяться бесплатно.

— Ты не показал мне, что его так испугало, — напомнила она.

— Я продемонстрировал ему убийцу, — откликнулся Моркоу. — И мне очень неприятно. Я не думал, что он так отреагирует. Наверное, виной всему страх, который сейчас охватил город. Но тут еще дело в отношении — это очень похоже на то, как гномы относятся к своим инструментам. Что ж, у каждого свои причуды.

— Ты нашел в музее лицо убийцы?

— Да.

Моркоу разжал кулак.

На ладони лежало чистое яйцо.

— Он выглядел примерно так, — сказал он.

— У убийцы не было лица?

— Да нет, ты сейчас думаешь как клоун. Я немного простоват, — продолжал Моркоу, — но, насколько могу судить, все происходило примерно следующим образом. Кто-то из наемных убийц решил отыскать способ входить и выходить незаметно. Он вспомнил, что Гильдии разделены лишь тонкой стенкой. У него была своя комната. Оставалось лишь выяснить, кто живет за стеной. Потом он убил Бино, забрал его парик и нос. Его *настоящий* нос, как называют это клоуны. Ну а грим особой проблемы не представлял. Его можно раздобыть где угодно. В Гильдию он вошел, загримировавшись под Бино. Пробил дыру в стене. Потом проследовал во двор Гильдии Наемных Убийц, но перед тем переоделся в соответствующие одеяния. Из музея он взял... ружье и вернулся сюда. Снова прошел сквозь стену, надел костюм Бино и ушел. А потом кто-то убил его.

— Боффо сказал, что Бино выглядел каким-то обеспокоенным.

— И я посчитал это странным, ведь нужно находиться к клоуну очень близко, чтобы разглядеть его настоящее выражение лица. Но можно заметить, что грим наложен как-то не так. Так, словно его наложил человек, не привыкший это делать. Но самое важное заключается в том, что если

другой клоун видел, как лицо Бино выходит за ворота, значит, он видел, как выходит сам Бино. Клоуны и представить себе не могут, что кто-то посмел использовать это лицо. Такой уж у них образ мыслей. Клоун и его маска — это единое целое, одно и то же. Без маски, без грима клоун просто не существует. Клоун не может использовать лицо другого клоуна точно так же, как гном не может использовать инструменты другого гнома.

— Но убийца пошел на этот рискованный ход, — заметила Ангва.

— Вот именно. А ход был очень, очень рискованным.

— Моркоу? Что ты собираешься предпринять?

— Думаю, неплохо было бы выяснить, чья комната находится за той стенкой, в которой проделали дыру. Скорее всего, там жил приятель Бино.

— Мы пойдем сейчас в Гильдию Наемных Убийц? Вдвоем?

— Гм. Ты права.

Моркоу выглядел настолько удрученным, что Ангва просто не могла не помочь ему.

— Который час? — спросила она.

Моркоу очень осторожно достал из бархатного мешочка подарочные часы Ваймса.

— Сейчас...

..*Динь, динь, дон, дон... динь... динь...*

Они терпеливо ждали, пока часы перестанут звонить.

— Без четверти семь, — ответил Моркоу. — Абсолютно точно ходят. Я выставил их по солнечным часам Университета.

Ангва посмотрела в небо.

— Ладно, — сказала она. — Думаю, мне удастся выяснить все, что тебе нужно. Предоставь это мне.

— Но как?...

— Э-э... Ну... Я могу снять доспехи... И... и попытаться пробраться туда под видом сестры кухарки или еще кого-нибудь...

Моркоу в этом явно сомневался.

— Думаешь, получится?

— А ты можешь предложить что-нибудь другое?

— Сейчас — не могу.

— Итак, тогда я... Э-э... Послушай, возвращайся к остальным стражникам, а я поищу, где можно переодеться во что-нибудь более подходящее.

Ей даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, откуда доносится гнусное хихиканье. Гаспод обладал уникальной способностью появляться бесшумно, как облачко сероводорода в забитой народом

комнате, и точно так же, как этот газ, он заполнял собой все свободное пространство.

— А где ты найдешь одежду? — продолжал допытываться Моркоу.

— Хороший стражник всегда готов к импровизации, — нравоучительно произнесла Ангва.

— Этот песик ужасно сопит, — заметил Моркоу. — Почему он вечно таскается за нами?

— Понятия не имею.

— Смотри, по-моему, он принес тебе подарок.

Ангва наконец отважилась бросить на Гаспода подозрительный взгляд. В пасти пес едва удерживал очень большую, прямо-таки огромную кость. Шириной кость была больше длины самого Гаспода, а принадлежала она, вероятно, существу, умершему в какой-нибудь выгребной яме. В некоторых местах она была покрыта зеленой плесенью.

— Очень мило, — холодно откликнулась Ангва. — Послушай, тебе пора. Давай я сама во всем разберусь...

— Ну, если ты так уверена... — неохотно начал Моркоу.

— Уверена.

Проследив, что Моркоу точно ушел, Ангва направилась в ближайший переулок. До восхода луны оставалось несколько минут.

Когда хмурый и задумчивый Моркоу вошел в штаб-квартиру Ночной Стражи, сержант Колон отдал честь и спросил:

— Мы можем разойтись по домам, сэр?

— Что? Почему?

— Ну, если дело закрыто?

— Я сказал это только для того, чтобы у них не осталось и тени подозрений.

— А. Очень мудро, — быстро произнес сержант. — Я так и подумал. Он сказал это, чтобы не осталось и тени подозрений. Именно так.

— Убийца все еще на свободе. И не просто убийца, а кое-кто похуже.

Моркоу оглядел совершенно не похожих друг на друга стражников.

— А сейчас, как мне кажется, пришла пора разобраться с Дневной Стражей, — сказал он.

— Э... Поговаривают, будто на улицах города настоящий бунт, — откликнулся Колон.

— Именно поэтому нам и нужно разобраться со всем этим.

Колон прикусил губу. Он не был трусом. В прошлом году, когда в городе объявился дракон, сержант Колон стоял на крыше и выпускал

стрелу за стрелой в летящее на него с открытой пастью чудовище — правда надо признаться, что потом ему пришлось сменить нижнее белье. Но это было просто. Огромный огнедышащий дракон был самым что ни на есть настоящим. Вот он, прямо перед тобой, и собирается зажарить тебя заживо. Не о чем было беспокоиться. Вернее, беспокоиться было о чем, но все было... просто. Никакой тебе таинственности.

— И мы будем разбираться? — уточнил он.

— Да.

— О, прекрасно. Люблю разбираться.

Старикашка Рон был на хорошем счету в Гильдии Попрошаек. Он был бормотальщиком, причем искусным. Старикашка Рон целые кварталы тащился следом за прохожим, бормоча что-то на своем языке, пока ему не давали денег, лишь бы он отвязался. Люди считали его сумасшедшим, но сумасшествие тут было ни при чем.

На самом деле Старикашка Рон воспринимал окружающую реальность на космическом уровне и поэтому не видел всякую мелочь, как-то: людишек, стены, мыло (хотя, если требовалось разглядеть совсем мелкие предметы, например монеты, его глаз мгновенно обретал остроту, которой позавидовал бы даже орел).

Таким образом, он не очень удивился, когда мимо него пробежала привлекательная молодая женщина и принялась срывать с себя одежду. Такие события случались постоянно, правда внутри его головы.

А потом он увидел то, что произошло дальше.

Умчалась прочь стрелой золотистая поджарая тень.

— А я что *говорил?! А я что говорил?! А я что говорил?! —* завопил вслед Рон. — Они еще получают трубу старьевщика не тем концом. Разрази их гром! Десница тысячелетия и моллюск! А я же *говорил!*

Когда появилась Ангва, Гаспод быстро завилял тем, что формально считалось его хвостом.

— Переделась в нечто поудобнее, — похвалил он чуть неразборчивым голосом. Кость из пасти он так и не выпустил. — Молодец. Я тут принес тебе маленький сувенир...

Наконец он бросил кость на мостовую. С волчьей точки зрения она выглядела ничуть не аппетитнее, чем с человеческой.

— Зачем? — спросила Ангва.

— Слушай, что ты капризничаешь? — укоризненно сказал Гаспод. — Отличная кость. Все настоящие заводчики дворовых собак действительно

рекомендуют...

— Забудь, — велела Ангва. — Как ты обычно пробираешься в Гильдию Наемных Убийц?

— А потом мы могли бы покопаться в помойках, что на Федрской дороге, — предложил Гаспод, стуча по земле обрубком хвоста. — Там такие крысы, волосы встают дыбом даже на... Нет, все правильно, забудь, что я заикнулся об этом, — произнес он быстро, заметив яростные искорки в глазах Ангвы.

После чего вздохнул.

— Из кухни выходит канализационная труба.

— В нее может пролезть человек?

— Туда даже гном протиснуться не сможет. А зачем нам в Гильдию? Там сегодня спагетти. В них костей нету...

— Пошли.

Он покорно заковылял следом.

— Такая классная косточка... Лишь чуть-чуть позеленела. Ха! Готов поспорить, если б этот твой верзила подарил тебе коробку шоколадных конфет, ты бы ее посреди улицы не бросила...

Гаспод даже съежился, когда она чуть не набросилась на него.

— Да что такое ты несешь?

— Ничего! Ничего!

Он снова поплелся за ней следом, продолжая скулить.

Ангва тоже чувствовала себя скверно. Отрастающие каждое полнолуние клыки и шерсть были непростой проблемой. Несколько раз в прошлом она думала, что вот, наконец-то, ей повезло... но потом оказывалось, что немногим мужчинам нравится поддерживать отношения с женщиной, которая вдруг обрастает шерстью и начинает выть на луну. И тогда Ангва дала себе зарок: никаких связей подобного рода.

Что же касается Гаспода, он уже смирился с жизнью без любви или, по крайней мере, без чего-то большего, нежели прозаические чувства, которые до сего момента ему удалось проявить лишь к излишне доверчивой чихуахуа и, совсем на краткий миг, к ноге почтальона.

Порошок № 1 ссыпался по сложенному листу бумаги в металлическую трубочку. Будь проклят этот Ваймс! Кто мог подумать, что он попрется на крышу оперного театра? Целый комплект трубочек был потерян. Правда, у него еще оставалось три таких комплекта. Мешок порошка № 1 и элементарные знания технологии литья из свинца — вот и все, что нужно человеку, чтобы править городом...

Ружие лежало на столе. Металл испускал голубоватое сияние. Впрочем, нет, то был, скорее, блеск. И конечно, это все масло. Это масло так блестит. Ведь ружие — обычная железяка. Оно не может быть живым.

И все же...

И все же...

— Говорят, та несчастная девочка была простой нищенкой, никакого особого места в Гильдии не занимала!

«Ну и что? Что с того? Она сама подставилась. Моей вины тут нет. Это ты во всем виноват. Я — обычное ружие. Ружия не убивают людей. Людей убивают люди».

— Ты убило Крюкомолота! Я видел, ты само выстрелило! А он ведь починил тебя!

«Ждешь благодарности? Он сделал бы еще одно ружие».

— Зачем было его убивать?

«Затем. Ты все равно не поймешь».

Этот голос звучал в его голове, или это ружие говорило? Он ни в чем не был уверен. Эдуард говорил, что слышал голос... суливший исполнить любые твои желания...

Проникнуть в Гильдию оказалось несложно, даже несмотря на разъяренную толпу. Некоторые наемные убийцы — выходцы из знатных семей, в домах у которых столько ушастых собак, сколько у бедняков лохмотьев, — имели привычку, поступая в Гильдию, брать с собой любимого пса. Ангва была породистой собакой. Когда она бежала по зданию Гильдии, ее сопровождали восхищенные взгляды.

Нужный коридор она тоже нашла без труда. Она запомнила вид из окна соседней Гильдии и сосчитала этажи. Как бы там ни было, долго ей плутать не пришлось. Стены коридора насквозь пропитались запахом фейерверков.

К тому же в коридоре скопилась толпа убийц. Дверь в комнату была взломана. Выглянув из-за угла, Ангва увидела искаженное от ярости лицо доктора Проблемса.

— Господин Низз?

Седовласый убийца встал по стойке «смирно».

— Сэр?

— Я хочу, чтобы его нашли!

— Слушаюсь, доктор...

— На самом деле я хочу, чтобы его предали земле. С Чрезвычайной Неучтивостью! Более того, за его голову я объявляю вознаграждение в

десять тысяч долларов — и выплачу его лично, понятно? Без налога Гильдии.

Несколько наемных убийц с притворно равнодушным видом выбрались из толпы и быстро зашагали прочь. Не облагаемые налогом десять тысяч долларов — приличные деньги.

Судя по всему, Низз чувствовал себя очень неловко.

— Доктор, я все же думаю...

— Ты думаешь? Тебе платят деньги не за то, чтобы ты думал! Одни боги знают, куда подевался этот идиот! Я приказал обыскать Гильдию! Почему никто не догадался взломать дверь?

— Э-э, прошу прощения, доктор. Эдуард покинул нас несколько недель назад, и я даже не подумал...

— Не подумал? А за что тебе деньги платят?

— Никогда не видел его в такой ярости, — хмыкнул Гаспод.

За спиной главного наемного убийцы раздалось вежливое покашливание. Из комнаты вышел доктор Пьеро.

— А, доктор, — кивнул доктор Проблемс. — Думаю, будет лучше, если мы обсудим все в моем кабинете. Что скажешь?

— Я искренне и крайне сожалею...

— Ничего страшного. Этот... дьяволенок выставил нас обоих круглыми дураками. О... не относи это на свой счет, конечно. Господин Низз, шуты и наемные убийцы будут охранять эту дыру до прихода каменщиков. *Никто* не должен входить или выходить, понятно?

— Понятно, доктор.

— Очень хорошо.

— Этот господин Низз, — сказал Гаспод, когда доктор Проблемс и главный шут скрылись за углом. — Номер два в Гильдии Наемных Убийц. — Он почесался за ухом. — Давно бы прикончил старого Проблемса, если бы не правила. Наемные убийцы могут убивать только за определенную плату. Все те же деньги — вот что делает нас убийцами.

Ангва побежала вперед. Низз вытер лоб черным носовым платком и опустил взгляд.

— Привет, ты, по-моему, новенькая, — промолвил он и взглянул на Гаспода. — И эта псина вернулась, как я вижу.

— Гав, гав, — отреагировал Гаспод и заколотил обрубок хвоста по полу. — Иногда, — сообщил он Ангве, — Низз дает мятный леденец, главное — застать его в хорошем настроении. В этом году отравил пятнадцать человек. Хорошо работает с ядами, не хуже, чем старик Проблемс.

— Мне так нужно это знать? — спросила Ангва.

Низз погладил ее по голове.

Теперь Ангве была видна дверь. На картонке, вставленной в металлическую рамку, было написано имя.

Эдуард, дон Муэрто.

— Эдуард Муэрто... — пробормотала она.

— Знакомое имя, — отозвался Гаспод. — Его семья жила на Королевском проезде. Были богаты, как Креозоты.

— А кто такой Креозот?

— Какой-то богач-иностранец.

— О.

— Но его прадедушка, Эдуарда, конечно, а не Креозота, страдал, так сказать, ужасной жаждой, а дедушка гонялся за каждой юбкой, всякую редкую одежду собирал, которая потом благополучно сгнила, а отец нынешнего дона Муэрто, ну, тот был трезвенником, вполне приличным человеком, но потерял остаток фамильного состояния из-за незнания разницы между единицей и одиннадцатью.

— Не понимаю, как можно потерять из-за этого деньги?

— Можно, если решишь поиграть в дуркера с серьезными ребятами.

Ангва и пес затрусили назад по коридору.

— А о молодом доне Эдуарде ты что-нибудь знаешь? — спросила Ангва.

— Нет. Дом ихний недавно продали. Чтобы расплатиться с фамильными долгами. А самого паренька я давно не видел.

— Ты просто кладезь информации.

— Кручусь, кручусь... Собак ведь никто не замечает. — Гаспод наморщил нос, который разом стал похож на высохший трюфель. — Ружием воняет, верно?

— Да. А это странно.

— Что?

— Что-то не так.

Тут были и другие запахи. Запахи нестираных носков, других собак, грима доктора Пьеро, вчерашнего обеда — все это витало в воздухе. Но запах фейерверков, едкий, как кислота, мгновенно отождествляемый с ружием, забивал все прочие ароматы.

— Что не так?

— Не знаю, может, этот запах ружия... Откуда он тут?

— Вспомни, он отсюда и происходит. Ружие хранилось здесь много лет.

— Хорошо. Ладно. У нас есть имя. Надеюсь, оно что-нибудь скажет Моркоу...

Ангва побежала вниз по лестнице.

— Слушай, — замявшись, сказал Гаспод, — у меня тут один вопрос...

— Да?

— А как ты превращаешься обратно в женщину?

— Просто ухожу с лунного света и... сосредотачиваюсь. И Превращаюсь.

— Круто! И все?

— В полнолуние я могу перекидываться туда-обратно даже днем, когда захочу. Но если на меня упадет лунный свет, тут от моего желания ничего не зависит — я обязательно Превращусь.

— Понятно, а как насчет волчьего лыка?

— Волчьего лыка? Это, по-моему, растение, типа аконита. А что насчет него?

— Оно тебя не убивает?

— Послушай, не стоит верить всему, что говорят о вервольфах. Мы — люди, как и все другие. Большую часть времени.

Они уже вышли из Гильдии и направились к переулку, до которого успешно добежали, но в котором не оказалось весьма важных вещей, которые находились здесь, когда они убегали. Наиболее значительной из этих вещей была одежда Ангвы, но также ощущался недостаток Старикашки Рона.

— Проклятье!

Они воззрились на пустую мостовую.

— А другая одежда у тебя есть? — спросил Гаспод.

— Да, но только на улице Вязов.

— Неужели, превращаясь в человека, ты обязательно должна что-то надевать?

— Именно.

— Но зачем? Мне казалось, обнаженная женщина будет чувствовать себя как дома в любой компании. Без обид, конечно.

— Я предпочитаю ходить одетой.

Гаспод обнюхал грязные булыжники.

— Тогда побежали, — вздохнул он. — Постараемся догнать Старикашку Рона до того, как твоя кольчуга превратится в бутылку пойла Джимкина Пивомеса.

Ангва огляделась по сторонам. Запах Старикашки Рона быстро рассеивался.

— Хорошо, но лучше поторопиться.

Волчье лыко?! Еще не хватало, чтобы всякие дурацкие травки осложняли твою жизнь — и так каждый месяц на неделю у тебя появляются две дополнительные ноги и четыре лишних соска.

Вокруг дворца патриция и рядом с Гильдией Наемных Убийц толпился рассерженный народ. Нищих было особенно много, и выглядели они пребезобразно. Пребезобразнейший вид — профессиональная черта всех нищих. Но эти выглядели даже безобразнее, чем следовало.

Гражданская милиция осторожно высунула головы из-за угла.

— Сотни людей, — объявил Колон. — И толпы троллей рядом со штаб-квартирой Дневной Стражи.

— Упертых бунтовщиков много? — спросил Моркоу.

— Разумеется, я ж сказал, там тьма-тьмущая троллей, — сказал Колон и, опомнившись, добавил: — Я пошутил, пошутил.

— Ладно, — махнул рукой Моркоу. — Все за мной.

Гомон сразу смолк, когда милиция проследовала, прогромыхала, пробежала и прошла на костяшках рук к штаб-квартире Дневной Стражи.

Неожиданно дорогу милиции перегородили два очень крупных тролля. Толпа замерла в ожидании.

«Сейчас все случится, — подумал Колон. — Кто-нибудь что-нибудь швырнет, и мы все умрем».

Он поднял глаза. Из-за краев водостоков медленными рывками появлялись головы горгулий. Никто не хочет пропускать хорошую драку.

Моркоу кивнул троллям.

Колон зачем-то про себя отметил, что тролли с головы до ног покрыты лишайником.

— Шпат и Боксит, если не ошибаюсь? — спросил Моркоу.

Шпат машинально тоже кивнул. Боксит был более крутым и лишь смерил Моркоу свирепым взглядом.

— Именно таких ребят я искал, — сообщил Моркоу.

Колон схватился руками за шлем и попытался спрятаться в нем, как улитка десятого размера в ракушке размера первого. Боксит больше походил на ходячую лавину.

— Вы мобилизованы, — возвестил Моркоу.

Колон выглянул из-под шлема.

— За оружием обратитесь к капралу Шноббсу. Младший констебль Детрит приведет вас к присяге. — Он сделал шаг назад. — Добро пожаловать в Гражданскую Стражу. И помните, в ранце каждого младшего

констебля лежит маршальский жезл.

Тролли не пошевелились.

— Не пойду я ни в какие стражи, — сказал Боксит.

— Из тебя выйдет настоящий офицер, можешь мне поверить, — попытался подбодрить его Моркоу.

— Эй, нельзя принимать их в Стражу! — закричал из толпы какой-то гном.

— Почему? Здравствуйте, господин Рукисила, — отозвался Моркоу. — Приятно видеть здесь лидеров общины. Так почему они не могут вступить в милицию?

Тролли внимательно слушали. Рукисила понял, что неожиданно стал центром внимания, и замялся.

— Ну... во-первых, у вас только один гном... — начал он.

— Я тоже гном, — парировал Моркоу. — Официально.

Рукисила явно забеспокоился. Принадлежность Моркоу к расе гномов была достаточно спорным вопросом, не раз обсуждавшимся среди радикально настроенных гномов.

— Ты несколько крупноват, — запинаясь, произнес он.

— Крупноват? С каких это пор размер имеет значение? — удивился Моркоу.

— Гм... Если речь о гномах, то с самого момента их появления, — прошептал Дуббинс.

— Впрочем, в этих словах есть мысль. — Он обвел взглядом толпу. — Хорошо. Нам нужны честные, законопослушные гномы... Вот ты, например...

— Я? — переспросил неосмотрительный гном.

— У тебя были приводы?

— Ну, не знаю, пару раз меня приводили домой, когда я хлебнул лишку, больше не припомню...

— Хорошо. Я принимаю... вас двоих... и вас. Плюс четыре гнома, так? Еще возражения будут?

— Не пойду я ни в какие стражи, — повторил Боксит, но уже с оттенком некоторой неопределенности.

— Теперь ты не можешь нас бросить, — ответил Детрит. — Иначе среди нас будет слишком много гномов. Числа — это такая могучая штука...

— Я не собираюсь вступать в Стражу! — воскликнул гном.

— А-а... Кишка тонка? — ухмыльнулся Дуббинс.

— Что? Да я получше любого тролля буду!

— Отлично, вот и договорились, — потер руки Моркоу. — Исполняющий обязанности констебля Дуббинс?

— Сэр?!

— Эй! — воскликнул Детрит. — А с чего это вдруг он стал полным констеблем?

— Потому что он теперь командует новобранцами-гномами, — объяснил Моркоу. — А ты командуешь новобранцами-троллями, исполняющий обязанности констебля Детрит.

— Я — полный исполняющий обязанности констебля и командую троллями?

— Конечно. А теперь будь добр, освободи дорогу, младший констебль Боксит...

Детрит за его спиной набрал полную грудь воздуха.

— Не пойду я ни в ка...

— Младший констебль Боксит! Ты, ужасный, большой тролль! Встать смирно! Отдать честь немедленно! И освободить дорогу капралу Моркоу! Вы, двое, ко мне! Раз... два... три... четыре! Вы в Страже! А-аргх, не верю тому, что видят мои глаза! Откуда ты родом, Боксит?

— Из Ломтя, но...

— Из Ломтя! Из Ломтя? Из Ломтя приходят только... — Детрит взглянул на свои пальцы и быстро спрятал руку за спину. — ...Только две вещи! Камни... и... и еще камни! — брякнул он наугад. — Ты к чему относишься, Боксит?

— Что за хрень тут происходит?

Открылась дверь штаб-квартиры Дневной Стражи, и на улицу вышел капитан Квирк с мечом в руке.

— А ну вы, ужасные тролли! Поднимайте правые руки и повторяйте за мной клятву всех троллей...

— А, капитан, — помахал ему Моркоу. — Я хотел бы кое о чем переговорить.

— Что ты себе позволяешь, *капрал* Моркоу?! — прорычал Квирк. — Ты кем себя возомнил?

— ...Я буду делать то, что мне говорят...

— Да не хочу я ни в какие...

Бам!

— ...Я буду делать то, что мне говорят...

— Гражданином этого города, капитан, — весело ответил Моркоу.

— Так, гражданин этого города, старший офицер здесь я, а ты можешь идти...

— Интересное мнение, — улыбнулся Моркоу и достал свою черную книжку. — Я снимаю вас с должности.

— ...*Иначе мою гухулугскую голову вобьют в плечи.*

— ...*Иначе мою гухулугскую голову вобьют в плечи.*

— Что? Ты сошел с ума?

— Нет, сэр, но вот у вас, мне кажется, голова действительно не в порядке. Существуют определенные правила, регулирующие подобные события.

— И кто это тебя уполномочил? — поинтересовался Квирк и оглядел толпу. — Ха! Вот эта вооруженная банда, наверное?

Моркоу выглядел глубоко потрясенным.

— Ни в коем случае. «Законы и Постановления Городов Анка и Морпорка», сэр. Там все прописано. Но на самом деле я хотел бы узнать, какие улики свидетельствуют о виновности заключенного Углеморда?

— Это проклятого тролля? Одно то, что он тролль, свидетельствует!

— Да?

Квирк огляделся.

— Послушай, я не обязан ничего говорить тебе в присутствии всего этого сброда...

— На самом деле правила утверждают обратное. Эти люди — свидетели.

— Послушай! — прошипел Квирк, наклонившись к Моркоу. — Он — тролль! Он безусловно в *чем-то* виновен! Как и все остальные!

Моркоу широко улыбнулся.

Колон хорошо знал эту улыбку. Лицо Моркоу становилось бледным и блестящим, когда он так улыбался.

— И поэтому вы упрятали его в тюрьму?

— Именно!

— О. Теперь я все понял.

Моркоу отвернулся.

— Не знаю, что ты задумал... — начал было Квирк.

Люди не заметили движения Моркоу. Что-то мелькнуло, раздался звук, словно кусок мяса бросили на разделочную доску, и в следующее мгновение капитан уже валялся на мостовой.

Два дневных стражника осторожно выглянули из двери.

Потом все услышали какой-то шелест. Шнобби раскрутил «моргенштерн», но шипастый шар был очень тяжелым шипастым шаром, а сам Шнобби отличался от гномов скорее принадлежностью к другому виду, а не размерами, поэтому шар и Шнобби теперь описывали круги

относительно друг друга. Если бы Шнобби выпустил из рук «моргенштерн», цель с равной вероятностью была бы поражена либо шаром, либо реактивным капралом Шноббсом. Обе перспективы были достаточно неприятными.

— Отпусти эту штуку, Шнобби, — прошипел Колон. — Неприятности никому не нужны, и они...

— Не могу, Фред!

Моркоу пососал костяшки пальцев.

— Сержант, как по-твоему, это можно назвать «применением минимальной необходимой силы»? — спросил он с неподдельным беспокойством.

— Фред! Фред! Что мне делать?

Шнобби вращался так быстро, что уже потерял отчетливые очертания. Если вы уж начали вращать тяжелый шипастый шар, то нужно продолжать его вращать. Остановка в таком случае является не чем иным, как интересной, но краткосрочной демонстрацией спирали в действии.

— А он еще дышит? — спросил Колон.

— Да. Я ударил вполсилы.

— По моему скромному мнению, вполне минимально, — отозвался преданный Колон.

— Фред-д-д!

Моркоу, не задумываясь, протянул руку и поймал пролетававший мимо «моргенштерн», после чего бросил его в стену, в которой тот и застрял.

— Эй, вы, — крикнул он, — выходите из караулки!

Пятеро стражников осторожно обошли поверженного капитана.

— Отлично. А теперь приведите Углеморда.

— Э... Он в несколько дурном настроении, капрал Моркоу.

— В связи с тем, что его приковали к полу, — подсказал другой стражник.

— Что ж, — пожал плечами Моркоу, — его следует немедленно расковать.

Стражники переминались с ноги на ногу, вероятно, вспомнив старую поговорку^[25], как нельзя лучше соответствовавшую ситуации. Моркоу кивнул.

— Впрочем, вам лично нет нужды этим заниматься. Так что я предлагаю вам взять краткосрочный отпуск.

— В это время года в Щеботане очень хорошо, — поддакнул Колон. — На цветочные часы посмотрите...

— Э-э... Я как раз вспомнил... мне же обещали отпуск на лечение, —

сказал один из стражников.

— Еще немножко здесь покрутишься, и этот отпуск будет очень долгим, — предупредил Моркоу.

Дневные стражники умчались с максимальной скоростью, которую только допускали приличия. Толпа, впрочем, не обратила на это ни малейшего внимания. Гораздо интереснее было наблюдать за Моркоу.

— Итак, — сказал тот, — Детрит, возьми кого нужно и приведи сюда заключенного.

— Я не понимаю, почему... — начал было гном.

— А ты, урод, заткнись, — рявкнул опьяневший от власти Детрит.

Эти слова произвели эффект упавшей гильотины.

Узловатые руки в толпе сразу потянулись к спрятанному в одежде оружию.

Все посмотрели на Моркоу.

Это и было самым странным, как вспоминал потом Колон. Все смотрели именно на Моркоу.

Гаспод обнюхал фонарный столб.

— Трехногий Шеп снова заболел, — сообщил он. — И Вилли Молокосос вернулся в город.

Для настоящего пса столб или фонарь на оживленном перекрестке — это своего рода календарь событий.

— Где мы? — спросила Ангва.

По следу Старикашки Рона идти было трудно. Его перебивали другие запахи.

— Где-то в Тенях, — откликнулся Гаспод. — Судя по ароматам, в переулке Нежности. — Он обнюхал землю. — Ага, вот он где...

— Йо, Гаспод...

Голос был низким, хриплым и походил на шепот, к которому примешали чуть-чуть песочка. Он донесся откуда-то из переулка.

— *Чо у тебя за подруга, Гаспод, в натуре?*

Раздалось гнусное хихиканье.

— А, — сказал Гаспод. — Привет, ребята.

Из переулка показались два пса. Они были просто огромны. Породу определить не представлялось возможности. Один из них был иссиня-черным и выглядел как помесь питбультерьера с мясорубкой. Второй... второй выглядел как пес, которого почти наверняка зовут Крутым. Верхние и нижние клыки его были настолько большими, что он смотрел на мир сквозь некое подобие решетки. Он тоже был кривоног, но упоминать об

этом было бы серьезной, если не смертельной ошибкой.

Хвост Гаспода нервно завибрировал.

— Это мои друзья, Черный Роджер и...

— Крутой? — предположила Ангва.

— Откуда ты знаешь?

— Удачная догадка.

Два пса обошли их с двух сторон.

— Вау, — ухмыльнулся Черный Роджер. — И что это за сестричка?

— Ангва, — ответил Гаспод. — Она...

— ...Волкодав, — закончила за него Ангва.

Псы кружили вокруг них с голодным видом.

— Большой Фидо о ней в курсах? — поинтересовался Черный Роджер.

— Я как раз хотел... — начал было Гаспод.

— Я въехал, — перебил его Черный Роджер. — Что ж, придется вам проковылять кой-куда с нами. Сегодня как раз вечер Гильдии.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Гаспод. — Никаких проблем.

«Я справилась бы с любым из них, — подумала Ангва. — Но не с обоими одновременно».

Вервольфы обладают невероятной ловкостью и такой силой челюстей, что могут мгновенно вырвать у человека сонную артерию. Ее отец частенько так шалил, что очень раздражало мать, особенно если он делал это перед обедом. Но Ангва предпочитала вегетарианскую диету.

— Йо, — выдохнул Крутой прямо ей в ухо.

— Ни о чем не беспокойся, — простонал Гаспод. — Я и Большой Фидо... мы такие закадычные...

— Что ты там пытаешься сделать со своей лапой? Скрестить когти? Вот уж не думала, что собаки способны на такое...

— Ты права, — с несчастным видом откликнулся Гаспод.

Из теней появлялись другие собаки. Ангву и Гаспода то ли провожали, то ли вели по дорожкам, которые были даже не проулками, скорее щелями между стен. Наконец, они вышли на какое-то открытое место, смахивающее на двор-колодец, в который едва проникал свет. В одном углу валялась огромная бочка с куском одеяла внутри. Рядом сидели и чего-то определенно ждали разного рода псы. У некоторых был только один глаз, у других — одно ухо, но у всех были шрамы, и у всех были зубы.

— Вы, — сказал Черный Роджер. — Здесь тусуйтесь.

— И не пытайтесь сделать лапы, — добавил Крутой. — Очень неприятно, когда жуют твои внутренности.

Ангва опустила голову до уровня Гаспода. Маленькая дворняга вся дрожала.

— Ты куда меня притащил? — прорычала она. — Это же Гильдия Собак. Стая бездомных псов!

— Ш-ш-ш-ш! Не говори так! Они вовсе не бездомные. — Гаспод испуганно огляделся. — В Гильдию всяких шавок не берут. Нет, поверь мне. Эти собаки, — он понизил голос до шепота, — были... плохими.

— Плохими?

— Очень плохими. Ах ты, паршивец... Пинка тебе... Плохой пес, — забубнил Гаспод как молитву. — Каждая собака, которую ты видишь, все они... сбежали. Сбежали от своих хозяев.

— Всего-то-навсего?

— Всего-то? Ну да. Этого что, мало? Впрочем, ты же не совсем собака. Ты не понимаешь. Не знаешь, что это за жизнь. А Большой Фидо... он сказал им... «Сбросьте ваши оковы, — сказал он. — Укусите длань, вас кормящую. Восстаньте и завоюйте». Он дал им гордость, — продолжал Гаспод, в голосе его чувствовалась смесь страха и восхищения. — Он сказал, что каждая собака, в которой не будет обнаружен дух свободы, станет мертвой собакой. На прошлой неделе он убил добермана только потому, что тот завилял хвостом проходившему мимо человеку.

Ангва оглядела собак. Все они были косматыми и неухоженными. И каким-то странным образом они совсем не походили на собак. Был среди них маленький и достаточно изящный пудель, сохранивший следы стрижки, а также декоративная собачка с остатками попоны из шотландки на плече. Эти собаки не бегали по двору и не ссорились; кроме того, у них был одинаковый сосредоточенный вид, который она раньше уже встречала, но не у собак.

Гаспода била крупная дрожь. Ангва незаметно подошла к пуделю. Под свалывшейся шерстью она заметила ошейник, украшенный стекляшками.

— Этот Большой Фидо, — спросила она, — какой-нибудь волк или кто похожий?

— Все собаки — волки в душе, — гордо ответил пудель, — но цинично и грубо лишенные своей судьбы благодаря махинациям так называемого человечества.

Пудель явно кого-то цитировал.

— Это Большой Фидо так сказал? — высказала предположение Ангва.

Пудель повернулся к ней, и Ангва впервые увидела его глаза. Они были красными и совершенно безумными. Существо с такими глазами способно убить кого угодно — безумие, настоящее безумие, проламывает

кулаком даже самую толстую стену.

— Да, — ответил Большой Фидо.

Он был нормальной собакой. Стоял на задних лапках, валялся на спине, ходил рядом и приносил брошенные палки. Каждый вечер его выводили на прогулку.

То, что с ним произошло, не сопровождалось никакой вспышкой света. Он просто лежал в своей корзинке и думал о своей кличке, а звали его Фидо. А еще он думал о подстилке с надписью «Фидо» и миске с надписью «Фидо», но с особой грустью он думал об ошейнике с надписью «Фидо», а потом что-то щелкнуло в его голове, и он сожрал подстилку, покусал хозяина и выпрыгнул на улицу через окно кухни. Там он встретил лабрадора в четыре раза крупнее себя, который сначала посмеялся над его ошейником, но уже через тридцать секунд бежал, жалобно скуля.

И это было только начало.

Иерархия собак достаточно проста. Фидо задавал вопросы — обычно приглушенным голосом, потому что одновременно кусал чью-то лапу, — пока не добрался до вожака самой большой стаи одичавших бездомных собак. Народ, то есть собаки, до сих пор рассказывает о схватке между Фидо и Брехливым Безумцем Артуром — ротвейлером с одним глазом и очень дурным характером. Обычно животные не дерутся насмерть, всегда можно сдаться и выйти из боя, но победить Фидо было невозможно, потому что он был очень маленьким воплощением жестокости в ошейнике. Он висел на разодранной в клочья шкуре Брехливого Безумца Артура, пока тот не сдался, после чего, к собственному превеликому изумлению, убил его. Фидо обладал какой-то необъяснимой решимостью — его можно было колошматить кувалдой в течение пяти минут, но то, что от него осталось, все равно бы не сдалось, и к нему ни в коем случае нельзя было поворачиваться спиной.

Потому что у Большого Фидо была мечта.

— Проблемы? — спросил Моркоу.

— Этот *троль* оскорбил гнома, — заявил гном Рукисила.

— Я слышал, как исполняющий обязанности констебля Детрит отдал приказ младшему констеблю... Хрольфу Пижаме, — возразил Моркоу. — Что в этом плохого?

— Он — *троль*.

— Да?

— И он оскорбил гнома!

— На самом деле это была одна из форм приказа... — попытался объяснить сержант Колон.

— Этот проклятый тролль спас мне сегодня жизнь! — закричал Дуббинс.

— Зачем?

— Зачем? *Зачем?* Затем, что это была моя жизнь, вот зачем! И я к ней очень привязан!

— Я не хотел сказать...

— Ты просто заткнись, Абба Рукисила! Что ты вообще понимаешь, гражданский?! Почему ты так глуп? О нет, я слишком мал для всего этого дерьма!

В дверях возникла тень. Углеморд был практически горизонтальным, а немногие вертикальные поверхности были испещрены трещинами. В глазах его горели подозрительные алые искорки.

— Вы его действительно отпускаете?! — взвыл гном.

— У нас нет никаких оснований держать этого тролля взаперти, — пожал плечами Моркоу. — Тот, кто убил господина Крюкомолота, был нормального роста, поэтому и смог войти в дверь его мастерской. Тролль просто не пролез бы в косяк.

— Но все знают, что он — плохой *тролль*! — завопил Рукисила.

— Я ничего не сделал, — откликнулся Углеморд.

— Нельзя его просто так отпускать, капрал, — прошипел Колон. — Вся эта гномья толпа моментально набросится на него!

— Я ничего не сделал, — повторил Углеморд.

— Согласен, сержант. Исполняющий обязанности констебля Детрит?

— Сэр?

— Приведи его к присяге и запиши в Стражу.

— Я ничего не сделал.

— Так нельзя! — заорал гном.

— Не хочу я ни в какие стражи, — проворчал Углеморд.

Моркоу наклонился к нему.

— Здесь больше сотни гномов, — прошептал он. — И все с большими топорами.

Углеморд заморгал.

— Я вступаю.

— Приведи его к присяге, исполняющий обязанности констебля!

— Прошу разрешения призвать еще одного гнома, сэр. Для сохранения паритета.

— Разрешаю, исполняющий обязанности констебля Дуббинс.

Наконец Моркоу снял шлем и вытер лоб.

— Кажется, больше проблем нет, — сказал он.

Толпа молча смотрела на него.

Он широко улыбнулся.

— Все могут расходиться.

— Я ничего не сделал.

— Да... но... — запинаясь, проговорил Рукисила. — Если старину Крюкомолота убил не он, то кто это сделал?

— Я ничего не сделал.

— Следствие продолжается.

— Ага, не знаешь!

— Но я выясняю.

— Да? И когда же ты это выяснишь?

— Завтра.

Гном замялся.

— Ну, хорошо... — сказал он крайне неохотно. — Завтра. Надеюсь, это действительно случится *завтра*.

— Вот и договорились, — кивнул Моркоу.

Толпа и в самом деле начала расходиться, по крайней мере она приобрела меньшую плотность. Тролли, гномы и люди, если они настоящие жители Анк-Морпорка, не уходят, пока уличное представление не закончится.

Исполняющий обязанности констебля Детрит, раздувшись от гордости и почти не касаясь костяшками земли, оглядел свое войско.

— А теперь слушайте сюда, ужасные тролли!

Она помолчал, пока очередная мысль не заняла свое место.

— Слушайте сюда и сейчас! Ты — в Страже, малыш! Это работа с возможностями. Я делал ее всего десять минут, а меня уже повысили! А еще я получил образование и обучение для хорошей работы на гражданке! Это ваша дубинка с гвоздем. Вы будете есть ее. Вы будете спать на ней! Когда Детрит скажет подпрыгнуть, вы спросите... какого цвета?! Все будем делать по числам! А чисел у меня много!

— Я ничего не сделал.

— Пора умнеть, Углеморд. У тебя в ранце — пуговицы фельдмаршала!

— Я ничего не брал.

— А теперь покажите-ка мне тридцать два! Нет! Лучше шестьдесят четыре!

Сержант Колон потер переносицу. «Мы живы, — подумал он. — Троль оскорбил гнома в присутствии других гномов. Углеморд... а по

сравнению с ним Детрит — сам господин Невинность... на свободе и стал стражником. Моркоу вырубил Майонеза. А еще Моркоу сказал, что до завтра мы все выясним, а уже стемнело. Но мы живы. Капрал Моркоу совершенно чокнулся...»

Но лайте, собаки! Эта жара сводит всех с ума.

Ангва слушала вой других собак и думала о волках.

Она пару раз бегала со стаей и неплохо разбиралась в жизни волков. Эти собаки волками не были. Волки в целом — миролюбивые и простые существа. Их вожак чем-то походил на Моркоу. Моркоу гармонировал с городом так же, как волчий вожак — с лесом.

Собаки сообразительнее волков. Волкам разумность ни к чему. У них хватает других полезных черт характера. Но собаки... разумностью наградили их люди, хотели они того или нет. А еще собаки намного более жестоки, чем волки. Этим тоже наградили их люди.

Большой Фидо пытался организовать своих бездомных собак в то, что непосвященному могло показаться волчьей стаей. В своего рода косматую машину для убийства.

Она огляделась.

Большие собаки, маленькие собаки, толстые собаки, тощие собаки. И все они горящими глазами смотрели на державшего речь пуделя.

Речь была о Судьбе.

О Дисциплине.

О Естественном Превосходстве Собачьей Расы.

И о Волках. Правда, волки Большого Фидо отличались от тех, с которыми была знакома Ангва. Волки, о которых мечтал Большой Фидо, были крупнее, свирепее, мудрее. Они были Королями Леса, Ужасом в Ночи. Они носили имена типа Быстрый Клык и Серебряный Хребет. Мечта каждого нормального пса — стать похожим на них.

Большой Фидо одобрительно высказался об Ангве, сказал, что она чем-то смахивает на волчицу.

Собаки слушали как замороженные, слушали маленького песика, который попукивал от возбуждения, произнося речь о том, что по природе своей собаки должны быть значительно крупнее. Она посмеялась бы, если бы не четкое осознание того, что после этого ей вряд ли удастся остаться в живых.

А потом Ангва увидела, что сделали с крысоподобной маленькой дворняжкой, которую выволокли в центр круга два терьера и предъявили ей обвинение в том, что она принесла брошенную человеком палку. Даже

волки не поступали так друг с другом. У волков нет правил поведения. Они им не нужны. Волкам, чтобы быть волками, не нужны никакие правила.

Когда казнь свершилась, Ангва разыскала Гаспода — тот сидел, забившись в угол, и старался вести себя как можно более скромно.

— Если мы сейчас убежим, за нами, наверное, погонятся? — спросила она.

— Вряд ли. Сходка закончилась.

— Тогда бежим.

Они не спеша завернули за угол, но, убедившись, что их уход остался незамеченным, помчались как бешеные.

— О боги! — воскликнула Ангва, когда от своры бездомных собак их отделяло несколько улиц. — Он же просто бешеный!

— У бешеных пена из пасти идет, — возразил Гаспод. — А он — безумен. Это когда пена в мозгах.

— Все эти разговоры о волках...

— Собаки тоже имеют право мечтать.

— Но волки совсем не такие! У них даже нет имен!

— У *каждого* есть имя.

— А у волков — нет. Зачем им имена? Они знают, кто они, знают остальных членов стаи. Это... просто образ. Запах, чувство, форма. У волков нет даже понятия «волк»! Все совсем не так. Имена нужны только людям.

— У собак есть имена. У меня есть имя. Гаспод. Так меня зовут, — несколько недовольно сказал Гаспод.

— В общем... Объяснить почему я не могу, — пожала плечами Ангва, — но у волков нет имен.

Луна уже висела высоко в небе, черном, как кофе, который совсем не черный.

Свет луны покрыл город переплетением серебристых отблесков и теней.

Когда-то, давным-давно, Башня Искусства была центром города, но центры городов имеют свойство мигрировать, и теперь центр Анк-Морпорка находился в нескольких сотнях ярдов от нее. Тем не менее башня по-прежнему господствовала над городом, ее черный силуэт выделялся на фоне вечернего неба, умудряясь выглядеть чернее, чем какие-то там тени.

На Башню Искусства почти никто не смотрел — а зачем, ведь она всегда на месте! Она просто существует. Люди редко смотрят на знакомые вещи.

Раздался звон от удара металла о камень. Большое черное пятно медленно, но неумолимо поднималось вверх по башне. Лунный свет отразился от металлической трубки, висящей за спиной черной фигуры. После чего фигура скрылась в тени и пропала из виду...

* * *

Окно оказалось наглухо закрытым.

— Но она всегда оставляет его открытым, — проскулила Ангва.

— А сегодня закрыла, — сказал Гаспод. — Тревожные времена — по улицам шляются всякие странные люди.

— Но она хорошо *знает* странных людей, — возразила Ангва. — Многие из них живут в ее доме!

— Просто превратись в человека и разбей стекло, — предложил Гаспод. — Что за проблемы?

— Не могу! Я буду совсем голой!

— А сейчас ты не голая?

— Сейчас я — волчица! Это совсем другое дело!

— Ни разу в жизни ничего не надевал. И это совершенно меня не беспокоит.

— Штаб-квартира, — пробормотала Ангва. — Там должна быть хоть какая-то одежда... На худой случай, и кольчуга сойдет. Простыня или еще что-нибудь. И дверь там никогда не закрывается. Пошли.

Она побежала по улице, Гаспод, подвывая, едва поспевал за ней.

Вдруг они услышали чье-то пение.

— Ничего себе, — удивился Гаспод. — Ты только посмотри.

Мимо проковыляли четверо стражников. Два гнома и два тролля. Ангва узнала Детрита.

— Ать-два, ать-два, ать-два! Таких ужасных новобранцев я еще не видел. Подняли ножки!

— Я ничего не сделал.

— А теперь, младший констебль Углеморд, впервые за всю свою ужасную жизнь ты хоть что-то делаешь! Трус в Стражу не играет!

Отряд завернул за угол.

— Что происходит? — спросила Ангва.

— Понятия не имею. Узнал бы больше, если бы они остановились отлить.

У Псевдополис-Ярда скопилась небольшая толпа. И судя по всему,

собравшиеся здесь тоже были новоявленными стражниками. Сержант Колон стоял под мигающим фонарем, что-то писал в своем блокноте и разговаривал с каким-то коротышкой с большими усами.

— Твое имя, господин?

— СИЛАС! НЕСКЛАДЕХА!

— Ты случаем городским глашатаем не работал?

— РАБОТАЛ!

— Хорошо. Дайте ему шиллинг. Исполняющий обязанности констебля Дуббинс! Он зачислен в твой отряд.

— А ГДЕ МНЕ НАЙТИ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ КОНСТЕБЛЯ ДУББИНСА? — спросил Нескладеха.

— Здесь, внизу, господин.

Коротышка опустил взгляд.

— НО ТЫ ЖЕ ГНОМ! Я НИКОГДА НЕ...

— Стоять смирно, когда обращаешься к вышестоящему офицеру! — заорал Дуббинс.

— В Страже нет ни гномов, ни троллей, ни людей, — нравоучительно промолвил Колон. — Только стражники, понятно? Так говорит капрал Моркоу. Конечно, если ты не хочешь служить в отряде исполняющего обязанности констебля Детрита...

— Я ЛЮБЛЮ ГНОМОВ, — быстро откликнулся Нескладеха. — ВСЕГДА ЛЮБИЛ. ДАЖЕ НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО В СТРАЖЕ ИХ НЕТ, — добавил он, немного подумав.

— Быстро схватываешь. И далеко уйдешь в этой армии, — похвалил Дуббинс. — Считай, задница фельдмаршала в твоём носовом платке. Кру-у-у-гом! Ать-два, ать-два!

— Уже пятый доброволец, — сказал Колон капралу Шноббсу, когда Дуббинс и новобранец скрылись в темноте. — Даже декан Незримого Университета хотел записаться. Поразительно!

Ангва взглянула на Гаспода, но тот лишь пожал плечами.

— А Детрит определенно делает успехи, — продолжал Колон. — Через десять минут уже вертит ими, как хочет. Впрочем, через десять минут он любого будет вертеть как хочет. Чем-то напоминает моего сержанта по строевой подготовке, когда я был новобранцем.

— Крутой был, да? — поинтересовался Шнобби, прикуривая сигарету.

— Крутой? Крутой, спрашиваешь? Тринадцать недель чистого издевательства, вот что это было! Десятимильная пробежка каждое утро, половину времени по шее в грязи, а он постоянно матерился и проклинал нас! Однажды заставил меня всю ночь чистить сортиры зубной щеткой! Он

поднимал нас с коек при помощи палки с шипами! Мы прыгали по его приказу через обручи, ненавидели его безумно, готовы были его убить, но ни у кого не хватало духу. Он устроил нам три месяца живой смерти. Но знаешь... после выпускного парада мы посмотрели на себя в новой форме, увидели, кем мы стали... настоящими солдатами то есть... а потом увидели его в таверне и... что ж, тебе я могу признаться... — Колон смахнул наворачнувшуюся слезу. — ...Потом я, Колотушка Джексон и Хогги Мотыга подстерегли его в переулке и устроили ему семь кругов ада. У меня пальцы зажили только через три дня. — Колон высморкался. — Хорошее было время... Хочешь леденец, Шнобби?

— Не откажусь.

— Дай один маленькому песику, — попросил Гаспод.

Колон дал, сам не понимая почему.

— Видишь? — спросил Гаспод, разгрызая конфету своими гнилыми зубами. — Я просто гений. *Гений!*

— Молись, чтобы Большой Фидо это не узнал, — усмехнулась Ангва.

— Ерунда. Он меня не тронет. Я внушаю ему беспокойство. У меня есть Сила. — Гаспод отчаянно зачесал за ухом. — Послушай, зачем тебе возвращаться, мы могли бы...

— Нет.

— Это история всей моей жизни, — вздохнул Гаспод. — Вот Гаспод. Дай ему пинка.

— Я полагала, у тебя есть большая счастливая семья, в которую ты всегда можешь вернуться...

Ангва открыла дверь плечом.

— Да? О да. Конечно, — быстро произнес Гаспод. — Да. Но мне нравится независимость. А домой я могу вернуться в любой момент, стоит только захотеть.

Ангва взбежала по лестнице и открыла лапой ближайшую дверь.

Она оказалась в спальне Моркоу. Его запах, похожий на золотистое свечение, заполнял всю комнату.

На одной стене висел чертеж шахты, аккуратно прикрепленный кнопками. На другой — большой лист бумаги, на котором карандашом был вычерчен план города с многочисленными исправлениями и пометками.

Перед окном, как раз на том месте, куда поставил бы его здравомыслящий человек, чтобы максимально использовать дневной свет и экономить казенные свечи, стоял письменный стол. На нем лежала пачка бумаги, рядом с ней Ангва увидела стаканчик с карандашами. Вплотную к столу был придвинут старый кривой стул, под одну из ножек которого был

подсунут сложенный лист бумаги.

Вот и все, не считая комода. Спальня напомнила ей комнату Ваймса. Сюда человек приходил спать, но не жить.

Интересно, а вообще стражники когда-нибудь отдыхают? Есть ли у них личная жизнь? Ангва не могла представить себе сержанта Колона в гражданской одежде. Однажды поступив в Стражу, ты становишься вечным стражником... Достаточно выгодная сделка для города, который оплачивает тебе только десять часов в день.

— Отлично, — сказала она. — Я возьму простыню с кровати. А ты закрой глаза.

— Зачем? — удивился Гаспод.

— Ради приличия!

Гаспод изумленно заморгал.

— А, ты об этом, — наконец догадался он. — Теперь понял, определенно понял, что ты имеешь в виду. Ты не можешь допустить, чтобы я увидел голую женщину. Вдруг начну глазеть похотливо. Полезут в голову разные мысли. О боги...

— Ты знаешь, я не об этом.

— А о чем? Вопрос одетости-неодетости никогда собак не беспокоил. — Гаспод почесался. — Ты переносишь человеческий образ мыслей на собак. Извини, не получится.

— С тобой совсем другое дело. Ты знаешь, кто я. А собаки голые от природы.

— Как и люди, кстати...

Ангва Превратилась.

Уши Гаспода прижались к голове. Он непроизвольно заскулил.

Ангва потянулась.

— Знаешь, что самое плохое? — спросила она. — Волосы. Кучу времени потом тратишь, распутывая их. И ноги *вымазаны* грязью.

Она сорвала с кровати простыню и завернулась, создав из нее некое подобие тоги.

— Впрочем, это мелочи, — продолжала она. — Гаспод?

— Что?

— Можешь открыть глаза.

Гаспод приоткрыл один глаз. Ангва представляла собой приятное зрелище и в том и в другом обличье, но пару секунд в промежутке, пока морфический процесс шел от одного пункта к другому, на нее на сытый желудок лучше было не смотреть.

— А я думал, ты будешь кататься по полу, стонать и сбрасывать

шерсть, — проскулил он.

Ангва поспешила к зеркалу, чтобы поправить прическу, пока еще сохранялась способность видеть в темноте.

— Зачем?

— А все это... разве не больно?

— Нет, это как будто чихаешь всем телом. Наверное, у него должна быть расческа. Обычная *расческа*. У всех есть расчески.

— А сильно нужно... чихнуть?

— Сойдет даже обычная одежная щетка...

И тут дверь со скрипом отворилась.

В комнату вошел Моркоу. Не заметив в темноте гостей, он шагнул прямо к столу. Они увидели вспышку, потом почувствовали запах серы: Моркоу зажег спичку, затем — свечу.

Сняв шлем, он обмяк, словно сбросил с плеч тяжкий груз.

После чего пробормотал себе под нос:

— Нет, это не может быть правдой...

— Что не может? — тут же спросила Ангва.

Моркоу резко обернулся.

— Что ты тут делаешь?

— Твоя одежда была украдена, пока ты внедрялась в Гильдию Наемных Убийц, — подсказал Гаспод.

— Мою одежду украли, — повторила Ангва, — пока я была в Гильдии Наемных Убийц. Внедрялась.

Моркоу не сводил с нее глаз.

— Там был какой-то старик, который постоянно бубнил что-то себе под нос, — добавила она в отчаянии.

— Разрази их гром? Десница тысячелетия и моллюск?

— Да, именно.

— Старикашка Рон. — Моркоу вздохнул. — Вероятно, уже пьет где-нибудь. Хотя я знаю, где он живет. Напомни заглянуть к нему и поговорить, когда у меня будет время.

— Разве тебе не интересно, во что она была одета, когда пробиралась в Гильдию? — спросил Гаспод и юркнул под кровать.

— Заткнись! — крикнула Ангва.

— Что? — не понял Моркоу.

— Я все выяснила о комнате, — быстро сменила тему Ангва. — Там жил некто по имени...

— Эдуард Муэрто? — закончил за нее Моркоу, садясь на кровать.

Древние пружины заскрипели.

— Откуда ты это знаешь?

— Я думаю, ружье украл Муэрто. И он же убил Бино. Но... чтобы наемный убийца убивал бесплатно? Это будет похуже, чем взять инструмент другого гнома. Или нарисовать себе чужую клоунскую маску. Я слышал, Проблемс не на шутку рассердился. Убийцы ищут парня по всему городу.

— О-о... Не хотела бы я оказаться на месте Эдуарда, когда его найдут.

— Я бы и сейчас не хотел оказаться на его месте. И я знаю, где это место, потому что он мертв.

— Значит, убийцы уже нашли его?

— Нет. Его нашел кое-кто другой. А потом Эдуарда нашли Дуббинс и Детрит. Насколько я могу судить, он мертв вот уже несколько дней. Понимаешь? Невероятно, но факт. Я стер грим Бино и снял его красный нос. И увидел Эдуарда. И парик на нем тот самый. Вероятно, он пошел прямо к Крюкомолоту.

— Но... кто-то же стрелял в Детрита! И он же убил нищенку!

— Да.

Ангва села рядом.

— Раз это не мог сделать Эдуард...

— Ха! — Моркоу расстегнул нагрудник и снял кольчужную рубашку.

— ...Значит, мы ищем кого-то еще. Третьего.

— Но никаких улик нет! Есть только какой-то человек с ружьем! Где-то в городе! Где угодно! А я так устал!

Снова заскрипели пружины, Моркоу встал и, пошатываясь, подошел к столу. Он сел на стул, положил перед собой лист бумаги, внимательно осмотрел карандаш, заточил его своим мечом, задумался на мгновение и начал писать.

Ангва молча наблюдала за ним. Сняв кольчугу, Моркоу остался в кожаном жилете. На левом плече она увидела родинку. Похожую на корону.

— Ты все записываешь, как капитан Ваймс? — наконец спросила она.

— Нет.

— Тогда что же ты делаешь?

— Пишу письмо маме с папой.

— Правда?

— Я часто пишу им письма. Я обещал. Кроме того, это помогает думать. Я всегда пишу письма домой, когда думаю. А папа дает мне много полезных советов.

Перед Моркоу стояла деревянная шкатулка. В ней хранились письма. Отец Моркоу обычно писал ответы на обороте его писем, потому что в

гномьих шахтах трудно найти бумагу.

— Какие полезные советы? Например?

— Обычно они касаются работы в шахтах. Как правильно двигать камни. Как ставить крепи. В шахте нельзя ошибаться. Нужно все делать правильно.

Карандаш скрипел по бумаге.

Дверь была приоткрыта, но кто-то неуверенно постучал, сообщая метафорической азбукой Морзе, что отлично видит, что Моркоу находится в своей комнате с полураздетой женщиной. Стук был таким, словно стучавший вовсе не хотел входить в комнату.

Сержант Колон откашлялся. С оттенком вождения.

— Да, сержант? — спросил Моркоу, не оборачиваясь.

— Сэр, что еще нужно сделать?

— Создать патрульные группы. Один человек, один гном и один тролль в каждой.

— Есть, сэр. А что они будут делать, сэр?

— Будут патрулировать у всех на виду, сержант.

— Хорошо, сэр. Сэр? Один из добровольцев... а именно господин Мрак, сэр. С улицы Вязов... Официально он — вампир, но работает на бойне, а вообще...

— Поблагодари и отошли его домой, сержант.

Колон посмотрел на Ангву.

— Есть, сэр, — несколько неохотно отрапортовал он. — Но проблем с ним не будет. Просто ему нужны эти, как их, дополнительные гомогоблины в кро...

— Нет!

— Хорошо. Отлично. Я скажу ему, чтобы проваливал.

Колон закрыл дверь. Даже петли заскрипели с каким-то *вождедением*.

— Они называют тебя сэром, — улыбнулась Ангва. — Ты заметил?

— Знаю. Но это неправильно. Человек должен думать своей головой. Так говорит капитан Ваймс. Проблема в том, что люди начинают думать, только когда им прикажут. Как пишется «непредвиденное обстоятельство»?

— Я таких слов не пишу.

— Ладно... — Моркоу по-прежнему не оборачивался. — Думаю, до утра нам удастся сохранить порядок в городе. Люди несколько пришли в себя.

«Все абсолютно не так, — подумала Ангва. — Это ты привел их в себя. Как будто загипнотизировал.

Люди живут твоей мечтой. Ты мечтаешь, точно так же, как Большой

Фидо, но он мечтает о кошмаре, а ты мечтаешь за всех. Ты действительно считаешь, что в душе все люди — добрые и хорошие. И все, кто оказывается рядом с тобой, верят тебе — пусть даже на краткий миг...»

Откуда-то с улицы донесся стук костяшек по мостовой. Войско Детрита завершало очередной обход.

Что ж, рано или поздно он все равно узнает...

— Моркоу?

— Гм-м?

— Ты... Когда Дуббинс, тролль и я записались в Стражу, у тебя никаких вопросов не возникло?

— Нет. Все вы — представители меньшинств. Один тролль, один гном, одна женщина.

— А-а...

Ангва замаялась. На улице все еще сияла луна. Сейчас она ему признается, быстро спустится по лестнице, Превратится и к рассвету будет уже далеко от города. Опять ей приходится уходить. Она поднаторела в бегстве из городов.

— Все не совсем так, — возразила она. — Понимаешь, в городе много умертвиев, и патриций настоял на том, чтобы...

— Поцелуй ее, — подсказал Гаспод из-под кровати.

Ангва замерла. Лицо Моркоу озадаченно вытянулось — так обычно выглядит человек, чьи уши услышали то, что, по мнению мозга, никак не должны были слышать. Он покраснел.

— Гаспод! — рявкнула Ангва, перейдя на собачий язык.

— Я знаю что делаю. Мужчина, женщина. Это Судьба, — отозвался Гаспод.

Ангва встала, Моркоу — тоже, причем так резко, что уронил стул.

— Мне пора, — пробормотала она.

— Гм. Не уходи...

— А теперь протяни руки, — не унимался Гаспод.

«Ничего не получится, — сказала себе Ангва. — Никогда ведь не получалось. Вервольфы должны общаться с вервольфами, с теми, кто понимает...»

Но...

С другой стороны... если ей все равно убегать...

Она подняла палец.

— Одну минуту, — весело произнесла она и одним движением вытащила за шкурку из-под кровати Гаспода.

— Я тебе нужен! — заскулил пес, когда его понесли к двери. — Что он

знает? Лопух, он думает, что экскурсия к Колоссу Морпоркскому — это приятное времяпрепровождение! Отпусти же, отпусти...

Дверь захлопнулась. Ангва прислонилась к ней спиной.

Все закончится так же, как в Псевдополисе и Щеботане, и...

— Ангва? — окликнул ее Моркоу.

— Только ничего не говори, — приказала она. — Тогда, может, все получится.

Через некоторое время заскрипели пружины.

А еще через некоторое время Плоский мир исчез для капрала Моркоу. И даже не помахал на прощание ручкой.

Капрал Моркоу проснулся около четырех часов утра. В этот тайный час просыпаются все ночные люди, такие как преступники, стражники, полицейские и прочие неудачники. Он лежал на своей половине узкой кровати и смотрел на стену.

Ночь *определенно* выдалась интересной.

Он был слегка простоват, но не глуп, а потому прекрасно знал о так называемой, э-э, *механике*. Он знал нескольких молодых дам, совершал с ними оздоровительные прогулки по городу, вместе они любовались всякой замысловатой ковкой на решетках и разглядывали интересные достопримечательности, пока дамы совершенно необъяснимым образом не теряли к нему интерес. Кроме того, Моркоу достаточно часто патрулировал Шлюшьи Ямы, которые пока так и назывались, несмотря на отчаянные попытки госпожи Лады и Гильдии Швей убедить патриция переименовать район в улицу Взаимного Удовлетворения. Но он никогда не рассматривал эту сторону жизни применительно к себе, никогда не был уверен, какое место он в ней занимает.

Вероятно, об этом не стоит писать родителям. Они и так все поймут.

Моркоу встал с кровати. Шторы были задернуты, и в комнате стояла удушающая жара.

Он услышал, как Ангва перекатилась на бок, заняв освобожденное им место.

Обеими руками Моркоу взялся за шторы и решительно раздвинул их, впустив в комнату белый свет полной луны.

Ему показалось, что Ангва вздохнула во сне.

Над равниной бушевала гроза. Моркоу видел, как молнии прошивают горизонт, чувствовал запах дождя. Но воздух города оставался абсолютно неподвижным, даже более горячим, чем обычно.

Прямо перед окнами Моркоу возвышалась Башня Искусства

Незримого Университета. Он видел ее каждый день. Она господствовала над доброй половиной города.

За его спиной заскрипели пружины.

— Кажется, вот-вот качнется... — начал было он и обернулся.

А потому не заметил, как лунный свет отразился от какого-то металлического стержня, выросшего на самом верху башни.

Сержант Колон сидел на скамейке у штаб-квартиры. Внутри было совсем душно.

Из караулки доносился стук молотка. Минут десять назад явился Дуббинс с сумкой инструментов, двумя шлемами и решительным выражением на лице. Колон понятия не имел, что замыслил этот дьяволенок.

Он тщательно проверил подсчеты, отмечая на листе каждое имя.

Никаких сомнений быть не могло. Ночная Стража насчитывала теперь почти двадцать членов. А может, и больше. Детрит несколько утратил чувство меры и привел к присяге еще двух человек, одного тролля и деревянный манекен, стоящий на улице рядом с «Легантной Одеждой Носкодыра»^[26]. Если так будет продолжаться и дальше, можно открыть старые караульные будки у главных ворот... В общем, все станет, как в старые добрые времена.

Он даже не помнил, когда в Ночной Страже было больше двадцати человек.

На первый взгляд шаг с добровольцами был верным. Обстановка в некотором роде находилась под контролем. Но утром патриций обо всем узнает, вызовет к себе старшего офицера, и тогда...

Сержант Колон сам не понимал до конца, кто же в данный момент является старшим офицером. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что таким офицером должен быть капитан Ваймс или (почему — этого он сам объяснить не мог) капрал Моркоу. Но капитан отсутствовал, а капрал Моркоу был всего лишь капралом, и Фред Колон не мог избавиться от навязчивого ощущения, что, когда лорд Витинари вызовет кого-нибудь, дабы выразить свою *иронию* и спросить что-нибудь вроде: «А кто будет платить им жалованье, скажи на милость?», — этим «кем-то» окажется он, Фред Колон, по уши засевший в Анке.

Кроме того, начинала сказываться нехватка званий. Существовало только четыре звания ниже сержанта. Шнобби был бы крайнее недоволен, если бы кого-нибудь еще произвели в капралы, потому что из-за этого образовался бы своего рода затор в карьерном росте. К тому же некоторые

стражники вбили в свои головы, что для скорейшего продвижения по службе нужно лишь привести с полдюжины новобранцев. Если Детрит продолжит набирать добровольцев прежними темпами, к концу месяца он станет верховным генерал-майором.

А самым странным было то, что Моркоу по-прежнему всего лишь ка...

Услышав звон стекла, Колон поднял голову. Что-то золотистое, размытых очертаний, выпрыгнуло из окна верхнего этажа, приземлилось в тени и умчалось, прежде чем он успел понять, что это было.

С треском распахнулась дверь, и на улицу выскочил Моркоу с мечом в руке.

— Где?... Куда?...

— Не знаю. А что это такое было?

Моркоу перестал оглядываться.

— Гм... Сам не знаю, — ответил он.

— Моркоу?

— Сержант?

— Ты бы оделся, а?

Моркоу стоял и смотрел в предрассветный мрак.

— Я обернулся, — пробормотал он, — и увидел, увидел...

Наконец он опустил взгляд на меч, словно только сейчас понял, что именно держит в своей руке.

— Вот проклятье!

Он бегом кинулся обратно в комнату, схватил бриджи с кровати и, прыгая на одной ноге, начал одеваться, как вдруг в голове его возникла очень ясная и четкая мысль:

«Ты полный идиот. Вот ты кто. Чуть что, сразу за меч хватаешься, да? Ты все испортил! Теперь она убежала, и ты ее никогда больше не увидишь!»

Он обернулся. С порога за ним очень внимательно наблюдала маленькая мышастого цвета дворняга.

«После такого потрясения она, может, никогда больше не превратится в человека. Хотя кого волнует, что она — вервольф? Тебя ведь это не волновало, пока ты не узнал. Кстати, все печенье, которое у тебя есть с собой, следовало бы отдать этому славному песику, Впрочем, если задуматься, откуда у тебя сейчас печенье, так что забудь. Дьявол, надо же было все так испортить!»

...Думал Моркоу.

— Гав, гав, — сказала дворняга.

Моркоу наморщил лоб.

— Это ты, да? — спросил он, ткнув в псину мечом.

— Я? Что ты, собаки не разговаривают, — торопливо произнес Гаспод. — Можешь мне поверить, я точно знаю. В конце концов, я ведь один из них.

— Ты скажешь мне, куда она убежала. Немедленно! Иначе...

— Неужели? Ой, напугал... — мрачно буркнул Гаспод. — Послушайка, первое воспоминание в моей жалкой жизни касается того, как меня сунули в мешок и бросили в реку. И еще кирпич привязали. Да, да, именно меня. Я шатался на лапках, и у меня было смешное, вывернутое наизнанку ухо, а еще я был *пушистым*. Впрочем, все путем, река оказалась Анком, и я смог выбраться на берег. Но это было только начало, и продолжение не стало более приятным. Я в *мешке* выбрался на берег и вытащил за собой кирпич. Три дня ушли на то, чтобы прогрызть мешковину и увидеть белый свет. Так что давай. Угрожай мне.

— Пожалуйста? — сказал Моркоу.

Гаспод почесал за ухом.

— Возможно, мне удастся взять ее след, — согласился он. — При наличии соответствующего стимула, ну, ты понимаешь?

Он многозначительно задвигал бровями.

— Если найдешь ее, я дам тебе все, что захочешь, — пообещал Моркоу.

— Понятно. *Если*. Хорошо. Все было бы замечательно, если бы не «если». А как насчет маленького аванса? Посмотри на эти лапки. Поизносились малость. И нос уже почти не нюхает, а это, между прочим, очень точный инструмент.

— Если не начнешь искать ее немедленно, я лично...

Моркоу замолчал. Он ни разу в жизни не ударил ни одно животное.

— ...Я передам все дело капралу Шноббсу, — закончил он.

— Только этого мне не хватало, — горько произнес Гаспод. — Прекрасный стимул...

Он опустил прыщавый нос к земле. Для правдоподобия. На самом деле запах Ангвы висел в воздухе подобно яркой радуге.

— Ты действительно умеешь разговаривать? — спросил Моркоу.

Гаспод закатил глаза:

— Конечно нет.

Фигура наконец добралась до крыши башни.

Город был освещен свечами и лампами. Отсюда он был виден как на ладони. Десять тысяч маленьких земных звездочек... и он мог погасить любую, стоило только захотеть. Он чувствовал себя богом.

Поразительно, как отчетливо здесь были слышны звуки. Он чувствовал себя богом. Слышал вой собак, голоса. Иногда чей-то голос перебивал другие, поднимался в ночное небо.

Это была власть. Власть, которой он обладал внизу, власть приказывать: сделай то, сделай это — она была какой-то человеческой... а сейчас он чувствовал себя богом.

Он установил ружье, вставил на место шесть металлических трубочек и прицелился в какой-то огонек. А потом в другой. А потом в третий.

Не надо было разрешать ружью убивать эту нищенку. В план это не входило. Лидеров Гильдии — так планировал бедный Эдуард. Сначала всех, кто возглавляет Гильдии. Оставим город без руководства, чтобы воцарился хаос, а потом предложим своему жалкому претенденту: «Приди и властвуй, вот твое предназначение».

Такое мышление было *старой* болезнью. Она передается с коронами, со всякими глупыми сказками. Начинаешь верить — ха! — что какой-то глупый фокус, типа вытягивания меча из камня, может дать человеку право претендовать на королевскую должность. Меч из камня? В ружье куда больше магии и колдовства.

Он лег, погладил ружье и стал ждать.

* * *

Наступил день.

— Я ничего не трогал, — заявил Углеморд и перевернулся на своей плите.

Детрит огрел его по голове дубинкой.

— Подъем, солдаты! Вперед и вверх! Еще один чудесный день в Страже! Поднимайся, младший констебль Углеморд, вставай, мелкий человечешко!

Через двадцать минут сержант Колон заспанными глазами осмотрел войско. Все стражники, развалившись, сидели на скамейках, за исключением Детрита, который сидел по стойке «смирно» с выражением официальной услужливости на каменном лице.

— Так, ребята, — начал Колон, — а сейчас, поскольку...

— Слушать всем! — рявкнул Детрит.

— Благодарю, исполняющий обязанности констебля Детрит, — устало сказал Колон. — Итак, капитан Ваймс сегодня женится. Мы должны обеспечить почетный караул. В старые добрые времена, когда женился какой-нибудь стражник, мы устраивали ему почетный караул. Поэтому я хочу, чтобы шлемы и нагрудники блестели, как, эти самые, когорты, в общем, вы поняли. Строй должен сиять. Ни единого пятнышка грязи... Где капрал Шноббс?

Раздался громкий звон, когда рука исполняющего обязанности констебля Детрита отскочила от новенького шлема.

— Не было видно уже несколько часов, сэр! — проорал он.

Колон закатил глаза.

— А некоторые из вас должны будут... Где младший констебль Ангва? Дзинь.

— Никто не видел ее с прошлого вечера, сэр!

— Хорошо. Мы пережили ночь, переживем и день. Капрал Моркоу говорит, мы должны смотреть в оба.

Дзинь.

— Есть, сэр!

— Исполняющий обязанности констебля Детрит?

— Сэр?

— Что у тебя на голове?

Дзинь.

— Изготовил для меня младший констебль Дуббинс, сэр. Специальный заводной мыслительный шлем.

Дуббинс откашлялся.

— Эти здоровые куски — охлаждающие пластины. Они специально выкрашены в черный цвет. Часовой механизм я позаимствовал у кузена, а этот вентилятор гонит воздух... — Он замолчал, увидев выражение лица Колона.

— И над этим ты работал всю ночь?

— Да, я подумал, что мозги троллей слишком перегре...

Сержант взмахом руки заставил его замолчать.

— Стало быть, — сказал он, — у нас теперь есть собственный заводной солдатик. У нас настоящая образцовая армия.

Гаспод географически запутался. Он, конечно, знал, где находится — более или менее. Где-то за Тенями, в лабиринте портовых доков и скотных дворов. Несмотря на то что он всегда считал город своим, эта территория ему не принадлежала. Здесь бегали крысы вдвое больше его, хотя сам он был размером с терьера. К счастью, анк-морпоркские крысы были достаточно разумными, чтобы не обижать малышей. Зато Гаспода лягнули две лошади и едва не переехала телега. А еще он потерял след. Она запутывала следы, использовала крыши домов и даже несколько раз перешла реку. Вервольфы мастерски уходят от погони — в конце концов, оставшиеся в живых оборотни были прямыми потомками тех, кому удалось ускользнуть от разъяренной толпы. У тех же, кому не удалось перехитрить разъяренную толпу, не было не только потомков, но даже могил.

Несколько раз след терялся у какой-нибудь стены или низкой хижины, и Гасподу приходилось ковылять кругами, пока он не находил запах снова.

Случайные мысли возникали и исчезали в его шизофреническом собачьем мозгу.

— Умный пес спас положение, — бормотал он. — Все говорят, хороший песик. Нет, не говорят. Я делаю это только потому, что мне угрожали. Изумительное чутье. Не хочу этим заниматься, совсем не хочу. Ты получишь косточку. Я всего лишь щепка в океане жизни. А кто у нас молодец? Заткнись.

Солнце устало тащилось по небу, а по Анк-Морпорку устало тащился Гаспод.

* * *

Вилликинс раздвинул шторы. В комнату ворвался солнечный свет. Ваймс застонал и сел на том, что осталось от его постели.

— О боги, — пробормотал он. — Который сейчас час?

— Почти девять утра, господин, — ответил дворецкий.

— Девять *утра*? И ты считаешь, что пора вставать? Обычно я просыпаюсь, когда на улицах уже темнеет!

— Но, господин, господин больше не состоит на службе.

Ваймс посмотрел на клубок простыней и одеял. Они обмотали его ноги и завязались в узлы. Потом он вспомнил сон.

Он шел по городу.

Возможно, это был не сон, а воспоминание. В конце концов, он столько лет бродил по городу. Часть его никак не хотела сдаваться. Часть

Ваймса училась быть гражданским человеком, но старая часть маршировала, нет, *следовала* по городу в другом ритме. Ему *показалось*, что город вдруг как-то опустел, хотя идти по нему стало почему-то сложнее.

— Не желает ли господин, чтобы я побрил его, или сделает это сам?

— Когда к моему лицу подносят острые предметы, я начинаю нервничать, — сказал Ваймс. — Но если ты пригонишь сюда карету, я как-нибудь доеду до ванной.

— Очень смешно, сэр.

Ваймс снова принял ванну, чтобы еще раз испытать новые ощущения. Судя по оживленному шуму, особняк кипел всякого рода полезной деятельностью — приближался час «С». Госпожа Сибилла подошла к замужеству крайне ответственно — с похожим жаром она искореняла лопухость среди болотных драконов. С полдюжины поваров вот уже три дня без перерыва хлопотали на кухне. Они зажарили целого быка и приготовили из всяких экзотических фруктов невообразимые блюда. До сего момента капитан Ваймс считал крайне вкусным блюдом печень без жилок. Тут кухней «от гурман» считались кусочки сыра на палочках, воткнутых в половинки грейпфрутов.

Он где-то слышал, что будущий новобрачный не должен видеть перед свадьбой свою предполагаемую невесту — вероятно, для того, чтобы не одуматься. Дурацкий обычай... Ему так хотелось бы с кем-нибудь поговорить. Если бы он поговорил хоть с кем-нибудь, происходящее, возможно, приобрело бы некий здравый смысл.

Он взял бритву и посмотрел в зеркало на лицо капитана Сэмюеля Ваймса.

Колон отдал честь, потом внимательно оглядел Моркоу.

— Все в порядке, сэр? Судя по виду, вам не помешало бы еще поспать.

Колокола вразнобой пытались сообщить, что уже десять часов. Моркоу отвернулся от окна.

— Я осматривал город, — сказал он.

— Сегодня еще три новобранца, — сообщил Колон. — Попросили, чтобы их записали в армию господина Моркоу. — Он был слегка обеспокоен этим.

— Хорошо.

— Начальной подготовкой занимается Детрит, — продолжил Колон. — У него получается. После того как он целый час орет им прямо в уши, они делают все, что я скажу.

— Я хочу, чтобы все свободные люди были расставлены на крышах домов между дворцом и Университетом, — сказал Моркоу.

— Там уже расставились наемные убийцы, — ответил Колон. — И Гильдия Воров послала своих людей.

— Они — воры и убийцы. А мы — нет. Обязательно пошли кого-нибудь на Башню Искусства.

— Сэр?

— Да, сержант?

— Мы тут поговорили... с ребятами... и...

— Да?

— Было бы значительно проще, если бы мы сходили к волшебникам и попросили их...

— Капитан Ваймс никогда не прибегал к помощи волшебства.

— Да, но...

— Никакого волшебства, сержант.

— Есть, сэр.

— Почетный караул готов?

— Да, сэр. Строй сверкает пурпуром и золотом, сэр.

— Правда?

— Сверкающий строй очень важен, сэр. Пугает противника до смерти.

— Хорошо.

— Но я так и не смог найти капрала Шноббса, сэр.

— А это проблема?

— Ну, это означает, что почетный караул будет выглядеть чуть привлекательней.

— Я отослал его со специальным заданием.

— Э-э... также я не могу найти младшего констебля Ангву.

— Сержант?

Колон собрался с духом. Звон колоколов постепенно стихал.

— Ты знал, что она — вервольф?

— Гм... Капитан Ваймс намекал на это, сэр...

— И как именно он намекал?

Колон отступил на шаг.

— Он сказал: «Фред, она — поганый вервольф. Мне это не нравится так же, как и тебе, но Витинари сказал, что мы обязаны взять кого-то из них, лучше уж она, чем какой-нибудь вампир или зомби». Вот так он и намекнул.

— *Понятно.*

— Э-э... Мне очень жаль, сэр.

— Давай просто переживем этот день, Фред. И все...

...*Динь, динь, дон, динь...*

— Мы так и не подарили часы капитану, — вспомнил Моркоу, доставая подарок из кармана. — Он, должно быть, ушел, с мыслью, что нам на него наплевать. Вероятно, он даже ждал, что ему подарят часы. Я знаю, такова ведь традиция...

— Последние дни были тяжелыми, сэр. Кроме того, мы можем вручить ему часы после свадьбы.

Моркоу убрал часы обратно в мешочек.

— Полагаю, ты прав. Хорошо, сержант, давай готовиться.

* * *

Капрал Шноббс пробирался сквозь тьму, царящую под городом. Впрочем, его глаза уже немножко привыкли. Ему нестерпимо хотелось курить, но Моркоу предупредил, что этого делать нельзя. Просто возьми мешок, пройди по следам и принеси тело. И помни: ничего не снимать и не шарить по карманам.

Люди уже заполняли Главный зал Незримого Университета.

На этом настоял Ваймс. Он встал грудью и добился своего. Нельзя сказать, что он был заядлым атеистом; в мире, который населяют тысячи богов, атеизм — самоубийственное увлечение. Просто ни одному из богов он особо не симпатизировал, а кроме того, никак не мог понять, что они будут делать на его свадьбе. Так что все храмы и церкви он отверг, а Главный зал Университета выглядел достаточно церковно — почему-то все торжественные события обязательно должны происходить в подобного рода помещениях. Богов никто не приглашал, но они должны были чувствовать себя как дома, если все-таки надумают заглянуть.

Ваймс пришел сюда рано, потому что нет ничего более бесполезного в мире, чем жених перед свадьбой. Дом все равно захватили Взаимозаменяемые Эммы.

Двое слуг уже заняли свои места, чтобы рассаживать гостей — на сторону жениха и на сторону невесты.

Здесь же бесцельно болтались несколько старших волшебников. Они автоматически становились гостями подобных свадебных церемоний и особенно последующего банкета. Скорее всего, одного жареного быка не хватит.

Несмотря на неприятие Ваймсом всяких волшебных штучек, волшебники ему нравились. Они почти не доставляли неприятностей. По крайней мере, не доставляли неприятностей ему. Правда, иногда они ломали пространственно-временной континуум или подводили каноэ реальности слишком близко к бурному водопаду хаоса, но закон — нет, закон они не нарушали.

— Доброе утро, аркканцлер, — поздоровался он.

Аркканцлер Наверн Чудакулли — глава всех анк-морпоркских волшебников, во всяком случае всех тех, кто его признавал, — приветливо кивнул.

— Доброе утро, капитан, — сказал он. — Не могу не отметить, что ты выбрал очень удачный день для такого события!

— Ха-ха-ха, удачный день для такого события! — гнусно подхихикнул казначей.

— Проклятье, — воскликнул Чудакулли, — он снова куда-то улетел! Совсем его не понимаю. Ни у кого нет пилуль из сушеных лягушек?

Наверн Чудакулли, как человек, которому самой природой было предназначено жить на свежем воздухе и весело убивать все, что закашляло в кустах, искренне недоумевал, почему казначей (человек, которому самой природой было предназначено сидеть в маленьких комнатенках и складывать числа) вечно так нервничает. Он испробовал все возможные способы, чтобы подбодрить своего помощника. Эти способы включали в себя практические шутки типа обливания холодной водой по утрам, выскакивания из-за дверей в одеянии Вилли Вампира и прочее, и прочее — лишь бы, как говаривал аркканцлер, помочь казначею «вернуться в землю».

Саму службу должен был провести декан, который создал всю процедуру с нуля. Официально гражданской церемонии заключения брака в Анк-Морпорке не существовало, если не считать произнесение фразы типа «О, ну хорошо, если вы так настаиваете». Декан энергично закивал капитану.

— Специально по такому случаю мы прочистили наш орган, — радостно возвестил декан.

— Ха-ха-ха, орган! — воскликнул казначей.

— И это самый мощный из всех органов... — Чудакулли вдруг замолчал и подозвал пару ошивающихся неподалеку студентов. — Уведите казначея и проследите, чтобы он полежал немного, понятно? Видимо, кто-то опять накормил его мясом.

Из дальнего угла Главного зала донеслось шипение, за которым последовал сдавленный стон. Ваймс уставился на чудовищное

переплетение трубок.

— Восемь студентов требуется для работы на мехах, — сообщил Чудакулли под аккомпанемент серии хрипов. — У него три клавиатуры и сотня дополнительных ручек, включая двенадцать, помеченных знаком вопроса.

— Наверное, обычный человек с такой громадой и не справится, — вежливо заметил Ваймс.

— О, тут нам неожиданно повезло...

В следующее мгновение раздался звук настолько громкий, что ушные нервы всех присутствующих не выдержали и резко вырубili слух. Когда они включили его снова, где-то на болевом пороге люди слышали зверски искаженное вступление «Свадебного марша» Фондельсона, исполняемое человеком, который вдруг обнаружил, что сей невероятный инструмент не ограничивается тремя клавиатурами, но содержит целый набор специальных акустических эффектов, начиная со «Скопления газов в желудке» и заканчивая «Смешным куриным кудахтаньем». Сквозь звуковые взрывы периодически прорывалось одобрителное «у-ук!».

— Поразительно! — крикнул Ваймс сидящему рядом с ним под столом Чудакулли. — Кто его сделал?!

— Не знаю! На крышках клавиатур написано «Ч.Т. Джонсон»!

Раздался последний вой, орган застонал, как шарманка, и воцарилась тишина.

— Ребята добрых двадцать минут накачивали воздух в резервуары, — похвастался Чудакулли, вылезая из-под стола и отряхиваясь. — Будь добр, только «Глас божий» так не наяживай, ладно?

— У-ук!

Аркканцлер повернулся к Ваймсу, лицо которого превратилось в обычную предбрачную восковую маску. Зал почти заполнился людьми.

— Я, конечно, в этой области не эксперт, — сказал он. — Но у тебя кольцо есть?

— Да.

— А кто будет посаженным отцом невесты?

— Ее дядя Чердаг. С чердаком у него как раз не все в порядке, но она настояла.

— А шафером?

— Кем?

— Шафером. Понимаешь? Он вручает тебе кольцо и обязан жениться на невесте, если ты вдруг сбежишь. Декан очень тщательно изучил вопрос, верно, декан?

— О да, — подтвердил декан, который весь предыдущий день штудировал «Книгу По Аттикету Госпожи Дейдрды Ваггон». — В свадьбу столько денег вбухано — если жених убежит, придется ей выходить замуж за кого-нибудь другого. Мы не допустим, чтобы повсюду бродили незамужние невесты, это угроза обществу.

— Я совершенно забыл о шафере! — воскликнул Ваймс.

Библиотекарь, который вынужден был оставить орган в связи с отсутствием в нем воздуха, заметно обрадовался.

— У-ук?

— Значит, найди кого-нибудь, — посоветовал Чудакулли. — У тебя еще добрых полчаса.

— Это не так просто. Шаферы ведь не растут на деревьях!

— У-у-ук?

— Я даже представить себе не могу, кого попросить!

— У-у-ук!

Библиотекарю нравилось быть шафером. Шаферу разрешается целовать невест, а убежать они никуда не могут. Он был сильно разочарован, когда Ваймс не обратил на него внимания.

* * *

Исполняющий обязанности констебля Дуббинс карабкался по лестнице внутри Башни Искусства и что-то недовольно бурчал про себя. Он знал, что жаловаться не имело смысла. Они честно бросили жребий, потому что Моркоу сказал: нельзя заставлять других делать то, что не стал бы делать сам. И Дуббинс вытянул самую короткую соломинку, а это означало, ха-ха, что ему досталось самое высокое здание. А это, в свою очередь, означало, что он пропустит самое интересное.

Он не обратил внимания на тонкую веревку, свисающую с крышки расположенного высоко сверху люка. Даже если бы он задумался о ней... ну и что? Это была самая обыкновенная веревка.

Гаспод всмотрелся в темноту.

Оттуда донеслось рычание. Но не обычное собачье рычание. Древние люди слушали подобные звуки, спрятавшись в глубоких пещерах.

Гаспод сел и неуверенно застучал хвостом по земле.

— Я знал, что рано или поздно найду тебя, — сообщил он. — Старый проверенный нос, его не обманешь. Самый чувствительный инструмент,

известный собаке.

Снова раздалось рычание. Гаспод решил немного поскулить.

— Дело в том, — сказал он, — все дело в том... понимаешь, меня послали затем, чтобы...

Современные люди тоже иногда слышали подобные звуки. За несколько секунд до того, как стать покойниками.

— Вижу... ты не настроена на разговор, — пожал плечами Гаспод. — Но все дело в том... я даже знаю, что ты думаешь. Этот продажный Гаспод выполняет приказы *человека* и так далее. Я угадал?

Гаспод оглянулся, словно за спиной его могло находиться нечто более ужасное, чем впереди.

— Это и есть корень всех собачьих бед, понимаешь? — продолжал Гаспод. — Вот этого и не может понять Большой Фидо. Ты же видела собак, входящих в Гильдию. Слышала, как они выли. О да. Смерть Людям! Чудесно. Но под всем этим скрывается страх. За всем этим стоит голос, говорящий: «Плохая собака». И страх этот идет вовсе не извне, а изнутри, из самих костей, потому что собак создали люди. Поверь, я это знаю. Хотя лучше бы не знать, конечно. В этом знании моя Сила. Я читал книги. По крайней мере, жевал.

Темнота осталась безмолвной.

— Ты — волчица и человек одновременно, верно? Тебе непросто, могу понять. Но это значит, что отчасти ты — собака. Ведь собака — не что иное, как наполовину волк, наполовину человек. Ты была права. У нас даже есть имена. Ха! Итак, наши тела говорят одно, а головы — совсем другое. Быть собакой — собачья жизнь. Готов поспорить, что *ты* не сможешь убежать от *него*. Никогда. Он твой хозяин.

Темнота стала еще более безмолвной. Гаспод почувствовал какое-то движение.

— Он хочет, чтобы ты вернулась. Если он тебя найдет, считай, все, тебе как. Он заговорит, и ты подчинишься. Но если ты вернешься по собственной воле, значит, и решать будешь *сама*. Человеком ты будешь счастливее. Ну что я могу предложить тебе, кроме крыс и блох? Не знаю, но большой проблемы я тут не вижу. Что с того, если шесть-семь дней в месяц ты будешь просиживать дома?...

Ангва взвыла.

Шерсть, которая еще оставалась на спине Гаспода, встала дыбом. Он быстренько попытался вспомнить, где находится сонная артерия.

— Я совсем не хотел разыскивать тебя, — признался он, причем был абсолютно искренен. — Дело в том... *действительно* в том... — произнес

Он еще немного подумал и облегченно вздохнул:
— А, вспомнил. Эта та, что на шее...

— Детрит?

— Капитан Ваймс, сэр!

— Стражники, сэр!

— Кто ты такой?

— А ты... Углеморд?!

— Я ничего не сделал, сэр! — заорал Детрит.

— Углеморд?! В Страже?!

— Как говорит капрал Моркоу, что-то хорошее зарыто где-то в каждом, — ответил Детрит.

— А ты чем занимаешься, Детрит?

— Инженер, отвечающий за подземные горные работы, сэр!

— Это была почти шутка, да?

— Это все шлем, который сделал для меня мой приятель Дуббинс, сэр.

Ваймс переварил услышанное. Детрит лучезарно улыбался ему.

— А где сержант Колон?

— Здесь, капитан Ваймс.

— Фред, мне нужен шафер.

— Фред! Я знаю тебя больше двадцати лет. Тебе нужно просто

постоять рядом. Именно ты, Фред, это лучше всего умеешь!

Трусцой прибежал Моркоу.

— Простите, что я опоздал, капитан Ваймс, сэр. Э-э... мы хотели, чтобы это было сюрпризом...

— Что? Каким сюрпризом?

Моркоу достал бархатный мешочек.

— Капитан, от имени Стражи... вернее, большей части Стражи...

— Погоди, — прервал его Колон. — Его светлость приехал.

Стук копыт и дребезжание сбруи возвестили о приближении экипажа лорда Витинари.

Моркоу оглянулся. Потом оглянулся еще раз. Прищурился.

На крыше Башни Искусства блеснул металл.

— Сержант, кто дежурит на башне?

— Дуббинс, сэр.

— О, понятно. — Он откашлялся. — Так вот, капитан... мы устроили складчину и... — Он вдруг замолчал. — Исполняющий обязанности констебля Дуббинс, я правильно понимаю? — спросил он чуть погодя.

— Да. На него можно положиться, сэр.

Экипаж патриция был уже на полпути к Саторской площади. Моркоу различил худую темную фигуру на заднем сиденье.

Потом он снова посмотрел на серую громадину башни.

А потом побежал.

— В чем дело? — спросил Колон.

Ваймс побежал тоже.

Детрит оттолкнулся костяшками от земли и бросился за ними.

И вдруг до Колона дошло. Это было похоже на дрожь, словно кто-то подул прямо на его голый мозг.

— Вот дерьмо... — прошептал он.

* * *

Когти рыли землю.

— Он обнажил меч!

— А ты чего ожидала? Парень только что был на вершине мира, он открыл новую сторону жизни, узнал, возможно, что-то более интересное, чем прогулки по городу, а потом оборачивается и видит перед собой волка. Могла хотя б намекнуть. Сказала бы, что у тебя такое время месяца и так далее. И теперь ты упрекаешь его в том, что он немного удивился?

Гаспод поднялся на задние лапы.

— Ну так как? Ты вылезешь наконец из этой дыры или предпочтешь, чтобы я вошел к тебе и был безжалостно растерзан на мелкие кусочки?

Увидев бегущих к нему стражников, лорд Витинари приподнялся. Именно поэтому первый выстрел пришелся ему в бедро, а не в грудь.

А потом Моркоу распахнул дверь кареты и закрыл его своим телом, подставившись под второй выстрел.

Ангва медленно появилась из своего укрытия. Гаспод немного успокоился.

— Я не могу вернуться, — сказала она. — Я...

Она замерла, ее уши задержались.

— Что? Что?

— Его ранили!

Ангва прыгнула.

— Эй! Меня подожди! — пролаял Гаспод. — Ты что, через Тени решила срезать?!

* * *

Третий выстрел отколол кусок от Детрита — тролль упал на карету, повалил ее на бок и порвал постромки. Лошади, издав испуганное ржание, умчались прочь. Возничий быстро сравнил сложившиеся условия труда с получаемым жалованием и отважно затерялся в толпе.

Ваймс бросился на землю за опрокинутой каретой. От булыжников рядом с его рукой что-то отскочило.

— Детрит?

— Сэр?

— Ты как?

— Немного сочусь, сэр.

Колесо кареты над головой Ваймса завращалось — в него попал очередной выстрел.

— Моркоу?

— Плечо навывлет, сэр.

Ваймс пополз вперед на локтях.

— Доброе утро, ваша светлость, — дергая глазом, поздоровался он. После чего прислонился спиной к карете и достал помятую сигару. —

Огонька не найдется?

Патриций открыл глаза.

— А, капитан Ваймс. Что происходит?

Ваймс усмехнулся. «Смешно, — подумал он. — Наверное, поистине живым ты чувствуешь себя только после того, как тебя попытаются убить. Начинаешь замечать, какого красивого цвета небо. Правда не сейчас. Сейчас небо затянуто тучами. Но их-то я замечаю».

— Дождемся еще одного выстрела! — крикнул он. — А потом побежим в укрытие.

— Кажется... я потерял много крови, — сказал лорд Витинари.

— Кто бы мог подумать, что она в вас есть? — ответил Ваймс с откровенностью человека, который, скорее всего, вот-вот умрет. — Как ты, Моркоу?

— Рука шевелится. Хотя болит... страшно. Но вы выглядите хуже.

Ваймс опустил взгляд. Весь его свадебный камзол был залит кровью.

— Наверное, осколком камня задело, — пожал плечами он. — Я ничего не почувствовал.

Он попытался представить, как выглядит ружье.

Шесть трубочек, выстроенных в одну линию. В каждой — свинцовая пробка и заряд порошка № 1. Подаются в ружье, как стрелы — в арбалет. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы вставить еще шесть...

Но он же в ловушке! Из башни есть только один выход!

«Да, может, мы сидим здесь, у него на виду, и он стреляет в нас свинцовыми пробками, но он — в ловушке!»

Хрипя и нервно попукивая, Гаспод неуклюже бежал через Тени и вдруг увидел то, от чего сердце его провалилось еще глубже, — стаю собак впереди.

Он с трудом протиснулся сквозь лес лап.

Но Ангва оказалась в безвыходном положении, со всех сторон ее окружили зубастые пасти.

Лай прекратился. Два крупных пса отошли в сторону, и вперед изящно выступил Большой Фидо.

— Итак, — сказал он, — оказывается, мы тут имеем дело вовсе не с собакой. Быть может, со шпионом? Всегда есть враги. Всегда и везде. Они выглядят как собаки, но внутри совсем не собаки. Что ты замышляла?

В ответ Ангва лишь зарычала.

«О боги, — подумал Гаспод. — Может, конечно, ей удастся уложить пару-другую противников, но это же *уличные* псы».

Он прополз под парой собак и вышел в центр круга. Большой Фидо перевел на него свои налитые кровью глазки.

— Ага, и Гаспод с ней, — заметил он. — Следовало догадаться.

— Оставь ее в покое, — велел Гаспод.

— О? Неужели ради нее ты готов сразиться со всеми нами?

— У меня есть Сила, — ответил Гаспод. — И я применю ее, ты это знаешь.

— У меня нет времени! — рывкнула Ангва.

— Ты не посмеешь, — усмехнулся Большой Фидо.

— Я это сделаю.

— Лапа каждой собаки будет обращена против тебя.

— У меня есть Сила, у меня. А вы уходите, все.

— Чо за сила-то, в натуре? — поинтересовался Крутой, из пасти у него капала слюна.

— Большой Фидо знает, — ответил Гаспод. — Он изучил ее. А теперь мы уходим отсюда, понятно? Медленно и красиво.

Собаки посмотрели на Большого Фидо.

— Взять их, — приказал он.

Ангва оскалилась.

Собаки медлили.

— У волка челюсти в четыре раза сильнее, чем у любой собаки, — заметил Гаспод. — Причем у *обычного* волка.

— Да что с вами такое? — рывкнул Большой Фидо. — Вы же стая! Никакой пощады! *Взять их!*

Но стая, как и говорила Ангва, так не действует. Стая — это объединение свободных особей. Стая набрасывается не потому, что ей так приказали, стая набрасывается потому, что каждая особь решила наброситься.

Два крупных пса припали к земле...

Ангва водила головой из стороны в сторону в ожидании первой атаки.

Один пес стал рыть землю лапой...

Гаспод глубоко вздохнул и пошевелил челюстью...

Псы бросились вперед.

— СИДЕТЬ! — рывкнул Гаспод на вполне сносном человеческом языке.

Команда разнеслась по всему переулку, и пятьдесят процентов животных беспрекословно повиновались. Большая часть этих пятидесяти процентов пришла за задние ряды. Те же псы, которые уже взлетели в воздух, вдруг почувствовали, что предательские лапы перестали их

слушаться...

— ПЛОХАЯ СОБАКА!

...И тут всех накрыло ужасное чувство стыда, заставившее собак машинально съежиться. Не совсем разумный поступок, когда ты уже оторвался от земли.

Озадаченные псы градом посыпались на мостовую. Гаспод кинул на Ангву многозначительный взгляд:

— Я же говорил, у меня есть Сила. А *теперь* бежим!

Собаки не похожи на кошек, которые терпят людей только до тех пор, пока кто-нибудь не изобретет консервный нож, которым можно работать лапой. Собак создали люди, они взяли волков и наделили их человеческими чертами: ненужной разумностью, именами, желанием принадлежать кому-то и болезненным комплексом неполноценности. Всем собакам снятся волчьи сны, а мечтают они о том, чтобы хорошенько покусать своего Создателя. Каждая собака в глубине души понимает, что она Плохая Собака...

Яростное тьяканье Большого Фидо разрушило чары:

— Взять их!

Ангва понеслась по булыжной мостовой. В конце переулка стояла повозка, а за ней высилась стена.

— Не сюда! — взвизгнул Гаспод.

Собаки толпой бросились за ними. Ангва запрыгнула на повозку.

— Я не смогу! — крикнул Гаспод. — Только не с моими лапами!

Она спрыгнула на землю, схватила его за шиворот и снова вскочила на повозку. С нее она взлетела на крышу сарая, потом на выступ и, наконец, сбросив лапами несколько черепиц, на крышу дома.

— У меня кружится голова!

— Жаткнишь!

Ангва пробежала по коньку и перепрыгнула переулок, тяжело упав на какую-то соломенную крышу.

— А-аргх!

— Жаткнишь!

Но собаки не думали отставать. Переулки в Тенях были не особенно широкими.

Внизу мелькнул очередной узкий проход.

Гаспод болтался в мощных челюстях вервольфа.

— Они все еще бегут за нами!

Гаспод закрыл глаза и почувствовал, как напряглись мышцы Ангвы.

— О нет! Только не через улицу Паточной Шахты!

За безумным ускорением наступила тишина. Гаспод плотнее зажмурился...

...И Ангва приземлилась. Ее когти заскользили по мокрой крыше. Вниз полетела черепица, и в следующее мгновение она взлетела на конек.

— Можешь меня отпустить, — сказал Гаспод. — Сейчас, немедленно! Вот и они!

Бежавшие первыми собаки появились на крыше противоположного дома, увидели пропасть и попытались развернуться. Когти заскользили по черепице.

Ангва повернулась и перевела дыхание. Во время бегства она старалась не дышать. Потому что в первые секунды вдохнула достаточно Гаспода.

Они слышали разгневанное тьяканье Большого Фидо:

— Труссы! Здесь не больше двадцати футов! Для волка — раз плюнуть!

Собаки с сомнением во взглядах оценили расстояние. Иногда наступает такой момент, когда любому псу нужно успокоиться и задать себе вопрос: а какому виду я все-таки принадлежу?

— Это просто! Я покажу вам! Смотрите!

Большой Фидо отошел назад, остановился, повернулся, разбежался и... прыгнул.

В траектории его полета не было дуги. Маленький пудель летел сквозь пространство, подгоняемый не мышцами, а исключительно тем огнем, что пылал в его душе.

Передние лапы коснулись черепицы, на мгновение зацепились, а потом сорвались и заскользили по гладкой поверхности. В полной тишине Большой Фидо перевалился через край крыши...

...И вдруг повис.

Он поднял взгляд на пса, державшего его зубами.

— Гаспод? Ты?

— А'а, — невнятно ответил Гаспод сквозь полный рот.

Пудель почти ничего не весил, но сам Гаспод весил лишь чуть больше. Он уперся лапами, однако, как оказалось, упираться было особо не во что. Он неумолимо сползал вниз, пока передние лапы не оказались в водосточном желобе, который мгновенно начал скрипеть и противно трещать.

— Ферт! — выругался Гаспод.

Чьи-то огромные челюсти схватили его за хвост.

— Отпуйти его, — прошепелявила Ангва.

Гаспод попытался покачать головой.

— Не мефай мне! — огрызнулся он сквозь зубы. — Храбрый Пеш Шпаш Полофение! Отфафная Шобака Шпашает На Крыше Друга! Нет!

Желоб снова заскрипел.

«Сейчас я свалюсь, — подумал он. — Это история всей моей жизни...»

Большой Фидо отчаянно завозился.

— За что ты меня держишь?

— Фа ошейник, — ответил Гаспод.

— Что? Будь он проклят!

Пудель попытался вывернуться и закрутился в воздухе.

— Перештань, дурак! Ты фшех наш шброшиш! — прорычал Гаспод.

Собаки с ужасом наблюдали за ними с соседней крыши. Снова затрещал желоб.

Когти Ангвы оставляли белые царапины на черепице.

Большой Фидо дергался и крутился, явно намереваясь высвободиться из ошейника.

Который наконец лопнул.

Песик перевернулся в воздухе, завис на мгновение, а потом сила тяжести завладела им.

— Я свободен!

И он полетел вниз.

Лапы из-под Ангвы выскользнули, и Гаспода, смешно размахивающего лапами, отбросило назад. Он приземлился почти у самого конька. Задыхаясь, Ангва и Гаспод выбрались на более ровное место.

Но не успела развеяться красная пелена, маячившая перед глазами Гаспода, как Ангва рванулась вперед и перепрыгнула через очередной переулок.

Он выплюнул ошейник Большого Фидо, который скатился по крыше и исчез за краем.

— Спасибо! — крикнул он. — Большое тебе спасибо! Брось меня здесь! Пусть у меня всего три здоровые лапы, ты не волнуйся! Если повезет, свалюсь прежде, чем подохну с голоду! О да! Это история всей моей жизни! Ты и я, мой друг! Вместе! У нас ведь могло получиться!

Он повернулся и посмотрел на собак, сидящих на доме напротив.

— Эй вы! Домой! ПЛОХИЕ СОБАКИ! — пролаял он.

После чего сполз вниз по другой стороне крыши. Здесь тоже был переулок, и была глубокая пропасть. Он перебрался вдоль крыши на соседнее здание. Возможности спуститься опять не было. Хотя этажом ниже он увидел балкон.

— Всесторонний подход к вопросу, — пробормотал он. — В нем залог успеха. Итак, волк, обычный волк, стал бы прыгать, а если бы он не прыгнул, то остался бы здесь навеки. В то время как я, благодаря непревзойденной разумности, могу трезво оценить ситуацию, какой бы плохой она ни была, и найти решение при помощи умственного процесса.

Он толкнул в бок сидевшую на конце водосточного желоба горгулью.

— То ы очешь?

— Если ты не поможешь мне спуститься вон на тот балкон, я напишу тебе прямо в ухо.

* * *

— БОЛЬШОЙ ФИДО?

— Да.

— РЯДОМ.

Существуют две теории относительно кончины Большого Фидо.

Одна, выдвинутая Гасподом и основанная на результатах наблюдений, заключается в том, что его останки подобрал Старикашка Рон и через пять минут продал скорняку. Таким образом, Большой Фидо снова увидел свет в качестве двух меховых наушников и подкладки для перчаток.

Вторая, которой придерживаются все остальные собаки и которую в рабочем порядке можно назвать истиной души, заключается в том, что Большой Фидо таки пережил падение, после чего бежал из города и стал вожаком огромной стаи горных волков, которые по ночам наводили ужас на отдельно стоящие фермы. Эта теория делала копание в помойках и ожидание отбросов у дверей более... терпимым. В конце концов, собаки занимались этим только до тех пор, пока не вернется Большой Фидо.

Его ошейник хранился в тайном месте и регулярно посещался бродячими псами, пока о нем не забыли.

Сержант Колон распахнул дверь концом своей пики.

Когда-то, очень давно, башня была разделена на этажи. Сейчас она была полой до самого верха, и пустоту пересекали золотистые лучи солнечного света, проникающие сквозь древние бойницы.

Один заполненный сверкающими пылинками луч падал на то, что совсем недавно было исполняющим обязанности констебля Дуббинсом.

Колон осторожно потрогал тело. Оно не шевелилось. В принципе, то,

что так выглядит, и не должно шевелиться. Рядом валялся искореженный топор.

— О нет, — простонал Колон.

Сверху свисала тонкая веревка, похожая на те, что использовались наемными убийцами. Она дрожала. Колон посмотрел на дымку наверху и обнажил меч.

Он видел башню до самого верха, на веревке никого не было. Что означало...

Он не стал оглядываться, это и спасло ему жизнь.

Его стремительный бросок на пол и выстрел ружия за его спиной произошли одновременно. Потом сержант Колон клялся и божился, что свинцовая пробка пролетела совсем рядом с его ухом.

А затем из дыма появилась фигура, очень сильно ударила его по голове и выбежала в открытую дверь в начинающийся дождь.

— ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ КОНСТЕБЛЯ ДУББИНС?

Дуббинс отделился от самого себя.

— О, — сказал он. — Понятно. Я так и думал, что не выживу. Сразу подумал — после первых же ста футов.

— ТЫ БЫЛ ПРАВ.

Нереальный мир живых существ уже терял отчетливые очертания, но сейчас Дуббинс сердито смотрел на искореженное лезвие топора. Оно, казалось, волновало его больше, чем искореженные останки самого себя.

— Ты только посмотри! — воскликнул он. — Папа выковал этот топор специально для меня. Вот проклятье, отличное оружие было для жизни после смерти!

— ЭТО КАКОЙ-ТО ПОХОРОННЫЙ ОБЫЧАЙ?

— А ты что, не знаешь? Ты же — Смерть!

— ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО Я ДОЛЖЕН РАЗБИРАТЬСЯ ВО ВСЕХ ПОХОРОННЫХ ОБЫЧАЯХ. ОБЫЧНО Я ВСТРЕЧАЮСЬ С ЛЮДЬМИ ДО ИХ ПОХОРОН. НУ А ТЕ, КОГО Я ВСТРЕЧАЮ ПОСЛЕ ПОХОРОН, ОБЫЧНО БЫВАЮТ ПЕРЕВОЗБУЖДЕННЫМИ И НЕ СКЛОННЫМИ К ДИСКУССИИ.

Дуббинс сложил руки на груди.

— Никуда я не пойду, — твердо заявил он, — пока меня не похоронят как положено. Моя истерзанная душа будет в муках бродить по Плоскому миру.

— ЭТО СОВСЕМ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО...

— Моя душа очень упрямая, — предупредил покойный Дуббинс.

— Детрит! Нет времени сочиться! Отправляйся в башню и возьми с собой людей!

Ваймс дотащил патриция на плечах до дверей Главного зала, сзади ковылял Моркоу. У дверей толпились волшебники. Крупные капли дождя падали с неба и шипели на раскаленных булыжниках.

Чудакулли закатал рукава.

— Проклятье! Что это так рассадило ему ногу?

— Ружие! Займитесь патрицием! И капралом Моркоу!

— В этом нет необходимости, — сказал Витинари с улыбкой и попытался встать. — Это всего лишь царапина...

Нога подогнулась под ним.

Ваймс удивленно заморгал. Этого он не ожидал. Патриций был человеком, у которого на все был готов ответ и который ничему на свете не удивлялся. Ваймсу показалось, что сама история сейчас трещит по швам...

— Мы разберемся, сэр, — откликнулся Моркоу. — Я расставил людей по крышам, и...

— Заткнись! Оставайся здесь! Это приказ! — Ваймс покопался в кармане и нацепил на разорванный камзол свой значок. — Эй ты... Пижама! Мне нужен меч!

— Я выполняю приказы только капрала Моркоу, — угрюмо произнес Пижама.

— Давай сюда свой меч, мерзкий коротышка! Так! Спасибо! А теперь в баш...

В дверях появилась тень.

Вошел Детрит.

Все посмотрели на обмякшее тело у него на руках.

Троль осторожно опустил тело на скамью, не говоря ни слова, отошел и сел в угол. Все столпились вокруг бранных останков исполняющего обязанности констебля Дуббинса, а троль снял свой самодельный меч и стал задумчиво крутить его в руках.

— Он лежал на полу, — сказал сержант Колон, прислонившись к косяку. — Вероятно, его сбросили с верхних ступеней лестницы. Там кто-то был. Спустился по веревке и треснул меня по башке.

— Когда сталкивают с башни — это тебе не здорово живешь, — неопределенно выразился Моркоу.

«Тогда, с драконом, все было проще, — подумал Ваймс. — Он оставался драконом даже после того, как убивал кого-нибудь. Он, конечно, прятался, но ты все равно знал, что ищешь дракона. Он не мог перескочить

через забор и превратиться в человека, которого невозможно отличить от других. Ты четко знал, с кем сражаешься. И тебе не приходилось...»

— А что у Дуббинса в руке? — вдруг спросил он и понял, что смотрел на это довольно долго, но не замечал.

Пальцы гнома сжимали клочок черной ткани.

— У наемных убийц такая одежда, — тупо произнес Колон.

— Как и у многих других людей, — возразил Чудакулли. — Черное есть черное.

— Согласен, — сказал Ваймс. — Принимать какие-либо меры только на этом основании было бы преждевременным. Меня, наверное, уволили бы за это.

Он помахал клочком ткани перед лицом Витинари.

— Наемные убийцы повсюду, они начеку. Кажется, они ничего не заметили, а? Вы отдали им это проклятое оружие, потому что считали, что лучше их никто не сможет его охранять! Вы ведь даже не подумали о том, чтобы отдать его стражникам!

— Капрал Моркоу, разве мы не будем преследовать убийцу? — встрял Пижама.

— Преследовать кого? Преследовать куда? — воскликнул Ваймс. — Он треснул старину Фреда по башке и смылся. Мог забежать за угол, перебросить оружие через стену, и никто бы ничего не заметил. Мы же не знаем, кого искать!

— Я знаю, — сказал вдруг Моркоу.

Он встал, придерживая раненую руку.

— Бегать — это просто, — продолжал он. — И мы много бегаем. Но охотиться нужно не так. Правильно охотиться — это сидеть неподвижно в правильном месте. Капитан, я хочу, чтобы сержант вышел и сообщил людям, что мы поймали убийцу.

— Что?

— Его зовут Эдуард Муэрто. Пусть скажет, что он, мол, под арестом. Он серьезно ранен, но жив.

— Но у нас же...

— Он — наемный убийца.

— Но мы не...

— Да, капитан. Я сам не люблю говорить неправду. Однако дело стоит того. И ведь... это ведь уже не ваши проблемы, сэр.

— Не мои? Почему?

— Меньше чем через час вы уходите в отставку.

— Но пока я еще капитан, капрал. И ты обязан доложить мне, что

происходит. Так положено.

— У нас нет времени, сэр. Сержант Колон, сделай как я просил.

— Моркоу, я пока еще командую Стражей! И отдавать приказы положено мне.

Моркоу повесил голову.

— Простите, капитан.

— Вот так. Тебе все понятно, сержант Колон?

— Сэр?

— Распространи новости, что мы арестовали Эдуарда Муэрто, кем бы этот тип ни был.

— Есть, сэр.

Моркоу посмотрел на столпившихся вокруг волшебников.

— Прошу прощения, сэр?

— У-ук?

— Прежде всего нам нужно попасть в библиотеку...

— *Прежде всего*, — сказал Ваймс, — мне нужно найти какой-нибудь шлем. Я без него словно голый. Спасибо, Фред. Итак... шлем... меч... значок. *Теперь* все...

Под городом возник звук. Он просачивался вниз всевозможными путями, но был пока что неясным, будто жужжание улья.

Появилось едва заметное свечение. Вода Анка (вода — в самом широком смысле этого слова, разумеется) омывала (если до предела исказить данное определение) эти тоннели многие века.

Теперь же послышался другой звук. То был звук шагов по грязи, различимый лишь опытным, привыкшим к фоновым шумам ухом. Неясная фигура двигалась во мраке, потом она остановилась у черного круга — входа в более узкий тоннель...

— Как вы себя чувствуете, ваша светлость? — услужливо спросил надеявшийся на повышение по службе Шноббс.

— Ты кто такой?

— Капрал Шноббс, сэр. — Шнобби отдал честь.

— Мы тебя наняли?

— Так точно, сэр.

— А. Ты — гном?

— Никак нет, сэр. Гномом был покойный Дуббинс, сэр! Я — существо человеческое, сэр!

— Ты был нанят в результате... гм, специальной процедуры?

— Никак нет, сэр, — гордо заявил Шнобби.

— О боги, — пробормотал патриций.

Он потерял много крови и чувствовал легкое головокружение. Аркканцлер дал ему выпить какую-то дрянь, сказав, что это чудодейственное лекарство, правда не уточнил, от какой болезни. Наверное, от вертикального состояния. Нужно хотя бы сидеть прямо. Необходимо, чтобы люди видели тебя живым. В дверь постоянно просовывались любопытствующие. Главное сейчас было доказать, что слухи о его кончине сильно преувеличены.

Самопровозглашенный человек капрал Шноббс и другие стражники, подчиняясь приказу капитана Ваймса, окружали патриция плотной стеной. Некоторые из них были значительно крупнее, чем те стражники, которых он смутно помнил.

— Вот ты, дружище, — обратился он к одному, — тебе дали Королевский Шиллинг?

— Я ничего не брал.

— Грандиозно. Молодец.

А потом толпа разбежалась. Что-то золотистое и очень похожее на собаку ворвалось с рычанием в помещение и принялось кружить, обнюхивая пол. После чего снова исчезло, умчавшись длинными грациозными прыжками в сторону библиотеки. А потом патриций услышал следующий разговор:

— Фред?

— Да, Шнобби?

— Это тебе никого не напомнило?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Шнобби беспокойно заерзал.

— Нужно было всыпать ей за появление без формы, — сказал он.

— Несколько щекотливая ситуация...

— Если бы я носился повсюду голый, ты оштрафовал бы меня на полдоллара — за нарушение формы одежды...

— Возьми полдоллара и заткнись.

Лорд Витинари широко улыбнулся. Потом он увидел еще одного стражника — в углу, одного из глыбообразных, коренастых...

— Вы по-прежнему в порядке, ваша светлость? — осведомился Шнобби.

— А кто этот господин?

Он проследили за взглядом патриция.

— Это тролль Детрит, сэр.

- А почему он так сидит?
- Думает, сэр.
- Он очень долго так сидит.
- Он медленно думает, сэр.

Детрит встал. Что-то в нем напоминало могучий континент, начавший тектоническое движение, результатом которого станет формирование неприступных горных пиков, на которые люди будут глазеть, разинув рты. Никто из присутствующих не был знаком с процессом формирования гор, но сейчас они могли получить представление о том, как это происходило. А происходило это примерно так, как встал Детрит, зажав в могучей лапе сломанный топор Дуббинса.

— Очень, очень вдумчивый тролль, — добавил Шнобби, оглядываясь по сторонам в поисках возможных путей отступления.

Тролль обвел взглядом толпу, словно не понимая, что делают здесь все эти люди. А потом двинулся вперед, широко размахивая руками.

— Исполняющий обязанности констебля Детрит... э-э... не мог бы ты... — робко произнес Колон.

Детрит проигнорировал его. Он уже набрал скорость и двигался медленно, но верно, как лава.

Он приблизился к стене и одним движением убрал ее с дороги.

— Никто не давал ему серы? — спросил Шнобби.

Колон оглядел оставшихся стражников.

— Младший констебль Боксит! Младший констебль Углеморд! Задержать исполняющего обязанности констебля Детрита!

Два тролля посмотрели вслед удаляющемуся Детриту, потом друг на друга и только потом на сержанта Колона.

Бокситу наконец удалось отдать честь.

— Прошу разрешения отбыть на похороны бабушки, сэр.

— Э-э, как это?

— Либо она, либо я.

— Наши гухулугские головы вобьют в плечи, — сказал более прямолинейный Углеморд.

Зажглась спичка. В темноте канализации она казалось яркой, как новая звезда.

Ваймс сначала прикурил сигару, потом зажег лампу.

— Доктор Проблемс? — окликнул он.

Глава наемных убийц замер.

— У капрала Моркоу тоже есть арбалет, — сказал капитан. — Не

уверен, правда, что он его применит. Он — добрый человек. И считает добрыми всех остальных. А я — нет. Я — подлый, скверный и очень усталый. Впрочем, подумай хорошенько, время еще есть. Кстати, что ты тут делаешь? Неужели пришел за бренными останками молодого Эдуарда? Так капрал Шноббс еще утром перенес их в морг Стражи, карманы наверняка обчистил, но с этим ничего не поделаешь — Шнобби всегда так поступает. У него преступный ум, у нашего Шнобби. Но, должен сказать, душа у него не преступная. Надеюсь, он смыл клоунский грим с бедняги. Ну и ну... Ловко ты его использовал. Он убил бедного Бино, потом завладел ружьем... Он присутствовал при том, как оно убило Крюкомолота, даже оставил клоч парика Бино на косяке, но дальше... Дальше, когда ему потребовался добрый совет, как, например, сдать властям, ты убил его. Нет-нет, не возражай, молодой Эдуард не мог находиться на башне, если ты об этом. Учítывая колотую рану в сердце и все остальное. Я знаю, Смерть не всегда является препятствием для того, чтобы продолжать тихо наслаждаться прелестями городской жизни, но сомневаюсь, что в последние дни молодой Эдуард вставал на ноги. А с клочком ткани неплохая затея. Но, честно говоря, я никогда не верил во всю эту ерунду, типа следов на клумбе, случайно найденных пуговиц, выдающих преступника, и всего остального. Люди считают это работой стражника. Однако все не так. Работа стражника — это удача плюс тяжелый, изнурительный труд. Только многие об этом даже не подозревают. В общем, он умер... Если не ошибаюсь, дня два прошло, да? А здесь так приятно, прохладно... Ты вытащил бы его отсюда, и, наверное, тебе бы даже удалось одурачить нас. Люди в морге не стали бы разбираться, ведь ты предъявил бы человека, который стрелял в самого патриция. Да и не до разбирательств было бы. Смею заметить, что к тому времени половина населения города уже дралась бы с другой половиной. Одним покойником больше, одним меньше. Впрочем, тебе наплевать. — Он помолчал немного. — Может, ты хоть что-нибудь скажешь?

— Ничего ты не понимаешь... — откликнулся вдруг Проблемс.

— Неужели?

— Эдуард был прав. Он был абсолютно безумен, но прав.

— Прав в чем, доктор Проблемс? — спросил Ваймс.

И тут наемный убийца исчез, стремительно нырнув в темноту.

— О нет, — простонал Ваймс.

Шепот эхом разнесся по рукотворным пещерам.

— Капитан Ваймс? Настоящий убийца первой усваивает следующую истину...

Прогредел выстрел, и лампа в руках капитана разлетелась вдребезги.

— ...Никогда не стой рядом с источником света.

Ваймс упал и откатился в сторону. Еще один выстрел пришелся в воду в футах от него, окатив капитана холодными брызгами.

Вода была везде...

Шел дождь, вода в Анке поднималась и в соответствии с законами более древними, чем сам город, находила дорогу в тоннели.

— Моркоу... — прошептал Ваймс.

— Да? — Ответ донесся из крошечной тьмы справа.

— Я ничего не вижу. Эта проклятая лампа... Теперь никак не могу привыкнуть к темноте.

— Я чувствую, как поднимается вода.

— Мы... — начал было Ваймс, но замолчал, когда представил, как спрятавшийся Проблемс целится в источник звука.

«Нужно было пристрелить его сразу, без разговоров, — подумал он. — Он же профессиональный убийца!»

Капитан вынужден был приподняться, чтобы вода не заливала лицо.

Потом он услышал легкий всплеск. Проблемс направлялся к ним.

Раздался звук, словно кто-то чиркнул спичкой, и появился свет. Проблемс зажег факел, и Ваймс увидел его тощую фигуру. Другой рукой убийца наводил ружье.

И тут он вспомнил то, что узнал, будучи еще совсем молодым стражником. Если ты смотришь на стрелу не с того конца, если находишься полностью во власти другого человека, надейся, что тот человек окажется действительно плохим, ведь плохие люди упиваются властью, властью над людьми, они хотят видеть страх. Они хотят, чтобы ты знал, что скоро умрешь. Поэтому они будут говорить. Будут злорадствовать.

Будут смотреть, как ты *корчишься* от страха. Будут оттягивать момент убийства, как заядлый курильщик тянет с закуриванием хорошей сигары.

Поэтому надейся всей душой, что захвативший тебя человек окажется прескверным типом. Обычный человек убьет тебя, не сказав ни слова.

И вдруг, к своему ужасу, он услышал, как поднимается Моркоу.

— Доктор Проблемс, я беру вас под стражу за убийство Рьода Крюкомолота, Эдуарда Муэрто, клоуна Бино, Леттиции Ниббс и исполняющего обязанности констебля Городской Стражи Дуббинса.

— Ну и ну, неужели это все я? Боюсь, брата Бино убил Эдуард. Сам до этого додумался, дурак. А *сказал*, что не хотел. Крюкомолот, насколько понимаю, погиб в результате несчастного случая. Достаточно странного, впрочем. Он ковырялся в ружье, механизм сработал, заряд отскочил от

наковальни и убил его. Так заявил Эдуард. Он пришел ко мне тогда. Был очень расстроен. Чистосердечно признался во всем. Поэтому я убил его. А что еще оставалось делать? Он совсем лишился рассудка. С такими людьми нельзя договориться. Не мог бы ты отойти чуть в сторонку? Мне бы не хотелось стрелять. Нет! Если, конечно, меня не заставят выстрелить!

Ваймсу показалось, что Проблемс спорит сам с собой. Ружие качалось из стороны в сторону.

— Он бормотал какую-то чушь, — продолжал Проблемс. — Сказал, что ружие само убило Крюкомолота. Я спросил: «Это произошло случайно?» А он ответил, что нет, не случайно, ружие умышленно убило Крюкомолота.

Моркоу сделал еще шаг вперед. Проблемс, казалось, пребывал в каком-то своем мире.

— Оно же убило ту нищенку. Я этого не делал! Зачем мне нужна была ее смерть?

Проблемс отступил. Но ружие повернулось в сторону Моркоу. Ваймсу показалось, что оно движется по собственной воле, словно животное, нюхающее воздух...

— Ложись! — прошипел Ваймс. Он попытался нащупать рукой арбалет.

— Он сказал, что ружие ревнует! Крюкомолот мог сделать много других ружий! Стой!

Моркоу сделал еще один шаг.

— Я вынужден был убить Эдуарда! Он был романтиком, он все испортил бы! Анк-Морпорку так нужен король!

Ружие дернулось и выстрелило. В тот же миг Моркоу стремительно прыгнул в сторону.

Тоннели светились запахами, в основном едко-желтыми и землисто-оранжевыми ароматами древних стоков. Воздух был неподвижным, и поэтому оставленная Проблемсом линия, петляющая по густому смраду, была четко видна. Впрочем, был еще запах ружия, яркий, как свежая рана.

«Я почуяла запах ружия в Гильдии, — подумала она, — после того как мимо прошел Проблемс. А Гаспод сказал, что так и должно быть, потому что ружие хранилось в Гильдии... но из него там *не стреляли*. Я почуяла запах, потому что рядом был человек, стрелявший из него».

Она выбежала по воде в большой зал и увидела — своим носом — всех троих: неотчетливую фигуру, пахнущую Ваймсом, падающую фигуру, которая была Моркоу, и поворачивающуюся фигуру с ружием...

А потом она перестала думать головой и отдалась на волю тела. Волчьи мышцы несли ее вперед, лапы почти не касались воды, а волчьи глаза не отрываясь смотрели на шею Проблемса.

Ружие выстрелило четыре раза. И все пули попали в цель.

Она всей массой врезалась в человека.

Ваймс, рассыпая во все стороны брызги, вскочил на ноги.

— Шесть выстрелов! Шесть выстрелов, гаденыш! Теперь ты мой!

Проблемс обернулся, увидел приближающегося Ваймса и, поднявшись, быстро побежал по тоннелю.

Ваймс вырвал арбалет из рук Моркоу, в отчаянии прицелился и нажал на курок. Ничего не последовало.

— Моркоу! Идиот! Ты даже не взвел его! — Ваймс взгляделся во мрак. — Скорей! Он не должен уйти!

— Это Ангва, капитан.

— Что?

— Она мертва!

— Моркоу! *Послушай*. Ты можешь найти другой выход из всего этого дерьма? *Нет*. Значит, следуй за мной.

— Я... не могу оставить ее здесь. Я...

— Капрал Моркоу! За мной!

Ваймс полубегом, полувплавь бросился к тоннелю, поглотившему Проблемса. Тоннель уходил вверх, он чувствовал, как с каждым шагом отступает вода.

Никогда не давай преследуемому зверю время отдохнуть. Он узнал это в первый же день службы в Страже. Когда нужно преследовать, преследуй. Если дашь преступнику время отдохнуть и собраться с мыслями, то за следующим углом встретишься собственной мордой с каким-нибудь кирпичом.

Проход становился все уже.

Здесь были и другие тоннели. Моркоу оказался прав. Сотни людей долгие годы работали на строительстве этой системы. Анк-Морпорк был действительно построен на Анк-Морпорке.

Ваймс остановился.

Он не слышал никаких всплесков, тоннель был пуст.

Но потом он увидел вспышку в боковом тоннеле.

Ваймс быстро пополз туда и успел заметить луч света и пару ног, исчезающих в открытом люке.

Рванувшись вперед, он схватил одну ногу за башмак, когда она почти уже скрылась в комнате наверху. Проблемс попытался лягнуть капитана, но

тяжело грохнулся на пол.

Ваймс зацепился за края люка, подтянулся и вылез наверх.

Это был совсем не тоннель. Скорее, подвал. Он поскользнулся, ударился о покрытую слизью стену. Так на чем построен Анк-Морпорк? Правильно...

Проблемс был всего в нескольких ярдах — он пытался подняться по лестнице, но постоянно соскальзывал со ступеней и сползал вниз. Лестница вела к двери, давно уже сгнившей.

Потом были другие лестницы и другие подвалы. Пожар — наводнение, наводнение — новые постройки... Комнаты становились подвалами, подвалы превращались в фундаменты. Погоня не отличалась изяществом, оба ее участника падали в грязь и поднимались снова, хватаясь за покрытые слизью стены. Проблемс предусмотрительно расставил на пути отступления свечи. Свет их был достаточно ярким для того, чтобы заставить Ваймса пожалеть о том, что они есть.

Вдруг он почувствовал под ногами сухие камни и увидел не дверь, но пробитую в стене дыру. А за ней — бочки, обломки мебели, древний хлам, который сбросили сюда и забыли.

Проблемс лежал всего в нескольких футах и судорожно совал в ружье очередные шесть трубочек. Ваймсу удалось подняться на четвереньки, и он ловил воздух широко открытым ртом. Неподалеку от них в стену была воткнута свеча.

— Попался... — задыхаясь, произнес он.

Проблемс тоже попытался встать, но ружье он по-прежнему не отпускал.

— Ты... слишком... стар... для... таких... пробежек, — выдавил Ваймс.

Проблемс все же поднялся на ноги и, пошатываясь, направился прочь. Ваймс задумался на мгновение, мысленно добавил: «Я тоже для этого слишком стар» — и прыгнул.

Они покатались по пыльному полу, зажав ружье между своими телами. А потом до Ваймса дошло, что ни один человек в здравом уме не станет драться с наемным убийцей, у которого в одежде спрятано безумное количество орудий убийства. Но Проблемс упорно цеплялся за ружье, тупо сжимал его обеими руками и пытался ударить Ваймса стволом или прикладом.

Любопытно, но факт: наемные убийцы редко когда изучают приемы рукопашного боя. Они слишком хороши в вооруженном бою, чтобы тратить время на всякую ерунду. Джентльмены носят оружие, низшие классы

используют то, что им дано природой, то есть свои руки.

— *Попался!* — прохрипел Ваймс. — Ты арестован, вот и води себя как арестованный.

Но Проблемс не собирался отпускать ружье, а Ваймс просто боялся это сделать. Они тянули ружье каждый на себя и отчаянно сопели.

Ружье выстрелило.

Появился язык красного пламени, запахло фейерверками, а потом что-то троекратно звякнуло. Потом это нечто брякнуло по шлему Ваймса и ушло в потолок.

Ваймс посмотрел на искаженное лицо Проблемса, наклонил вперед голову и сильно дернул ружье на себя.

Убийца завопил и выпустил ружье, схватившись за нос. Ваймс откатился, крепко держа ружье обеими руками.

Оно двигалось. Приклад вдруг прижался к плечу, а на курок сам собой лег палец.

«Ты мой.

Он нам больше не нужен».

Ваймс был так потрясен этим голосом, что не сдержал вырвавшийся крик.

Потом он клялся, что не нажимал на курок. Тот нажался сам и потянул за собой его палец.

Ружье сильно ударило его в плечо, взвилась пыль, и на стене рядом с головой наемного убийцы возникла вдруг шестидюймовая дыра.

Сквозь красную пелену в глазах Ваймс с трудом различил, как Проблемс выскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

«Все, что ты ненавидишь, все, что неправильно в этом мире, — все это я могу исправить».

Ваймс потянулся к двери и подергал ручку. Заперто. Он навел ружье и, совершенно не задумываясь, позволил курку потянуть свой палец. Большая часть двери превратилась в огромную, оцетинившуюся щепками дыру.

Ваймс пинком вышиб остатки двери и последовал за ружьем.

Он оказался в коридоре. Из полуоткрытых дверей на него изумленно таращились молодые люди. Все они были в черных костюмах.

Он оказался внутри Гильдии Наемных Убийц.

Молодой начинающий убийца, задрав нос, свысока посмотрел на Ваймса.

— Кто ты, смертный?

Ружье быстро повернулось. Ваймсу удалось дернуть ствол вверх буквально за мгновение до выстрела, который изрешетил весь потолок.

— Я — закон, сукины дети! — заорал он.

Все молча уставились на него.

«Пристрели их всех. Очисти мир».

— Заткнись! — завопил Ваймс — покрытое пылью и слизью подземное чудовище с налитыми кровью глазами.

Студенты задрожали.

— Куда пошел Проблемс?

Сознание его было окутано туманом. Рука аж скрипела от едва сдерживаемого желания выстрелить.

Один из начинающих убийц указал пальцем на лестницу. В момент выстрела он стоял рядом с Ваймсом и сейчас был весь осыпан, словно дьявольской перхотью, пылью от штукатурки.

Ружье помчалось дальше, протавив Ваймса мимо испуганных студентов, вверх по лестнице, на которой были видны черные грязные следы. Лестница вела к другому коридору. Открылись двери — но мгновенно закрылись, когда ружье выстрелило снова и вдребезги разнесло канделябр.

Коридор вел к широкой площадке, у которой заканчивалась более величественная лестница и на которую выходила большая дубовая дверь.

Ваймс выстрелом выбил замок, пинком распахнул дверь и вовремя успел справиться с ружьем и пригнуться. Арбалетная стрела с шелестом просвистела над его головой, воткнувшись во что-то в дальнем конце коридора.

«Пристрели его! ПРИСТРЕЛИ!»

Проблемс стоял у стола и суетливо заряжал арбалет.

Ваймс потряс головой, пытаясь заглушить звон в ушах.

А... почему нет? Почему бы и не выстрелить? Кто этот человек? Он, Ваймс, всегда хотел сделать город чище, почему бы не начать с этого типа? А потом люди поймут, что закон...

Очистить мир.

Колокола начали возвещать о наступлении полдня.

Зазвонил было треснутый бронзовый колокол Гильдии Учителей, потом оставил полдень без внимания, однако почти сразу перезвон подхватили вечно спешившие часы Гильдии Пекарей.

Проблемс выпрямился и начал незаметно отступать за одну из каменных колонн.

— Ты не сможешь в меня выстрелить, — заявил он, не спуская глаз с ружья. — Я знаю закон. И ты его знаешь. Ты — стражник. Ты не можешь убить меня безжалостно и хладнокровно.

Ваймс прищурился и посмотрел на него вдоль ствола.

Все было так просто... Курок подергивал его палец.

Начал звонить третий колокол.

— Ты не можешь так просто убить меня. Это запрещено законом. А ты — стражник, — повторил доктор Проблемс и облизнул пересохшие губы.

Ствол ружия немного опустился. Проблемс почти успокоился.

— Да, я — стражник.

Ствол поднялся опять, и сейчас он был направлен прямо в лоб Проблемса.

— Но когда колокола закончат звонить, — тихо сказал Ваймс, — я перестану быть стражником.

«Пристрели его! ПРИСТРЕЛИ!»

Ваймс зажал приклад под мышкой, чтобы одна рука оставалась свободной.

— Сделаем все по правилам, — предложил он. — Именно по правилам. Как полагается.

Не опуская глаз, он сорвал значок с остатков камзола. Значок блестел даже сквозь грязь. Ваймс любил начищать его... Он подбросил значок вверх, как монету, медь пару раз сверкнула на солнце.

Проблемс следил за значком, как кошка.

Звон колоколов начинал стихать. На большинстве башен часы уже замолчали. Звучал лишь гонг Храма Мелких Богов, которому вторил вечно опаздывающий колокол Гильдии Наемных Убийц.

Гонг замолчал.

Доктор Проблемс нарочито медленно и аккуратно положил арбалет на стол.

— Видишь! Я положил его!

— Ага, — кивнул Ваймс. — Но мне хочется быть уверенным в том, что ты не возьмешь его снова.

Черный колокол Гильдии Наемных Убийц пробил полдень.

И замолчал.

Наступившая тишина была не менее оглушительной, чем раскат грома.

Звон упавшего на пол значка Ваймса заполнил всю комнату.

Ваймс поднял ружье, позволил руке расслабиться...

И тут раздался новый, неизвестный бой.

Он напоминал веселую мелодию, и его не было бы слышно, если бы не эта гробовая тишина...

Динь-дилинь-бим-бом...

...Но часы эти ходят точнее, чем песочные, водяные и маятниковые.

— Опустите ружье, капитан, — попросил Моркоу, медленно поднимаясь по ступеням.

В одной руке он держал свой меч, в другой — подарочные часы.

...Динь-динь-дилинь...

Ваймс не шевелился.

— Опустите, капитан. Немедленно.

— Я могу подождать, пока не замолчит еще один колокол, — сказал Ваймс.

...Динь-дон...

— Я не допущу этого, капитан. Это будет убийством.

...Блям-дилинь...

— Ты меня остановишь, да?

— Да.

...Динь... динь...

Ваймс едва заметно повернул голову.

— Он убил Ангву. Неужели это ничего не значит для тебя?

...Динь... динь... динь... динь...

Моркоу кивнул.

— Значит. Но личное — это не то же самое, что важное.

Ваймс посмотрел вдоль своей руки. Лицо доктора Проблемса с широко открытым ртом плясало на конце ствола.

...Динь... динь... динь... динь... динь...

— Капитан Ваймс?

...Динь.

— Капитан? Значок номер 177, капитан. Раньше его пятнала лишь пatina.

Дух ружия, распространявшийся от рук по всему телу Ваймса, встретился с армией твердолобых ваймсов, маршировавших в противоположном направлении.

— На вашем месте я бы опустил эту штуку, капитан, — сказал Моркоу. Говорил он так, будто разговаривал с маленьким ребенком. — Она вам не нужна.

Ваймс уставился на предмет в своих руках. Крики были почти не слышны.

— Немедленно опусти его, стражник! Это приказ!

Ружье упало на пол. Ваймс отдал честь и только потом понял, что сделал. Он, прищурившись, посмотрел на Моркоу.

— Значит, личное — это не то же самое, что важное, да?

— Послушайте, — встрял Проблемс, — мне очень жаль, что так

вышло с девушкой, это был несчастный случай, я лишь хотел... Есть доказательство! Есть...

Проблемс словно позабыл о стражниках. Он схватил со стола кожаную сумку и принялся неистово трясти ей.

— Все здесь! Абсолютно все, господа! Доказательство! Эдуард был дураком, думал только о коронах и церемониях, он не понимал, что нашел! А прошлой ночью меня как будто осенило...

— Меня это не интересует, — пробормотал Ваймс.

— Городу нужен король!

— Но не нужны убийцы, — сказал Моркоу.

— Но...

И тогда, отчаянно нырнув вперед, Проблемс схватил ружье.

Ваймс как раз пытался собраться с мыслями, но они тут же порскнули по самым дальним уголкам сознания. Он смотрел прямо в рот ружью. Оно ухмылялось.

Проблемс прислонился к колонне, однако ружье осталось неподвижным, оно само целилось в Ваймса.

— Все здесь, господа, — повторил Проблемс. — Все описано. Абсолютно все. Родимые пятна и пророчества, генеалогия, буквально все. Даже этот меч. Этот самый меч!

— Правда? Можно посмотреть?

Моркоу опустил меч и, к ужасу Ваймса, подошел к столу. Он достал из сумки пачку бумаг. Проблемс одобрительно кивнул, словно похвалил послушного мальчика.

Моркоу изучил одну страницу, потом взял следующую.

— Интересно, — согласился он.

— Именно так. Теперь осталось лишь избавиться от этого назойливого стражника.

Ваймсу показалось, что он видит в глубине ствола маленький кусочек свинца, который вот-вот вылетит и...

— Очень жаль, — сказал Проблемс, — что ты не...

Моркоу встал перед ружьем. Движение руки было молниеносным, почти бесшумным.

«Молись о том, чтобы никогда не оказаться во власти нормального человека, — подумал Ваймс. — Он убьет тебя, не проронив ни слова».

Проблемс опустил взгляд. Рубашка была залита кровью. Он поднес пальцы к рукоятке торчащего из его груди меча и посмотрел Моркоу в глаза.

— Но почему? Ты же мог стать...

И он умер. Выпав из его рук, ружье ударилось об пол и выстрелило. После чего опять наступила тишина.

Моркоу взял меч за рукоятку и потянул на себя. Тело тяжело рухнуло на половицы.

Ваймс облокотился на стол и перевел дыхание.

— Будь... он... проклят...

— Сэр?

— Он... говорил что-то о королях и обращался к тебе, — пробормотал Ваймс. — Почему...

— Вы опаздываете, капитан, — напомнил Моркоу.

— Опаздываю? Опаздываю?! Что ты имеешь в виду? — Ваймс отчаянно пытался помешать своему мозгу расстаться с реальностью.

— Вам полагалось жениться... — Моркоу взглянул на часы, потом закрыл крышку и передал их Ваймсу. — ...Две минуты назад.

— Да, да. Но он говорил о королях и смотрел на тебя. Я видел...

— Думаю, он что-то напутал, господин Ваймс, — сказал Моркоу.

Тут в голову Ваймса пришла одна мысль. Меч Моркоу был около двух футов длиной. Он пронзил Проблемса насквозь. Но Проблемс стоял, прижавшись спиной к...

— Моркоу... — начал было он.

— И выглядите вы не лучшим образом, сэр. Стоит привести себя в порядок.

Моркоу взял со стола кожаную сумку и повесил ее на плечо.

— Моркоу...

— Сэр?

— Я приказываю тебе отдать...

— Вы не можете мне приказывать, сэр. Потому что вы уже, не считите мои слова оскорблением, гражданское лицо. Это новая жизнь.

— Гражданское лицо?

Ваймс потер лоб. Мысли путались в его голове: ружье, канализация, Моркоу... Он, Ваймс, давно уже работал на чистом адреналине, скоро ему будет предъявлен счет, и никакой отсрочки не выпросишь... Ваймс обмяк.

— Но *это* моя жизнь, Моркоу! Это же моя *работа*!

— Горячая ванна и что-нибудь выпить, сэр. Это то, что вам нужно, — сказал Моркоу. — Мир разом станет прекрасней. Пойдемте.

Ваймс посмотрел на поверженного Проблемса, потом на ружье. Он хотел было поднять механизм, но вовремя остановился.

Неудивительно, что никто не смог уничтожить ружье. Трудно убить такую идеальную вещь. Она трогала что-то в самой глубине души. Стоило

взять ружье в руки, и ты ощущал силу. Большую, чем мог дать любой арбалет, любое копье, — те, если подумать, лишь использовали силу твоих мышц. Но ружье дарило тебе внешнюю силу. Ты не использовал ее, это она использовала тебя. Проблемс, скорее всего, был не таким уж плохим человеком. Наверное, он благосклонно выслушал Эдуарда, потом взял в руки ружье — и стал принадлежать ему.

— Капитан Ваймс? — окликнул Моркоу, наклоняясь к ружью. — Думаю, нам лучше уйти отсюда.

— Не трогай его! — воскликнул Ваймс.

— Почему? Это всего лишь механическое устройство, — успокоил Моркоу.

Он взял ружье за ствол, осмотрел его и что было сил ударил об стену. Во все стороны полетели обломки металла.

— Одно из многих механических устройств, — продолжил он. — Но одно из многих бывает особенным, как говаривал мой отец. Нам пора.

Он открыл дверь.

И закрыл ее.

— На лестнице около сотни убийц, — сообщил он.

— А сколько у тебя стрел для арбалета? — машинально спросил Ваймс. Он никак не мог оторвать взгляд от искореженного ружья.

— Одна.

— Впрочем, неважно, перезарядить его все равно не успеем.

Раздался вежливый стук в дверь.

Моркоу посмотрел на Ваймса, но тот лишь пожал плечами. Капрал открыл дверь.

Это был Низз. Он продемонстрировал им пустые руки.

— Можете опустить оружие. Уверяю, оно вам не понадобится. Где доктор Проблемс?

Моркоу показал.

— Ага...

Низз посмотрел на стражников.

— Гм, нельзя ли оставить тело у нас? Мы предадим его земле в нашем склепе.

Ваймс ткнул пальцем в то, что осталось от Проблемса.

— Он *убил*...

— А сейчас он мертв. И я покорнейше прошу вас уйти.

Низз открыл дверь. На широкой лестнице выстроились убийцы. Оружия видно не было. Впрочем, убийцы никогда не держали его на виду.

У нижних ступеней лежало тело Ангвы. Стражники медленно

спустились, Моркоу встал на колени и поднял девушку.

Потом кивнул Низзу.

— Мы пришем кого-нибудь за телом доктора Проблемса, — сказал он.

— Но я думал, мы договорились...

— Нет. Нужно позаботиться о том, чтобы он остался мертвым. Все должно быть сделано честно, открыто, а не в темноте и не за закрытыми дверями.

— Боюсь, я не могу удовлетворить эту просьбу...

— Это не просьба, сэр.

Толпа наемных убийц проводила их взглядами. Черные ворота оказались закрытыми.

И никто не собирался их открывать.

— Я с тобой целиком и полностью согласен, но, может, стоило высказать это другими словами? — предположил Ваймс. — Кажется, они не очень обрадовались...

Ворота разлетелись. Шестифутовая железная стрела просвистела мимо Моркоу и Ваймса и отколола большой кусок стены в дальнем конце двора.

Пара ударов окончательно разрушила ворота, и появился Детрит. Он оглядел собравшихся во дворе наемных убийц алыми от ярости глазками. И зарычал.

До наиболее умных мгновенно дошло, что в их арсенале нет оружия, способного убить тролля. У наемных убийц превосходные стилеты, но здесь скорее пригодилась бы кирка, а маленькие стрелки, пропитанные экзотическими ядами, бесполезны против троллей. Никто из убийц и представить себе не мог, что какой-нибудь тролль станет настолько важной персоной, что его нужно будет убить. Но таким важным троллем стал вдруг Детрит. В одной руке он держал топор Дуббинса, в другой — свой могучий арбалет.

Некоторые наиболее сообразительные наемные убийцы развернулись и бросились прочь. Другие оказались менее сообразительными. От каменной шкуры Детрита отскочила пара стрел. Однако, увидев лицо тролля, выпустившие их убийцы быстро побросали арбалеты.

Детрит поднял дубину.

— *Исполняющий обязанности констебля Детрит!*

Слова разнеслись по всему двору.

— *Исполняющий обязанности констебля Детрит! Сми-и-ирна!*

Детрит очень медленно поднял руку.

Дзинь.

— А теперь слушай меня, исполняющий обязанности констебля Детрит! — рывкнул Моркоу. — Если уж существует рай для стражников, а я надеюсь, он существует, исполняющий обязанности констебля Дуббинс находится сейчас там, он пьян как обезьяна, и держит в одной руке крысу, а в другой — пинту самого дорогого пойла Джимкина Пивомеса, и он смотрит вверх, на нас^[27], и говорит: «Мой друг, исполняющий обязанности констебля Детрит, не забудет, что он — стражник. О нет, только не Детрит».

После мгновения напряженной тишины прозвучало очередное «дзинь».

— Благодарю, исполняющий обязанности констебля. Ты проводишь господина Ваймса до Университета. — Моркоу оглядел наемных убийц. — Счастливого вам дня, господа. Мы, может, еще вернемся.

Стражники переступили через обломки ворот.

Пока они не вышли на улицу, Ваймс не проронил ни слова, но потом опять повернулся к Моркоу:

— Почему он говорил о...

— Прошу прощения, капитан, я должен отнести ее в штаб-квартиру.

Ваймс посмотрел на тело Ангвы и неожиданно почувствовал, что привычный ход мыслей нарушается. О некоторых вещах очень тяжело думать. Ему нужно побыть одному в тихом месте хотя бы часок, чтобы собраться с мыслями... *Личное — это не то же самое, что важное.* Очень необычный подход — что же он за человек?... И потом Ваймс вдруг осознал, что у Анка в прошлом были очень скверные правители, просто плохие правители, но никогда не было хорошего правителя. И перспектива заполучить такого короля пугала его больше всего на свете.

— Сэр? — вежливо обратился Моркоу к Ваймсу.

— Гм. Мы похороним ее в Храме Мелких Богов. Что скажешь? — спросил Ваймс. — Это своего рода традиция стражников...

— Да, сэр. Идите с Детритом. Он — неплохой парень, надо только отдавать четкие приказы. И надеюсь, вы не будете возражать, но я, пожалуй, не пойду на свадьбу. Сами знаете, как бывает...

— Да. Да, конечно. Моркоу? — Ваймс заморгал, пытаясь прогнать подозрения, которые настойчиво заявляли о себе. — Не стоит слишком плохо думать о Проблемсе. Боги знают, я ненавижу эту сволочь, а потому хочу быть справедливым. Мне известно, что ружье делает с людьми. Для ружья мы все одинаковы. Я ничем не отличался от доктора.

— Нет, капитан, отличались. Вы бросили ружье.

Ваймс с трудом улыбнулся.

— Зови меня теперь господином Ваймсом, — поправил он.

Моркоу вернулся в штаб-квартиру и уложил Ангву на стол в специальной, отведенной под морг комнате. Ее тело уже похолодело.

Он принес воды, промыл и расчесал ее волосы.

То, что он сделал потом, поразило бы любого тролля, гнома или, скажем, человека, не понимающего реакцию человеческого разума на связанные с огромным напряжением ситуации.

Моркоу написал рапорт. Затем вымыл пол в главной комнате. Согласно расписанию, как раз наступила его очередь. Потом он вымылся сам, сменил рубашку, перебинтовал рану на плече и чистил доспехи сначала проволочной мочалкой, после чего — мягкой тканью, пока не увидел в них свое отражение.

Издалека до него доносились звуки «Свадебного марша» Фондельсона в переложении для Чудовищного Органа с различными звуковыми эффектами скотного двора. Затем из тайника, который сержант Колон считал совершенно надежным, Моркоу достал полбутылки рома, налил себе чуть-чуть и выпил со словами: «За господина Ваймса и госпожу Овнец!», произнеся их так отчетливо и искренне, что любой их услышавший растрогался бы до глубины души.

Кто-то поскребся в дверь. Моркоу встал и впустил Гаспода. Маленький песик молча юркнул под стол.

После чего Моркоу поднялся в свою комнату, сел на стул и уставился в окно.

День шел на убыль. Где-то в районе того часа, когда наступает время пить вечерний чай, дождь прекратился.

По всему городу зажигались огни.

На небо взобралась луна.

Открылась дверь. Тихо ступая, вошла Ангва. Обернувшись, Моркоу улыбнулся ей.

— Я не был уверен, — признался он. — Но потом подумал, что, кажется, их можно убить только серебром. Мне оставалось лишь надеяться.

Это случилось через два дня. Шел дождь. Он не лил, он буквально обрушивался из серых туч, шумными ручьями бороздил грязь. Анк-Морпорк довольно ворчал, наполняя свое подземное царство. Дождь лился из пастей горгулий. Дождь бил в землю с такой силой, что все вокруг было

окутано туманом от рикошетирующих капель.

Он барабанил по могильным камням на кладбище за Храмом Мелких Богов и заливал маленькую могилу, вырытую для исполняющего обязанности констебля Дуббинса.

На похоронах стражника всегда присутствуют только стражники. Иногда — родственники. Пришли госпожа Овнец и подруга Детрита Рубина, но *толпы* на похоронах стражника никогда не бывает. Видимо, Моркоу был прав. Становясь стражником, ты перестаешь быть кем-либо еще.

Впрочем, у ограды кладбища стояли какие-то люди. Они не присутствовали на похоронах, но наблюдали за ними.

Маленький жрец провел общую службу типа «внесите в указанные места имя усопшего», которая должна была удовлетворить всех богов, которые могли ее услышать. Потом Детрит опустил гроб в могилу, и жрец бросил церемониальную горсть земли, которая не застучала по крышке гроба, но печально и безвозвратно чавкнула.

И Моркоу, к величайшему удивлению Ваймса, произнес речь. Его слова разносились над пропитанной влагой землей, эхом отражаясь от покрытых каплями дождя деревьев. Содержание речи являлось единственно приемлемым для такого события: он был моим другом, он был одним из нас, он был хорошим стражником.

Он был хорошим стражником. Эти слова звучали буквально на всех похоронах, на которых доводилось присутствовать Ваймсу. Вероятно, их произнесут и на похоронах капрала Шноббса, правда скрестив пальцы за спиной. Такие слова нужно говорить.

Ваймс смотрел на гроб. Вдруг какое-то странное чувство охватило его, подкравшись незаметно, как струйки воды по шее. Оно не было похоже на обычное подозрение. Если бы мысль задержалась в голове достаточно долго, она бы, пожалуй, могла стать подозрением, а так она представляла собой обычную догадку.

Он должен спросить. Иначе эта мысль будет мучить его до скончания дней.

И, когда все уже отходили от могилы, он наконец решился:

— Капрал?

— Да, сэр?

— Значит, ружье никто не нашел?

— Так точно, сэр.

— А мне сказали, ты его держал последним.

— Куда-то засунул, видимо. Вы же знаете, какая была неразбериха.

— Да. О да. Но я практически уверен, что собственными глазами видел, как ты выносил его из Гильдии.

— Наверное, так оно и было, сэр.

— Да. Э-э... Надеюсь, ты засунул его в безопасное место. Как по-твоему, это место безопасно?

Могильщик начал швырять в могилу мокрую, липкую землю Анк-Морпорка.

— По-моему, да, сэр. А вам так не кажется? Судя по тому, что его никто не нашел. Если бы его нашли, мы бы уже знали об этом!

— Может, так будет лучше, капрал Моркоу.

— Я действительно надеюсь на это.

— Он был хорошим полицейским.

— Так точно, сэр.

Ваймс никак не успокаивался:

— И... мне показалось, что маленький гроб был слишком тяжелым?...

— Правда, сэр? Не заметил.

— По крайней мере, его похоронили по обычаям гномов, как положено.

— О да. Я позаботился об этом, — сказал Моркоу.

Дождь с журчанием бежал по крыше дворца. Горгульи заняли свои места на каждом углу и ушами отцеживали всяких мошек и мух.

Капрал Моркоу стряхнул капли с кожаного чехла, прикрывающего шлем, и отдал честь стоящему на страже троллю. Пройдя мимо писарей в приемной, он почтительно постучал в дверь Продолговатого кабинета.

— Войдите.

Моркоу вошел, строевым шагом проследовал к столу, отдал честь и встал по стойке «вольно».

Лорд Витинари слегка напрягся.

— Ах да, — сказал он. — Капрал Моркоу. Я ожидал... твоего визита... Наверное, ты пришел попросить о... о чем-то?

Моркоу развернул грязный лист бумаги и откашлялся.

— Итак, сэр... нам необходима новая мишень для дротиков. Ну, понимаете, чтобы коротать время, когда мы не на дежурстве.

Патриций заморгал. Моргал он нечасто.

— Прошу прощения?

— Новая доска для дротиков, сэр. Помогает людям расслабиться после дежурства, сэр.

Витинари немного пришел в себя.

— *Еще одну?* Но вы же получили новую мишень только в прошлом году!

— Это все библиотекарь, сэр. Шнобби разрешил ему поиграть, а он немного перестарался и забил в нее дротики кулаком. Доска восстановлению не подлежит. А до того Детрит пробил ее дротиком насквозь. Как и стену, на которой она висела.

— Хорошо. Что еще?

— Исполняющего обязанности констебля Детрита следует освободить от выплаты штрафа за пять дырок в казенном нагруднике.

— Освобождаю. Передай, чтобы он больше так не делал.

— Так точно, сэр. Кажется, все. Ах да, еще нам нужен новый чайник... Патриций прикрыл губы ладонью и постарался не улыбнуться.

— Ну и ну. Новый чайник... А что случилось со старым?

— Мы все еще пользуемся им, сэр, правда-правда. Но нам понадобится второй. В связи с введением новой системы.

— Что-что? Какой-такой системы?

Моркоу развернул другой лист бумаги, несколько большего размера.

— Численность Стражи должна быть доведена до пятидесяти шести стражников. Караульные помещения у Речных, Противовращательных и Пупсторонних ворот должны быть открыты и работать круглосуточно...

На лице патриция по-прежнему играла улыбка, но само лицо словно отстранилось, оставив эту самую улыбку в несколько затруднительном положении.

— ...Открыть отдел, мы еще не придумали ему название, который будет искать улики и заниматься всякими другими важными вещами, типа трупов, например, — определять, сколько времени они были трупами; для начала нам понадобится алхимик и, возможно, вурдалак — при условии, что они пообещают ничего не уносить домой и не есть на работе, потом нужен еще специальный отряд, использующий собак, он может оказаться очень полезным, и во главе его я рекомендую поставить младшего констебля Ангву, потому что она, гм, способна служить в обеих частях этого отряда, есть еще просьба капрала Шноббса разрешить стражникам вооружаться любым оружием, которое они смогут унести, хотя я был бы весьма признателен, если бы вы отвергли ее...

Лорд Витинари махнул рукой.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Я понял, к чему ты клонишь. А если я скажу нет?

Наступила продолжительная пауза, которая открывала дорогу самым разным вариантам будущего.

— Знаете, сэр, я даже *не рассматривал* возможность того, что вы скажете нет.

— Правда?

— Так точно, сэр.

— Я заинтригован. Почему же?

— Это делается на благо города, сэр. Вы знаете, как появилось слово «полисмен»? Оно означает «человек города», сэр. От старого слова «полис», то есть «город».

— Я знаю.

Патриций смотрел на Моркоу и, казалось, перебирал в голове варианты будущего. И наконец:

— Хорошо. Я согласен удовлетворить все ваши просьбы, кроме просьбы капрала Шноббса. А тебе, капрал, должно быть присвоено звание капитана.

— Да. Я согласен, сэр. Это пойдет на благо Анк-Морпорку. Но командовать Стражей я не буду, если вы это имеете в виду.

— Почему?

— Потому что я могу командовать Стражей. Люди... они должны делать то, что положено, потому что так им приказал офицер. Они не должны делать это потому, что так сказал капрал Моркоу. И потому, что капралу Моркоу... легко подчиняться. — Лицо Моркоу оставалось бесстрастным.

— Интересная точка зрения.

— Но раньше, очень давно, существовала такая должность... Командующий Стражей. Я предлагаю назначить на нее капитана Ваймса.

Патриций откинулся на спинку стула.

— О да. Командующий Стражей. После той истории с Лоренцо Добрым эта должность стала несколько непопулярной. Кстати, ее в то время занимал какой-то Ваймс. Я так и не удосужился спросить у капитана, уж не родственники ли они.

— Родственники, сэр. Я все проверил.

— А он согласится?

— А разве дважды два по-тролльи это не три и один?

Патриций скрестил пальцы и посмотрел поверх них на Моркоу. Эта его манера лишала покоя многих и многих чрезвычайно уверенных в себе посетителей.

— Видишь ли, капитан, беда в том, что очень важные люди этого города недовольны Сэмом Ваймсом. Насколько я понимаю, командующий Стражей должен будет вращаться в высоких кругах, посещать Гильдии...

Они посмотрели друг другу в лицо. Патриций был в более выгодном положении, потому что лицо Моркоу было больше. Оба упорно старались не улыбаться.

— Великолепный выбор, — согласился патриций.

— Я позволил себе, сэр, составить письмо кап... господину Ваймсу от вашего имени. Чтобы вы не утруждали себя, сэр. Быть может, вы соизволите взглянуть на него?

— Вижу, ты все продумал до мелочей.

— Надеюсь, сэр.

Лорд Витинари прочел письмо. Раз или два улыбнулся. Потом взял ручку, поставил свою подпись и вернул листок Моркоу.

— Это последнее твое требо... просьба?

Моркоу почесал за ухом.

— Есть еще одна. Мне нужен дом для одного маленького песика. Там должен быть большой сад, теплое место у камина и много смеющихся детей.

— О боги. Правда? Что ж, полагаю, это будет нетрудно устроить.

— Благодарю вас, сэр. У меня все.

Патриций встал и захромал к окну. Наступили сумерки. Город светился огнями.

— Скажи, капитан, — спросил он, не оборачиваясь, — что ты думаешь об этой всей возне?... Якобы вот-вот должен объявиться наследник престола и так далее?

— Ничего не думаю, сэр. Меч в камне — это полная чепуха. Король не может взяться вот так, ниоткуда. И порядок не устанавливают, размахивая вытасненным из камня мечом. Это всем известно.

— Но ходили какие-то разговоры о... доказательствах.

— По-моему, об этих доказательствах все слышали, но никто их не видел, сэр.

— Когда я говорил с капитаном... с командующим Ваймсом, он сообщил, что бумаги взял ты.

— А потом куда-то засунул. И забыл куда.

— Ну и ну. Надеюсь, ты по рассеянности сунул их в надежное и безопасное место?

— Уверяю, сэр, оно хорошо охраняется.

— По-моему, ты *многому* научился у капи... *командующего* Ваймса, капитан.

— Сэр, мой отец всегда говорил, что я быстро схватываю, сэр.

— Быть может, город действительно *нуждается* в короле. Ты об этом

не думал?

— Как рыба нуждается в... том, что не работает под водой, сэр.

— Тем не менее король может обратиться к чувствам своих подданных, капитан. Примерно так... как совсем недавно это сделал ты.

— Да, сэр. Но что он будет делать на следующий день? Нельзя относиться к людям как к куклам. Нет, сэр. Господин Ваймс всегда говорил, что человек должен знать предел своих возможностей. Если бы у нас вдруг и появился король, ему следовало бы... следовало бы заняться какой-нибудь обычной, повседневной работой...

— Целиком и полностью согласен.

— Но если в нем возникнет насущная необходимость, он ведь всегда рядом. — Моркоу повеселел. — Это немного похоже на работу стражника. Когда вы нуждаетесь в нас, то нуждаетесь по-настоящему. А если нет... нам остается ходить по улицам и кричать: «Все спокойно!» При условии, что все действительно спокойно.

— Капитан Моркоу, — сказал лорд Витинари, — в связи с тем, что мы так прекрасно друг друга понимаем, а я надеюсь, что мы действительно друг друга понимаем, я хочу кое-что тебе показать. Пройди-ка сюда.

Он вышел в тронный зал, который в это время был абсолютно пуст. Витинари заковылял по широкому помещению, вытянув вперед руку.

— Полагаю, капитан, тебе известно, что это такое?

— О, да. Это — золотой трон Анк-Морпорка.

— И никто не восседал на нем многие сотни лет. Ты никогда не задумывался почему?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Столько золота, тогда как с Бронзового моста бронзу — и ту ободрали... А теперь, пожалуйста, загляни за трон.

Моркоу поднялся по ступеням.

— О боги!

Патриций выглянул из-за его плеча.

— Всего лишь золотая фольга, наклеенная на дерево...

— Вот именно.

Впрочем, вряд ли это можно было назвать деревом. Гниль и черви сражались не на жизнь, а на смерть над каждым биологически разлагаемым фрагментом. Моркоу осторожно потрогал трон своим мечом, и половина задней ножки разлетелась облачком пыли.

— И что ты об этом думаешь, капитан?

Моркоу выпрямился.

— Считаю, сэр, что людям лучше не знать об этом.

— Я тоже всегда так считал. Что ж, не смею задерживать. Тебе предстоит большая работа по реорганизации Стражи.

Моркоу отдал честь.

— Благодарю вас, сэр.

— Полагаю, с констеблем Ангвой, э-э, у вас все хорошо?

— Мы прекрасно понимаем друг друга, сэр. Незначительные трудности наверняка возникнут, однако, с другой стороны, рядом всегда будет кто-то, готовый пойти с тобой погулять.

Моркоу уже взялся за ручку двери, но тут его окликнул патриций.

— Да, сэр? — Моркоу посмотрел на высокого тощего мужчину, стоявшего рядом со сгнившим золотым тронном.

— Тебя, насколько помню, интересуют разные слова, капитан. Предлагаю подумать над тем, что так и не понял твой предшественник.

— Сэр?

— Ты никогда не рассматривал происхождение слова «политик»? — спросил патриций.

— А кроме того, есть комитет санатория, — крикнула госпожа Овнец со своего конца обеденного стола. — Ты должен в него войти. А также Ассоциация землевладельцев. И Лига дружественных огнеметателей. Не вешай нос. Скоро у тебя и минутки свободной не будет.

— Да, дорогая, — согласился Ваймс.

Ему предстояли дни, заполненные работой в комитетах, которые никому не были нужны. И, как утверждала госпожа Овнец, была еще куча других добрых дел, от которых также не будет никакого толку. Что ж, возможно, это лучше, чем бродить по улицам. Госпожа Сибилла и господин Ваймс.

Он вздохнул.

Сибилла Ваймс, урожденная Овнец, смотрела на него с легким беспокойством. Сэм Ваймс, которого она знала, всегда был полон энергии и готовности арестовать самих богов, если те сделают шаг в сторону. А потом он сдал свой значок и... перестал быть Сэмом Ваймсом.

Часы в углу пробили восемь часов. Ваймс достал подарок стражников и открыл крышку.

— Те часы спешат на пять минут, — сообщил он, перекрикивая звон.

Он закрыл крышку и посмотрел на надпись «Часы От Старых Друзей На Часах».

Наверняка задумка Моркоу. Ваймс сразу узнал его стиль.

Тебе говорят до свидания, лишают привычной работы и дарят часы...

— Простите, госпожа...

— Да, Вилликинс?

— У дверей стоит стражник, госпожа. У входа в кухню.

— Ты послал стражника к входу в кухню? — спросила госпожа Сибилла.

— Нет, госпожа. Он сам туда пришел. Это капитан Моркоу.

Ваймс закрыл ладонью глаза.

— Его произвели в капитаны, а он все равно приходит с черного хода. Это точно Моркоу. Пригласи его сюда.

Дворецкий как можно незаметнее (однако от Ваймса это не ускользнуло) взглянул на госпожу Овнец, дожидаясь ее разрешения.

— Делай так, как велит хозяин, — кивнула она.

— Я совсем не хо... — начал было Ваймс.

— Перестань, Сэм, — перебила его госпожа Овнец.

— Все равно, не хозяин, — упрямо произнес Ваймс.

Моркоу вошел и встал по стойке «смирно». Помещение разом сжалось и стало каким-то маленьким.

— Все в порядке, парень, — успокоил Ваймс. — Отдавать честь совсем не обязательно.

— Обязательно, сэр, — возразил Моркоу и передал Ваймсу конверт с печатью патриция.

Ваймс взял нож и сорвал печать.

— Вероятно, решил оштрафовать меня на пять долларов за немотивированный износ казенной кольчуги, — усмехнулся он.

Шевеля губами, он прочел письмо.

— О боги... — наконец выдохнул он. — Пятьдесят шесть?

— Так точно, сэр. Детриту уже не терпится начать обучение.

— Включая умертвиев? Здесь написано: Стража открыта для всех, вне зависимости от вида и жизненного статуса...

— Так точно, сэр, — подтвердил Моркоу. — Все они — граждане нашего города.

— То есть в Страже теперь могут служить *вампиры*?

— Они прекрасно подходят для ночных дежурств, сэр. И воздушной разведки.

— А если еще объявить колья особо опасным оружием и запретить их ношение...

— Да, сэр?

Ваймс понял, что неудачная шутка прошла сквозь голову Моркоу, даже не задев мозг, и снова обратился к документу.

— Гм-м. Пенсии для вдов, как я вижу.
— Так точно, сэр.
— И старые караульные точки опять откроются?
— Он так сказал, сэр.
Ваймс стал читать дальше:

«Мы рассмотрели так же необходимость того, что такую разжиренную Стражу должен возглавлять человек опытный, польсующийся уважением всех частей общества, и убеждены, что таким человеком должен быть ты. Таким образом, ты обязан немедленно приступить к исполнению обязанностей командующего Стражей Анк-Морпорка. Эту должность традиционно занимал человек с рыцарским достоинством, которым мы тебя и наделяем именно в связи с данным случаем.

*Надеюсь, мы будем работать вместе. Искренне твой.
Хэвлок Витинари
(патриций)».*

Ваймс прочитал письмо еще раз.

И забарабанил пальцами по столу. Сомнений в подлинности подписи не было, но...

— Капра... капитан Моркоу?

— Сэр! — Моркоу смотрел прямо перед собой с видом человека, полного абсолютной решимости уклониться от ответа на любые вопросы.

— Я... — начал было Ваймс, потом взял письмо, положил его на стол, после чего взял снова, чтобы передать Сибилле.

— Неужели?! — воскликнула она. — Рыцарское звание? Как раз вовремя!

— О нет! Только не я! Ты же знаешь, что я думаю о так называемых аристократах этого города. Ты, Сибилла, — исключение, которое только подтверждает правила.

— Возможно, на сей раз аристократом стал действительно достойный человек, — заметила госпожа Овнец.

— Его светлость сказал, — встрял Моркоу, — что документ обсуждению не подлежит, сэр. Или все, или ничего, вы меня понимаете?

— Все?..

— Так точно, сэр.

— ...Или ничего?

— Так точно, сэр.

Ваймс снова забарабанил пальцами по столу.

— Это ведь все ты, да? — спросил он. — Ты его *победил*.

— Сэр? Я вас не понимаю, сэр. — Моркоу был сама невинность.

Еще один миг настороженного молчания.

— Но вот с этим, — сказал наконец Ваймс, — я еще поспорю.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Посмотри, что здесь сказано. Я имею в виду открытие старых караульных постов. Пост вот у этих ворот? Какой в нем смысл? Эти ворота, можно сказать, на Краю света!

— О, думаю, сэр, всякие мелкие детали, касающиеся организации Стражи, подлежат корректировке.

— Обеспечивать охрану всех главных ворот — да, но если ты собираешься держать руку на пульсе... Послушай, лучше будет устроить новый пост на улице Вязов, поближе к Теням и докам, еще один поставим прямо посреди Короткой улицы, а третий, чуть поменьше, — на Королевском проезде. Или где-нибудь рядом. Нужно еще раз оценить плотность населения. Сколько людей будет приходиться на одну караулку?

— Я думал, десять, сэр. С учетом смен.

— Нет, так не пойдет. Максимум — шесть. Скажем, капрал и к нему один стражник в смену. Итого — сутки через двое. В общем, над расписанием еще поработаем. Хочешь охватить весь город, да? В таком вот случае все улицы будут под нашим контролем. Это очень важно. И... жаль, нет карты... о, спасибо, дорогая. Итак. Смотри сюда. Номинальная численность — пятьдесят шесть человек, правильно? Но ты берешь на себя обязанности Дневной Стражи, кроме того, нужно учитывать выходные дни, два погребения бабушки на человека в год... И одни боги знают, как поведут себя твои умертвия — может, им понадобится время, чтобы периодически бывать на своих похоронах, а еще болезни и все такое прочее. Огонь есть? Спасибо. Кстати, смену постов стоит разнести по времени. С другой стороны, следует предоставить каждой караулке некоторую самостоятельность. Специальный отряд посадим в Псевдополис-Ярде — на случай возникновения непредвиденных обстоятельств... Дай мне карандаш. А теперь блокнот. Отлично...

Сигарный дым заполнил комнату. Маленькие подарочные часы отбивали четверти, но на них никто не обращал внимания.

Госпожа Сибилла улыбнулась, закрыла за собой дверь и пошла кормить драконов.

«Дорогие мам и пап!

У меня имеются Паразительные Новости, меня произвели в капитаны!! Ниделя была очень Занятой и Разнабразной, поэтому начну в порядке...»

Да, вот еще что...

В одном из лучших районов города стоит большой дом, окруженный огромным парком; на деревьях вокруг устроены домики для детей. Вероятно, в этом доме даже есть теплое местечко у камина.

Так вот, вдруг в этом самом доме разбилось окно...

Гаспод приземлился на лужайку и как бешеный помчался к ограде. От его шкуры во все стороны летели огромные, пахнувшие цветами мыльные пузыри. На шее у Гаспода была повязана ленточка с бантиком, а в зубах он тащил миску с надписью «ГОСПОДИН ПЕСИК».

Отчаянно работая лапами, он сделал подкоп под оградой и выскользнул на улицу.

Куча свежего конского навоза мгновенно решила проблему с цветочным запахом. Еще пять минут энергичного почесывания — и лента сорвана.

— Ни одной блохи не осталось, — простонал Гаспод, выпуская из пасти миску. — А у меня был почти полный комплект. Но ура! Наконец-то вырвался. Ха!

Гаспод повеселел. Был вторник. Это означало, что в Гильдии Воров подадут пирог с говядиной и требухой крайне подозрительного вида. Постукивающий по полу хвост и пронзительный взгляд безотказно действовали на тамошнего шеф-повара. А если взять в зубы миску и принять жалкий вид, успех тем более обеспечен. На то, чтобы сцарапать когтями надпись «ГОСПОДИН ПЕСИК», много времени не потребуется.

Возможно, так не должно было быть. Но все было так, как было.

«А ведь в целом, — бодро подумал Гаспод, — все могло быть гораздо хуже...»

Примечания

1

Но подумайте сами, благородный господин — и вдруг вор?!

Зачастую со скромными табличками внизу с именем человека, убившего того или иного наследника престола. Как-никак, это была портретная галерея Гильдии Наемных Убийц.

С точки зрения вида в целом, но не с точки зрения отдельного дракона, ошметки которого только что разлетелись по окрестностям.

Огонь у богов украл самый первый в мире вор Проныра-Мазда, правда, сбыть краденое он так и не смог. Добыча оказалась слишком горячей.

И он действительно погорел на этом деле.

Кстати, Кумская битва — единственный случай в истории, когда обе враждующие стороны напали друг на друга из засады.

[...] — В исходном тексте отсутствует (nickot).

На каждой групповой иконографии или гравюре обязательно присутствует подобный тип. Это своего рода традиция.

То есть наша ненаблюдательность напрямую связана с нашим выживанием в этой вселенной.

Будучи типичным представителем ранней формы свободомыслящего ученого, он не верил в то, что человека создало некое божественное существо. Вскрытие живых людей считалось уделом жрецов; те считали, что человечество было создано именно божественным существом, и хотели рассмотреть Его работу поближе.

Например, самоубийство. Убийство, по правде говоря, встречалось в Анк-Морпорке достаточно редко, зато было много самоубийств. Самоубийством, к примеру, можно назвать ночную прогулку по району под названием Тени. Типичное самоубийство — это сказать кому-нибудь в гномьей таверне, что, мол, анекдот «бородатый». Самоубийство — это упомянуть при тролле про собирание камней. В общем, самоубийства в Анк-Морпорке встречаются на каждом шагу.

Исследование портовых районов Анк-Морпорка, проведенное Гильдией Купцов, выявило, что на 987 женщин, сообщивших, что по профессии своей они являются белошвейками, приходится всего две иголки.

На самом деле тролли обычно считают следующим образом: один, два, три... *много* — из чего люди делают вывод, что тролли не способны воспринимать большие числа. Но люди не понимают, что «много» тоже может быть числом. Например: один, два, три, *много*, много один, много два, много три, *много-много*, много-много один, много-много два, много-много три, *много-много-много*, много-много-много один, много-много-много два, много-много-много три, *МНОЖЕСТВО*.

Обычно домовладелица спрашивает: «Вы в приличном виде?» или «Вы одеты?», но госпожа Торт слишком хорошо знала своих постояльцев.

Коричневые.

Хоть и коричневыми.

Все происходит следующим образом. Френология, как всем известно, это наука определения характера, способностей и склонностей человека по неровностям на его черепе. Таким образом, следуя логике, характерной для Анк-Морпорка, опытный специалист способен полностью изменить характер человека путем нанесения на череп последнего тщательно вымеренных шишек и шишечек. В Анк-Морпорке вы можете прийти к ретрофренологу и заказать, к примеру, артистический темперамент со склонностью к самосозерцанию и легким оттенком истерии. На самом же деле вам просто настучат по башке деревянными молотками различной формы и размеров. Однако процедура способствует денежному обращению, и это главное.

Крыса с плавленным сыром является лишь одним из достославных блюд Плоского мира, предлагаемых в многонациональном городе Анк-Морпорке. Если верить изданию Гильдии Купцов «Дабро пажаловаться в Анк-Морпоркъ, горад тысячи сюпризов», тут также можно отведать Чебурахов, Шавурны, Ляля-Кирдык, Шлыков, Фрухтоватых Клецок (Не путать с шотландскими фруктовыми клецками, которые являются своего рода жирным пудингом с фруктами. Анк-морпоркский вариант ложится на язык нежнейшей меренгой и падает в желудок железобетонным шаром для боулинга.) и уж никак нельзя пропустить Голяшечный Хотдог, начиненный отборными свинными голяшками. Недаром в том же издании говорится: «Если вы вдрук захотели почувствовать настоящий вкус Анк-Морпорка, отведайте Голяшечный Хотдог».

Вот тут капитан Ваймс ошибался. Он не слишком-то много путешествовал, а потому не слышал о том же ланкрском трюше-отшельнике, лемме неустойчивой, которая существует в двух измерениях и питается математиками, или квантовой погодной бабочке. Но, наверное, самым странным и несчастным существом на Диске является слон-отшельник. Это животное не обладает толстой шкурой своих сородичей по виду и потому вынуждено строить себе дом, в котором и живет всю жизнь, надстраивая и расширяя его по мере своего роста. Путешественник, странствующий по равнинам Очудноземья, должен быть готов к тому, что, проснувшись утром, окажется прямо посреди странного вида деревни, которой накануне вечером не было и в помине.

Аксиома «Честным людям полиции можно не бояться» в данный момент пересматривается Апелляционной Коллегией по Пересмотру Аксиом.

Вероятно, ни в одном другом мире множественной вселенной нет складов для хранения вещей, существующих только *in potentia*, но анк-морпоркский склад фьючерсной свинины является результатом введения патрицием правил, касающихся необоснованных метафор, и отсутствием воображения у горожан, которые предполагали, что все должно обязательно где-то существовать, а также общей истонченностью структуры реальности вокруг Анка (реальность тут настолько тонка, насколько может быть тонка очень-очень тонкая вещь). Конечным результатом торговли фьючерсной свининой, то есть свининой, которой пока еще не существовало, явилось строительство склада для ее хранения до тех пор, пока она не начнет существовать. Крайне низкие температуры были вызваны дисбалансом временного потока энергии. По крайней мере, так заявляли волшебники с факультета высокоэнергетической магии. А они все же носят настоящие остроконечные шляпы и ставят всякие загадочные буквы перед своими фамилиями, так что они знают о чем говорят.

Читатель наверняка уже понял, что Леонард Щеботанский, являясь, без преувеличения сказать, величайшим техническим гением всех времен и народов, был в чем-то сродни Детриту, когда речь заходила о названии для очередного изобретения.

Хотя в освещении не было никакой необходимости. Дуббинс, как представитель расы, предпочитающей работать под землей, и Детрит, как представитель расы, ведущей преимущественно ночной образ жизни, прекрасно видели в темноте. Но в таинственных пещерах или тоннелях обязательно должны присутствовать светящаяся плесень, странно яркие кристаллы или, в крайнем случае, сверхъестественное свечение в воздухе — на тот случай, если какому-нибудь случайно забредшему сюда искателю приключений из рода человеческого приспичит видеть в темноте. Странно, но факт.

Что могло означать... ну, среди возможных значений были: «Простите, вы висите на моем резиновом кольце, благодарю вас, большое вам спасибо», «Возможно, для вас это просто жизненно необходимая биомасса, насыщающая планету кислородом, но для меня это дом» и «Могу поклясться, всего мгновение назад на этом самом месте стоял тропический лес».

А пять других объявили машину священным оружием и дали свое благословение использовать этот карающий инструмент против всех безбожников, еретиков, гностиков и людей, которые ерзают во время проповеди.

Которая гласит: «Тому, кто приковал тролля и, воспользовавшись ситуацией, пнул его несколько раз, не стоит этого тролля расковырять».

Много позже эти события послужили причиной сложения очередной народной анк-морпоркской песни, которая, как правило, исполнялась гнусавым голосом под аккомпанемент оловянного свистка:

Шел я как-то по Нижнему Броду,
А там вербовщики хватают пиплов за ноги и говорят:
«Записывайся в Стражу, не то твою гухулугскую башку в плечи
вобьем!»
Поэтому я свернул на Персикопирожную и Папоротниковую.

Припев:

Тру-ру-ру...

и так далее.

Популярной эта песня так и не стала.

Небеса у троллей располагаются внизу, а не наверху.